

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

Собрание сочинений

под редакцией
Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова

ДУХ | ЛІТЕРА

Собрание сочинений

С. Абернети

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

Переводы

МНОГОЦЕННАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Преп. Ефрем Сирин, свят. Григорий Богослов,
Талладий Еленопольский, преп. Роман Сладкопевец,
преп. Исаак Сирин, преп. Иоанн Дамаскин,
преп. Феодор Студит

ДУХ І ЛІТЕРА

В настоящий том Собрания сочинений С. С. Аверинцева вошел сборник «Многоценная жемчужина», значительно дополненный по сравнению с предыдущими его изданиями в Москве в 1994 и в 1987 гг. (под названием «От берегов Босфора до берегов Евфрата»).

Сборник включает переводы лучших образцов христианской письменности сирийцев, коптов и ромеев (византийцев) первого тысячелетия нашей эры. Представленное собрание текстов в прозе и стихах отличается большим тематическим и жанровым разнообразием: творения таких прославленных Отцов Церкви, как преп. Ефрем Сирийский, свят. Григорий Богослов, преп. Иоанн Дамаский, преп. Симеон Новый Богослов, преп. Исаак Сирийский (Ниневийский), преп. Феодор Студит; высказывания отшельников, вошедшие в знаменитые сборники «Лавсаик», «Луг духовный» и «Изречения отцов пустыни»; образцы богослужебной поэзии; христианские апокрифы и гностические сочинения. Большинство предлагаемых переводов впервые увидело свет в составе настоящего сборника. Переводы сопровождаются подробными комментариями, посвященными историко-филологический и богословский характер.

Книга открывает новые горизонты в осмыслении становления христианской культуры и незаменима для всех, интересующихся христианством, религией, культурой.

На обложке помещен фрагмент мозаики
из церкви Сан-Витале в Равенне

А-194 **Сергей Аверинцев.** Собрание сочинений /
Под ред. И. И. Аверинцевой и К. Б. Сигова.
Переводы: Многоценная жемчужина.
Пер. с сирийского и греческого. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. — 456 с.

ISBN 966-7888-84-3 (Собрание сочинений)
ISBN 966-7888-87-8
УДК 930.85+242+245(3)(082)

© И. И. Аверинцева, 2004
© ДУХ І ЛІТЕРА, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	8
Предисловие к киевскому изданию	11

ЗОЛОТОЙ ВЕК СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Преп. Ефрем Сирийский (Афрем из Нисивина)	
Семь сынов Самоны	16
Песнь на взятие крепости Анацит	25
Восьмая песнь о Рае, или о состоянии душ, разлученных с телом	31
Одиннадцатая песнь о Рае, или о благоуханиях духовных	39
Прение Неба и Земли	49

В ПУСТЫНЕ ЕГИПЕТСКОЙ

МАЛАЯ АЗИЯ

Палладий Еленопольский	
Лавсаик	58
Изречения отцов пустыни	68
Святитель Григорий Богослов	
Славословие	97
Славословие Анофатическое	98
Размышление	99
На могилу отца	100
Эпитафия матери	100
Жалобы	101
Падение	101
Ступени обиды	102
Лестница целомудрия	102

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЭПИЛОГ

Иоанн Малала	
Слово второе	104
Слово пятое. О временах троянских	111
Преп. Роман Сладкопевец	
На Иуду Предателя	115
Гимн	121
О жизни монашеской	124
Из Акафиста ко Пресвятой Богородице	131
Иоанн IV Постник, Патриарх Константинопольский	
Наставления монаху	133
Георгий Писида	
Поношение судьбы	135
Преп. Феодор Студит	
Молитва перед сном	137
К монастырскому повару	137
Игнатий Диакон	
Действо о Адаме	138
Преп. Симеон Новый Богослов	145
Из византийской гимнографии	
Тропарь Св. Григорию Богослову	150
Стихира на Св. Архангела Михаила	150

ВОСТОЧНЫЙ ЭПИЛОГ

Иоанн Мосх	
Луг Духовный	154
Преп. Исаак Ниневийский	171
Преп. Иоанн Дамаскин	
На последование погребения	178
Ямбический канон на Рождество Христово	182

РАННИЕ АПОКРИФЫ

Повесть об Ахикаре Премудром	188
Повесть об Иосифе и Асенеф	216
Книга Еноха Праведного	243

Мара Бар Серапион	
Письмо к сыну	253
Деяния Павла и Феклы	265
Гностическая хороводная песнь	281
Гимны из «Деяний апостола Фомы»	
Песнь о Невесте	284
Песнь о Жемчужине	287
Повесть о Соломоне	295
Естествослов	304

КОММЕНТАРИИ	315
-------------------	-----

С. С. Аверинцев

От берегов Евфрата до берегов Босфора.

Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев

 в I тысячелетии от Р. Х.....397

Сведения об изданиях,

 с которых выполнены переводы.....447

С Л О В О К Ч И Т А Т Е Л Ю

Тайна человека — в его абсолютной единственности. Каждый человек есть уникальная, неповторимая личность. И как таковой, человек свободен от «земли», «родства» и «дома отца», словом, всего того, что сегодня принято называть историческим и культурным контекстом. Наше подлинное «я» не тождественно социальному и определяется не тем, что нас окружает, а тем, что мы любим, тем, что мы сделали достоинством своей личности. Любовь и служение — вот что делает нас самими собой, ибо подлинное «я» человека может обнаружить себя лишь пред Богом и в Боге, когда мы, подобно Аврааму, покидаем пространство «земли» и «родства» и вступаем в священное пространство общины. Любовь прилагается к любви. Сердце к сердцу. Свет к свету. Божественная любовь восхищает нас в «землю обетованную», туда, где наше подлинное «родство» и «дом Отца»: пред лице Божие. Мы приходим к Нему из различных эпох и земель. И каждый из нас приносит Ему в дар то, что любит: реализованные таланты, свои взаимоотношения, творения своих рук, свой род и своих друзей. Антология христианской письменности «Многоценная жемчужина», которую Вы, дорогой читатель, держите в руках, представляет собою опыт сугубого приношения. В-первых, это приношение авторов текстов, которые здесь собраны. Это избранные места из знаменитых духовных сборников — «Лавсаика», «Изречения египетских отцов» и «Луга духовного», поучения преп. Исаака Ниневийского (более известного как Исаак Сириянин), а также боговдохновенная церковная поэзия свв. Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и Романа Сладкопевца. Но во-вторых, эта книга является личным *приношением* составителя и переводчика — академика Сергея Сергеевича Аверинцева. Это уже третья книга, выдающегося современного мыслителя, которая выходит в Киеве в издательстве «Дух і Літера».

Первая — «София-Логос. Словарь», — представила С. С. Аверинцева как христианского ученого и мыслителя. Затем сборник «Стихи духовные» открыл перед нами недюжинное поэтическое дарование Сергея Сергеевича, возможно, сердцевину всех его талантов. Настоящая книга раскрывает уже новую грань этого универсального церковного ума: Аверинцев выступает здесь как переводчик. Здесь, однако, более уместно другое слово — «путеводитель». Подобно Аврааму, он исшел из ситуации «родного» времени и пространства и водворился в той Обетованной всем нам Земле, имя которой «христианская культура». Перед нами не просто мастер своего дела и талантливейший ученый. Феномен С. С. Аверинцева в том, что он конгениален предмету своего исследования, в том, что древнегреческий и другие так называемые «мертвые» языки, с которых он переводит, стали для него родными. Он не исследует святоотеческую мысль, а живет ею, вступая с Отцами во внутренний и глубоко личный диалог. Это труд не только и не столько могучего интеллекта, сколько верующего и смиренного сердца. Вот почему переводы Сергея Сергеевича особенно ценны для современного поколения христиан. Его перевод звучит по-новому и вместе с тем остается глубоко органичным, можно сказать, глубоко традиционным. Ведь он не только высоко научен, но и обладает редким даром проникновения в духовный смысл древних творений. Собственная поэтическая система Аверинцева (а мы знаем, что он сам прекрасный, оригинальный поэт!) смиренно умолкает перед оригиналом, чтобы дать возможность зазвучать голосу автора. И вот что удивительно: именно это самоуничижение перед оригинальным текстом и делает перевод Аверинцева уникальным. Это очень личный перевод. В нем нет чего-то додуманного, искусственно привнесенного в текст извне. Свидетельством этого может служить то, что голос каждого участника этой антологии звучит по-своему, со своей неподражаемой интонацией. Вместе с тем, при всем явном различии голосов, каждый текст, переведенный Аверинцевым, несет на себе печать личности его переводчика. Нам явственно его смирение, его граничащая иногда с «саморастворением» вдумчивость, удивительная поэтичность его души и, наконец, какое-то особое, свойственное ему качество, которое, вероятно, можно назвать «созвучностью». Удивительным образом слово аверинцевского перевода созвучно другим

словам. Созвучно слову, которое стоит в оригинале. Созвучно всем другим словам автора, текст которого переводится. И, наконец, созвучно тем словам, которые знал и любил наш автор.

Эта книга радует сердце. Мы радуемся за авторов этой замечательной антологии, тексты которых теперь становятся доступными нашим современникам. Радуемся за переводчика, который, подобно евангельскому купцу, предпочел всем драгоценностям мира драгоценную жемчужину Живой и Воплощенной Истины. И радуемся за читателя, получившего из рук известного киевского издательства эту «Многоценную жемчужину».

Да послужит же она всем нам в просвещение. Да пребудет со всеми нами Свет той живой Жемчужины, которая теперь, после того как Бог стал человеком, стала неотъемлемым даром каждого чистого и смиренного сердца. Гряди, гряди, Тихий и Кроткий Свет, восхищающий нас в Небесное Царство.

*Владимир,
Митрополит Киевский и всея Украины*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КИЕВСКОМУ ИЗДАНИЮ

Я сердечно благодарен за предоставленную моей книге возможность быть переизданной именно в этом городе, святом граде Киеве, некогда так красноречиво воспетом Тютчевым в стихотворном послании А. Н. Муравьеву, — «...Где Первозванного Андрея / Еще поднесь сияет крест...», — и, конечно, не им одним. А какую роль в истории моих собственных занятий христианскими темами три с половиной десятилетия назад сыграло посещение Киева и специально Св. Софии, мне уже не раз приходилось сознаваться. Кто имеет вкус к символам, знакам и знамениям, к «семиотическому» аспекту реальности, не может не оценить такого многозначительного «обстоятельства места», как Киев, в контексте «выходных данных» книги.

Смею надеяться, что книге это подходит: то, что в ней содержится, порой до того близко нашему восточнославянскому миру, что кажется, будто непостижимое чудо открывает тайный доступ из родных подземелий Киево-Печерской Лавры — прямо в святые пещеры Египта, Сирии, Малой Азии. Ведь и словесные, стилистические возможности, которыми пользовалось иноческое предание с самых времен преп. Ефрема Сирина и Отцов пустыни Египетской и которые я пытался передать в моем переводе, это поразительное сочетание обиходнейшей простоты, обнаруживающей себя, например, в уменьшительных формах, и запредельной тайны, так плотно, так вещественно сгущающейся в неожиданных вокабулах, — разве всё это не напоминает потаенные укромы и благодатную тесноту пещер, освященных жизнью поколений иноков, а затем их святыми мощами, лежащими совсем рядом, рукой подать? Есть же у греков пословица: «Чем меньше храм, тем больше в нем благодати». В этом внутреннем пространстве подземельных ходов и созданных той же традицией навыков речи словно бы действуют иные физические

законы, чем во внешнем мире; так близко чудо, и временная даль, отделяющая нас от веков начала православной аскетики, тоже вроде бы становится близкой. Важно не оставаться вовне, а спуститься по крутым лестничкам вовнутрь — под своды пещеры, пещеры слова, пещеры своего сердца. Кто же не знает, что древняя духовная наука велит сводить ум в сердце?

Смею надеяться, что та аллюзия на слова Христа, которая лежит в основе заглавия книги, будет вполне понятна читателю. Под конец статьи, завершающей книгу, читатель встретит размышления над притчей из Евангелия от Матфея, 13, 45–46. Напомним, что речь там идет о купце, который повсюду ищет жемчужин высокого качества — и находит единственную и ни с чем не сравнимую «многоценную жемчужину»; чтобы стяжать ее, он продает всё свое достояние и на все вырученные деньги приобретает ее одну. Это образ, помогающий понять жар аскетической сосредоточенности, готовой всё без остатка отдать ради Царствия Небесного. Поэтому мне с самого начала показалось уместным взять для антологии текстов, важнейшей темой коих является именно аскетизм, такое заглавие; впрочем, в 1987 г., когда выходило первое издание, его еще пришлось заменить («От берегов Евфрата до берегов Босфора»), — перемена отечественных обстоятельств тогда не зашла настолько далеко, чтобы допущено было столь неприкрыто христианское заглавие! Позднее, однако, открылась возможность восстановить его — при очередном переиздании.

Книга переиздавалась уже несколько раз. Специально для киевского издания несколько расширено число включенных текстов. При этом я позволил себе исходить в большей мере из мысли о единстве православной традиции, нежели из «востоковедческого» замысла, определившего первоначальный состав; поэтому был введен небольшой малоазийский раздел, существенно расширенным оказался раздел константинопольский, так что пропорция несколько изменилась в сторону греческих текстов. Это было мотивировано прежде всего легким изменением замысла, но также и одним прагматическим обстоятельством; как ни трудно было печатать переводы религиозных текстов в советское время, иногда это получалось: в таком случае мои переводы из греческих Отцов Церкви и византийских авторов, хотя бы и в не-

большом числе, находили себе место, скажем, в обоих томиках «Памятников византийской литературы» (1968 и 1969 гг.). То, что вошло туда, в свое время было замечено читателем, — и мне не хотелось ничего перепечатывать в составе новой книги. С тех пор, однако, упомянутые томики стали большой редкостью; поэтому я счел, что не грех включить в книгу кое-что из опубликованного там, взглянув на давние переводы свежим взглядом и кое-что в них исправив.

Как там ни смотреть на вещи, а было бы слишком жаль оставить читателя без такой классики православной культуры, как лирика Григория Богослова, одного из триады Великих Святителей, как гимны преп. Романа Сладкопевца, как стихи о монашеской жизни преп. Феодора Студита и мистические признания преп. Симеона Нового Богослова, — имена-то какие! В подзаголовке книги речь идет о I тысячелетии; расширяя состав, я сохранил ориентацию на временные границы этого периода, но ради того, чтобы включить в книгу образцы творчества Симеона Нового Богослова (949–1022), позволил себе немного отойти от чересчур педантичного понимания этих границ и обратиться к переходной поре между двумя тысячелетиями.

Сергей Аверинцев

ЗОЛОТОЙ ВЕК

СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ПРЕП. ЕФРЕМ СИРИН
(АФРЕМ ИЗ НИСИВИНА)**

СЕМЬ СЫНОВ САМОНЫ

1

Родительницу достославных семи
уподоблю чреде о семи днях*,
и светильнику о семи ветвях*,
и дому Премудрости о семи столпах*,
и полноте Духа о семи дарах*.

Благословен Венчающий верных Своих!

2

Украсилась мать, как птица небес,
ибо перья ее — любимые ее*;
но прияла сиротство и наготу,
исторгла и отбросила перья свои,
да в воскресении возможет их обрести.

Благословен Венчающий верных Своих!

3

В воскресении мать воспарит*,
и возлетят за нею любимые ее:
кого во утробе носила она,
кого во огне отдала она,
да в царствие небесное возможет ввести.

Благословен Венчающий верных Своих!

4

Муки, понесенные в смерти их,
лютее были родовых мук;
в сих, как в оных, твердость явила она —
ибо крепки узы Господней любви*,
крепче мук родов и смертных мук.

Благословен Венчающий верных Своих!

5

Не потерпела мать, чтоб юнейший из всех
остался как посох ее седин,
но преломила посох ее седин;
победившая в сыне своем шестом
не была и в седьмом побеждена.

Благословен Венчающий верных Своих!

6

Оторвала сынов от объятий своих
и сама отдала их во огонь;
умножала огонь и воздувала дух*,
да претворится плотское их естество
в естество ангелов — во огонь и дух.

Благословен Венчающий верных Своих!

7

Будет девственниц наших судить
мать, лишившая себя сынов*:
неразумные девы в безумьи своем
оставляют заботу о светах своих,
но приемлют сынов суеты.

Благословен Венчающий верных Своих!

8

Потому в смущении Судного дня
всусе труждавшиеся об одежде своей
неразумные будут нагими стоять:
не станет еля в сосудах у них*,
и светочами их овладеет мрак.

Благословен Венчающий верных Своих!

9

В жертву предала себя Иевфаева дочь*,
возлюбила юница острие меча,
в крови ее жертву сотворил отец;
простецам же дозволено в крови своей
святое приношение сотворить.

Благословен Венчающий верных Своих!

10

О бане брачной она небрегла,
но омылась излитием крови своей*
и чистым сотворила тело свое;
через отирание омывающих струй
истребляется сокрытая нечистота.

Благословен Венчающий верных Своих!

11

Анна пророчица* во храме святом
без уныния шестьдесят годов провела,
Богу себя по смерти мужней предав;
став вдовою, душу свою
обручила нетленному Жениху.

Благословен Венчающий верных Своих!

12

Господа возлюбила наместо мужа своего,
к дому Божию прилепилась наместо дома своего,
Господу послужила в доме Господа своего;
отрешась от уз, Господу предала себя,
и Он свободной соделал ее.

Благословен Венчающий верных Своих!

13

Свободною волей как Владыку своего
приняла Бога, не понуждавшего ее*;
всякую свободу вверил нам Бог,
да нашу свободу предадим ему
и соделаемся наследниками Царства Его.

Благословен Венчающий верных Своих!

14

Доколе свободная воля людей
лишь себе внемлет, пребудет рабой;
когда же Богу предаст себя,
поистине станет свободной вполне,
господство бо Господа благо есть.

Благословен Венчающий верных Своих!

15

Возлюбила Анна Бога своего,
и послужила Ему в доме Его,
и созерцала неотступно красоту Его,
во все годы не отвращая от Него очей,
не насыщаясь видением лика Его.

Благословен Венчающий верных Своих!

16

Христовы же девственницы, увы,
блуждают вне дома своего
и в обители своей развлечены умом;
телом в затворе, но душою не там,
леностно изживают свое житие.

Благословен Венчающий верных Своих!

17

О дивный Божий атлет*,
досточтимый Самонин сын!
испытуя крепкого, тиран
меж пыток и приманок поставил его
между блаженств и горчайших зол.

Благословен Венчающий верных Своих!

18

Вновь и вновь сулит ему блага тиран;
но как благое возможет дать,
кто всецело блага лишен?
В самом своем благе был он злым,
и горе приносили блаженства его.

Благословен Венчающий верных Своих!

19

Усмотрев, что страдальцы ограждены
противу причиняемого им зла,
Лукавый намерение свое изменил:
ограждая, чтоб вредить, он блага сулил,
да через блага свои причинит зло.

Благословен Венчающий верных Своих!

20

Коль скоро человекоубийца — Отец Лжи*
и тогда, когда добрым представляет себя,
должно уразуметь нам, что Бог
и тогда Всеблагий, когда подает зло,
да скорбями ко блаженству нас приведет.

Благословен Венчающий верных Своих!

21

Лукавый личиною прикрыл себя,
да возможет добрым представить себя
и страдальцев верховного блага лишить:
они же избрали терпеть зло,
да высшего блага не лишат себя.

Благословен Венчающий верных Своих!

22

Юнейший разсудил* в уме своем,
что есть благо и что есть зло,
и благо, что тиран предлагал,
согласно с истиной счел за зло
и за благо — его зло.

Благословен Венчающий верных Своих!

* Здесь и далее в стихотворных текстах при написании аналогичных приставок (без-, воз-) сохранены особенности орфографии переводчика.

23

Посему, бодрствен и мудр,
избрал он соделывающее триумф;
юный отрок явил себя
старцем многоопытным по уму,
и ум его был как плавильная печь*.

Благословен Венчающий верных Своих!

24

Предлежащее на выбор ему
в сердце своем он положил, как во огонь:
искусил благо, что сулили ему,
и проклятие в нем прозрел,
через муку же обрел торжество.

Благословен Венчающий верных Своих!

25

Отверг он благо, что сулили ему,
усмотрев проклятие из него,
и тиран был поруган от него,
когда Лукавый умножал муку его,
Благий же украшал венец его.

Благословен Венчающий верных Своих!

26

Не убоился он безчестий, чинимых ему
от тирана, сулившего ему честь;
нам от насильства — и страх, и срам,
но юноша возмог равно презреть
насильство от тирана и честь от него.

Благословен Венчающий верных Своих!

27

Тиран насильством его понуждал,
да неискушенный вкусит утех.
Помыслите ж: юность даже уздой
от вкушения утех не удержать, —
а юноша нудимый воздержал себя!

Благословен Венчающий верных Своих!

28

Что же, коль малоумные мы
от Господа нашего запрещенное нам
приемлем, насилуя святой завет!
Что юноша, победив насильство, отверг —
прилагая насильство, ищем мы!

Благословен Венчающий верных Своих!

29

Некогда юноша Иосиф обрел
опасный ков*, великое зло,
впал в уготованную юным сеть;
в наготу искали его погубить,
он же в наготу разрушил сеть.

Благословен Венчающий верных Своих!

30

Два волка, старостию отягчены*,
распаялись на агницу в саду;
напротив, львенок, телицу узрев
в опочивальне, бежал от нее,
стеснил естество, воздержал глад.

Благословен Венчающий верных Своих!

31

В опочивальне Иосиф исповедником* был
и свидетельство о Боге втайне принес;
исповедник свидетельство приносит свое
тем, что терпит муку огня,
Иосиф же — тем, что не разжегся в огне.

Благословен Венчающий верных Своих!

32

Во дни гонений девы нежных лет
вступали в битву и стяжали венец;
было время силы, и дух был тверд.
В оных правда утвердила себя,
в нас же победу правит ложь.

Благословен Венчающий верных Своих!

33

Впавши в руки врагов чистоты,
чистоту свою они соблюли*,
сугубой улучив награду свою —
венец страданий и девства венец:
и каждый вдвойне крепок другим.

Благословен Венчающий верных Своих!

ПЕСНЬ НА ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ АНАЦИТ

1

Умерщвлены сыновья мои
и дочери мои вне оград моих,
пали стены твердынь*, бежали чада их,
попраны святыни их.

Хвала наказанию Твоему!

2

Ловцы уловили в силок
горлиц моих из твердынь моих,
уловили кинувших гнезда свои,
к пещерам направивших побег свой.

Хвала наказанию Твоему!

3

Как тает воск от лица огня,
так истаяли, увяли тела
сыновей моих от жара лучей
и от жажды в ограде твердынь.

Хвала наказанию Твоему!

4

Вместо источников, что текли
млеко для сыновей моих,
иссякло для младенцев млеко в сосцах,
иссякла вода для мужей и жен.

Хвала наказанию Твосму!

5

Оставлял младенец лоно матери своей,
ибо не было млека для него,
ни воды для матери его,
и оба выдыхали душу свою.

Хвала наказанию Твоему!

6

Как возможно, что милость Твоя
стеснила родники свои*?
Ибо обильно прежде лились
струи потоков ее.

Хвала наказанию Твоему!

7

Как закрыла благодать Твоя
жалость свою, отняв родники
у людей, из коих каждый вопил,
моля омочить язык его*?

Хвала наказанию Твоему!

8

Бездна отверзла зев свой*
между ними и братьями их,
как было с богачом, что возвышал глас,
моля омочить язык его.

Хвала наказанию Твоему!

9

Словно бы в средоточие огня
ввергнуты были немощные они,
и жар в жаждущих веял огнем,
попаляя утробу их.

Хвала наказанию Твоему!

10

Истаевали тела их,
от жара изнемогали они,
и жаждущие напояли прах
гноем от тела своего.

Хвала наказанию Твоему!

11

И твердыня, насельников своих
жаждою умертвившая, пила
влагу, точимую трупами их,
когда от жажды истаевали они.

Хвала наказанию Твоему!

12

Кто и когда видел народ,
жаждой палимый, хоть окруженный водой,
но не могущий в муке своей
омочить влагой языки свои?

Хвала наказанию Твоему!

13

Возлюбленные мои и дети мои
купно с Содомом осуждены
и купно с Содомом терпят казнь,
но не в одночасье, как терпел Содом!

Хвала наказанию Твоему!

14

Господи, мука от огня
длится лишь единый час,
но жажда долго человека томит
и к смерти приводит трудной стезей.

Хвала наказанию Твоему!

15

После скорбей моих, Господи мой,
и после горчайшей муки моей
в утешение ли мне, что ныне Ты
новою жаждой томишь меня?

Хвала наказанию Твоему!

16

Целение, которого я ждал,
и перевязывание язв моих
сызнова причиняют мне
горькие раны и сущую боль.

Хвала наказанию Твоему!

17

Когда чаяла я в пристань бежать
от бурного волнения вод,
в пристани волнение настигло меня,
горше, чем волнение среди пучин.

Хвала наказанию Твоему!

18

Когда в безумии моем мыслила я,
что изошла из смертного рва,
сызнова грехи мои
в яму низринули меня.

Хвала наказанию Твоему!

19

Призри, Господи, на тело мое:
Мечи многие вонзены в меня,
изъязвляют мне руки мои,
и ранят копья ребра мои!

Хвала наказанию Твоему!

20

Слезы — в очах, в ушах — злая весть,
воплъ — в устах, и в сердце — скорбь;
Господи, хоть бы новой беды
Ты не наводил на меня!

Хвала наказанию Твоему!

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ О РАЕ,
ИЛИ О СОСТОЯНИИ ДУШ,
РАЗЛУЧЕННЫХ С ТЕЛОМ

1

Се, подъемлется к ушам моим
глагол, изумляющий меня;

пусть в Писании его прочтут,
в слове о Разбойнике на кресте*,

что весьма часто утешало меня
среди множества падений моих:

ибо Тот, Кто Разбойнику милость явил,
уповаю, возведет и меня

к Вертограду, чье имя одно
исполняет веселием меня —

дух мой, расторгая узы свои,
устремляется к видению его.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти*!

2

Вижу уготованный Чертог и
Скинию осиянную зрю*,

внемлю, как взывает оный глас:
«Блажен Разбойник, блажен,

прияв прощения благодать,
получив Рая ключи!»

Уж верую, что Разбойник в месте том,
но тотчас смущает меня мысль,

что едва ли возможет душа
восчувствовать вхождение свое в Рай

в разлуке с спутником своим,
орудием своим и кифарой своей*.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

3

В месте радования сем
пристывает ко мне печаль,

ибо нет пользы уму
испытывать таинства мерой своей;

и все же вопрос является мне
при мысли о Разбойнике том:

если по себе способна душа
силою своей внимать и зреть

без помощи тела своего,—
зачем она в нем заключена?

Если может она жить без него,
как через него познает она смерть?

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

4

Что без помощи тела душа
соделывается неспособна зреть,

показует тело само,
когда поражено оно слепотой;

через него слепнет и душа,
осязанием ищет во тьме путь.

Вот как и тело, и душа
обличают друг друга и зовут:

как тело, чтобы живу быть ему,
нуждается в действовании души.

так и душа, чтобы зреть и внимать,
имеет нужду в теле своем.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

5

И если соделалось тело глухим,
с ним и душа теряет слух;

даже безумием недужит она,
если жар ввергает тело в бред;

и хотя возможно душе
пребывать по себе и одной,

все же без спутника ее
бытие неполно ее.

Ныне же подобна она
зародышу во чреве родном,

являющему некую жизнь,
но бессильному мыслить и говорить

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

6

Если же душу и в теле ее
мы по правде с зародышем сравним,

и ни она, ни спутник ее
для познания не много имеет сил,

насколько же еще слабее она,
когда отлучается от него!

Ибо невозможно ей обрести
через отделенную самость свою

тех орудий пяти чувств,
которые прежде служили ей;

через чувства спутника своего
и сама явлена бывала она.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

7

Но ведь благодатный оный сад
ни с каким ущербом не совместим,

ибо он есть место полноты,
совершенной целости во всем;

так возможет ли в него войти
с спутником разлученная душа,

если велика нужда ее
в орудиях, потребных ей,

чтобы чувствовать и познавать?
Воистину, в воскресения день

тело и все чувства его,
составя полноту, войдут в Эдем.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

8

Древле Создателя рука,
вылеплявшая тело из земли,

устрояла его затем,
чтобы воспело оно Творца своего;

но пребывала кифара немой,
и безмолвствовали гласы ее,

покуда, творенью полагая конец,
не вдунул Создатель в уста ее

душу*, способную воспеть песнь,
и струны звука не обрели:

так телом овладела душа
и премудрость чрез тело нашла язык.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

9

Когда же целокупный Адам
был в составе своем завершен,

Господь его взял его
и в Раю поставил его;

туда не вошла одна душа*,
сама по себе и для себя,

но тело в единении с душой,
и в совершенстве полноты своей

вступили они в место полноты,
как вместе и вышли, скверну прияв;

из чего да усмотрим, что вместе они
и в воскресения день обретут возврат.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

10

Древле Адам нерадивый был
и ненадежный Вертограда страж, —

и сколь коварен был тать*,
что пришел сотворить татьбу свою!

Он плоды понудил ниспасть
в месте, где пролегали пути,

и похитил из Эдема того,
кто над Эдемом поставлен был.

Но Господь похищенного взыскал его,
сошел во Ад, и обрел его,

и падшего воздвигнул мышцей Своей*,
дабы возстановить его в Раю.

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

11

Сущие в затворе своем,
во блаженных укромках своих*,

души верных и праведных ждут
в сокрытом месте своем,

чтобы исполнилось время встречи их
с возлюбленными телами их.

Когда же явятся отворены
Вертограда райского врата,

и тела, и души возопиют.
купно осанну возгласив:

«Благословен, Кто Адама от Ада возвел
и ввел в Эдем с сынами его!»

Сотвори достойным меня,
да возможем в Царствие Твое войти!

ОДИННАДЦАТАЯ ПЕСНЬ О РАЕ,
ИЛИ О БЛАГОУХАНИЯХ ДУХОВНЫХ

1

Воздух, повевающий в Раю,
есть великих услад родник,

от которого сосал Адам
во дни юности своя;

сей воздух, как матери сосцы,
вскармливал младенчество его,

и был он прекрасен и млад
и лучами веселия осиян;

презрев же заповедь, соделался дряхл
и скорбен от старости своей,

под бедственным бременем согбен
преклонного возраста своего.

Благословен Властный Адама
воззвать и возвратить его в Рай!

2

Ни ознобом веющий хлад,
ни люто пополяющий жар

не ведомы месту сему,
столь благословенно оно!

И оно есть собрание отрад,
и мирное пристанище утех,

и сладостный света укром,
и всяческой радости приют;

о, созвучия арф,
о, согласные звоны кифар* ,

о, хоры, что осашу гласят,
о, Церковь, что воспеваает хвалу*!

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

3

Ограда, замыкающая Рай,
есть тишина, что миротворит все;

и твердыня его, и вал его
суть согласие, что все единит;

и на страже его стоит Херувим,
приветно взирающий на тех, кто внутри,

но грозящий тем, кто суть вовне,
на отверженных насельников тьмы;

и все в ограде Рая того
непорочно и свято весьма,

и должно тебе все, что слышишь ты,
тонкостно и духовно разуметь.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

4

Пусть не торопится слушатель судить
по этим изъяснениям моим,

ибо всецело толикий предмет
бежит разумения его;

и когда, по несовершенству слов,
представляется плотским Эдем,

по самому существу своему
он остается духовен и чист*;

так, пусть нарицается оный ветр*
тем же именем, что и сей*,—

но дух освящения*, что веет в Раю,
с зачумленным сим ветром отнюдь не схож.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

5

Ибо неволю принужден
говорящий прибегнуть к словам,

кои по обычаю суть
зримых и земных вещей имена,—

усиливаясь слушателям своим
явить незримых образ вещей;

коль скоро и Создатель Сам,
Кем духовный Сад насажден,

сокрывал величество Свое
словами наречия земли,

кольми паче о Саде том
позволено в притчах вести речь.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

6

Кто же в неразумии своем
схватит одни имена вещей,

кои от него же принял Бог,
дабы через них пособить ему,—

безумец соделает из сих притч
кощунства и богохульства предлог;

Божией благости, снисходившей к нему,
о, сколь неблагодарным явит он себя,—

ей, что всецело превышала его,
но сокрывала запредельность свою

образами, соприродными ему,
да по образу своему исправит его.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

7

Пусть же речения сии
нимало не смутят ума твоего:

тебя ради облекается Рай
в слова наречия земли твоей, —

отнюдь не затем, чтобы был убог
и нуждался в заемном покрове притч,

но затем, что немощно твое естество,
и непосильно для тебя вместить

божественное величие его,
и сияние его умалило себя,

в тусклых красках отображено,
что привычны естеству твоему.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

8

Поелику слабые очи твои
не возмогут прямо взирать

на полную славу лучей
небесных великолений его, —

он облачил деревья свои
именами наших дерев,

смоковницам даровал своим
прозвание смоковниц мира сего,

и духовные листы его
предстали как осязаемая плоть;

так преобразил он облик свой,
да будут едино риза и суть.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

9

Превышая числом рои звезд
на зримом небосклоне сем,

обильные цветы оной страны,
светло торжествуя, являют себя,—

и малая толика дыхания их,
в коем дышит благодать Творца,

сильна недуги уврачевать
больной проклятием земли сей;

являясь, словно бы лекарь язв,
целбное дыхание то

отнимает от нас болезнь,
что древним Змием причинена.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

10

Веяние, что лиется родником
от благословенных удолий тех,

чудно подслащивает горечь ту,
что нашим присуща краям,

и приходит оно, дабы облегчить
проклятие, бременящее землю сию;

вот как сладкий оный Вертоград
благоуханием живит своим

занедужившую землю сию,—
и когда уже погибает она,

всяние то приносит весть,
что для смертных безсмертия источник даи.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

11

Какая была бы нужда земле,
чтобы оттоле изливалась па нее

и струила по ней влагу свою,
на многие расходясь рукава, река*,—

если не затем, чтобы воды те
благословением насыщали ее,

напоая собою мир,
и с ними приходила благодать

очистить источники вод земных,
проклятием отравленные искони,

как в руках Елисея очищала соль
воды больные от недуга их*?

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

12

Сим-то образом в сердце истока вод
благоуханий исток является там*:

если ароматов райский дух,
напоющих воздух земли,

великую пользу несет душе,
от тяжкого пробуждая ее сна,

и тлетворного дыхания нашего смрад
бывает чудесно исцелен,
дуновение Эдема прияв,
то источников наших естество

приемлет крещальную благодать
от благодатного райского родника.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

13

Се, кадельница великая и здесь,
выдыхая веяния свои,

уже напоевает воздух земной
благовонным дымом своим,

и семо, и овамо* лиет
освящающие токи свои;

но кольми паче мы вкусим сие,
когда вступим в славный Эдем!

Нас упокоит его затвор,
и мало-помалу умиротворит

древнее проклятие земли
действием струимых ароматов своих.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

14

Когда были в покое одном
блаженные апостолы соединены*,

се, сотряслась горница та,
и Рая благовоение пролилось;

признал их Эдем за гостей своих,
и разлил благоухания свои,

и усладным явил себя
для вестников, выходявших в путь,

дабы проповедовать и созывать
сотрапезников на пиршество Отца*;

ликуя, Человеколюбец, поспешил Он Сам
навстречу тем, кто имели войти.

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

15

По милости Твоей содейлай меня
достойным лицезреть благодать Твою,

сию сокровищницу щедрот,
сию мироварницу услад,

ибо ароматами Эдема ищущу
во благих желание мое утолить;

то сладкое дыхание животворит
на всякое время всякую тварь,

кто вдохнет его, соделывается бодр
и позабывает муки свои;

се трапеза Царствия Твоего:
благословен Устрояющий ее в Раю!

Благословен Властный Адама воззвать
и возвратить его в Рай!

ПРЕНИЕ НЕБА И ЗЕМЛИ

Мир, от ангелов человекам обетованный;
мир, пророками духовно предвозвещенный и апостолами
тайнственно проповеданный;
праведными в притчах обретаемый и святыми в иносказаниях
познаваемый;
священниками в подобиях созерцаемый и царями в послушании
улучаемый;
младенцами во утробе лицезримый,
старцами в гадании несомый,
судьями в трепете стрегомый, —
мир сей да будет с нами и между нами,
молитв ради блаженных мучеников, вовеки, аминь.

Сего ради, возлюбленный!
ухо приклоним и с охотою слушаем,
как честные два сосуда, сиречь Небо и Земля,
прение свое ведут,
и возблагодарим Господа за оба дара сии.

Небо говорит:
— У меня Царствие и ангелы!
И Земля говорит:
— У меня Церковь и праведные!

Небо говорит:
— У меня тысячи и мириады предстоящих Престолу Его!
И Земля говорит:
— У меня сонмы и роды предстоящих Кресту Его!

Небо говорит:

— У меня духи пламени огненного, текущие творить волю Его!

Земля говорит:

— У меня девственники и девственницы, неизменные в услужении

Ему!

Небо говорит:

— У меня Херувимы, идущие за славой Его на колеснице Его!

И Земля говорит:

— У меня иереи, творящие таинство Его на Алтаре Его!

Небо говорит:

— У меня Серафимы, летающие окрест предивно!

Земля говорит:

— У меня хоры, взывающие «свят!» непорочно!

Небо говорит:

— У меня светила и звезды!

Земля говорит:

— У меня праведные и кроткие!

Небо говорит:

— У меня Стражи грозные!

И Земля говорит:

— У меня пророки возлюбленные!

Небо говорит:

— У меня Престол, от коего истекает река огненная!

И Земля говорит:

— У меня Алтарь, от коего изливается поток спасающий!

Небо говорит:

— У меня громы, устрашающие жителей твоих!

И Земля говорит:

— У меня молитвы, понуждающие насельников твоих!

Небо говорит:

— У меня молнии, без ног на землю сходящие!

И Земля говорит:

— У меня милость, без крыл на небо возлегающая!

Небо говорит:

— От меня дождь, на землю ниспадающий!

И Земля говорит:

— От меня дела добрые, на небе пребывающие!

Небо говорит:

— У меня росы, всякий плод возвращающие!

И Земля говорит:

— У меня слезы, Владыку всех умилоствивляющие!

Небо говорит:

— У меня облака, без источников воду подающие!

И Земля говорит:

— У меня Дева, без мужа зачавшая!

Небо говорит:

— У меня жизнь бессмертная!

И Земля говорит:

— У меня мертвые нетленные!

Небо говорит:

— У меня Серафимы безгрешные!

И Земля говорит:

— У меня назорси безупречные!

Небо говорит:

— У меня безплотные, падения не ведающие.

И Земля говорит:

— У меня мученики, отпадения не знающие!

Небо говорит:

— У меня ангелы, сражавшие живых!

И Земля говорит:

— У меня праведники, воскрешавшие мертвых!

Небо говорит:

— У меня двери, ведущие в Чертог Брачный!

И Земля говорит:

— У меня держатели ключей Царствия!

Небо говорит:

— У меня те, кто с трепетом несет уголь огненный!

И Земля говорит:

— У меня те, кто с радостью приемлют его и вкушают!

Небо говорит:

— У меня огонь, подающий славу носящим его!

И Земля говорит:

— У меня Дары, подающие радость вкушающим от них!

Небо говорит:

— У меня река огненная, страшая взирающих на нее!

И Земля говорит:

— У меня чаша спасительная, животворящая пьющих от нее!

Небо говорит:

— У меня огонь, в косм недобрые обретают скончание!

И Земля говорит:

— У меня купель, в коей нечистые получают прощение!

Небо говорит:

— У меня обитель, коей похваляются живущие в ней!

И Земля говорит:

— У меня Крест, к косму прибегают насельники мои!

Небо говорит:

— У меня Престол, над коим жители мои ликование возглашают!

И Земля говорит:

— У меня Крест, коим чада мои освящение приемлют!

Небо говорит:

— Я почтило Господа моего,
ибо завесило светильники мои,
дабы не видеть мне поношения, на Голгофе Ему учиненного!

Земля говорит:

— Я почтила Господа моего,
ибо стенала, и вопила, и сотрясала горы мои,
и колебала холмы мои, и разделила скалы мои,
и отверзла гробницы мои,
и скликала мертвых моих к тайне страстной,
и побуждала живых моих к покаянию слезному,
и собирала погребенных моих для плача,
и облекалась в ризу черную, и сидела в скорби,
покуда не узрела Его —
и через время тридневное
совлек Он с меня ризу черную
и облек в ризу белую!

Небо сказало:

— Он сотворил мне радость Вознесением Своим!

И Земля сказала:

— Он соплел мне венец Воскресением Своим!

Небо сказало:

— Он возседает во мне на Престоле Своем!

И Земля сказала:

— Он пребывает у меня на Алтаре Своем!

Небо сказало:

— Он сотворил мне радость, без усилия создав меня!

И Земля сказала:

— Он от вретнца воздвиг меня и от пепла омыл меня;

Он сотворил Церковь Свою брачным чертогом моим

и в брачном чертоге Церкви Своей посадил меня;

Он исполнил благ трапезу Свою и дал мне вкушать от нее;

Он смесил спасение свое в Чаше Своей и дал мне пить

от нее;

и ныне взирают очи мои на обетование Его!

Небо сказало Земле:

— У меня те, кто не погрешает,

у тебя же те, что хульное творят на всякий день;

у меня те, кто никогда Бога не гневают,

у тебя же те, кто на всякое время мятеж чинят;

у меня Создатель один почитаем,

у тебя же почитаются идолы золотые, серебряные,
деревянные и каменные!

Земля сказала Небу:

— Если и есть у меня идолов чтущие,

у меня и мученики, кровию своею Бога примиряющие;

если и есть у меня блуда ищущие,

у меня и чистоту возлюбившие;

если и есть у меня дома свои хищением наполняющие,

у меня же и достояние свое милостыни ради раздающие;

если и есть у меня всецело злые,
у меня же всецело правые;
если и есть у меня чужого вожделеющие,
у меня же и от своего бегущие;
если есть у меня худые, есть и праведные;
если есть алчные, есть и щедрые;
если есть пожирающие с алчностью,
есть и томящие себя пощением;
если есть у меня винопийцы, от пианства обуянные,
есть и назорей, правды алчущие;
если есть яств ради ропщущие,
есть и вкушающие благообразно;
если и есть у меня законов презрители,
есть у меня и заповедей блюстители;
если есть у меня воскресению веры не имущие,
есть у меня и ожидающие его с упованием;
если есть у меня стяжания уловляющие,
есть и обетом своим уловляемые;
если есть у меня диавола тешащие,
есть и Богу угождающие;
если есть избравшие войти в Геенну,
есть и заслужившие войти в Царствие;
если есть те, коих ждет пламя неугасимое,
есть и те, коим готовится радость нескончаемая;
если есть имеющие наследовать тьму непреходящую,
есть имеющие стяжать венец нетленный;
если есть отрицающие Бога среди услаждений своих,
есть исповедующие Его среди скорбей своих;
если есть явившиеся мерзкими среди веселий своих,
есть Богу угодившие среди мук своих!

Небо сказало Земле:

— Сестры мы; не будем же прений вести,
ибо насельники напи братья меж собою суть!

Копчено слово о Небе и Земле.

В ПУСТЫНЕ ЕГИПЕТСКОЙ
МАЛАЯ АЗИЯ

ПАЛЛАДИЙ ЕЛЕНОПОЛЬСКИЙ

ЛАВСАИК

IV. О ДИДИМЕ

Много явилось между мужей и жен, которые совершали подвиг свой в Церкви Александрийской, таких, что воистину достойны были земли, кротким обетованной*. Был меж опых и книжник Дидим*, зрения лишенный. Встречался же с ним сам я четырежды, в разное время, на протяжении десяти годов.

Скончался он осмидесяти пяти лет; лишился же употребления очей своих, как сам мне сказывал, четырех лет от роду, так что ни грамоте не учился, ни в школу не хаживал. Однако же от природы получил он наставника отменного, сиречь собственное свое разумение; и таким был он по благодати украшен даром ведения, что на нем прямо исполнилось реченное в Писании: «Господь умудряет слепых» (Пс. 145:8). Ибо он толковал Ветхий и Новый Завет слово за словом; а что до догматов, то в них он столь изощрился и с толикою тонкостью и силою излагал их, что ведением своим превосходил всех древних.

Однажды велел он мне сотворить в келейке его молитву, я же отказался, и тогда рассказал он мне:

— В эту самую келейку приходил блаженный Антоний трижды навестить меня; когда же предложил я ему сотворить молитву, немедля преклонил он колена в келейке сей и не заставил меня повторять сказанное, но делом преподавал урок послушания. Итак, если желашь идти по стопам его, монашествуя и добродетелей ради от мира удаляясь, отложи любопрение.

И еще поведал он мне:

— Когда печалился я о делах злополучного царя Юлиана*, гнавшего Церковь, случилось мне сидеть день до глубокого вечера, не вкушая хлеба по причине печали сей; когда же задремал я, продолжая сидеть, было мне видение всадников, что скакали на белых копиях и возвещали:

— Скажите Дидиму, что в седьмом часу дня сего скончал Юлиан жизнь свою; пусть встанет он и ест, да пусть передаст весть сию епископу Афанасию, чтобы и тот знал!

— И заметил я, — примолвил Дидим, — и час, и месяц, и седмицу, и день; и всё сошлось в точности.

V. О АЛЕКСАНДРЕ

Рассказывал он мне и о некоей девице по имени Александра, которая оставила город, затворилась в гробнице, взяв с собою необходимое для жизни, и десять лет не встречалась лицом к лицу ни с женщинами, ни с мужчинами; на десятый же год она почилла, прибрав себя к погребению.

— А сказала нам о том женщина, по обыкновению своему подошедшая к гробнице той и не получившая ответа, после чего мы сняли с двери печать, вошли и увидели, что она упокоилась.

О ней же сказывала и триблаженная Меланион, о которой я еще буду говорить ниже:

— В лицо я ее не видела, а только, ставши перед щелью, спросила о причине, коей ради затворилась она в гробнице. Она же через щель заговорила со мною и отвечала:

— Человек некий повредился из-за меня в уме; и вот я, чтобы не вводить мне его в печаль или в грех, предпочла лучше живая в могилу сойти, нежели соблазном быть для души, по образу Божию сотворенной.

А я и спросила ее:

— Как же терпишь ты сие, как воюешь с унынием, и лица человеческого не видя?

Она же ответила:

— От рассвета и до девятого часа* творю я молитвы на каждый час да лён пряду; а оставшееся время размышляю в уме своем о святых патриархах, и пророках, и апостолах, и мучениках, да хлеб свой ем, а время и проходит; и так дожидаюсь я конца с благою надеждою.

XXI. О ЕВЛОГИИ И КАЛЕКЕ

Так рассказывал мне Кроний, пресвитер Нитрийский*:

— В молодые мои годы ушел я, унынием понуждаемый, из обители архимандрита моего и ходил до самой горы святого Антония. Гора же сия лежит между Вавилоном и Ираклеополем* в пустыне великой, до Чермного моря* простирающейся, в тридцати милях от реки. Придя засим в монастырь, подле реки, где в месте, называемом Писпир*, подвизались ученики святого мужа сего, Макарий и Аамат, которым суждено было по кончине его предать его погребению. Провел я там пять дней, дабы встретиться мне со святым Антонием; сказывали, что навещает он монастырь тот через десять или через двадцать, а то через пять дней, как направит его Господь на благо посетившим в это время обитель. И вот собрались там различные христороубцы, различные имея нужды до святого мужа; в числе их был некто Евлогий, монашествующий александриец, и с ним еще другой, калека, а пришли они вот чего ради.

Евлогий этот был человек книжный и обучался наукам; уязвясь любовью к нетленному, удалился он от шума житейского, роздал все, что было у него, и оставил себе лишь малую толику монет, ибо не имел сил для труда телесного. И вот, прискучив сам себе, он ни в общину не желал войти, ни наедине с собою покоя не имел; между тем нашел он на торжище выброшенного туда калеку, безрукого и безногого, которому один только язык и остался, дабы испрашивать помощь у проходящих. И вот Евлогий, остановясь, вперяется в него взором, и молится Богу, и полагает с Богом такой завет:

— Господи, во имя Твое принимаю калеку этого и покою его даже до смерти, дабы через него и мне спастись; ниспошли мне терпение служить ему.

Затем, подойдя к калеке, говорит он ему:

— Желаешь ли, почтеннейший, я приму тебя в дом и буду тебя ублажать?

А тот отвечает:

— И весьма!

— Итак, я привожу осла и забираю тебя!

Тот согласился; и Евлогий привел осла, поднял калеку, отвез его в странноприимную комнату келейки своей и стал о нем печься. И был терпелив калека пятнадцать лет, живя у него как бы во врачевнице, омываемый и прибираемый руками Евлогиевыми и питаемый от него так, как должно при недуге его.

Когда же прошло пятнадцать лет, вселился в калеку бес и принялся возмущать его противу Евлогия; и начал калека изрыгать на благодетеля своего всяческие слова хульные и бранные, говоря:

— У, захребетник, раб неверный, чужие денежки утаил, а через меня спастись хочешь? Тащи меня на площадь! Мяса хочу!

Принес ему Евлогий мяса, а тот снова как закричит:

— Мало мне! Хочу народа! Хочу на площадь! Насилне! Брось меня туда, где нашел!

Будь у него руки, недолго бы ему и придушить Евлогия, так ожесточал его бес.

Идет Евлогий к ближним подвижникам и жалуется им:

— Что мне делать? Привел меня калека тот в отчаяние. Выброшу ли его? Странюсь, ибо давал обет Богу. Не выброшу его? Злые дни и злые ночи доставляет он мне! Что делать, не ведаю.

Они же говорят ему;

— Коль скоро Великий еще жив,— а «Великим» именовали они Антония,— ступай к нему, а калеку положи в челн и так отвези в монастырь, а там дожидайся, покуда святой муж выйдет из пещеры своей, и представь все на суд ему; что он тебе ни скажет, смотри, держись решения его, потому что Бог глаголет к тебе через него.

И послушался он их, и взвалил калеку на лодочку пастушью, и оставил в ночи город, и привез калеку в монастырь учеников святого Антония. А случилось так, что пришел Великий на другой день, поздним вечером, и была на нем, как сказывал Кроний, хламида кожаная*. А когда приходил он в монастырь, был у него вот какой обычай: он подзывал к себе Макария и спрашивал его:

— Брат Макарий, что, пришли братья?

Тот отвечал:

— Да!

— А что, египтяне это или иерусалимляне*? — потому что он заранее

условился с ним так: «Если увидишь, что странники пришли празднo-любивые, скажи, что они египтяне; а если люди богобоязненные и разумные, скажи, что иерусалимляне».

И вот он спросил по обыкновению своему:

— Египтяне ли братья или иерусалимляне?

Макарий сказал в ответ:

— И такие есть, и такие.

А когда отвечал он ему, что это, мол, египтяне, говорил ему святой Антоний: приготовь, мол, им чечевицы и дай им поесть, — да творил для них молитву единую, и с тем отпускал; когда же, напротив, отвечал тот, что это, мол, иерусалимляне, сидел он с ними всю ночь и наставлял о вещах душеспасительных.

И в этот вечер, как сказывал Кроний, садится он и обращается ко всем; и хотя никто ничего еще не сказал ему, какое кому имя, при наступлении темноты взывает он громко до трех раз:

— Евлогий! Евлогий! Евлогий!

А тот книжный человек не отзывался, думая, будто зовут другого Евлогия.

И говорит ему Антоний сызнова:

— Тебе говорю, Евлогий, что пришел от Александрии!

Говорит ему Евлогий:

— Что велишь ты мне? Изволь молвить!

А тот:

— С чем пришел-то?

Отвечает ему Евлогий так:

— Кто открыл тебе имя мое, открыл и нужду мою.

Говорит ему Антоний:

— Знаю, для чего ты пришел; расскажи, однако, при всей братии, чтобы и они послушали.

Сказывает ему Евлогий:

— Калеку этого паншел я на площади; и положил я с Богом завет, что буду за недужным ходить, дабы спастись мне через него, а ему через меня. И вот, когда минуло уже столько годов, принялся он мучить меня до крайности и понуждает выбросить его. Сего ради и пришел я к твоей

святости, дабы присоветовал ты мне, что мне делать, да и помолился обо мне; страшную терплю бурю.

Говорит ему Антоний голосом строгим и грозным:

— Выкинешь его? Но Сотворивший его не выкинул его. Ты — и выкинешь его? Но возбудит Бог иного, лучше тебя, и тот возьмет его к себе.

И вот Евлогий поник в безмолвии; Антоний же сызнова, оставив Евлогия, начинает бичевать калеску языком своим и вопиать:

— Калека злополучный, ни земли, ни неба недостойный, ужели не перестанешь с Богом враждовать? Ужели не знаешь, что это Христос служит тебе? Как же смеешь ты говорить такие слова против Христа? Не Христа ли ради человек этот по доброй воле соделал себя рабом твоим на служение тебе?

Укорив, он оставил в покое и того; а после, преподав советы прочим, возвращается к Евлогию и калеке и говорит им:

— Не блуждайте более, ступайте домой, в келью вашу старую, да смотрите, не разлучайтесь. Уже посылает Бог по ваши души. Искушение же сие приключилось вам по той причине, что близки вы оба к кончине вашей и уготованы вам венцы. Так не творите ничего неподобного, и пусть ангел ваш, придя за вами, не застанет вас в месте сем.

Итак, вскорости совершив путь, вернулись они в келью свою. И в сорокадневный срок представляется Евлогий; а еще через три дня представляется калека.

XXII. О ПАВЛЕ ПРОСТОМ

Вот еще что сказывал Кроний, а с ним святой Иерак и другие многие; и я о том поведаю.

Павел некий, земледелец неотесанный, притом до крайности не злобивый и бесхитростный, взял за себя жену прекраснейшую, душою же развращенную; и обманывала она его долгое время. Но, возвратясь с поля нежданно, застиг их Павел за делом срамным; было же сие по действию Провидения, наставлявшего Павла на благой путь. Скромно усмехнувшись, обращается он к ним и говорит:

— Добро же, добро же; воистину, до меня сие не касается. Иисус свидетель, ее мне больше не надобно; ступай и забирай к себе ее и детей ее, а я отойду от мира и сделаюсь иноком.

И, никому ни слова не сказав, бежит он восемь дневных переходов, приходит к блаженному Антонию, стучится в дверь его; тот же, вышед, спрашивает его:

— Чего тебе надобно?

Говорит ему Павел:

— Иноком быть хочу.

Отвечает ему Антоний и говорит так:

— Человек ты уже старый, тебе лет шестьдесят, и в месте сем не можешь ты иночествовать; ступай лучше в деревню и трудись, и в трудах проводи жизнь, да благодари Бога; а тягот пустынножительства тебе не понести.

А старик ему снова говорит свое:

— Если научишь меня, все буду делать.

Говорит ему Антоний:

— Сказал ведь я тебе, что стар ты и сил не имеешь; если уж хочешь быть иноком, ступай в общежительный монастырь, где много братии, и они смогут понести немощи твои; а то я сию здесь один, пищу вкушая в пять дней единожды, и то не досыта.

Таковыми и подобными речами силился он прогнать Павла; поелику же тот не отставал, Антоний, заперши дверь свою, не выходил три дня, даже и за нуждою. А тот не уходил. На четвертый день, отворив дверь, вышел Антоний по нужде и сызнава говорит Павлу:

— Уходи ты отсюда, старик! Что ты меня мучаешь? Нет у тебя сил здесь оставаться!

А Павел ему:

— Невозможно мне окончить жизнь мою в ином месте, кроме как здесь.

Оглядел его Антоний и заметил, что у того нет с собою ничего съестного, ни хлеба, ни воды, и что постится он четвертый уже день. Говорит Антоний:

— Смотри мне, так ведь и помрешь здесь, и грех на мне будет!

И принимает его к себе.

Во дни те стал Антоний вести жизнь такую строгую, какой не вел и в юности. Намочив восток, говорит он Павлу:

— Бери, плети веревку, как я!

Плетет старик до девятого часа и с трудами великими выделявает веревку в пятнадцать саженой. Антоний же, посмотрев, изъявляет неудовольствие и говорит ему:

— Худо ты сплел; все расплети и начни сначала!

Так он корил его, чтобы старик, который в таких летах еще и во рту ничего не имел, не стерпел бы, рассердился и сбежал от него. А тот ничего, расплел и сызнова заплел те же самые прутья, хотя и было ему трудно весьма, потому что ветки теперь закрутились. И вот Антоний, видя, что Павел ни возроптал, ни смалодушествовал, ни возмутился, был тронут; на закате солнца говорит ему:

— Не желаешь ли, съедим по куску хлеба?

Отвечает ему Павел:

— Как тебе угодно, авва*.

И этим снова расположил он к себе Антония, что не подхватил с жадности слова о трапезе, но предоставил решать ему. Итак, поставив стол, вносит он хлебы. Положив паксамады по шести унций каждая*, Антоний себе размочил одну (а были они черствы) и ему три. И затягивает Антоний псалом, который знал наизусть, и поет его двенадцать раз подряд, а после двенадцать раз повторяет молитву, чтобы испытать Павла; а тот знай себе молится с усердием. Я думаю, что старик рад был бы скорпионов пасти, лишь бы не делить жизнь с распутною женою.

После двенадцати молитв сели они поесть, а был в это время уже вечер поздний. И вот съел Антоний одну паксамаду, а к другой и не приронул; а старик больше мешкал, и у него еще оставался кусок паксамады. Подождал Антоний, пока тот управится, и говорит ему:

— Бери, батюшка, и вторую паксамаду.

Отвечает ему Павел:

— Коли ты возьмешь, и я возьму; а коли ты не будешь, и я не буду.

Говорит ему Антоний:

— С меня довольно, ведь я монах!

Отвечает ему Павел:

— И с меня довольно; ведь я хочу сделаться монахом.

Встает Антоний и сызнова творит двенадцать молитв да воспевает двенадцать псалмов; после спит немного самую первую часть ночи, а в полночь сызнова встает, чтобы воспевать псалмы уже до рассвета. Поелику же видел он, что старик ревностно подражает строгому его житию, говорит он ему:

— Если сможешь так изо дня в день, оставайся со мною.

Говорит ему Павел:

— Вот если бы что сверх этого, тогда не знаю; а то, что видел я у тебя, творю без труда.

И на другой день Антоний говорит ему:

— Отныне ты монах.

По истечении установленных для того месяцев уверился Антоний, что имеет Павел душу совершенную, прост будучи весьма, и благодатию не оставляем. И строит он Павлу келейку в трех или четырех тысячах шагов от своей и говорит ему:

— Монахом ты сделался; уединись теперь, дабы испытать искушение от бесов.

Прожив в уединении год, сподобился Павел благодатной силы на бесов и на недуги.

Привели однажды к Антонию бесноватого, страшного до крайности, люто одержимого духом начальника демонского, который и на небо изрекал хулу. Посмотрел на него Антоний, да и говорит приведшим его:

— Не для меня дело сие; не сподобился я еще силы противу чина князей демонских; Павлу дано это.

Идет Антоний к Павлу, ведет их и говорит ему:

— Авва Павел, изгони беса из человека сего, чтобы отошел он в дом свой здоровым.

Спрашивает его Павел:

— А сам ты что же?

Говорит ему Антоний:

— Недосуг мне, другое дело есть.

И, оставив его, отошел Антоний обратно в келейку свою. Старец же, восставши и сотворив молитву действительную, говорит бесноватому:

— Велел тебе авва Антоний: выйди из человека сего!

Бес же со словами хульными завопил:

— Не выйду, старец негодный!

Павел же, взяв милоть свою, ударил ею бесноватого по хребту, говоря:

— Выйди, как велел тебе авва Антоний!

Пуще поносит бес и Антония, и его. Под конец говорит он бесу:

— Выходишь ты, или пойду скажу самому Христу. Иисус мне свидетель, если не выйдешь тотчас, пойду скажу Христу, и ты у Него заплачешься.

И опять принялся бес за хуления, крича:

— Не выйду!

И вот Павел, осердясь на беса, вышел из-под навеса для паломников на самый жар полуденный; а зной египетский сродни есть печи огненной вавилонской. Став на скале, молится он и говорит таковые слова:

— Иисусе Христе, распятый при Понтийском Пилате, Ты видишь, что не сойду с камня этого, ни есть не буду, ни пить, даже до смерти, если не изгонишь демона из человека того и не сотворишь человека того свободным!

Прежде, нежели скопчать устам его слово сие, вскричал бес:

— Насилие терплю! Простота Павлова гонит меня, и куда деться мне?

И тотчас вышел дух нечистый, и принял вид змия великого, семидесяти локтей длиною, и пополз к Чермному морю, да исполнится сказанное: «Явленную веру возвестит праведник».

Таково чудо Павла, который наречен был Простым от всей братии.

ИЗРЕЧЕНИЯ ОТЦОВ ПУСТЫНИ

АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

1

Святой авва Антоний*, уединясь в пустыне, пришел однажды в уныние и омрачение от помыслов многих и воззвал к Богу:

— Господи, спастись хочу, и не дают мне помыслы. Что сотворю в смуте сей? Как спасусь?

И вот, чуть выглянув из келейки своей, видит Антоний мужа некоего, обличем подобного ему самому, как тот присядет и рукоделие творит, после встанет от трудов своих и помолится и снова сядет и плетет веревку свою, а после снова встанет на молитву. Был же то ангел Господень, посланный наставить Антония на путь безопасный. И услышал авва, как сказал ему ангел:

— Сие твори, и спасешься.

Он же, услышав сие, великую имел радость и дерзновение; и, живя, как было ему показано, спасался.

2

Оный же авва Антоний, исследуя глубину судов Божиих, вопрошал так:

— Господи, отколе сие, что иные умирают молодыми, иные же достигают великой старости? и почему иные бедствуют, иные же богатеют? и как это неправедные богатеют, праведные же бедствуют?

И был ему глас с неба:

— Антоние, за собою следи; сие же суть суды Божии, и не полезно тебе ведать их.

4

Сказал авва Антоний авве Пимену;

— Сие есть великое дело, чтобы поверг человек всякую погрешность свою пред собою, пред лицо Бога и берегся искушений даже до последнего своего дыхания.

5

Он же говорил:

— Не быв искушен, никто не возможет войти в Царствие Небесное.

— Отними искушения, — сказывал он, — и не спасется ни единый.

6

Вопросил авва Памва авву Антония:

— Что делать мне?

Отвечает ему старец:

— Не полагайся на праведность свою, не пекись о вещи прошедшей и умеи владеть языком и чревом.

8

Говорил авва Антоний, что иные тела свои сокрушают в подвигах, но через то, что нет у них различения духовного, становятся дальше от Бога.

9

И еще сказал он, что все через ближнего — и жизнь, и погибель. Если стяжаем брата, Бога стяжаем; если введем брата в соблазн, на Христа грешим.

10

Он же сказал:

— Как рыбы, промедлив на суше, умирают, так иноки, оставаясь вне обители своей или беседуя с мирскими, разрушают в себе внутреннее устройство тихости. Итак, надо нам, как рыбе в воду, спешить

назад в келью, дабы, промедлив вдали от нее, не позабыли мы стеречь сердце свое.

12

Братья некие пришли к авве Антонию, желая поведать ему о бывших им видениях и узнать у него, истинные ли то были видения или же от бесов. И был у них осел, и в пути издох. Вот приходят они к старцу, а он упреждает их вопросом:

— Как же издох у вас в пути ослик-то?

Они спрашивают его:

— А ты откуда знаешь, авва?

Он и отвечает:

— Да бесы мне показали.

Говорят они ему:

— А мы того ради и пришли к тебе, чтобы спросить у тебя совета: видим мы видения, и все больше сбываются они, так как бы не даться нам в какую прелесть.

И старец вполне изъяснил им из того, как сам узнал об осле их, что видения сии являются от бесов.

13

Пришел некто в пустыню поохотиться на диких зверей и увидел авву Антония, как тот говорил братии шуточные речи; и соблазнился о том.

Но старец, желая изъяснить ему, что в некое время братии должно быть оказано и снисхождение, говорит ему:

— Положи-ка стрелу на лук твой и напрягай тетиву.

Тот сделал по слову сего.

Старец опять говорит:

— Еще напрягай!

Тот напрягает; а старец снова за свое:

— Напрягай!

Отвечает ему охотник:

— Если напрягу сверх меры, тетива порвется*.

И тут молвит ему старец:

— Так и с делом Божьим. Если, беседуя с братьями, будем напрягать тетиву превыше меры их, они скоро сорвутся. Вот и нужно в кои-то веки явить им немного снисхождения.

И охотник, получив многую пользу душевную, удалился; и братья, ободрясь, отошли в место свое.

24

Сказывал авва Антоний, что придет время, когда все люди обезумеют, и если увидят кого в здравом уме, возмутятся и скажут ему: ты, дескать, безумствуешь,— через то, что не будет он подобен им.

34

Сказал авва Антоний:

— Кто кует железо, сначала рассмотрит в уме своем, что намеревается выковать: или серп, или нож, или топор. Так-то и нам должно порасчесть, о какой добродетели печемся мы, дабы не пропал труд наш попусту.

АВВЫ АРСЕНИЯ

1

Авва Арсений, еще в бытность свою при дворе, молился Богу такими словами:

— Господи, настави меня на путь спасения. И был ему глас, глаголющий:

— Арсение, беги человеков, и спасешься.

2

Он же, отойдя к монашескому житию, снова молился, говоря такое же слово; и услышал глас, глаголющий ему:

— Арсение, беги, безмолствуй, затворишься! сии бо суть корни безгрешности.

4

Говорили о нем, что как при дворе никто не одевался лучше него, так во обители никто не имел ризы более скудной.

5

Сказал некто блаженному Арсению:

— Как это мы от толикой науки нашей и премудрости не имеем пользы нимало, а сии простецы египетские стяжали толикие добродетели?

Говорит ему авва Арсений:

— Мы не имеем от науки мира сего пользы нимало; сии же простецы египетские стяжали добродетели от собственных трудов своих.

6

Вопрошал однажды авва Арсений некоего старца египетского о помыслах своих; другой же увидел его и сказал:

— Авва Арсений, как это ты, изучив толикую науку римскую и эллинскую, просишь совета у невежды сего о помыслах твоих?

И ответил ему Арсений:

— Так, науке римской и эллинской выучен я; но из науки невежды сего не вытвердил еще и азбуки.

А В В Ы А Х И Л Л Ы

1

Пришли однажды к авве Ахилле три старца, на одном из коих была дурная слава. И сказал ему первый старец:

— Авва, сплети мне хоть единый невод.

Он же ответил:

— Не могу того сделать.

И другой старец попросил:

— Сотвори нам милость, чтобы иметь нам в обители нашей о тебе память.

Он и тут отказал:

— Недосуг мне.

Говорит ему третий, на ком была дурная слава:

— Для меня-то сплети хоть единый невод, чтобы получить мне его из рук твоих, отче.

Он же поспешил отозваться:

— Для тебя сделаю.

Те два старца и говорят ему, когда остались с ним наедине:

— Как же мы молили тебя — и не захотел ты для нас сделать, а это-му говоришь: для тебя, дескать, сделаю?

Отвечает им авва:

— Вам я сказал: не могу, дескать, того сделать, — и вы не оскорбились, но так и поняли, что недосуг мне. Ему же если не сделать, он и подумает, что старец, дескать, наслышан о грехе моем, вот и не захотел сделать. Соплетем ему неводочек сей же час.

Так ободрил он душу павшего брата, дабы тот не впал в уныние.

АВВЫ АНУВИЯ

2

Говорил авва Анувий:

— С того дня, как было имя Христово призвано мною, не исходила ложь из уст моих.

АВВЫ АЛОНИЯ

1

Говорил авва Алоний:

— Если не скажет человек в сердце своем, что двое нас в мире, я и Бог, не обрящет себе успокоения.

2

И еще говорил он:

— Если бы не перевернул я всего вверх дном, не возмог бы построить здание души моей.

3

И еще говорил, что если захочет человек, от зари утренней до вечера достигнет в меру божественную,

4

Вопросил однажды авва Агафон авву Алония так:

— Сколь желал бы я охранять уста мои, чтобы не говорить мне лжи!

И говорит ему авва Алоний:

— Если лгать не будешь, много грехов примешь на душу.

Тот спрашивает:

— Как это?

И говорит ему старец:

— Вот два человека убийство сотворили на глазах у тебя, и один из них бежал в келейку твою; начальник же ищет его и вопрошает тебя так:

— Не на глазах ли у тебя совершилось убийство?

Если не солжешь, предашь человека на смерть; лучше отпусти его пред лицом Бога твоего, не ввергая в узы. Бог Сам все рассудит.

АВВЫ ВИССАРИОНА

7

Брат некий впал в грех и был отлучен пресвитером от Церкви; авва же Виссарион, поднявшись с места, пришел к отлученному, говоря:

— И я такой же грешник.

11

Авва Виссарион в смертный свой час сказал, что монах, подобно Херувимам и Ссрафимам, должен быть весь — око зрящее*.

АВВЫ ГЕЛАСИЯ

1

Говорили про авву Геласия, что принадлежала ему книга, на пергаментных листах написанная, в осьмнадцать номизм* ценою, содержащая весь Ветхий и Новый Завет целиком; и лежала та книга в церкви, дабы всякий желающий из братии читал ее. И пришел некто со стороны посетить старца, и увидал книгу ту, и очень захотелось ему унести ее; и ушел он с нею из обители. Старец же отнюдь не дозволил гнаться за ним и останавливать его, хотя все приметил. Похитивший же, придя в город, искал продать книгу ту; обретя желающего купить ее, запросил он за нее шестнадцать номизм.

И говорит ему желающий купить:

— Сперва дай мне, покажу я ее знающему человеку и посоветуюсь и уж тогда уплачу тебе цену.

И дал ему книгу продающий; а тот, взяв, понес ее показать авве Геласию и советовался с ним о назначенной цене.

И сказал ему старец:

— Что же, покупай; книга прекрасная и стоит цены, которую ты назвал.

А тот человечиска пошел и сказал продающему не то, что было ему сказано от старца, а инос:

— Видишь как: показал я ее самому авве Геласию, и сказал он мне, что дорого, дескать, ты запрашиваешь и не стоит она таких денег.

А продававший как услышал, так и спрашивает:

— А больше ничего не сказал тебе старец-то?

Отвечает ему тот:

— Да нет, ничего.

Тогда говорит продававший:

— Кончено, не жслаю болес продавать книгу сию.

Уязвясь сердцем, пришел он к старцу в покаянии, умоляя его принять книгу назад; старец же не хотел брать. Тогда говорит ему согрешивший:

— Если не возьмешь ее, не буду я знать покоя.

Отвечает ему старец:

— Ну, смотри: коли вправду покоя не будешь знать, се, принимаю книгу.

И брат тот до скончания живота своего был исправлен и вразумлен милостным его обычаем.

А В В Ы Д А Н И И Л А

1

Сказывали про авву Даниила, что когда пришли варвары в пустыню Скитскую, все отцы бежали, а он говорит:

— Если нет обо мне Богу попечения, к чему мне и жить?

И прошел он сквозь множество варваров, и не увидели они его.

Тогда говорит он к себе самому:

— Так, ссть о тебе попечение Богу, и не погиб ты; ныне же сотвори дело немощи человеческой и беги отсюда, как бежали отцы.

2

Рассказывал авва Даниил, что была в Вавилоне у некоего мужа начальствующего дщерь, одержимая бесом. Отец же ее держал в любви и чести монаха некоего; тот и говорит ему:

— Никто не возможет пользоваться дочерь твою, как только отшельники, мне ведомые. Если, однако, позовешь их, не возьмутся они сотворить сие по причине смиренномудрия своего. Но поступим вот как; когда выйдут они на рынок, вы сделасте вид, будто желаете купить у них изделия их; а когда придут они за мздою своею, тут мы попросим их, чтобы сотворили они молитву, и не сомневаюсь, что дочерь твоя получит облегчение.

И вот, выйдя на рынок, обрели они единого ученика старцев тех, сидевшего подле выставленных на продажу корзин, и позвали его вместе с корзинами теми, якобы для того, чтобы получил он мзду за них. И когда вошел монах тот в дом, пришла бесноватая и ударила его по ланите; он же немедля подставил и другую ланиту свою, по заповеди Господней. Бес же, восчувствовав муку, возопиял;

— Горь, насилием заповедь Иисусова гонит меня вон!

И тотчас очистилась отроковица та.

Когда же пришли старцы, бывшие в доме том, возвестили им бывшее; и восславили старцы Бога, и сказали:

— Обычай имеет гордыня диаволова падать от смирения, Христом заповеданного.

8

Оный же авва Даниил рассказывал о некоем великом старце, подвизавшемся в краю Нижнего Египта, что утверждал тот по великой своей простоте, будто Мельхиседек Сын Божий есть*. И донесли о нем блаженному Кириллу*, архиепископу Александрийскому, каковой послал за старцем; ведая же, что старец благодать имеет великую и, если чего попросит у Бога, Бог открывает ему, архиепископ поступил с разумением и обратился к старцу так:

— Авва, нужда мне в тебе, ибо говорит мне помысл мой, что Мельхиседек Сын Божий есть; а другой помысл говорит, что не так, но человек и первосвященник Божий есть. Поелику же недоумеваю о сем, позвал я за тобою, дабы ты попросил у Бога и Он открыл бы тебе сие.

Старец же, безбоязненный по причине непорочного своего жительства, говорит со дерзновением:

— Дай мне три дня, и вопрошу о сем Бога. и возведу тебе, как есть.

И вот, придя через три дня, говорит он блаженному Кириллу, что, мол, человек есть Мельхиседек. И вопрошает его архиепископ:

— Отколе знаешь, авва?

Тот же ответил:

— Бог показал мне всех праотцев, каждого по отдельности проводя пред очами моими, от Адама и до Мельхиседека; и ангел Господень сказал мне, что, мол, сей есть Мельхиседек. Не сомневайся, что так и есть.

Итак, ушел он, сам собою возвестив, что человек есть Мельхиседек; и возрадовался блаженный Кирилл радостью великою.

ЕВХАРИСТА МИРЯНИНА

Из отцов двое молили Бога, чтобы открыл им, в какую меру достигли они. И был к ним глас, глаголющий:

— В такой-то деревне египетской есть мирянин некий, зовут же его Евхарист, а жена его зовется Мария. Еще не пришли вы в меру их.

И встали старцы, и пошли в деревню. Спрашивая людей, отыскиали они и жилище Евхариста, и жену его и вопрошают ее:

— Где муж-то твой? Она же ответила:

— Пастух он и ушел с овцами,— и ввела их под кровлю свою.

Когда наступил вечер, пришел Евхарист с овцами; увидев же старцев, приготовил он им трансзу и вынес воды омыть ноги их. И говорят ему старцы:

— Не вкусим от еды, покуда не открось нам подвига своего.

Евхарист же отвечал со смирением:

— Пастух я, и сия есть жена моя.

Старцы не переставали молить его, он же не хотел сказать, и тогда молвили они ему:

— Сам Бог прислал нас к тебе.

Услышав слово сие, убоился он и рассказал им:

— Овец сих имеем от родителей наших; и если сподобит Господь что получить с них прибытку, делим на три части: одна часть бедным, другая часть на дела гостеприимства, третья на нужды нани. От часа же, как взял я жену мою, не осквернились ни я, ни она, но пребывает она девою*; и каждый из нас почивает отдельно. Надеваем же мы ночью власяницы, днем же — плащи наши. Но до часа сего ни единый человек не ведал сего.

Выслушав сие, изумились старцы и отошли в пустыню, славя Бога.

АММЫ ФЕОДОРЫ

1

Спросила амма* Феодора у папы* Феофила, как понимать сие слово апостольское: «искушающие время»*?

Он же сказал:

— Значение слова сего указывает на выгоду. Предлежит ли тебе время обиды? Смиренномудрием своим и долготерпением купи сие время обиды и прими прибыль свою духовную. Или время бесчестия? Незлобием своим купи время то и обогатись. Оклеветание ли придет на тебя? Крепкою надеждою на Бога обогатись. И так все, что восстает на нас, если только захотим, обратится для нас в прибыль духовную.

2

Сказала амма Феодора:

— Должно нам порадеть, чтобы войти вратами узкими. Ибо как деревья, если бурь и дождей не примут, плодоносить не возмогут, так и для нас век сей та же буря есть; иначе, как через искушения многие и скорби, не станем мы Царствия Небесного наследниками.

3

И еще сказала она:

— Прекрасно уединение; муж разумный избирает его; великое дело уединение для девственника или инока, особливо же для юных. Ведай, однако, что если кто положит в сердце своем избрать уединение, тотчас приходит Лукавый и отягощает душу его всяческим унынием, и малодушием, и помыслами; отягощает он и тело его немощами, изнурением, расслаблением коленей и всего состава телесного и разрушает силу души и тела. Немощен, мол, я, не могу правила вычитать. Если, однако, будем держать ум наш в трезвости, все козни сии разорим.

Был монах некий; и вот, когда приступал он к правилу своему, напал на него озноб и жар, и голове его приключалась боль. Так он говорил себе:

— Вот, недужен я, того гляди умру. Так воспряну же, покуда не умер, и вычитаю правило мое.

И помыслом сим понуждал он себя, и вычитывал правило; и когда кончалось правило, кончался и жар. И снова брат помыслом своим отражал нападение, и вычитывал правило, и побеждал Лукавого.

АВВЫ ИСИДОРА СКИТСКОГО

1

Сказывали про авву Исидора, пресвитера Скитского, что если был у кого инок строптивый и немощный, или малодушный, или наглый, и не могли терпеть его более, авва говорил:

— Ведите его ко мне сюда.

И принимал такого, и многим своим долготерпением спасал его.

2

Спросил его брат некий:

— Почему так страшатся тебя бесы?

Говорит ему старец:

— Потому, что от самого того дня, как стал я монахом, тружусь непрестанно, не попуская гневу моему взойти до гортани моей.

АВВЫ ИОСИФА ПАНЕФОНСКОГО

2

Попросил авва Пимен авву Иосифа:

— Скажи мне: как сделаюсь я монахом?

И ответил старец;

— Если ищешь упокоения душе своей и в сем веке, и в будущем, на всякое дело говори: «А сам я каков?» — и не суди никого.

6

Сказал авва Иосиф авве Лоту:

— Не можешь быть монахом, если не сделаешься весь как огонь пылающий.

АВВЫ ЛОНГИНА

1

Вопрошал однажды авва Лонгии авву Лукия о трех помыслах своих и сказал так:

— Желая быть странником.

Говорит ему старец:

— Если не победишь языка своего, не будешь странником, куда бы ни пошел ты; а победи язык твой, вот ты и странник.

И еще сказал авва Лонгин:

— Желая быть постником.

Ответил старец:

— Сказано у пророка Исайи*, что если согнешь хоть в кольцо и в дугу выю твою, и сие не наречется постом, угодным Господу; но лучше победи помыслы нечистые.

И в третий раз говорит авва Лонгин:

— Желая бежать от человеков.

Ответил старец:

— Если сперва не понесешь подвига твоего среди человеков, не можешь понести его и в уединении.

2

Жена некая имела при сосце своем недуг, именуемый рак; прослышав же про авву Лонгина, искала его встретить. Жил же он за девятым дорожным знаком от Александрии. И вот жена, бродя в поисках своих,

набрела на блаженного того, когда собирал он у моря хворост. Повстречав же его, спрашивает:

— Авва, где обретается авва Лонгин, человек Божий? — не ведая, что это он самый и есть.

Он же говорит:

— Да на что тебе ханжа этот? Не ходи ты к нему: ханжа он. А с чем пришла-то?

И открыла ему жена веред свой; он же, запечатлев знамением креста место недужное, отпустил ее, примолвив:

— Ступай, Бог тебя исцелит; а в Лонгине этом нет для тебя пользы нимало.

И ушла жена та, поверив слову его, и сей же час исцелилась; а уж после, рассказав все дело неким людям и назвав приметы старца того, узнает, что он самый и есть авва Лонгин.

5

Сказал авва Лонгин авве Акакию:

— Жена тогда узнает, что прияла во чреве плод, когда станет ток кровей ее; так вот и душа тогда узнает, что прияла Духа Святого, когда станет ток изливающихся из нее страстей. Покуда же кто еще пребывает в них, как похвалится, будто бесстрастен?

Отдай кровь, и примешь Духа.

АВВЫ МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО

1

Рассказывал о себе авва Макарий так:

— Когда был я еще молод, сидел я в келейке моей в Египте, но причинили мне насилие и поставили в деревне священнослужителем; не желая принимать сего, бежал я в иное место. И пришел ко мне богобоязненный мирянин, и творил ручную работу под моим началом, и прислуживал мне. Случилось же, что некая девица в деревне впала в соблазн и зачала: быв же спрошена, кто сотворил ей сие, ответила:

— Отшельник тот.

И вышли жители деревни той, и схватили меня, И повесили на шею мне горшки, сажею вымаранные, и водили меня вокруг деревни той по обводной дороге, и били меня, и приговаривали:

— Вот монах, что испортил нам девку, бейте его, бейте!

И был я избит до того, что мало не умер; но пришел некто из стариков и сказал:

— Доколе будете бить чужого монаха того?

Прислуживавший же мне шел позади, мучимый стыдом; ибо были такие, что обижали его и кричали:

— Вот отшельник-то твой, о котором приносил ты свидетельство! Что он наделал, а?

И сказали родители ее:

— Не отпустим его, пока не представит поручителя, что будет кормить ее.

И попросил я прислуживавшего мне, и поручился он за меня; я же, пошед в келейку мою, вынес им все корзинки, что имел, примолвив:

— Продай и дай жене моей поесть.

И сказал я помыслу моему:

— Вот, Макарие, обрел ты себе жену: придется тебе потрудиться лишнее, дабы прокормить ее.

И работал я ночью и днем и посылал ей.

Когда же пришло злополучной той время рожать, пребывала она в муках многие дни, родить же не могла.

И говорят ей:

— Что за причина тому?

Она же отвечает:

— Знаю причину: ибо оклеветала я отшельника того и облыжно обвинила его. Он же отнюдь не виновен, но имярек, — и назвала юнца некоего.

И пришел прислуживавший мне, и поведал с радостию, как не могла родить девица та, пока не повинилась, что, мол, отшельник тот не имеет на себе греха, но оклеветала его она. И вот, вся деревня пожелала прийти, дабы с похвалами принести мне покаяние свое. Я же, услышав о сем, дабы не иметь смущения от человеков, восстал и бежал сюда, в пустыню Скитскую.

И сие было от начала причиною, что пришел сюда.

2

В некое время пришел Макарий Египетский от Скита на гору Нитрийскую, ради пользы аввы Памвы, И говорят ему старцы:

— Скажи слово братии, отче!

Он же ответил:

— Еще не стал я монахом, однако монахов видел. Было же сие так: когда сидел я в келейке моей в Ските, помыслы принялись досаждают мне, твердя:

— Ступай в пустыню и посмотри, что увидишь ты там?

И воевал я с помыслом тем неотступно пять годов, говоря себе, что, мол, не от бесов ли он? Когда же пребыл во мне помысл тот, отошел я в пустыню. И обрел я там озеро и остров посреди него; и приходили звери пустыни пить от него. И узрел я посреди зверей двух человеков нагих. И устрашилась плоть моя, ибо помыслил я, что они суть духи.

Они же, видя меня устрашенным, молвили мне:

— Не бойся, и мы человеки,

И спросил я их:

— Отколе вы и как пришли в пустыню сию?

И сказали они:

— Из общежительной мы обители; и явилось у нас о сем согласие, чтобы отойти сюда. Минуло же тому сорок годов. И один из нас — египтянин, другой же — ливиец.

И спрашивали они меня в свой черед:

— Как мир обретается? Приходит ли вода во время свое*, имеет ли мир изобилие свое?

Я же сказал им:

— Да.

Затем я спросил их:

— Как могу я сделаться монахом?

И говорят они мне:

— Если не отречешься от всего сущего в мире, не можешь сделаться монахом.

И говорю им:

— Я немощен есмь и не имею силы вашей.

И отвечают мне они:

— Если не имеешь силы нашей, седи в келейке своей и оплакивай грехи свои.

И спросил я их:

— А когда приходит зима, не зябнете ли? А когда приходит жар, не жжет ли он тело ваше?

Они же сказали:

— Бог сотворил нам милость сию: и ни зимою не зябнем, ни летом не обижает нас жар.

Сего ради и сказал я вам, что еще не стал монахом, но монахов видел. Простите мне, братия!

32

Говорили про авву Макария Великого, что сделался он воистину, как написано, Богом на земли. Ибо как Бог покрывает мир, так и авва Макарий покрывал немощи человеков*: видя, был как невидящий, и слыша, как неслышащий.

36

Сказал авва Макарий:

— Когда помним зло, бывшее нам от человеков, отсекаем данную нам силу памятовать о Боге; когда же помним зло, бывшее от бесов, соделываемся неуязвимы.

АВВЫ МОИСЕЯ

2

Было, что брат некий в Ските согрешил. Собралась по случаю сему братия; и послали за аввою Моисеем. Он же прийти не захотел. Тогда послал за ним пресвитер, велев сказать так:

— Приходи, народ тебя дожидается!

Он встал и пошел; но сперва, взяв корзину, превеликую, но худую, и доверху наполнив песком, поднял на плечи, да так и шел.

Вышедшие же во сретение ему спрашивают его:

— Что сие значит, отче?

И ответил им старец:

— Вот, грехи мои за спиною моею текут на низ, и не вижу того; днесь же пришел я чужие грехи судить.

Они же, услышав сие, не сказали согрешившему ничего, но простили его.

6

Брат некий пришел в Скит к авве Моисею, прося у него поучения.

Говорит ему старец:

— Ступай, затворись в келье твоей; и келья твоя научит тебя всему.

А В В Ы Н И Л А

1

Сказал авва Нил:

— Все, что сделаешь, дабы защитить себя противу брата, творящего тебе обиду, будет для тебя преткновением в час молитвы.

А В В Ы Н И С Ф Е Р О Я

2

Брат некий спросил старца, говоря:

— Какое есть дело доброе, чтобы творил я его и жизнь свою заключил в нем?

И сказал старец тот:

— Бог ведает, что добро; однако слышал я, как вопрошал некто из отцев авву Нисфероя Великого, друга аввы Антония, говоря вот так же:

— Какое есть дело доброе, чтобы творил я его?

И ответил он:

— Не равны ли все роды подвига? Писание говорит, что был Авра-

ам страннолюбив, и Бог был с ним; Илия же возлюбил отшельничество, и Бог был с ним. Давид же был смиренен, и Бог был с ним. Итак, чего желает по Боге душа твоя, то твори и блюди сердце свое.

3

Говорит авва Иосиф авве Нисферою:

— Что сотворю языку моему? Не могу совладать с ним,

И говорит ему старец:

— А когда наговоришься, имеешь ли успокоение?

Отвечает тот:

— Нимало.

И сказал старец:

— Если успокоения не имеешь, зачем говоришь? Лучше молчи; а когда случится беседа, больше слушай, чем говори.

АВВЫ ПИМЕНА

1

В молодые свои годы пошел однажды авва Пимен к старцу некоему, желая спросить его о трех своих помыслах; когда же пришел к старцу, один из трех помыслов тех позабыл. И пошел Пимен назад к келейке своей; и когда уже возложил он руку свою на запор, чтобы отворить его, вспомнилось ему позабытое. И оставил он запор, и пошел назад к старцу. И говорит ему старец:

— Что так скоро, брате?

Тот же рассказал ему;

— Да уже возложил я руку мою, чтобы отворить запор, и тут вспомнилось мне, чего искал у тебя; и бросил я запор, и сего ради вернулся.

Был же путь тот долог весьма.

И сказал ему старец:

— Ангельский ты муж, Пимен; и будет называемо имя твое по всей земле египетской.

4

Был в Египте, еще до того, как прийти туда авве Пимену, старец некий, и стяжал он знание, и честь от человеков имел многую. Когда же явился от Скита авва Пимен и присные его, оставили старца того человеки и приходили к авве Пимену. И позавидовал старец, и злословил их.

И вот услышал о том авва Пимен, и опечалился; и говорит братии своей:

— Что сотворим великому старцу тому? Ибо в скорбь ввергают меня человеки, оставляющие старца и ко мне, ничтожному, приходящие. Как же возможем мы уврачевать старца того?

И еще говорит им:

— Приготовьте снеди немного и возьмите вина меру; пойдём к нему, и будем вкушать вместе, и сим делом скоро возможем уврачевать его.

Вот взяли они снеди и пошли; а как постучались в дверь к старцу, услышал ученик его и спросил:

— А вы кто такие?

Они же сказали:

— Молви авве, что пришел-де Пимен и просит у тебя благословения.

Когда ученик передал сие старцу, тот велел ответить:

— Ступай, недосуг мне.

Они же терпели жар полуденный, твердя:

— Не уйдем отсюда, покуда не сподобимся видеть старца.

Старец же, видя смирение и долготерпение Пименово, уязвился сердцем и впустил их; во время же трапезы сказал;

— Воистину, не только слышанное мною о вас истинно, во сто крат более того увидел я в делании вашем.

И с того дня стал он им другом.

12

Брат некий спросил авву Пимена, говоря:

— Вот, сотворил я грех великий и желаю нести покаяние три года.

Говорит ему старец;

— Это много.

И сказал ему брат:

— Ну, тогда год.

И ответил старец снова;

— Это много.

Присутствовавшие при беседе той сказали:

— До сорока дней.

Он же опять ответил;

— Это много.

И еще примолвил:

— Говорю тебе, что если от всего сердца принесет человек покаяние и уже не будет более творить греха того, в три дня примет его Бог.

24

И еще сказал он:

— Добрая вещь испытание; ибо оно соделывает человека искушенным,

26

В некое время шел авва Пимен в Египет и увидел жену некую, сидевшую у гробницы и плакавшую горько, и сказал:

— Если бы пришли все сладости мира сего, не отвлекли бы души ее от плача. Вот так и монаху должно всегда иметь плач в себе самом.

38

И еще сказал он:

— Скверна пред Господом всякое утешение телесное.

42

И еще сказал:

— Начало зол есть развлечение ума.

43

И еще сказал:

— Если бы помнил человек сказанное в Писании, что от слов своих

оправдается и от слов своих осудится (Мф. 12:37), избрал бы он лучше безмолвствовать.

63

Сказал авва Пимен:

— Приучи уста твои говорить то, что есть в сердце твоём.

90

Жил некий великий подвижник на горе Афливейской; и пришли на него разбойники; и возопил старец. Услышав же сие, пришли соседи его, одолели разбойников, и отослали их игемону, и ввергли их в заточение.

И опечалились братья, и сказали:

— Нас ради преданы они в заточение.

И, восстав, пошли к авве Пимену, и возвестили ему дело сие; он же написал к старцу тому:

— Помысли о первом предательстве, откуда было оно, и тогда уразумеешь второе; ибо если бы не был ты сперва предан внутренностию своею, не сотворил бы второго предательства.

И прочитал послание аввы Пимена старец (а был он славен повсюду и не выходил из затвора своего); и, восстав, пошел во град, и вывел разбойников тех из темницы, и принародно освободил их.

92

Пришли некие от старцев к авве Пимену и сказали ему:

— Видим, что братья дремлют во время службы церковной; желашь ли, мы дадим им тычка, дабы бодрствовали они на бдении?

Он же говорит им:

— Что до меня, если увижу брата дремлющего, положу голову его на колени мои и буду покоить его.

176

И еще сказал он:

— Злоба отнюдь не истребляется злобою; но если кто сотворит тебе зло, сотвори ему благо, дабы деланием благим истребить злобу.

182

Сказывал авва Иоанн, что пришли раз к авве Пимену из Сирии и желали спросить, как побеждается сердце жестокое. Старец же не разумел по-гречески*, и толмача при этом не случилось; видя, однако, скорбь их, начал он говорить по-гречески и сказал так:

— Естество воды мягко, естество же камня жестко; если, однако, повесим над камнем сосуд узкогорлый, и будет на него по капле вода сочиться, мало-помалу пробьет она камень тот. Так и слово Божие мягко, сердце же наше жестко есть; но если человек почасту внимать будет слову Божию, отверзится сердце его страху Божию.

183

Пришел раз авва Исаак к авве Пимену и увидел, как тот возливал толику воды на ноги свои; имея же к нему дерзновение, сказал ему:

— Как же иные в строгости живут и томят тело свое?

И говорит ему авва Пимен:

— Нас учили не тело умерщвлять, но страсти.

А В В Ы П А М В Ы

1

Был некто, именуемый авва Памва, и про него говорится, что он три года неотступно просил у Бога:

— Не дай мне славы на земле сей.

И так прославил его Бог, что невозможно было долго смотреть на лицо его по причине славы, которую являло лицо его*.

2

Пришли раз братья к авве Памве и вопрошали его.

И один говорил так:

— Авва, вот, я пощусь по два дня, а после съедаю по два хлебца; и спасу ли душу мою или в заблуждении пребываю?

Сказал и другой:

— Авва, а я совершаю рукоделия на два кератия* в день, а что выручу за него, малую долю трачу на еду, а все прочее на милостыню; спасусь ли, погибну ли?

Много просили они, он же ответа не дал; а после сорока дней пришло им время уходить, и утешали их клирики, говоря:

— Не скорбите, братья; мзду вашу воздаст вам Бог. Таков уж обычай у старца нашего, что не вдруг говорит, а лишь тогда, когда Бог ему откроет.

Вот вошли они к старцу и сказали ему:

— Авва, помолись о нас!

Он же говорит им:

— Уходить желаете?

Они говорят:

— Да, авва!

Тогда он, вспоминая в уме делание их, стал писать на земле, приговаривая:

— Памва, кто постится по два дня, а потом съедает по два хлебца, через то ли соделывается монах? Нет! А еще, Памва, кто творит рукоделия на два кератия в день, а плату за то тратит на милостыню, через то ли соделывается монах? Нет еще!

Потом обращается к ним:

— Делание ваше хорошо; но нужно, чтобы соблюл человек чистой совесть свою перед ближним своим, и так спасется.

И они, получив назидание, отошли с радостью.

6

Еще говорил он:

— Монаху должно таковой иметь плащ, что, если положит его вне кельи своей на три дня, ни один тать не польстится на него.

14

Испрашивал авва Феодор у аввы Памвы:

— Скажи мне слово!

После досаждений многих сказал ему старец:

— Отыде, Феодоре, да смотри, жалость имей ко всем; ибо жалости дано дерзновение пред Богом.

АВВЫ СИСОЯ ВЕЛИКОГО

1

Брат, обижаемый другим братом, пришел к авве Сисою, да и говорит ему:

— Обиду терплю от брата некоего и желаю сделать, чтобы наказали его.

Старец увещевает его, говоря:

— Не моги, чадо, но оставь Богу наказывать человека.

Тот же сказал:

— Не оставлю дела, пока не накажут его за меня.

И молвил старец:

— Помолимся, брате!

И, восстав, начал так:

— Боже, нет Тебе нужды более печься о нас; мы бо и сами наказания сотворим и себя обороним.

Услышав сие, брат пал в ноги старцу, говоря:

— Оставляю тяжбу с братом моим; прости мне, авва!

12

Был однажды Авраам, ученик аввы Сисоя, искушаем от беса. И узнал старец о падении его; и, восстав, простер руки свои к небу*, говоря:

— Хочешь ли, Боже, или не хочешь, не отпущу Тебя, пока не уврачуешь его!

И тотчас был ученик тот уврачеван.

38

Брат спросил авву Сисоя:

— Что делать мне, авва? Ведь я пал.

Говорит ему старец:

— Вставай снова.

Говорит брат:

— Вставал я и снова пал.

А старец говорит:

— Вставай снова и снова.

Тогда спросил брат:

— Доколе же?

Говорит старец:

— Доколе не застанет тебя конец — либо в благих делах, либо в падении; в чем будет найден человек, с тем и отыдет.

45

Брат вопрошал авву Сисоя, твердя:

— Скажи мне слово!

Тот же ответил:

— Чего ради понуждаешь меня говорить попусту? Сотвори на деле то, что уже разумеешь.

АВВЫ СЕРАПИОНА

1

Вошел однажды авва Серапион на пути своем в деревню некую египетскую; и увидел блудницу некую, стоящую возле каморки своей. И говорит ей старец:

— Ожидай меня; хочю войти к тебе и провести ночь сию подле тебя.

Она же ответила:

— Добро, авва!

И приготовила она себя, и постелила ложе свое. Когда же наступил вечер, пришел к ней старец; и, войдя в каморку ее, говорит ей:

— Приготовила ли ты ложе?

Она молвила:

— Да, авва! — и затворила дверь.

А он говорит ей:

— Подожди немного, пока не сотворю правило, нами хранимое.

И начал старец вычитывать службу свою; началом положив псалтирь, после каждого псалма творил он молитву, прося Бога о ней, чтобы покаялась она и спасена была. И услышал его Бог. И стояла жена та в трепете на молитве подле старца; и когда скончал старец псалтирь всю, пала жена ниц. Старец же принял за апостола и много вычитывал из него; и так совершил всю службу всенощную. И тогда жена, уязвись сердцем и уразумев, что не греха ради пришел он к ней, но дабы спасти душу ее, поверглась к ногам его, говоря;

— Сотвори мне милость, авва, и проводи меня туда, где возможно будет мне благоугодить Богу.

Тогда старец проводил ее до обители девственников и, вверив ее амме, сказал:

— Приими сестру сию и не возлагай на нее ига, сиречь заповеди, как на прочих сестер; но чего пожелает, дай ей, и как восхоцет, позволь ей обретаться.

И едва прожила она там немного дней, молвила:

— Я грешница и хочу вкушать пищу раз в два дня.

И еще через немного дней молвила:

— Много на мне грехов; хочу держать пост сорок дней.

И еще через немного дней призывает она амму свою и говорит ей:

— Послику много опечалила я Господа беззакониями моими, сотвори мне милость, дай мне уйти в затвор, и пусть подадут мне через окошечко толику хлеба и рукоделие.

И сделала амма по слову ее; и благоугождала она Богу все прочее время живота своего.

АММЫ СИНКЛИТИКИ

1

Сказала амма Синклитика:

— Приступающим к Богу поначалу борение предлежит и труд великий, после же радость неизглаголанная; и сие подобно тому, как желающий разжечь огонь поначалу плачет от дыма и через это исполняет желание свое. И ведь сказано, что Бог наш есть огонь поядающий (Второзак. 4, 24). Так и нам должно возжигать божественный огонь со слезами и трудами.

5

Была спрошена блаженная Синклитика, есть ли нестяжательность благо совершенное; и сказала она:

— Весьма совершенное для имеющих силу. Ведь кто приемлет сие на себя, хоть для плоти своей и скорбь получает, для души же утешение. Ибо как крепкие плащи, попираемы будучи и скручиваемы, очищаются, так и душа сильная, терпя добровольную бедность, в большую силу приходит.

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

СЛАВОСЛОВИЕ

Ей, Царю, Царю нетленный,
дай Тебя воспеть, возславить,
Государя, Властодержца!
Через Тебя напевы наши,
через Тебя Небесных хоры,
через Тебя времен течение,
через Тебя сиянье солнца,
через Тебя луны отрада,
через Тебя краса созвездий;
через Тебя возвышен смертный
дивным даром разуменья,
тем от всей отличен твари.
Ты — Создатель, Ты — Зиждитель,
Ты устав вешам даруешь,
в них и лад и строй являешь,
всё свершая силой Слова,
Слова Божья — Бога Сына,
что Тебе единосущен,
Бог от Бога, Свет от Света,
мир оставил в стройном чине
и над ним всевластно правит;
и отвсюду мирозданье
обвевает, облетает
Дух Святой Животворящий.
Слава Троице единой,
неделимой, сокровенной,

безначальной, безконечной,*
несказанной, непостижной!
Тайна таин, Ум верховный,
без начала, без предела,
мироздания средоточье,
Свете! Взор Тебя не емлет,
Ты ж объемлешь все глубины,
всё проникнул, всё постигнул —
бездны мрака, выси неба!
Благодать мне, Отче, даруй,
послужить Твоей святине
поклоненьем непорочным;
отпусти грехи и вины,
изгони из помышлений
скверну злобы, темень плоти, —
да почту Тебя нескверно,
в чистоте подъемля руки,
да воздам Христу служенье,
в правоте склонив колена!
Помяни раба, Владыка,
как в Твое приидешь царство!
Благодать мне, Отче, даруй,
даруй милость и прощенье,
да Твое возславлю имя:
днесь — и до скончанья века!

С Л А В О С Л О В И Е А П О Ф А Т И Ч Е С К О Е

О, Превышающий всё! что ж еще Тебе я примолвлю?
Как Тебя слову возславить? Для слова Ты несказуем.
Как Тебя мысли помыслить? Для мысли Ты непостижен.
Неизречен Ты один, ибо Ты — исток всех речений.
Неизъясним Ты один, ибо Ты — исток всех познаний.
Всё и речью своей, и безмолвьем Тебя славословит;

Всё и мыслью своей, и безмысльем Тебя почитает;
Все алканья любви, все порывы душ уязвленных
Вечно стремятся к Тебе; и целый мир совокупно,
Видя Твой явленный знак, немое приносит хваленье,
Всё пребывает в Тебе, и всё Ты объёмлешь Собою,
Как всеобщий предел, как Единый, как всё, и, однако,
Как ничто из всего! Всеимянный, Ты безымянен;
Как же воззвать мне к Тебе? Какой из Умов занебесных
В светлы проникнет, Тебя сокрывшие? Будь благосклонен,
О, Превышающий всё! Что ж еще Тебе я примолвлю?

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Речи пернатые где? Отлетели в воздух. Где милой
Младости цвет? Он увял. Где слава? Ушла невозвратно.
Где состава телесного связь? Разшаталась недугом.
Где имение? Бог отъял; а иное безстыдной
Зависть руке предала. Где отец мой и мать? Где братьев
Сердцу святая чета? Сошли до срока во гробы.
Благо одно оставалось — родная земля: но из оной,
Бурно валы возбудив, изверг меня демон злонравный.
Ныне, страшник, скитаюсь, всему чужой, на чужбине,
Жалкую жизнь влача и терпя бессильную старость,
Без престола, без града, без чад, но в муках о чадах,
Лишь со дня и на день живя, непрестанно блуждая.
Где же тело докучное сброшу? Как жизнь я окончу?
Что за край, что за гроб меня примет страннолюбивый?
Кто возложит персты на мои померкшие очи —
Друг ли Христов, по вере собрат, иль злодей из злодеев?
Что до того? Слабодушно пустые лелеять заботы.
Будет ли тело мое бездыханное предано гробу,
Будет ли без погребенья простерто оно, плотоядным
Птицам окрестным и псам в корысть, и прохожему зверю --
Если желаешь, сожегши, развей по ветру мой пепел,

Или на высотах положи мертвеца без могилы,
Или в водах дождевых дай согнить, в речных ли потоках.
Я ли один сопричтен не буду общему сонму?
Если б то было возможно! Но нет: по Божьему зову
День последний всех соберет от пределов вселенной,
Также и тех, кто во прах обращен, кто недугом изглодан.
Вот о чем я скорблю: страшусь судилища Божья,
И потоков огня, и лютейшей тьмы преисподней.
Ты, Христе, Ты всё для меня: и младость, и сила,
И родная земля: в Тебе упокоиться жажду.

НА МОГИЛУ ОТЦА

Века людского в предельную меру достигнув, столетний
(Сорокалетний, когда годы священства сочтем),
Добр и краспоречив, Триединого Бога служитель,
Здесь я, Григорий, обрел праху покой своему.
Но окрыленная ввысь возлетела душа. Иерси,
С пеньем спешите сюда — почесть могиле воздать.

ЭПИТАФИЯ МАТЕРИ

Нонна, Фильгатия дочь. -- А где скончалась? -- Во храме.
-- Как? -- Среде молитвы? -- В каких годах? -- Дожив до седины.
-- О, прекрасная жизнь и угодная Богу кончина!..

ЖАЛОБЫ

Увы, Христе мой! тяжело мне дышать и жить!
Увы! нет меры, ни конца томлению.
Увы! всё длится странствие житейское,
в разладе с целым светом и с самим собой,

и образ Божий меркнет в унижении!
Какой же дуб такие вихри выдержит,
какой корабль такие бури вытерпит?
Изякли силы, изнемог я в горестях!
Не доброй волей отчий сан воспринял я, —
приняв, нашел святыню в поругании;
друзья врагами стали; плоть язвит недуг;
каменьями толпа меня приветствует;
далече паства, чада же духовные
одни со мной разлучены, другие же
спешат предать. Горька печаль отцовская!
А братья по священству, злее недругов,
забыли и о Трапезе таинственной,
о равной доле в пастырском служении —
о том, что и в презренном подобает чтить;
не подают мне утешенья в бедствиях,
спиною повернувшись к одинокому.

ПАДЕНИЕ

Увы, Христе мой! древний приступает змий.
Увы, он приступает, я же немощен.
Увы, вкусил от древа я познания.
Увы, ко злобе Злобою склонен самой.
Я боле не божествен, Рай утратил я.
Меч пламенный, свой пламень угаси на миг,
дабы вступить мне сызнова в блаженный сад,
как оный тать, с креста в Эдем допущенный.

СТУПЕНИ ОБИДЫ

Горька обида. Если ж уязвляет друг —
двойная горечь. Если ж из засады бьет --

тройная мука. Если ж брат по вере твой —
скрепись, душа. Но если иерей, —
увы, куда бежать от смертного томления?

ЛЕСТНИЦА ЦЕЛОМУДРИЯ

Чистотою чистый ставим
На ступень себя же выше:
Тот, кто ложу непричастен,
Равен ангельской природе;
Кто воздержным стать ревнует,
К девственникам сопричтется;
Кто хранит во браке верность,
Сравняется с воздержным.
Лишь держись твоей ступени:
Улучишь и то, что больше.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЭПИЛОГ

ИОАНН МАЛАЛА

С Л О В О В Т О Р О Е

По кончипе Гефестовой правил египтянами сын его Гелиос дней четыре тысячи четыреста семь, сиречь годов двенадцать и еще дней девяносто семь; но во времена те ни египтяне, ни прочие народы не умели еще счет вести, но одни числили за годы обращения луны, иные же обращения дневные. Счисление же по двенадцати месяцам измышлено было после того, как нареклись человеки у царей подданными.

Оный Гелиос, сын Гефестов, славолюбив был и могуществен. Узнал он от кого-то, что жена некая египетская, в достатке и чести живущая, возымеv вожделение к мужу некоему, впала с ним в блуд; прослышав же сие, искал Гелиос уличить ее по законоположению Гефестову, дабы не ушла она от кары. Дознавшись о часе блудных ее свиданий и взяв воинов из дружины своей, ворвался он к ней в отсутствие супруга ее и обрел ее возлегшей с любодеем своим. Захватив ее, повелел он немедля со срамом водить ее по всей земле Египетской; и сделалось со времени того целомудрие великое в пределах египетских. Любодея же того казнил он и тем благодарность себе стяжал. О деле сем повествует поэтически Гомер стихотворец*, баснословя, будто уличил Гелиос Афродиту, смесившуюся в ночи с Аресом; Афродитой же назвал он вожделение блудное, от царя Гелиоса избличенное. Истину же, нами выше изложенную, Палефат* записал, летописец премудрый.

По кончине же Гелиоса царя, сына Гефестова, правил египтянами Сосис, а после царствования его воцарился Осирис, а после Осириса воцарился Гор, а после Гора воцарился Фулис, каковой покорил себе с силою великою всю землю даже до Океана. По возвращении же из по-

хода, африканскими проходя землями, вошел он в прорицалище, гордынею обуянный, и спросил, жертвы принеся, так:

— Прореки мне, Огнемощный, Правдивый, Блаженный, в высях эфирных стезю свою стремящий! Кто прежде владычества моего возмог все покорить себе или кто после меня возможет?

И было ему прорицание такое:

— Первым — Бог; и Слово — по Нем; и Дух с Ними купно*.

Сродны Трое сии, Едины, и власть Их вовеки.

Спешной стопой удались, о смертный, чей век ненадежен.

И тотчас же, по выходе из прорицалища, был он в земле африканской умерщвлен своими же людьми, заговор на него составившими.

Записал предания сии о древних и начальных временах царства Египетского Манефон*. А еще явствует из писаний его же, что некогда иные были у пяти планет имена: звезду, нарицаемую ныне Кроновой*, называли «Светящей», звезду Зевесову* — «Лучезарной», Аресову* — «Огнезрачной», Афродитину* — «Всепрекраснейшей», Гермиеву* — «Блистающей»; каковыя имена изъяснил впоследствии Сотат Премудрый*.

По скончании же времен тех воцарился над египтянами первым из сынов Хамовых Сострис*. Сей, ополчась на ассирийцев и сразившись с ними, покорил их, и халдеев, и персов даже до Вавилона. Равным образом подчинил он себе Асию, и Европу всю, и Скифию, и Мисию. Когда же поворачивал он назад в Египет из земли Скифской, отобрал он себе мужей скифских, юпошей воинственных, в числе пятнадцати тысяч; переселив их в Персию, там и повелел он им обитать, землю же дал ту, что сами они избрали себе. И остались в Персии скифы те даже донныне, наречены же они от персов «парфянами», что есть наименование скифов на языке персидском. И одежду, и речь скифскую, и законы скифские держат они даже донныне и весьма воинственны во время бранное, как написал Геродот Премудрый*.

Во времена же царствия прежде именованного Состриса жил Гермий Трижды Величайший*, муж египетский, ужасный мудростию своею. Говорил он, что у Демиурга Непозреченного имя — три ипостаси

величайшие, Божество же едино. Сего ради и был он от египтян наречен «Трижды Величайшим». В речах же его многообразных ко Асклепию обретаем его учившим о естестве Божием таковое:

— Если бы не действие Господа всего, мне слово сие открывшего, не спедал бы вас толикий пыл вопрошать о сем. Невозможно открыть таинства столь великие непосвященным; но внемлите умом своим! Единый есть Свет умный, прежде Света мысленного; и от века был Ум Ума пресветлый, и ничего не было иного, как только единство его; от века пребывает он в себе, но и вечно умом, и светом, и духом своим все объемлет. Вне его нет ни бога, ни ангела, ни демона, ни иной какой сущности; всего Господь Он и Бог, и все под Ним и в Нем есть. Ибо Слово Его, от Него исходящее, всесовершенное, породительное и демиургическое, в породительное пав естество, в воду породительную, оживотворило воду ту к зачатию.

Сказав же сие, молился он так:

— Заклинаю тебя, о Небо, великого Бога творение премудрое, милостиво буди! Заклинаю тебя, о Глагол Отчий, первым от Него изглаголаный, когда мироздание утверждал Он по воле Своей!

И в книгах, против царя Юлиана Кириллом благочестивейшим* написанных, упоминается, что Гермий Трижды Величайший, о грядущем не зная, исповедал, однако, Троицу единосущную.

Царь же Сострис, вернувшись после победы своей в Египет, скончался; и воцарился по нем над землею Египетскою Фараон, Марахон тож; и впредь были у египтян цари из рода его.

Во времена же преждедеченного царя Пика* Зевеса явился в землях западных некто из племени Иафетова, в крае Аргивском, звали же его Инах*; он первым воцарился в крае том. И основывает он там град, каковой по имени Луны, им почитаемой, нарек он Иополис; ибо и доселе нарекают аргивяне Луну в таинствах своих именем сокровенным сим, Ио. Создал он и святилище Луны во граде том, поставив ей столп медяный, на коем написал: «Ио, Блаженная, Светочесная».

И взял Инах тот себе жену, звали же ее Мелия; и от нее имел он чад троих — Каса, и Вила, и дочь, каковую нарек он Ио по имени Луны. И была дева та прекрасна весьма.

И тогда Пик, Зевес тож, царь земель западных, прослышав про Инаха, что есть у того дочь, дева прекрасная, через подосланных похитил Ио, дочь Инахову, и вот лишает ее девства и творит непраздной; и родила она ему дочь*, каковую нарек он Ливией. Но Ио, возмущившись сердцем о приключившемся с нею и не желая более иметь с Пиком общения, дочь свою оставила, отца же своего Инаха узреть устыдилась и бежала на корабле в Египет. Придя же в землю Египетскую, Ио там проживала; узнав же по некоем времени, что царюет над Египтом Гермий, сын Пика Зевеса, и убоявшись Гермия сего, бежит оттоле в Сирию, на гору Сильпий, ту, на коей впоследствии Селевк Никатор, царь македонский, заложил град и назвал его по имени собственного своего сына Антиохиею Великою*. Отойдя же в Сирию, Ио там и преставилась, как написал Феофил Премудрый; другие, впрочем, рассказывали, что-де в Египте скончалась Ио.

Меж тем Инах, отец ее, разыскивать ее послал братьев ее и родичей, а с ними Триптолема и аргивян, каковыя, повсюду розыск чиня, не обрели ее; когда же узнали аргивяне, иополитяне тож, что преставилась Ио в земле Сирийской, пришли они туда и пробыли там время малое в том, что стучались в каждый дом, приговаривая:

— Душа Ио да будет спасена!

Совершая же гадание, увидели они в видении сонном телицу, говорившую им человеческим голосом:

— Здесь я, Ио!

Пробудившись же, долго дивились они, какую силу имеет сонное сие видение; и, рассудив, что на горе оной почнет Ио, воздвигли они ей святилище, да и жили там, на горе Сильпии, основав и град свой, каковою нарекли они Иополис, и сами наречены были по причине той от сирийцев ионитами даже до сего дня.

Сирийцы же антиохийские от того времени, творя воспоминание, как пришли аргивяне разыскивать Ио, каждый год стучатся об оное время в дома эллинов даже доныне. Виною же, что остались аргивяне тогда в Сирии, было повеление Инаха, царя аргивского, отца Ио, сказавшего:

— Если не приведете ко мне дочь мою Ио, не возвращайтесь в землю Аргивскую!

И основали там иониты святилище Кроново на горе Сильпии.

Что до Ливии, дщери Ио и Пика, Зевеса тож, то сочеталась она с мужем неким, по имени Посейдон, и родились у них трое сынов — Агенор, Бел и Эниалий. И отошли Агенор и Бел в Сирию, сведать, не жива ли Ио и где братья ее, кои приходились им родичами; не сыскав никого, повернули они назад. И направил Бел путь свой в Египет, где, взяв в жены Сиду, имел от нее сыновей двоих, Египта и Даная. Агенор же, отойдя в Финикию, взял в жены Тиро; и основывает он там град, каковой нарекает Тиром по имени супруги своей. И воцарился он там, и породила ему Тиро сыновей — Кадма, Финика, Сира и Килика, и с ними дочь, каковую нарек он Европою. И процарствовал Агенор в землях тех шестьдесят лет и три года.

О Европе же поэты сказывали, будто дочь она Финика, сына Агенорова; но в сем не согласны они с хронографами.

И приступил ко граду Тиру Тавр, царь Критский, и после сражения морского взял Тир оный к вечеру и, расхитив град, увел в полон многих, в числе коих взял и Европу, дочь Агенорову. Агенор же и сыны его сражались в то время на рубежах; о сем-то проведав, и напал неожиданно Тавр, царь Критский, на край тот с моря. Память же вечера того творят тиряне даже доньше, называя его Зловечерием.

И увел Тавр Европу в землю свою, и взял ее в жены; а была она дева, и весьма красива. И назвал он края свои по имени ее «европейскими». И родила она ему сына Миноса, как написал и Еврипид Премудрый, когда говорит в стихах своих, что-де Зевес, в Тавра, сиречь Быка, обратясь, Европу похитил.

И заложил оный царь Тавр на Крите острове град великий, каковой назвал он Гуртиною по имени матери своей из рода Пика, Зевеса тож; Судьбу же града того назвал он Каллиникою, по имени девы, от него в жертву закланной.

Меж тем царь Агенор, воротясь из похода своего в Тир и услышав о случившемся неожиданном нападении Тавровом и о расхищении столицы своей, тотчас послал Кадма за Европою с деньгами немалыми и с воинством. На смертном же одре своем царь тот Агенор наказал, чтобы вся земля, им покоренная, поделена была между тремя сынами его, И приял Финик град Тир с прилежащими к нему землями, и назвал землю ту по имени своему Финикиею; так же и Сир соделал, нарекши полу-

ченную им землю по имени своему Сирией; так, наконец, и Килик нарек по имени своему доставшуюся ему землю Киликией.

И жил во дни царства Финикова Геракл Философ, по прозванию Тирский, который изобрел употребление пурпура. Идучи однажды по побережью града Тира, увидал он пса пастухова, пожиравшего так называемую конхилу, каковая есть род малой морской раковины; пастух же, помыслив, будто окровавлена пасть пса его, взял от овец своих пригоршню шерсти и обтер влагу с пасти несей, окрасив тем шерсть. Геракл же, приметив, что отнюдь не кровь то, но сила неведомой некоей влаги, изумился. И вот, вызнав, что у ракушки взята влага, шерсть окрасившая, взял он шерсть у пастуха и понес ее Финику, царю Тирскому, как дар великий. Подивился и тот зрелищу краски цвета невиданного, и восхищен был изобретением новым, и повелел погружать в сок ракушки той шерсть и ткать ему ризу его царскую; и носил он первый из царей порфиру, и удивлялись все царскому его наряду, чему подобного прежде не видели.

И от того времени повелел царь Финик, да никто из подданных его не дерзает носить наряд таковой, из даров земли и моря устроенный, по только сам он и те, что будут по нем в Финикии царевать, дабы приметен был царь воинству своему и всему народу по одеянию своему дивному и чудному. Ранес же не умели люди риз окрашивать, но какова есть сама по себе шерсть овечья, такие и творили себе ризы, и носили их; и цари носили ризы верхние того же цвета из какой ни придется шерсти, и нелегко было распознать царя среди множества людей его. Но оттоле в каждой земле цари, государи и топархи, прослышав о сем измышлении, украсились нарядом, кто занонами златыми, кто порфиною, кто ризою червленою, окрашивая ее соком трав неких, и красовались так, дабы отличали их от людей их; а написал о том Палефат Премудрый.

А много времени спустя римляне, покорив себе землю финикийскую, истинное сие и носимое издревле одеяние царское себе усвоили, наименовав его на языке своем римском «тогою»; и носят его консулы римские даже донныне.

Нума же, Помпилий тож, в Риме царевавший после Ромула и Рема, приняв посланцев из земли так называемых целазгов, каковые

посланцы носили хламиды с клавами красными, как носят и ныне выходцы исаврийские, и видом их усладившись, первый в Риме положил хламиды носить: для царей порфиновые, с клавами золотыми, а для синклитиков своих, для сановников и военачальников хламиды белые с клавами пурпуровыми, знаком наряда царского, указующим на достоинство гражданства и подданства римского; и повелел он, чтобы впредь никто не входил к нему в палатий его иначе, как в хламиде. Но и стража дворцовая не впускала в палатий никого без хламиды, являющей честь одеяния царского, как написал Транквилл Премудрый, спасатель дел римских.

Сир же, сын Агеноров, муж был мудрый и написал письменами финикийскими книгу любомудрия счислительного; и учил, что-де начала бестелесны суть, души же меняют тела и переселяются в тварей чуждых. Сему учил он первым, как написал Климий Премудрый.

Во времена те родился Фалек, сын Еверов, муж богобоязненный и мудрый, живший годов триста тридцать девять, о котором написал пророк Моисей. От Адама же до Фалека годов три тысячи, по слову пророческому.

С Л О В О П Я Т О Е О В Р Е М Е Н А Х Т Р О Я Ц С К И Х

Во времена Давидовы* царил над Илионом, сиречь над землей Фригийской, Приам, сын Лаомедонтов. В царствование же его и сам Илион, и Дардан, и Троя, и вся земля Фригийская разорена была от ахейцев, меж коими ведомы Агамемнон и Менелай с Неоптолемом Пирром и прочие, пришедшие походом на Илион вины ради Париса, именуемого также и Александром, который похитил Елену, распалась на нее страстию.

Была же Елена та хороша станом, прибрана, с отменною грудью, бела как снег, хороша бровями, хороша носом, хороша всем лица устроением, кудревласа, светлоруса, большеока*, благоуветлива — страшное для жен зрелище; лет же было ей двадцать шесть.

Началу же бед, погубивших Троию, и всю землю Фригийскую, и царство земли той, причина сыскалась таковая.

Когда родился Парис от Гекабы, Приам, отец его, пошел в прорицалище Фебово, спросил о родившемся у него сыне; и дано было ему вещание:

— Родилось у тебя чадо, Парис злопаридственный; и сей, тридцати годов достигнув, разорит царство Фригийское.

Услышав сие, Приам тотчас изменил имя дитяти, нарекиши его Александром, и отослал его в селение, именуемое Амандр, предав земледельцу некоему на воскормление, покуда не исполнится ему тридцати лет, о коих говорило вещание. И оставил он того Александра, иначе Париса, отец его Приам в селении; возведши же стену вокруг селения того, нарек он место Парием*, градом великим.

Парис же пребывал в месте том, возрастая и прилежа к чтению, так что стал речист и в науках искушен, и слово похвальное сочинил

Афродите, мудрствуя, что-де ни Паллада, ни Гера ее превзойти не могут; Афродита же, сказывал он, вожделение есть, и от вожделения-де все порождается. Сего ради баснословствуют, будто судить призван был Парис меж Палладою, Герою и Афродитою и присудил Афродите яблоко, сиречь победу. Витийствовал же он так, что-де вожделение, которое есть Афродита, все порождает*: и чад, и премудрость, и воздержанность, и художества, и все прочее, как в человеках разумных, так и в скотах бессловесных; и нет будто ничего ни превыше вожделения, ни отменнее его. Оным же Парисом сочинен был и гимн к Афродите, надписанный «Пояс».

Когда же минул ему год тридцать второй, Приам, разочтя, что сроку тридцатилетнему, вещанием оным о Парисе предреченному, конец пришел, послал за Александром тем, Парисом тож, и повелел привести его из деревни со всякою честью; ибо любил его Приам.

И вышел Приам во сретение сына своего; и сам он, и синклитики его с ним, и все братья его, и все люди градские. И так вступил в Трою Парис оный, на тридцать третьем году жизни своей, в месяце ксанфике, сиречь апреле.

И нашел Приам, что всем Парис хорош — и красою, и силою, и бедою; и повелел ему взять дары и плыть в Элладу, дабы пожрать там жертву Аполлону Дафнейскому, каковой, мыслил Приам, умилится над старостию его и пронесет беду; ведь минул уже срок, вещанием предреченный. И написал царь Приам для Париса грамоты ко всем царям и топархам* земли Эллинской, прося принять сына своего Париса, Александра тож, отходящего молебствия ради, сиречь Аполлону жертву пожрать; и отпустил Париса оногo, послав с ним и дары царям тем. И отплыл тот в месяце десии, сиречь июне, в день осьмнадцатый, скончав дней пребывания своего в Трое пятьдесят и семь, имея с собою дары царские во множестве, а сопровождаемый сотнею мужей фригийских, юношей бодрых.

И прибыл он во град эллинский, именуемый Спарта, управляемый же царем, или топархом, Менелаем, сыном Плисфеновым. А был Менелай тот воспитан при дворе Атрея, царя аргивян, купно с Агамемноном, сыном царевым; сего ради называли обоих Атридами.

Собираясь же Менелай немедля плыть со сродниками своими на

Крит, жертвы пожрать желая Зевсу и Европе в Гортине, городе критском, когда прибыл к нему во град Спарту Парис. А был у Менелая обычаем такой: на каждый год в те же дни вершить обряды положенные и жертвоприношения, память чувствуя Европы, прародительницы своей. Но принял он Александра, Париса тож, и грамоту Приама, царя Фригийского и Асийского, и царские дары взял; самого же Париса Александра обнял, и оказал ему благоволение, как собственному своему сыну, и всякую честь воздал, и определил ему проживать и кормиться в собственных своих палатах, и дозволил оставаться во граде том, сколько тот пожелает, попросив продлить пребывание свое, пока не отдохнет Парис от тягот пути, и лишь потом идти в святилище Аполлоново, дабы исполнить повеление о жертве. После же, устроив его и даровав слуг многих и в собственные свои палаты приняв, поспешно отплыл Менелай на Крит.

Итак, пока пребывал Менелай на Крите, жертвы принося Зевсу Астерийскому и Европе во граде Гортине, случилось Елене сойти в сад возле палат своих, прогуливаясь купно с Ефрою, сродницею Менеласвою через Пелона, и Клитемнестрою из рода Европина. Парис же, украдкою в сад заглянув и цвет красоты Елениной приметив, уязвлен был любовью к ней; действуя через Ефру, сродницу Менелаву из рода Пелопова, и Клитемнестру из рода Европы, совратил он Елену, похитил ее и бежал на кораблях троянских, с ним бывших, захватив с собою денег триста литр, и драгоценностей много весьма, и серебра,— купно с Ефрою из рода Пелопова и Клитемнестрою из рода Европы, и еще с пятью рабынями, постельничими Елены. И направился он к Сидону*, а оттуда к Протею*, царю Египетскому, и думать позабыв о посещении святилища Аполлонова и о принесении жертвы в земле Эллинской.

Когда же провели воины, дворец Менелав стерегшие, о бегстве Еленином, устрашились они и отрядили немедля воинов трех из Спарты, града эллинского, в Гортину, град критский, к царю Менелая с вестью о том, что похитил Елену Парис, а с нею прихватил и Ефру, сродницу цареву, и Клитемнестру. И был Менелай, услышав сие, как в уме поврежден, и много гневался на Ефру, ибо возлагал прежде на целомудрие ее надежду особливую. Немедля вернулся он морем в Элладу, во град Спарту, и всюду разослал людей на поиски Елены, и Париса, и сущих с ними. Но не нашли их.

По прошествии же времени прибыл из Египта в Трою Парис, везя с собою Елену, и деньги, и все богатство ее. Когда же увидели Приам и Гекаба Елену подле Париса, изумились они красоте ее и спросили ее, кто она и кто предки ее. Елена же ответила:

— Сродница я Александру, Парису тож; и ближе мне Приам и Гекаба, нежели Плисфенов сын Менелай. Ибо от Даная и Агенора, сидонян, и от предков Приамовых веду я род мой. От Плесионы, дочери Данаевой, родились Атлант и Электра, от Электры царь Дардан, а уж от него пошел Трои и цари Илионские, в чередѣ коих через Финика, сына Агенорова, порожден был Дина, отец Гекабин; меж тем из рода Дины того и Леда происходит.

Сказав сие, молила Елена Приама и Гекабу клятву дать, что не выдают ее, и уверила, будто не взяла ничего от богатств Менелаевых, но все ее достояние есть. Тогда Гекаба, обняв, лобызала ее и от того часа возлюбила ее перед всеми.

Провсѣдав же, что Елена в Трое с Парисом обрѣтается, послов отравили Агамемнон и Менелай с требованием выдать Елену. Досаждала ведь и сестра ее Клитемнестра мужу своему Агамемнону, царю Аргивскому, ища возвратить Елену, сестру свою; и написала она, и вручила Менелая послание к Елене, долженствовавшее убедить ее.

И пришел Менелай к Приаму, требуя Елену, супругу свою, прежде, нежели начать войну; но не склонились Приамиды выдать ее. И тогда стали собираться походом на Илион Атриды и звали с собою царей союзных, или топархов. И упрашивали они Пелея и Фетиду, жену его, и Хирона, отца ее, царя-любомудра, отпустить с ними Ахилла, сына Фетиды и Пелея оного, Хиронова внука. И послал Хирон за Ахиллом; а тот обрѣтался у царя Ликомеда, тестя своего, отца Деидамии. И пошел с Атридами Ахилл тот, ведя с собою войско свое из мирмидонян, именовавшихся тогда так, ныне же болгарами именуемых; было же их три тысячи, и с ними Патрокл стратопедарх и Нестор, кои упрошены были Хироном, Пелеем и Фетидою, да с Ахиллом пребудут неотлучно.

ПРЕП. РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ

НА ИУДУ ПРЕДАТЕЛЯ

КУКУЛИЙ I

Себя смилив, Владыка
стопы омыл злодею,
меж тем как вор лукавый
язык на грех кровавый
уж готовил в потайности, --
от скверны сей и мерзости,
о Христе Господи,
нас соблюди, молящих,
в доме Девы поющих;
«Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!»

1

Не содрогнется ли слышавший,
не ужаснется ли видящий --
Иисуса на погибель лобызаема,
Христа на руганье предаваема,
Бога на терзанье увлекаема?
Как земли снесли дерзновение,
как воды стерпели преступление,
как море гнев сдержало,
как небо на землю не пало,
как мира строение устояло,

видя преданного, и проданного,
и погубленного Господа крепкого?
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

2

Вот обман замыслил лукавейший,
вот ковы уготовал безбожнейший,
призванный — и от Тебя отложившийся,
избранный — и о Тебе соблазвившийся,
возлюбленный — и на Тебя изошрившийся!
Ты же в оный час, о Милостивец,
явил погубителю проклятому
безмерное Твое человеколюбие!
Губку насытил влагой,
длань утрудил работой;
так услужал слуге Ты,
и простирали стопы свои
Иуда, Ты же омывал их, Господи!
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий и всех Приемлющий!

3

Иисусе, стопы омывающий
устроителю Твоего погубления,
святынею Твоей одаряющий
осквернителя Твоего благословения,
предателя Твоего лобызания, —
Ты возвысил нищего милостью,
обласкал убогого мудростью,
одарил и облагодетельствовал
игралище бесовское!
Приял он хлеб Причастья,

вкусил вино Завета —
и злобой заплатил за милости,
не постыдился, окаянный, мерзости!
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

5

Бессердечный, безбожный, безжалостный,
погубитель, предатель, отступниче,
чем побужден ты, скажи, к отпадению,
чем склонен, молви, к преступлению,
чем увлечен, ответь, к погублению?
Не братом ли Господь нарек тебя,
не другом ли Он именовал тебя,
мж тем как растленным знал тебя?
Тебе ведь Он доверил
святое достоянье,
всей братии владенье,
ты же без стыда и без совести
отнюдь не убоялся низости!
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

6

Петр Апостол с мольбою склоняется,
зря, как Искупитель снаряжается,
приступая к делу омовения;
молит Петр: «Да не будет, Господи!» —
но губка водой насыщается,
и Владыка к ногам преклоняется,
в зраке рабьем за труд принимается;
тогда и силы неба

страшились и взывали,
дивились и дрожали,
не страшился лишь тать, не одумался,
изощрился на дело предательства.
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

7

Ангелы в страхе изумляются,
архангелы крылами закрываются,
взирая с небес на Непостижного,
перед черстью Себя смирившего,
перед прахом главу преклонившего;
Гавриил кличет в исступлении:
«Рати небесные, воззритесь,
неслыханному делу подивитесь:
простер стопу апостол,
и моет плоть людскую,
Кто плоть и мир созиджил;
и не Петра единого оmyвает,
но Иуду служением ублажает!»
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

12

О, какие любви деяния,
а Иуда не приял умиления!
О, какие святые речения,
а злодей не принес покаяния,
не смягчился, не дрогнул, не тронулся!
Ведь вкусил от хлеба причастного,
ведь испил от вина благодатного

тать, и пяту подъял на Питавшего,
и вышел из овчарни,
оставив агнцев стадо
для волчьей стаи Ада,
покинул сосцы сладчайшие,
и прияло тебя лоно Проклятого.
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

22

О, помедли, злосчастный, одумайся,
помысли, безумный, о возмездии!
Совесьть свяжет, умучит грешника,
и, в ужасе многом одумавшись,
ты предашь себя смерти мерзостной;
древо встанет над тобой губителем,
воздаст тебе сполна и без жалости;
и на что, сребролюбче, польстился ты?
Мерзкую мзду ты кинешь,
гнусную душу стубишь,
деньгами себе не поможешь,
продавши Сокровище нетленное.
Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!

23

Господи, Господи, Господи,
Святой Боже, Святой Крепкий, Вседержителю,
умились над Твоим творением,
над плотью, над прахом, над перстию,
сохрани, соблюди от погибели!
Мы же, братие, внимая сказание,

лукавца созерцая растление,
укрепим стопы свои крепостью,
стойкой пяте недвижимый,
твердый, святой, неложный
веры устой обрящем
и от адской оградимся засады,
к Искупителю взывая с молитвою;
«Милостив, милостив, милостив
буди нам, о всё Объемлющий
и всех Приемлющий!»

Г И М Н

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпением обильному,—

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют безтелесные,
Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая,
Голубица, от Духа позлащенная*,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,

Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова*.
Град, двенадцать врат отверзающий*,
Благовоний духовных хранилище,
Людам Божиим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содейлай бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянный,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.
Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:
Подобает Тебе поклонение

Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

О ЖИЗНИ МОНАШЕСКОЙ

КУКУЛИЙ I

Как благочестия вестников и на злочестие ратников
богоносцев собор осиянный
поставил миру Ты светить подлунному;
их молитвами, Боже, в несмутимом покое
Тебя величающих, Тебя славословящих
сохрани, огради, да поем Тебе:
«Аллилуйя!»

КУКУЛИЙ II

От жизни мира дольного к высотам Рая умного
свершая преселение, взываем в покаянии:
«Сам, о Благий, помилуй тех, что Тебя взыскуют;
вот мы все блага мира оставили,
да Тебя обречем, поющие:
“Аллилуйя!”»

КУКУЛИЙ III

Сколь возлюбленны шатры Твои, Господи сил!
В них же вселившиеся, Спасителю наш,
во веки веков вознесут Тебя,
славословя, песнословя,
кунно с пророком Давидом:
«Аллилуйя!»

1

Созерцая земные веселия,
помышляя в уме об увиденном,
возкорбел я, постигнувши явственно,
сколь горька сия чаша житейская!
Вас единых почел я блаженными,
честь благую избравших с Мариєю,
волей всей ко Христу прилепившихся
и с Давидом светло воспевающих:

«Аллилуйя!»

2

Не видал я меж смертных безкорбного,
ибо мира превратно кружение:
кто вчера возносился гордынею,
того зрю с высоты низвергаемым;
богатевший с сумою скитается,
роскошь знавший нуждою терзается;
вы одни остаетесь свободными,
кто свой дух покорил песнопению:

«Аллилуйя!»

3

Над убогим богатый ругается,
пожирает его достояние;
слезы пахарю, прибыль владетелю,
труд сему, и роскошества оному;
потом многим бедняк обливается,
чтобы все отнялось и развеялось!
Плод же ваших трудов нерушимую
запечатан Христовой печатю:

«Аллилуйя!»

4

Се, безбрачным надежд отсечение,
в браке ж сущим забот изобилие;
се, безчадный терзаем печалию,
многочадный снедаем тревогою;
эти многим томимы томлением,
тем же плач предлежит о бездетности;
вы одни посмеетесь сим горестям,
ибо ваша услада небренная —
«Аллилуйя!»

5

Горьки воды пучины губительной,
сладки яства гортани заморские;
и плывут человеки над бездною,
понуждаемы чревом и алчностью,
предают себя палубе зыблемой,
небрегут о погибели горестной;
безмятежно лишь ваше пристанище,
ибо якорь ваш есть песнопение —
«Аллилуйя!»

6

О пиратах, о бурях, о бедствиях
не помыслит наживы возжаждавший;
испытав же валов возмущение,
задрожит, но отнюдь не отступится;
он готов для надежды обманчивой
смерти зрак приступающей вытерпеть;
только вы среди моря житейского
обрели ограждение верное —
«Аллилуйя!»

7

По земле вы прошли, непорочные,
будто сроду земли не коснулись;
о земле отложив помышление,
вы стезею восходите подвига;
вы послушали сердцем рачительным,
люди Божии, голоса Божьего,
«приидите ко Мне», — возвестившего, —
«ибо в радость Мне ваше зывание:
“Аллилуйя!”»

8

Словом кратким объемлю реченное:
мир преходит и мира прельщение;
коль житейские блага стяжаем мы,
лишь ко гробу себя приближаем мы.
Дивно слово, что Мудрый нам вымолвил.
«Суета сует, духа томление!»
Предлежит нам гроб, к чему ж столько злоб?
Но прекрасно воспеть в безмятежности:
«Аллилуйя!»

9

Знаю, знаю, как вы мне ответите,
не устами, так мыслию молвите:
«Ты нас учишь о мира превратности,
что же сам прилепляешься к брэнному?
На сучок в оке брата зриаешь ли,
а бревна в твоём оке не чувствуешь?
Если истину зришь, почто не творишь?»
Как спасусь, не радевший о милостном
«Аллилуйя!»

10

Так, не все мы вместили веление,
что от Господа нам заповедано;
всем сказал он, прорекши единому:
«Все раздай, да за Мною последуешь».
Мудрым сердцем внимали разумные,
но не вняли, как я, нерадивые.
И без ваших слов знаю, сам я таков;
сего ради прошу за меня воспеть:
 «Аллилуйя!»

11

В том корысть мне, чтоб множилось рвение
вашей воли, избравшей служение;
я ищущу, назидая вас в истине,
купно с вами сподобиться милости;
так послушайте слов моих, братие,
дел же скверных моих отвращайтесь!
И без дел примите воспевшего
вам в урок сие слово единое:
 «Аллилуйя!»

12

Вы бежали от мира нечистого
и прибегли к источнику светлому;
вы избрали безплотное жительство;
так о плотском оставьте и помыслы, —
не любите того, что покинули,
не влекитесь к тому, что отвергнули,
да врагу не доставите радости;
но трезвитесь духом, поющие:
 «Аллилуйя!»

13

Все, чего вы на деле чуждаетесь,
изгоните из мыслей со тщанием;
вы отверглись раздоров и зависти,
соревнуя согласию ангелов, —
друг пред дружкой благоуветливы,
позабудьте слова «твое» да «мое»;
не имеет монах обладания,
кроме общего всем достояния:

«Аллилуйя!»

14

Не хвалитесь дарами духовными:
что имеешь, есть милость от Господа;
пусть не судит воздержный вкушавшего,
пусть почитит и вкушавший алкавшего,
ибо этот вкушает по немощи,
тот же подвиг приемлет по ревности,
здесь услада псалма, там заслуга поста,
но награда одна возлюбившим Христа —

«Аллилуйя!»

15

Или скажешь: «Мне честь особливая,
как стяжавшему знание книжное»?
О Петре ты помысли, о рыбаке,
Моисея превыше поставленном!
Всю премудрость египтян, как молвится,
превозмог тот пророк, и до тонкости;
но глаголет Петр, и молчит Моисей!
Не гнушайся ж невеждою, сведавший

«Аллилуйя!»

Приближается время веселия,
скоро, скоро Христово пришествие;
Жениха вы на брак провожаете,
и в руках ваших ясны светильники,
ибо в девстве пожили вы праведно.
Что есть девство? Души целомудрие,
Силой коего славу Господнюю
вы сможете зреть, припеваючи:
«Аллилуйя!»

ИЗ АКАФИСТА КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Необорной Воеводе песнь победную,
Избавительнице града речь хвалебную
мы в весельи воспеваем, Богородица!
Но, Владычица всемошная, предивная,
отвращай от нас напасти, чтобы в мире нам
воспевать Тебе:
«радуйся, Невеста невестная!»

И К О С 1

Ангел достославный, с небес низшедший
Молвить Богородице «радуйся!», --
Созерцая Господа воплощение, гласом своим безплотным
возопиял и возглаголал, и провенчал в изумлении:
«Радуйся, чрез Тебя радость сияет,
радуйся, чрез Тебя горесть истает;
радуйся, Адамова горя утешение,
радуйся, Евина плача прекращение;
радуйся, Высота, не изъяснимая человеческим умам,
радуйся, Глубина не изследимая и ангельским очам,
радуйся, ибо подъемлешь всё Подъявшего,
радуйся, ибо объемлешь всё Объявшего,
радуйся, Звезда, зарю предвещающая,
радуйся, Мать, Бога возвращающая;
радуйся, чрез Тебя обновление миру,
радуйся, чрез Тебя поклонение Богу,
радуйся, Невеста невестная!»

И К О С 2

Знание незнаемое познать желая,
К Вестнику Дева возопила:
«Как же возможно, молви, от недр девственных изойти Дитяти?
Он же в страхе великом только и мог проречь Ей:
«Радуйся, избрания святого Тайна,
радуйся, безмолвия благого Бездна,
радуйся, чудес Христовых Начинание,
радуйся, словес Господних Утверждение,
радуйся, Лествица небесная, по Ней же сошел к нам Бог,
радуйся, Цепь всепрекрасная, сочетававшая небеса земле;
радуйся, ибо Свет непостижно явила,
радуйся, ибо «как» никому не открыла,
радуйся, Ангелов многославное изумление,
радуйся, демонов многослезное уязвление,
радуйся, посрамившая мудрость мудрых,
радуйся, утвердившая радость верных,
радуйся, Невеста невестная!»

И К О С 9

Риторы многословные, как рыбы безгласные,
немеют при Тебе, Богородица,
изъяснить не умея, как Ты и Девою пребываешь,
и Чадо порождаешь;
мы же, тайну созерцая, возопием с верой:
«Радуйся, Мудрости Божией Святыня,
радуйся, Промысла горнего Твердыня;
радуйся, многомудрых немудрыми въяве явившая,
радуйся, суесловных безсловесными сотворившая;
радуйся, истолкователи многославные явно посрамлены,
радуйся, стихослагатели многословные в ничто обращены;
радуйся, сети афинейские расплетающая,
радуйся, мрежи галилейские наполняющая;
радуйся, Пристанище меж бурь житейских,
радуйся, спасения Корабль блаженный,
радуйся, Невеста невестная!»

**ИОАНН IV ПОСТНИК,
ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ**

НАСТАВЛЕНИЯ МОНАХУ

Блюдя прилежно скромность добронравную,
Как должно, инок, взор держи потушенным:
По сторонам безчинно не мечи очей.
Умей молчать, умей сказать — ко времени.

В одежде, сколь возможно, ограничь себя,
А что до яств, ты должен на одно смотреть,
Чтоб только немощь поддержать телесную;
Что на столе поставлено, вкушать не грех, —
Но беса берегись чревоугодного!
Не смей одними кушаньями брезговать,
Другие ж выбирать себе по прихоти;
Кто, слышь, брезглив, таким и мы побрезгуем.
По большей части вовсе избегай вина;
Лишь занедужив, пригуби — во здравие.
Под рясой скромно руки придержать умей,
Да попусту за трапезой не важничай —
И будь готов собрату услужить во всем.
Болтливости ж и сплетен, как бича, беги:
Они ввергают сердце в скверну смертную.
Не смей плеватья посредине трапезы;
А коль нужда припала так, что мочи нет,
Сдержись, скорее выйди да откашляйся.
О, человек, есть и пить желашь ты?
В том худа нет, но бойся пресыщения;

Перед тобою блюдо, из него и ешь,
Не смей гянуться через стол, не жадничай.

Смирненным и послушливым со всеми будь,
Собрату не дерзай твердить досадливо:
Прискучил мол, учитель, за собой смотри!

Зевота неумная — безчинства знак;
Помысли о менадином обычае*
И не забудь ладонию прикрыть уста —
Не окажи соседу неучтивости.

У двери, как пристало, постучись слегка,
Да не врывайся, словно пес сорвавшийся,
Что по дому шныряет и подачки ждет.

Во всем покорствуй старцам и начальникам,
За вычетом единым: если грех велят.

Веди беседы мирные и кроткие,
Ни с кем не забывай, монах, о скромности;
Пусть смех твой будет тихою усмешкою* —
Не хохочи, ограды не кажи зубов.

Беги родных: избегнешь огорчения.

Страшись сношений с братьями юнейшими*:
Здесь сатана губительный скрывает ков.

Не суесловь, не надмевайся гордостью,
Не позабудь о строгом послушании.
Не суетумдрствуй без нужды о догматах,
Ученостью не хвастай — убегай греха.

Коль всё исполнил, радуйся и бодрым будь.

ГЕОРГИЙ ПИСИДА

ПОНОШЕНИЕ СУДЬБЫ

Вот что зовется ложно у глушцов Судьбой.
Представь в уме плясунью непотребную*,
Что с шумом и кривляньем лицедействует,
Изображая бытия превратности
Обманчивым движеньем суетливых рук;
Срамница млеет, вертится, ломается,
Подмигивая томно и прельстительно
Тому, кого дурачить ей взбредет на ум,
Но тотчас на другого обожателя

10 Все с той же блудной лаской переводит взор;
Все обещает, все подделать силится,
Но ничего не создает надежного,
Как потаскуха, что с душой остывшею
Ко всем с притворным пылом подбирается.

Глушцам — престолы, царства, слава, почести,
Со злобой и заботой неразлучные;
Но для того, кто истину постичь возмог,
Престол — молитва, слава ж — речи тихие.
Глушцу отрадно хвастовство крикливое,

20 Но мудрому — молчанье и покой души.
Глушцам желанны распри, ссоры, рознь умов.
И яблоко раздора, и безумный спор;
Но чистые враждуют лишь с одной враждой,
Гася пожар пустого любопрения.

Глупцу наполнить чрево усладительно,
Дойти до пресыщения порочного;
Но мудрого питает воздержание,
Его бока подтянуты, и легок сон.

- Глупца богатство ввергнет в треволнения,
30 Но мудрому и обеднеть пользительно.
Глупец из кожи лезет вон, потщась добыть
Почет и славу, радость злополучную,
Но мудрому любое место — первое,
Затем, что всюду троны есть и гробы есть,
И все для нас едино, коль греховный пыл
К безславной славе нас не гонит, ум затмив.
И что есть слава? Ведь хула на доброго,
Вопи она хотя бы громче Стентора*,
Себя не обелит своим злоречием,
40 Но лишь безстыжей галке уподобится*,
Что перьями чужими убрала себя
И чести домогается двусмысленной.

ПРЕП. ФЕОДОР СТУДИТ

МОЛИТВА ПЕРЕД СНОМ

Отраду сна создавший в разрешение
Всей маяты и муки, что приносит день, —
Христе благий, и мне пошли, молю Тебя,
Сон сладостный, спокойный, благодетельный,
От всех соблазнов и тревог избавленный,
Но тихими виденьями исполненный.
Когда ж звонарь ударит, пробуди меня
На труд молитвы здоровым, бодрым, ревностным:
Столе дай силы отстоять заутреню,
Душе дай крепость одолеть прельщения,
Уста отверзни к пению размерному
Тебе во славу, Господи и Боже мой, —
Да узрю на разсвете, пробудясь от сна,
Твоих велений свет незападающий.

К МОНАСТЫРСКОМУ ПОВАРУ

О, чадо, как не удостоить повара
Венца за послушанье целодневное?
Смиранный труд — а слава в нем небесная,
Грязна ль рука в работах — так душа чиста,
Огонь ли жжет — гееннский огонь не станет жечь.
Спеши на кухню, бодрый и послушливый,
Чуть свет огонь раздуешь, перемоешь всё,
Накормишь братий, а послужишь Господу.
Да не забудь приправить труд молитвою, —
И возсияешь славою Иакова,
В усердьи и в смиреньи провождая жизнь.

ИГНАТИЙ ДИАКОН

ДЕЙСТВО О АДАМЕ

ПРОЛОГ

Возрев на брани, распри, состязания,
Которые для наших прародителей
Змий, что во прахе вьется, уготовал встарь,
Дивясь их поражению известному,
В уме припомнив древнее проклятие,
От них природу смертных поразившее,
Затем, что их сильнее оказался враг. —
Узнав все это, поскорби о бедствии;
И ты ведь тем же самым уязвлен копьем.

10 Ниспавший прежде, помысл свой растливший Зм

Вещей природу умопостигаемых*
В печали зрел и видел многосложный строй,
Единым словом и произволением
В миг сотворенный: воинства небесные,
Начала, Херувимов, Серафимов чин,
Престолы, Силы, Ангелов, Архангелов*,
И небеса, и землю и созвездия,
Огонь и воду, воздух и эфирный круг,
И пламенник небесный*, что блистает днем,

20 И то светило, что в ночи виднеется,

К тому ж скотов, и рыб, и птиц ширяющих, —
Все мирозданье, Словом утвержденное*;
А человек, что собственною волею
Прискорбный жребий после для себя избрал,

- Тогда был зрим, как господин творения*,
Меж всеми дара слова удостоенный
И облеченный честью верховною,
По образу Господню и подобию.
Вот Змий на человека воздвигает брань,
30 Ища его изгнать из Рая сладости,
Который он поставлен был возделывать,
Приятством утешаясь, что являл в себе
Эдем, краев Востока украшение,
Отколь четвероякие текут струи,
И всех дерев являемо цветение,
И всяческих плодов благообразие,
И зрелище прекрасное превыше слов.
Страшился Обольститель приступить к нему,
Рукою Божьей чудно изваянному
40 И от нее красу свою имущему;
Идет он к Еве, как слабейшей мыслию.
Ее премудро с мужем сочетал Господь,
Во всех трудах подругу и пособницу,
Наведши на Адама безмятежный сон
И образ даровав ребру изъятому,
Своим искусством первый устроая брак.
Чете Свое Он дал установление,
Над всеми деревьями им судив царить
И не вкушать лишь только от единого,
50 Когда же вкусят, угрозил возмездием;
Но ежели воздержатся, блюдя закон,
Сулил им благодатный, безпечальный век.
Приблизясь к Еве, изострив оружие,
Змий битву начинает и вешает так:

З м и й

О женщина, что молвил вам Создатель ваш:
«От древа не вкушайте заповедного»?
Страшится он, что вы как боги станете!

Е В А

Так, все плоды иные Он дозволил нам,
Но в этом заповедал воздержание,
60 Да смерть не примем, снедь приняв запретную.

З М И Й

Оставь такие мысли, о жепа! Иль ты
Не ведаешь, что, плод вкусив, вы станете
Как боги и познание обрящете?

Е В А

Ступай к Адаму: муж он и властитель мой.
К чему со мной заводишь речи, ведая,
Что я на свет произошла подвластною?

З М И Й

Лишь пожелай — и муж не воспротивится;
Твой он примет всей душой внушения
И вскорости с тобою сей разделит плод.

Е В А

70 Ко мне ли приступаешь, как к дурной жене,
И научаешь мужа уловлять хитро?
Но я согласна, если согласится он.

З М И Й

Не приближайся к мужу, не вкусив плода:
Сама прими, сама отведай первая,
А убедить нетрудно: ты ведь женщина!

Е В А

Советчик мой незнасмый, склоняюсь я
Вкусить сама и убедить супружника,
Коль впрямь такие блага обещаешь ты.

З М И Й

Не медли только выполнить решенное,
80 Дабы скорее улучшить, что я сулил;
Знай, промедленье не рождает доброго.

(Ева вкушает плод и идет к Адаму)

Е В А

О муж, плода приятством привлеченная,
Сполна я усладила вкус и зрение;
Последуй, и, вкусивши, станешь ты как Бог,

А Д А М

Что ж дар сей чудотворный? Кем предложен он?
И как я богом стану чрез вкушение?
Ведь кто приемлет яства, тот отнюдь не Бог.

Е В А

Ужель ты не желаешь распознать вполне
Добра и зла природу, о возлюбленный?
90 В том искусишься, чуть плода отведаешь.

А Д А М

Возможно ль позабыть установления,
В словах точнейших Богом изъясненные?
Увы, ты обманулась, злополучная!

Е В А

На то, чтоб преступить установления,
Имсеешь ты причину благовидную:
Заметь, ведь ты безвиновен, весь почин — на мне.

А Д А М

Се, я вкусил! Но чую: порча некая
В моей утробе тайно разливается;
За ней, как верю, беды воспоследуют.

Е В А

100 Да, и моя утроба ощутила боль
Жестокую, отведав запрещенных яств
По наущенью гибельному змиеву.

А Д А М

Воззри, мы наги!
Явлен наш телесный стыд
Неприкровенным. Научи, что делать нам,
Затем, что я в беде не знаю выхода.

Е В А

Ты видишь листья жесткие смоковницы?
Мы ими опоясать наготу должны,
Затем, что жесткой ныне наша будет жизнь.

А Д А М

Врага столь поздно распознавши замыслы,
110 С терпением возмездие прими свос;
Не по делам ли ныне наказуешься?

Е В А

Явила я себя умом окраденной,
Да и тебе разсудок помрачила, муж;
Вдвойне страшусь, твоей вины виновница.

А Д А М

Жена, не отдается ли в ушах твоих
Сей шум, как бы от Господа грядущего?
Как трепещу я перед казнью правую!

Е В А

Шагов Господних слышу я звучание!
120 Страхась, увы, в содеянном отдать ответ,
С тобою скрыться я почту за лучшее.

А Д А М

Так; но какое ж место мой сокроет лик?
Вне Бога нам и места не отыщется,
Чтоб от Него ж сокрыться. Но бежим, жена!

Б О Г

Адам, меж всех творений высочайшее,
Моей десницы труд и достояние,
Куда бежишь? Чем был ты, чем ты стал, увы!

А Д А М

Себя нагим я вижу, и стопы мои
Твоим глаголом к бегству понуждаемы,
И стыд меня объемлет, и одержит страх.

Б О Г

130 Промолви, злополучный: кем склонен твой ум,
Кем ты научен видеть наготу свою,
Когда не приступил ты к заповедному?

А Д А М

Жену послушав, от Тебя мне данную,
Что в речи убеждения явила мощь,
Ко древу приступил я зановедному.

Б О Г

Коль скоро оказался ты слабей жены
И нарушитель заповеди преданной,
Ты будешь терны и волчцы воздвигать,

Себе в преизобилии умножая скорбь.

140 Повинны смерти оба; ты детей рождать
В мученьях будешь; ты же обрсаешься
Во многом поте хлеб вкушать и горести,
Пока, из праха создан, не отыдешь в прах.

СВТ. СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

Г И М Н 3

[Надписание в рукописях:

«Что есть монах, и в чем делание его, и на какую высоту созерцания взошел сей божественный Отец».]

Монах есть тот, кто, с миром не связуемый,
С одним лишь Богом вечно беседуя,
И зрящ, и зрим, и любящ, и возлюбленный,
Во Свет неизреченный претворяется;
Во славе мнит — что стал скуднее скудного,
Усыновлен — отходит, как отверженный.
Помыслить дивно, невозможно вымолвить!
Среди щедрот безмерных пребываю нищ,
Богач убогий, и взываю сам с собой:
«Я жажду!» — вод смущенный изобилием;
«Где обрету?» — Того, Кто явлен явственно;
«Как удержу?» — что лишь внутри души моей
Дано, и в целом мире не отыщется.
Имеяй уши слышать, да услышит речь
И примет в сердце словеса немудрого!

Г И М Н 6

Как и пламенем Ты плещешь,
и росишься тихой влагой,
как и жжешь, и прохлаждаешь,
как врачуешь тленность персти?

Как творишь людей богами,
как во тьме являешь свету,
как изводишь нас из ада,
как нетленность смертным даришь?

Как влечешь ко свету темных,
как пронзаешь мрак лучами,
как осияваешь сердце,
как меня пресуществляешь?

Как приходишь к человеку,
как его в сыны приемлешь,
как, возжегши жар любви,
без оружия ранишь душу?

Как внимаешь, как прощаешь,
как возмездья не ускоришь?
Как, вне мира обретаясь,
видишь, что вершится в мире?

Как с безмерных горних высей
зришь, что долу каждый деет?
Дай рабам Твоим терпенье,
да не емлет их пучина!

ИЗ ГИМНА 17

Коль желасшь, так послушай,
что творит любви горенье,
и сумей понять, насколько
всех вещей любовь превыше*.
— Как превыше? — Вот, послушай,
как взывает к нам Апостол:
«выше веденья языков
ангельских и человеческих,
выше крепкой, полной веры,
что горами в силах двигать,
выше полноты познания,

разуменья таинств Божьих,
выше подвигов: раздашь ли
ты именье и владенье,
или плоть предашь на муку
Имени Христова ради, —
но любовь всего превыше».
Да, превыше, и настолько,
что едва любовь отымешь,
все заслуги, все познание
утрают смысл и цену
и помочь душе бессильны.
Если ж грешник и любовью
беден, и заслугой скуден,
и познаем, — о, скажи мне,
что творит он, как дерзнет он
самого себя Христовой
вере верным исповедать?
Потому и должно слушать
о любви уроках тайных.
Я сижу в мой келейке
целодневно, целонощно,
и со мной любовь незримо,
непостижно обитает:
вне вещей, вне всякой твари,
но во всем и в каждой вещи,
то как жар, как пламя в блеске,
то как облак светозарный,
под конец же слава солнца;
словно жаром, грет душу,
и в горенье сердце тает,
и пронзают дух порывы
умиленья о Предвечном.
Как бы пламенем охвачен,
возгорясь душою крепко,
я в себя воспринимаю
светоносную зарницу:

луч она лиет мне в душу
и творит мой ум прозрачным,
указав неприкровоенно
созерцания высоты,
всё открывши, всё явивши.
Это все есть цвет прекрасный
страха Божья в верном сердце.
Я же, видя свет лучистый,
исполняясь ликованья,
не тому отнюдь ликую,
что сподобился тех светов;
но сиянье радость в Боге
мне внушает выше меры,
ум и чувства захвативши
и всецело изгоняя
все земные помышленья.
Возлетает быстро ум мой,
пожелавши причаститься
силы явленного Света;
но ведь Цель его нетварна,
он же путь свершить не в силах
за пределы всякой твари,
улучив неуволимый
и нетварный Свет Господень.
Так! И все же неустанно
он стремится к Цели той же:
он и воздух облетает,
и подьмется на небо,
и пронизывает бездны,
и пределы мирозданья
ум своей проходит мыслью.
Тщетно! Всѣ, что он находит,
тварно; Цель, как встарь, далече.
Восскорбев и горько плача,
разгораясь в сердце крепко,
вне себя и в изступленьи

провожу я дни и ночи.
Но приходит, как желал я,
как бы в виде светоносном
облака, и, став недвижно
над главой моей, лучится
полнотою светолитья,
понуждая ум и сердце
к ликованью, к изступленью;
а потом опять уходит,
я покинут, я оставлен:
но, ценой трудов великих,
углубясь в себя, в себе же
обретаю Свет искомый.
В самом средоточьи сердца
вижу светоч, как бы солнца
негасимое сиянье;
этот светоч, разгораясь,
обращает в бегство бесов,
изгоняет вовсе робость
и внушает духу силу:
ум становится свободен
от земных впечатлений,
облачаясь одеяньем
умозрений запредельных.
Вещи зримые оставив
и к незримым прилепляясь,
я приемлю дар великий:
созерцать, любить Нетварность,
отрешиться целокупно
от всего, что возникает
и тотчас же исчезает,
и умом соединяться
с Безначальным, Безконечным,
и Нетварным, и Незримым;
вот любви и суть, и сила.

ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

ТРОПАРЬ СВ. ГРИГОРИЮ БОГОСЛОВУ

Богословия свирелию пастушеской
Ты осилил трубы звонких риторов:
Ибо смысла глубину взыскавшему
И красоты слова приложились.
Так моли Христа Бога, Григорие,
О спасении душ наших.

СТИХИРА НА СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Трисятельной Троицы
огнезарный Воителю,
Михаиле прославленный,
ныне радуйся
и с Небесными Силами
возопи в ликовании:
«Отче, свят еси,
свято собезначальное
Слово вечное,
свят и Дух Святой, слава единая,
и едино Царствие,
едица Божественность!»

И краса твоя дивная,
и обличие пламенно,

Михаиле Архангеле!
В невещественном
теле мир облетаешь ты,
исполняя веления
Мирозидителя,
в дивной силе являясь
и целения
источая в обилии,
славой горнего имени
храм честной возвышая свой!

Боже, духов превыспренних*
и пыланья огнистые,
как речется в Писании,
соделавший слугами,
Ты явил Предстоятелем
воинств архангельских
Михаила победного,
Твоим велениям,
Боже-Слово, послушного
и в трепете
Трисвятое гласящего
пред Тобой Славословие!

ВОСТОЧНЫЙ ЭПИЛОГ

ИОАНН МОСХ

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

ГЛАВА 7

Старец некий обитал в лавре Пиргийской*. И вот, когда скончался у них игумен, старейшины лавры той и прочая братия желали сотворить настоятелем его, как мужа великого и богоугодного.

Старец же умолял их таковыми словами:

— Отпустите меня, отцы честные, творить плач о грехах моих. Не таков ведь я, чтобы иметь попечение о душах, но сие есть дело великих Отцев, каковы ученики аввы Антония* и прочие.

И так на всякий день братья не отставали от него с уговорами; он же не давал согласия. Когда же увидел он, что крепко понуждаем от них, то сказал всем:

— Отпустите меня молиться три дня, и, если Богу угодно, сделаю по-вашему.

И была пятница; а в день воскресный поутру он преставился.

ГЛАВА 20

Передавал мне некто от Отцев, что сказывал ему некий драко-
нарий*:

— Была у нас война в краях африканских с маврами; и были мы от варваров побиты и преследуемы. Так вот, гнались уж они за нами по пятам и убили многих наших. Нагнал уж,— сказывал он,— и меня один варвар и копьё наставлял, ища пронзить меня. Я же, видя это, начал призывать Бога таковыми словами:

— Господи Боже, явившийся рабе Твоей Фекле* и избавивший ее от рук неправедных, избавь и меня от напасти сей и спаси меня от горькой сей смерти. Я же обещаюсь удалиться в пустыню и стать иноком.

— И, обратившись назад, — говорил он, — не увидел я ни единого варвара. И неукоснительно пришел я в лавру сию Копратийскую; и вот, по милости Божией пребываю в пещере сей тридесять и пять годов.

ГЛАВА 24

Был старец некий, живший в обители Хозивской*, и сказывали о нем старцы места того, что, когда еще был он в селении своем, таковое имел делание: если видел, что кто-нибудь в селении том по великой своей бедности не имеет, чем засеять поле свое, то выходил ночью так, что не ведал о том хозяин поля, и выводил волов своих, и брал семена свои, и засеивал поле соседа.

Когда же пришел старец в пустыню и водворился в обители Хозивской, по-прежнему являл он таковую же сострадательность. Так, выходя на дорогу, ведущую ко Святому Граду* от священного Иордана, выносил он с собою хлебы и воду, и, когда видел путника усталого, брал на себя ношу его и шел с ним до самой святой горы Елеонской; а когда поворачивал назад, если случалось ему обрести других, нес ноши их до самого Иерихона*. Можно было видеть, как старец то несет ношу тяжкую и потом обливается, то посадит на плечи себе дитя, а то и двоих.

В другое время сидел он и чинил прохудившуюся обувь какого-нибудь странника или же странницы; он и снаряжение для такой работы носил при себе. Одних поил он водою, которую выносил на дорогу, другим раздавал хлебы. Если же находил нагого, отдавал ему плащ с себя самого. И так можно было видеть, как несет он труды целый день.

Если же мертвеца обретал при дороге, творил над ним последование погребения и предавал его земле.

ГЛАВА 45

Рассказывал нам некто из старцев, что говорил ему авва Феодор Илиотский:

— Жил некто в затворе на горе Елеонской, подвижник великий; и воздвиг на него бес брань блудного помысла. И вот в день некий терзаемый от беса старец припимается сетовать и говорить бесу:

— Когда же оставишь ты меня в покое? Отступи от меня хоть в старости моей!

Тогда является ему бес видимым образом, говоря:

— Поклянись мне, что никому не откроешь того, что имею сказать тебе, и перестану воздвигать на тебя брань.

— Клянусь Живущим на небесах,— принес клятву старец,— что никому не скажу, что ты мне скажешь.

— Перестань творить поклонение вот этому образу,— говорит бес,— и я прекращаю брань на тебя.

На иконе же той было изображение Владычицы нашей пресвятой Богородицы Марии, держашей в руках Своих Господа нашего Иисуса Христа.

И говорит затворник бесу:

— Дай срок подумать.

Заутра же призывает к себе Феодора Илиотского, того самого, который рассказал нам это и который обитал тогда в лавре Фаранской*, и по приходе его открывает ему все. И старец говорит ему:

— Воистину, авва, поруган ты, ибо принес клятву; но хорошо сделал, что хоть не умолчал. Лучше бы тебе обойти все блудилища края сего, ни единого не пропуская, нежели отречься от поклонения Господу нашему Иисусу Христу и Матери Его.

И, так утвердив в вере старца и ободрив его многими наставлениями, отошел авва Феодор в место свое.

Меж тем бес паки является затворнику и говорит ему:

— Что это такое, старец-сквернавец? Не клялся ли ты мне, что никому не скажешь? Зачем же ты все открыл приходившему к тебе? Знай же, старец-сквернавец, держать тебе на Страшном Суде ответ за клятвопреступление!

И ответил затворник:

— Сам ведаю, что клялся и что преступил клятву, но не тебе грешен, а Господу и Творцу моему; тебя же и слушать не желаю. Ты-то и за совет злой, и за преступление клятвы повинен каре и не минуешь ее.

ГЛАВА 47

Есть в ливанской Финикии город Гелиополь*, и в городе том был мим по имени Гаиан, который кощунственного глумления ради представлял на театре пресвятую Богородицу. И вот является ему Богородица и говорит:

— Какое зло сотворила Я тебе, что ты пред столькими людьми клеветешь на Меня и глумишься надо Мною?

Он же, восстав от сна, не только не исправил своей жизни, но еще усугубил глумления свои. И снова явилась ему пресвятая Матерь Божий, укоряя его и говоря:

— Перестань, молю тебя, перестань вредить душе твоей.

Он же прилагал еще злейшие кощунства. И в третий раз явилась Она, и говорила к нему, и вразумляла его.

Когда же он и тут не исправился, но продолжал глумиться, явилась Она ему в полдень, когда он почивал, и не сказала ничего; только единым из перстов Своих провела черты по двум рукам его и по двум ногам. Пробудившись от сна, обрел он две руки и две ноги свои отпавшими, себя же обрубком.

Сие исповедовал сам несчастный, всем показуя на себе, какое воздаяние принял он за кощунства свои; и сие было по человеколюбию.

ГЛАВА 70

И еще сказывал нам старец* Палладий, что с аввою Давидом пришел и другой инок, по имени Адола, тоже из Месопотамии родом, и в отдалении от города затворился в платановом дупле. Сделал он и окошечко малое в стволе и беседовал с приходившими к нему.

Когда же пришли варвары и разорили всю округу, случилось им проходить местом тем; и увидел один из варваров выглянувшего старца,

и выхватил меч, и простер руку свою для удара, но так и остался на месте, обретя руку свою простертой и недвижимой. Видя же сие, и прочие варвары изумились и в страхе поклонились старцу.

Сотворив молитву, старец исцелил варвара и так отпустил их с миром.

ГЛАВА 77

В некий день пошли мы в дом Стефана Софиста*, я и достопочтенный Софроний*, чтобы упражняться нам в богомыслии; час же был полуденный. А жил Стефан близ храма пресвятой Богородицы, воздвигнутого блаженным папою Евлогием*, именовавшегося же Дорофеин.

Когда постучались мы в дом любомудра, на стук выглянула отроковица и сказала:

— Он спит, подождите немного.

Тогда говорю я достопочтенному Софронию:

— Пойдем на Тетрапил* и посидим там.

Место, именуемое Тетрапил, в большом уважении у александрийцев; ведь говорят, что Александр, основатель города, предал там земле останки пророка Иеремии*, обретенные им в Египте.

Придя на место то, мы никого не встретили, кроме троих слепцов; ведь час, как сказано, был полуденный. Итак, мы со всяким молчанием и безмолвием подошли близко к ним и сели, чтобы заняться чтением.

Слепцы же вели беседу между собой, и один из них говорит другому:

— Скажи правду, как ты ослеп?

Тот отвечает:

— В юности был я корабельщиком; плыли мы из Африки, и в открытом море разболелся я глазами, лекаря же не имел; и явились на глазах моих бельма, и ослеп я.

Спрашивает и он в свой черед другого;

— А как ты слепцом сделался?

Отвечает и тот:

— Был я стекольных дел мастер; от жара огня оба глаза мои вытекли, и я ослеп.

Тут они спрашивают и третьего:

— А ты как стал слепцом?

Он же ответил им:

— Скажу вам сущую правду: в юности моей люто ненавидел я труд, а притом получил и навык к расточительству. Когда же не осталось у меня, чем бы утолить голод, принялся я за кражи. В некий день, уже тогда, когда немало было за мной скверных дел, пришел я на рыночную площадь и вдруг вижу: несут покойника в красивых одеждах. Вот иду я за шествием, чтобы усмотреть мне, где его предадут земле. А они зашли за храм святого Иоанна, и положили его в гробницу, и удалились, Я же, как увидел, что они удалились, вошел в гробницу и снял то, что было на нем, оставив лишь полотно на самом теле. Когда же вознамерился я выходить из гробницы той, вынося добычу обильную, говорит мне скверный мой обычай: «Прихвати и полотно, глянть, какое оно тонкое». И так вернулся я, на горе себе. Едва снял я полотно то, оставив мертвеца нагим, как он встает супротив меня, простирает обе руки свои на меня, ощупывает пальцами своими лицо мое и вырывает оба мои глаза. Тут я, злополучный, кинув все, с великою скорбью и опасностью вышел из гробницы. Вот и рассказал я вам, как сделался слепцом.

Меж тем, как мы слушаем, достопочтенный Софроний манием подает мне знак, и мы отходим от них. И говорит он мне:

— Правду скажу тебе, достопочтенный авва, сегодня нет нам нужды более заниматься богомыслием; мы уже получили назидание великое.

И впрямь прияв назидание, мы записали сие, дабы и вы, внимая сему, не остались без пользы. Сущая правда, что никто, творящий зло, не утаится от очей Божиих. А рассказ сей мы сами слышали от претерпевшего.

ГЛАВА 80

Пришли мы в обитель аввы Феодосия в Скопел, каковое место есть гора между Селевкией материковой и Россом Киликийским; отцы же обители той повели нас еще выше по горе, на вержение стрелы от обители, указали нам источник и поведали:

— От Бога имеем мы источник сей весьма добрым и обильным. Передают, что он уже не от природы, но дар свыше. Много постился

иже во святых отец наш Феодосий, много слез пролил, творя поклоны земные, чтобы даровал нам Бог утешение воды сей. Ведь прежде отцы наши черпали воду из потока; но Бог, исполняющий во благих желание боящихся Его, даровал нам по молитвам отца нашего воду сию в благословение.

Два года тому назад просили некий из братьев игумена, чтобы дозволил он им построить в обители баню. Авва наш с прискорбием выслушал просьбу ту, однако уступил, снисходя к немощи братии. И выстроена была баня та; один раз мылись в ней, и вдруг иссяк богоданный сей источник, столь отменный, столь изобильный! И сказать вам правду: ведь сколько мы постились, сколько молений творили со слезами, а воды не было. Так прошел год, вода же не показывалась, и мы пребывали в скорби многой. Но стоило отцу нашему разрушить баню, как Бог дал нам воду снова.

Г Л А В А 9 4

Отец наш архимандрит Георгий сказывал нам и о авве Юлиане, поставленном во епископа Вострского*; и вот что передавал он.

Когда исшел Юлиан тот из киновии* своей и стал епископом во граде Вострах, некие из важных горожан, христоненавистниками будучи, умыслили известить его силою яда. Итак, они подкупом склоняют на свою сторону виночерпия его и дают виночерпию тому зелье смертоносное, чтобы он, когда будет прислуживать митрополиту, подмешал яду в чашу его.

И сделал слуга по наущению их.

И когда подал слуга божественному Юлиану питье отравленное, тот познал по вдохновению от Бога и злой умысел, и кто умыслил сие. Приняв чашу, поставил он ее пред собою, ни слова не сказав слуге. Затем призывает он к себе всех важных горожан, в числе коих были строители козни той. Божественный воистину Юлиан, не желая подвергнуть позору виновных, с кротостию говорит всем:

— Если желаете ядом умертвить смиренного Юлиана, се, пред лицом вашим пью сие.

Троекратно запечатлев чашу крестным знаменем, он сказал:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа пью чашу сию!

Пред лицом всех собравшихся испив питье, он остался здрав; и виновные, видя это, поклонились ему в ноги*.

ГЛАВА 107

В миле или около того от святой реки Иордан есть лавра, именуемая лаврой святого аввы Герасима. По прибытии нашем в лавру ту жившие там отцы рассказали нам об этом святом, как шел он однажды по берегу святого Иордана и повстречался ему лев, рыкавший громко по причине ноги своей; ибо ость тростниковая вошла в ногу его, отчего нога отекла и нагноилась. Когда же увидел лев старца, подошел к нему и казал ему ногу, уязвленную остью, на свой лад плачась и прося у него помощи.

Видя льва в таковой беде, старец сел, взял его ногу, разрезал ее, извлек занозу вместе с гноем обильным, со тщанием промыл рану, обвязал ее платом и так отпустил зверя. Лев же, получив уврачевание, уже не оставлял старца, но, как добрый ученик, куда бы тот ни шел, следовал за ним, так что старец весьма дивился таковой признательности. И с той поры старец начал кормить его, бросая ему хлеба и моченых бобов*.

Держали при лавре той осла, чтобы возить воду на потребу братии. Ведь пьют они воду из святого Иордана, а до реки от лавры целая миля. И вошло у старцев в обыкновение поручать осла льву, чтобы пас он его на берегах святого Иордана. Но однажды осел на пастбище сильно отдалился от льва; и вот, шли тою порою погонщики верблюдов из Аравии, увидели осла, поймали его и отошли с ним восвояси. Лев же, потеряв осла, пришел в лавру к авве Герасиму в великом унынии и смущении. И подумалось авве, будто съел лев осла, и говорит ему:

— Где осел-то?

А тот, словно человек, стоял молча и потупясь. И говорит ему старец:

— Съел осла-то? Благословен Господь*: все, что делал осел, отныне придется делать тебе.

И с той поры лев по велению старца принимал на спину свой вьюк о четырех кувшинах и возил на себе воду. Но пришел однажды воин

к старцу на богомолье, увидев же льва, таскающего воду, и узнав причину, сжалился над зверем; вынув три номизмы, он вручил их старцам, чтобы купили они для ношения воды осла, а льва от таковой службы уволили. А через малое время после того, как освободили льва, погонщик верблюдов, тот самый, что увел осла, снова явился торговать хлебом во святом граде, и осел был с ним. Переправившись через святой Иордан, он по случайности вышел на льва, завидев же его, бросил верблюдов своих и бежал. А лев, признав осла, кинулся к нему и, ухватив его по привычке своей за недоуздок, повлек его и с ним трех верблюдов. Рыкая от радости, что нашел потерянного осла, пришел он к старцу. Ведь старец-то так и думал, будто лев пожрал осла, а тут увидел, что на льва возвели напраслину. И нарск он льву имя Иордан.

И прожил лев в лавре со старцем пять годов, будучи с ним всегда неразлучен.

Когда же отошел авва Герасим ко Господу и отцы погребли его, по устройению Божию, льва не было в обители. Но спустя немного времени пришел лев и принялся искать старца; а ученик старца и авва Савватий как увидели его, говорят ему:

— Иордане, старец-то наш оставил нас сиротами и отошел ко Господу; на вот, поешь!

Но лев есть не захотел, а непрестанно обращал глаза то в одну, то в другую сторону, ища видеть старца своего, громко вопиял и не мог снести разлучения. Видя сие, авва Савватий и прочие отцы гладили его по хребту и говорили ему:

— Отошел старец ко Господу, оставил нас!

Таковые слова их не могли утишить воплей его и стенаний, но чем более силились они уврачевать и ободрить его речами, тем громче рыкал и вопиял он, умножая надгробное свое рыдание и являя гласами своими, и обличием, и очами ту скорбь, которую ощущал он, не видя более своего старца. Тогда говорит ему авва Савватий:

— Ну, пойдем со мною, если уж не имеешь к нам веры; покажу тебе, где лежит старец наш.

И, взявши с собою льва, пошел с ним на могилу; а была она в полумиле от храма. И стал авва Савватий над могилой аввы Герасима, и говорит льву:

— Вот где старец наш!

И преклонил авва Савватий колена свои. Когда же увидел лев, как тот кладет поклоны, стал и сам с рыканием сильно ударять головою о землю и, вопия, испустил дух на могиле старца.

Было же сие не потому, чтобы имел лев душу словесную, но по воле Бога, пожелавшего прославить славящих Его не только при жизни их, но и после кончины и явить, в каком послушании пребывали звери у Адама, пока он не преступил заповеди Божией и не был изгнан из Рая сладости.

ГЛАВА 144

Спрошен был старец от некоего брата:

— Отчего я непрестанно осуждаю братьев моих?

Ответил старец:

— Оттого, что еще не познал ты самого себя. Кто себя знает, на дела братьев не смотрит.

ГЛАВА 153

Были в Константинополе два брата, миряне, весьма богобоязненные и много постившиеся. И вот один из них пришел в Раифо*, отрекся от мира и стал иноком. После пришел к нему брат его, оставшийся в миру, навестить брата своего инока. Живя у него, мирянин видит, что брат его иннок вкушает пищу по девятому часу, и, соблазнившись о том, говорит ему:

— Брат, когда был ты в миру, ты не вкушал пищи до заката солнца.

Тогда говорит ему иннок:

— Воистину, брат, когда я был в миру, я насыщался через уши мои; ведь пустая слава от человеков и похвала немало питали меня и облегчали труды подвижничества.

ГЛАВА 156

Двое любомудров пришли к старцу и просили его молвить им слово пользующее: старец же молчал. И снова любомудры приступили к нему:

— Ты ничего нам не ответишь, отче? Тогда старец говорит им:
 — Что люборечивы оба вы, вижу, а что любомудры не истинные, свидетельствую. Доколе вы будете искушаться в речах, так и не постигнув, что есть слово? Итак, вот вам дело любомудрия — непрестанно размышлять о смерти; и оградитесь молчанием и тихостию.

Г Л А В А 1 6 1

Город есть в Фиваиде, именуемый Лико. Неподалеку от него гора, отстоящая на шесть миль, и на горе той обитают иноки: кто в пещере, а кто в келейке.

Придя в место сие, мы явились к авве Исааку, родом фивянину; и вот что поведал нам старец:

— Тому уж пятьдесят два года, как творил я рукоделие мое, плел большую сетку от комаров. Случилось мне сплоховать, и я весьма до-садовал, потому что не мог отыскать, в чем ошибка. Целый день раздумывал я об этом деле и не знал, что предпринять. И когда я так раздумывал се, входит через окно юноша и говорит мне:

— Ты ошибся, так дай мне, я исправлю.

Говорю ему:

— Уходи от места сего и не возвращайся болес.

А он отвечает:

— Да ты в убыток себя введешь, коли худо сделаешь вещь-то.

— А вот уж это,— говорю ему,— не твоя печаль.

Паки молвит мне:

— Да жалко мне тебя, что все твои труды пропадут понапрасну.

Тогда я ему:

— Во зло пришел ты купно с принесшими тебя.

А он-то мне на это:

— Воистину, это ты привлек меня сюда, и ты мой.

— Что ты это,— говорю,— молвишь такое?

— Уже три воскресных дня,— говорит,— за тобою, что ты причащаешься Христовых Тайн, тая злобу на соседа твоего.

— Все-то,— отвечаю,— лжешь ты мне!

А он:

— Не из-за толики ли чечевицы памятозлобствуешь на него? Я же есмь дух памятозлобия, и отныне ты мой.

Услышав сие, побежал я из келейки моей к брату, и поклонился ему в ноги, и примирился с ним; возвратясь же, нашел, что бес спалил и сетку от комаров, и циновку, на которой клал я поклоны, злобствуя на примирение наше.

ГЛАВА 179

Пришли мы к отшельнику авве Иоанну, прозванному Рыжим, и рассказал он нам со слов аввы Иоанна Моавитского.

Была во святом граде инокиня, весьма благочестивая и преуспевшая в служении Богу. И позавидовал деме диавол, и влагает юноше некоему сатанинскую страсть к ней. Дивная же оная дева, усмотрев козни беса и сожалея о юноше, берет в корзинку толику моченых бобов и уходит в пустыню. Так она и юноше устроила свободу от соблазна и спасение души, и себе готовила несмущаемое житие в пустыне. Но через много времени, дабы не осталось неизвестным добродетельное ее житие, по изволению Божию видит ее некий отшельник в пустыне у святого Иордана и говорит ей:

— Амма, что делаешь ты в пустыне этой?

Она же, ища скрыть от отшельника свой подвиг, говорит ему:

— Прости меня, я сбилась с дороги; но сотвори мне милость, отче, и Господа ради покажи мне ее.

Он же, свыше узнав о жизни ее, говорит ей:

— Поверь мне, амма, не сбилась ты с дороги и не ищешь дороги; ведая же, что ложь от диавола, скажи мне всю правду, чего ради пришла ты сюда.

Тогда говорит ему дева:

— Прости меня, авва; юнец некий соблазнился о мне, и сего ради удалилась я в пустыню сию, рассудив, что лучше умереть здесь, нежели быть для кого преткновением, как и у апостола сказано.

Снова молвит ей старец:

— Сколько же времени прожила ты здесь?

Она же говорит ему:

— По благодати Христовой, семнадцать лет.

И еще отшельник вопрошает ее:

— Чем же ты кормишься?

Она же, показав корзинку с мочеными бобами в ней, говорит отшельнику:

— Вот эта самая корзинка, которую ты видишь, со мною вышла из города, и была в ней малая сия толика бобов; Бог же оказал мне, недостойной, такое промышление, что столько времени вкушаю от них, их же не убывает. И еще знай, отче, как покрывала меня благодать Его: все семнадцать лет не видел меня ни единый человек, разве только один ты ныне; я же всех видела.

И, выслушав сие, отшельник восславил Бога.

Г Л А В А 1 9 3

Сказывали нам о иже во святых авве нашем Аполлинарии, папе Александрийском, что был он весьма милосерден и сострадателен; пример же тому приводили вот какой.

Был в Александрии некий юноша, сын первых в городе людей; когда же родители его скончались и много оставили ему, в кораблях и золотом, он не был успешен в управлении наследством, но все потерял и дошел до крайней бедности. Не то чтобы он проел имущество или растратил его, но его разорили многообразные несчастья на море. Из великого стал он малым, по слову Псалмопевца, рекшего: «Восходят до небес, и нисходят до бездн» (Пс. 106:26); вот так и юноша был весьма возвышен обладаниями, а стал сверх меры унижен.

Меж тем блаженный Аполлинарий, прослышав об этом и видя юношу в толикой нужде и бедности, а притом зная прежде родителей его и помня богатство их, желал утешить его и подать ему хоть малую помощь, но не решался, страшась оскорбить. И всякий раз, как случилось ему встретить юношу, он ощущал уязвление до самых недр души, примечая его запущенную одежду и унылое лицо — признаки крайней нищеты. В такой-то заботе пребывал папа, и вот в один прекрасный день, подвигнутый от Бога, умышляет он дивный умысел, достойный его святости.

Призвав к себе правоведа святейшей Церкви, он наедине спрашивает его:

— Можешь ли ты сохранить одну мою тайну, господин правовед?

— Уповаю, владыко, на милость Сына Божия,— отвечал тот,— что, если ты повелишь мне нечто, не открою того ни единому человеку и никто не узнает от меня, что доверишь ты рабу твоему.

Тогда говорит ему папа Аполлинарий:

— Ступай и напиши заемное письмо на пятьдесят литр золота как бы от лица святейшей Церкви на имя блаженной памяти родителя того юноши, да прибавь и свидетелей, и условия и так возвысь меня ради главу его.

Правовед тот, незамедлительно исполнив поведанное ему от папы, принес заемное письмо и вручил повелевшему. Однако после смерти отца юноши прошло уже лет десять или более того, а хартия была совсем новенькая; папа и говорит правоведу:

— Ступай-ка, господин правовед, и положи хартию ту под пшеницу или под ячмень, а чрез несколько дней принеси мне.

Тот ушел, а через предписанное время вернулся и принес хартию. Тогда говорит ему папа:

— Теперь ступай и скажи юноше тому: сколько, мол, ты мне дашь, если доставлю тебе одну грамоту, от которой тебе будет большая польза? Да смотри, господин правовед, больше трех номизм с него не бери, а грамотку-то отдай.

Отвечает ему правовед:

— Правду говорю, владыко, я и того с него не возьму, если повелишь.

— Нет. — говорит ему папа,— непременно желаю, чтобы ты взял три номизмы.

Вот идет правовед к юноше:

— Сколько ты мне дашь, если дам тебе одну вещь, которая премного тебя облагодетельствует?

Тот соглашался на все, чего бы с него ни потребовали. Правовед по размышлении говорит ему:

— Пять или шесть дней тому назад, перебирая в доме моем хартии, нашел я грамотку сию и припомнил, что блаженной памяти

родитель твой, имея ко мне доверие, оставил ее у меня на несколько дней; но он умер, и вышло так, что она пролежала у меня до сего дня и совсем выпала у меня из головы, и мне на ум не приходило отдать ее тебе.

Говорит ему юноша:

— Сколько же ты желаешь получить?

— Три номизмы, — отвечает тот.

Тогда спрашивает юноша:

— Да точно ли ты знаешь, что лицо, за которым числится долг, платежеспособно?

— Без сомнения! И платежеспособно, и благорасположено, так что ты получишь долг без затруднения.

Говорит ему юноша:

— Видит Бог, что у меня нет ничего; но если я получу долг, то и в придачу к трем номизмам отдам тебе все, чего ни пожелаешь.

Тогда отдает ему правовед заемное письмо на пятьдесят литр золота. Взяв грамотку, юноша является к святейшему папе, кланяется ему в ноги и подает ему грамотку. Когда же взял ее папа и прочитал, он начал представлять себя смущенным, и говорит юноше так:

— Да где же ты был до сих пор? Отец твой уже больше десяти лет как умер. Ступай-ка, сударь мой. не дам тебе никакого ответа.

А тот отвечает папе:

— Правду тебе говорю, владыко, у меня и не было письма того, а хранил его правовед и сам того не знал. Дай Бог ему здоровья, что хоть теперь отдал он мне его, сказав, что-де перебирал хартии и нашел его.

Папа куда отослал юношу, сказав:

— Я подумаю.

Хартию же оставил у себя.

Когда же прошла седмица, приходит юноша к папе; папа же снова корит его:

— Зачем медлил представить грамотку?

По виду его можно было заключить, будто он не желает отдавать ничего. Говорит ему юноша:

— Владыко, видит Бог, что не имею, чем накормить моих; пособите мне, как Бог Вам внушит.

Тогда отвечает ему иже во святых отец наш Аполлинарий, делая вид, будто уступает мольбам его:

— Заплачу тебе сполна; об одном прошу тебя, господине брате, ты уж не требуй со святой Церкви лихвы.

Тогда поклонился юнец ему в ноги, говоря:

— Как желает и велит владыка мой, сделаю; и если велишь убавить и самый истинник, убавлю.

А папа говорит:

— Не нужно; довольно мне и того, что уступашь ты нам лихву.

Затем извлек он пятьдесят литр золота и дал юноше, и отпустил его с пожеланиями всяческих благ за уступку лихвы.

Таково было тайное поведение божественного Аполлинария, таково прекраснейшее деяние сострадательности его. Бог же по молитвам его столь помог юноше, что тот поднялся из толикой нужды, вернулся в прежнее свое состояние и превзошел родителей своих богатством и всяким изобилием, притом для души своей получив великую пользу.

ГЛАВА 204

Сказывал некто, что инок некий был укушен змеею и пришел в город лечиться. Приняла его жена благочестивая и боящаяся Господа и врачевала его. Когда же получил он малое отдохновение от болей, начал диавол всевать в него помыслы на жену эту, и желал он взять ее за руку. Она же сказала ему:

— Не так, отче, Христа побойся; помысли о скорби и покаянии, их же имешь принять, сидя в келий твоей; помысли о стенаниях и слезах, которые предстоят тебе.

Услышав же от нее это и подобное тому, он ощутил, что брань оставила его, и хотел бежать прочь, не смея воззреть на нее. Она же снова сказала ему в силе любви Христовой:

— Отложи стыд, тебе еще надобно врачевание; помысл же тот не от чистой души твоей, но был вложен завистливым диаволом.

И так, не приняв соблазна, она уврачевала его и отпустила с подаянием на дорогу.

ГЛАВА 217

Сказал старец:

— Детушки, соль от воды берется и, когда соединится с водою, тает и пропадает. Так и монах от женщины, и если приблизится к женщине, тает и кончает тем, что становится уже и не монахом.

Не ожидай, что человек, привязанный к вещам плотским, приблизится к свободе слова в молитве пред Богом.

Душа алчная лишена мудрости; но душа сострадательная умудряема бывает от Духа.

Как слей питает пламя светильника, так и состраданием вскармливается в душе знание.

Ключ к дарам божественным вручается сердцу через любовь к ближнему.

Насколько освободилась душа от уз плоти, в ту же меру раскрываются пред нею врата знания.

Ведай, что переход души из века сего к веку иному совершается через приятие прозрения.

Похвальна и превосходна любовь к ближнему, но лишь если помысл о ней не отвращает нас от любви к Богу.

Усладительна беседа с братьями нашими духовными, но лишь если бы возможно было не прекращать на время ее собеседования с Господом нашим. Потому прекрасно пещься о ней, но лишь в пределах упорядоченности, сиречь, без урона для сокровенного служения и непрестанной беседы с Богом. Мы разрушаем общение божественное, возбуждая общение человеческое. Ум не может вместить оба рода общения.

Вид людей мирских приводит в смущение душу, отрекшуюся от своего ради служения Богу. Удел оных — беседовать непрестанно, удел ее — убежать от самого вида.

Труды телесные не имеют препятствия от впечатлений чувственных. Но тот, кто умирил ум свой и желает стяжать радость в служении

сокровенном, смущен будет в тишине сердца своего даже и голосами без всякого вида.

Умерщвление внутреннее не может быть без упразднения чувств. Делание телесное требует остроты чувств, но делание душевное требует прозорливости сердца. Поелику душа естеством своим превосходнее, нежели тело, то и служение душевное превосходнее, нежели делание телесное. Поелику же тело в бытии предшествует душе, то и обязанности телесные предшествуют служению души.

Велика сила малого делания, если сочетается оно с постоянством. Мягкая капля по причине постоянства своего точит даже и твердый камень.

Когда приходит время человеку духовному оживиться в тебе, все умрет для тебя, и душа твоя согрета будет радованием, для которого нет подобия среди вещей сотворенных, и помыслы твои соберутся внутри тебя, по причине сладости в сердце твоём. Но когда мир оживает в тебе, будут возрастать в тебе развлечение ума и малодушие без постоянства.

Миром называю я страсти, зачинаемые от развлечения. Когда родятся они и возрастут в меру свою, они становятся грехами и человекоубийцами. Как человек не рождается без матери, так страсти не рождаются без развлечения ума; и грех не возрастает в меру свою без общения со страстями.

Когда приращается терпение в душе нашей, из сего понимаем, что она приняла тайно дар утешения. Крепче сила терпения, нежели чувства радования, возбуждаемые в сердце.

Жизнь в Боге есть конец чувственности. Когда сердце живет, чувственность кончается. Оживание чувственности есть смерть сердца. Когда чувственность оживает, из сего понимаем, что мертво сердце пред Богом.

Не получает сердце водительства от добродетелей, являемых между людьми. Добродетель, которую человек выказывает перед человеком, не властна очистить душу. Все же и она приемлется Богом, дабы получить плату свою и награду. Но совершенство, соделываемое человеком в себе самом, годно для того и другого: оно приемлется для награды его, и оно же устраивает очищение. Потому отложи первое и прилепись ко второму. Если же не прилепишься ко второму, оставить первое — значит явно отречься от Бога. Но второе восполняет место первого.

Будь при жизни мертв, дабы возмог ты быть свободен через мертвость твою. Будь мертв для мира, и сможешь свободен быть от законов. Ибо никто из ходящих в законах не может непогрешительно исполнить их в жизни своей. Кто мертв в жизни своей, тот свободен при жизни и свободен в смерти.

Душа, восчувствовавшая жизнь превыше жизни телесной, не будет украшать себя для мира. Если же кто не обрел первого, едва ли сможет он презреть второе; презреть же его до конца для него и вовсе непосильно. А тот, кто потщится сделать это насильственно, возбудит внутри себя бореие великое. Но если он нашел высший род жизни, он сможет отречься от низшего без всякого борения.

Прохлаждение и лень суть погибель для души. Они способны вредить даже более, нежели бесы. Когда душа, пребывающая в свете, подвизается в достохвальных трудах добродетели, бесы не могут сделать ничего. Но душа омрачившаяся становится через то проводником для самих бесов, так что те могут совершить всякое злое дело.

Если тело немощное понуждаемо нести труды непомерные, оно будет умножать в душе тьму и вовлекать ее более и более в смущение и омрачение. Но если тело крепкое и состава здорового приходит в праздность и вкушает прохлаждение, оно соделывает все виды зла в сопряженной с ним душе. И даже если душа великое имеет радование о добре, через малое время отнимет у нее тело помыслы, радующиеся добру.

Когда же упоена душа радованием о надежде своей и веселием о Боге, не восчувствует тело скорбей своих, даже и быв угнетено тяжело. Двойную ношу понесет оно, не становясь утомленным, как тело одолевшее; и примет оно часть свою в услаждении души, даже и быв угнетено, когда войдет душа в радование духовное.

Если, брате, хранишь ты язык твой, будет тебе дар от Бога — такое расположение сердца, чтобы видеть тебе в нем себя самого; и через сие войдешь ты в радость духовную. Если же, напротив, язык твой победит тебя, попомни слово мое: никогда не избавишь ты себя от тьмы.

Если не имеешь сердца чистого, имей хоть уста чистые. Как говорит блаженный Иоанн: «Если желаешь наставить кого в добром, прежде всего привлекти его к себе для отдохновения телесного и почти его словом, любви исполненным». Ничто не может сделать его столь скромным и

понудить его сменить худое на доброе, как телесное утешение и честь, которые он от тебя увидит.

Второе средство убеждения — в том, чтобы ты потщился сам явить пример достохвальный. Кто владеет собою через молитву и блюдение сердца, легко приведет ближнего своего к жизни даже и без докучных слов и заметных назиданий. Напротив, низость и леность вредят не только тому, кто предался им, но и тому, кто видит их. Что до человека, строгостью к себе понуждающего собратий своих творить добро и одним видом своим устыжающего облепившихся, слова недостаточны, чтобы изъяснить, сколь блажен муж сей. Дело безмолвное с большею силою наставляет других, нежели попечительные слова, оспариваемые беспечностью поведения. Итак, если управишь ты себя самого, ближний твой получит от того помощь немалую.

Чем более входит кто в брань за дело Божие, тем более приблизится к тому, чтобы стяжало сердце его свободу слова в молитве своей. И, напротив, когда он развлекаем множеством людей, он лишается помощи.

Душа, упокоившаяся от уязвлений со стороны тела, будет иметь мир в чувствованиях своих.

Будь по отношению к телу твоему свободным, дабы удостоиться свободы духовной. Ходи с игом свободы твоей, или будешь привязан к игу рабствования врагам твоим.

Если однажды явил ты в лице твоём образ отрешения от жизни бренной, через оставление дел житейских предстоит тебе стать всецело мертвым, по образу будущего отрешения, когда всякая забота будет отнята у тебя смертию. Не досадуй на удары тела, от коих смерть всесовершенно избавит тебя. Не страшись смерти, ибо Бог поставит тебя выше смерти.

ГЛАВА 76

Блаженный Павел учит нас так: «Совлекитесь ветхого человека и облекитесь в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (ср. Еф. 4:22, 24).

Он не говорит: «Облекитесь в нового человека поверх ветхого человека», — ибо знает, что сие невозможно. Помысли, сколь мудро дает он

повеление свое. Не говорит он: «Облекитесь в нового человека, обновленного ведением Бога», — но говорит: «Сначала совлекитесь сего и после облекитесь в нового». Также говорит он ясно в ином месте: «Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (I Кор. 15:50). Под «нетлением» разумеет он знание мира иного; «тлением» же и «плотию и кровью» именуется тленные страсти души и тела, имеющие место движения своего в уме плотском. Чистоту зовет он «новым человеком», а под «Царствием Божиим» разумеет отрешенное и умное созерцание блаженных движений сущностных лучей, в каковые дозволено вникнуть одной лишь святой душе, нетленные чувствования которой вознесены превыше тления, и плоти, и крови.

Если зеница ока твоего не очищена, не дерзай воззреть на солнце; иначе лишишься и обычной твоей силы зрения, и ввергнут будешь в одно из тех мест мысленных, каковые суть Тартар и образ Ада, сиречь тьма без Бога, где те, кои порывами ума своего покидают естество, блуждают естеством своим познающим. Сего ради извергнуть во тьму внешнюю велено будет того, кто дерзнул идти на пир брачный в нечистой одежде (Мф. 22:1—14). Под пиром брачным разумеется свет ведения духовного, а устрояемое на нем суть многовидные тайны божественные, исполненные для души радования, и ликования, и услаждения. Одежанием же брачным именуется он ризу чистоты; а нечистые одежания суть чувствования страстей в душе осквернившейся; а тьма внешняя — место, лишенное всякого услаждения ведением Бога и беседою с Ним. Кто в нечистые облечен одежды, если дерзнет мыслить мечтательно умом своим о высотах Божиих, и вводить, и водворять душу свою в духовные созерцания святого одного пира, устроенного, дабы просиявать лишь в чистом сердце; если, причастен будучи одному лишь услаждению от страстей, пожелает он проникнуть в услаждения мира иного, — будет внезапно осилен как бы мороком неким и ввергнут в место несветлое, каковое зовется Ад и Аваддон, сиречь неведение и забвение Бога.

Ибо сказано: от Бога приходит само собою, если уготовано для него место чистое и неоскверненное.

«Приходит само собою», сиречь, естеству чистоты принадлежит, что свет небесный просиявает в ней без умствований наших и усилий.

Ибо в сердце чистом отпечатлевается небо новое (ср. Откр. 21:1), видение коего есть свет и место коего духовно.

И еще сказано: как магнит по естеству своему имеет силу притягивать атомы железа, таковы же ведение духовное и сердце чистое.

Если и верно было изречено мужами правдивыми, что никакой ум в жизни сей не может утвердиться вполне безопасно противу лести страстей, все же говорю со дерзновением и не страшась истины опыта: облекшийся ризою болезнования в уме своем не только неодолим для лести страстей, но мужествует противу них, как исполин и победитель; ибо не дерзают предстать на брань и даже издали не смеют показать себя, где есть душа болезнующая, сотворившая себя местом скорби для оплакивания грехов своих. Как сказано о блаженном Иакове: во гробе пребывал, доколе не встретил Иосифа возлюбленного. Где есть горечь болезнования, не поверю, что войти возможен сие услаждение от страстей, о коем шла речь выше. Но говорю, что в неусыпности служение сие и упование превыше всякого страха.

Тот, кто непрестанно пребывает в болезновании сердца, побуждаемый к тому страхом своим, ибо не ведаст, каков будет конец поприща его, превосходнее, нежели тот, кто непрестанно идет путем веселия, ибо предвкушает награду служения своего,

О ты, чей град осаждается страстями, сущими внутри тебя, возложи на себя доспех болезнования сердечного, и гони их, и вызволяй душу свою из руки их! Ибо всегда непобедимо оружие сие, как и оружие доверенности к Богу; и правдивые прибегают к нему.

ГЛАВА 77

О злополучный человеце, желаешь ли обрести жизнь? Избери веру и смирение, дабы через них найти милость, и помощь, и утешение от Бога, и помощь тайную и явную. Хочешь ли стяжать сии вещи, которые суть родник жизни? Облекись искренностью, и притом с самого начала. В искренности твоей ходи пред Богом, а не в знании твоём. Искренность соединяется с верою, но тонкость и умствования — с мыслями надмевающими; помыслы надмевающие — с удаленностью от Бога.

Когда лежишь ты пред Богом в молитве, будь в помышлении твоём как муравей, и как твари земли, и как пчела; и зайкайся, как селянин, и не говори пред Ним в знании твоём. С умом младенческим приближайся к Богу и ходи пред Ним, чтобы принять отеческую заботу о тебе, которую родители имеют к малым своим чадам.

Сказано: Господь хранит младенцев. Дитя может приблизиться к змее, может возложить ее на выю свою; и гад не укусит. Дитя может ходить нагое всю зиму; и когда другие одеты и покровенны, и все же хлад проникает члены их, оно сидит нагое в день мраза и льда, не терпя урона, ибо тело младенчества его покрыто иною, незримою одеждою, по действию таинственного попечения, хранящего хрупкие члены младенчества его, дабы зло ниоткуда не приступило к ним. Веришь теперь, что есть таинственное попечение о нежном теле, особливо уязвимом для всякого вреда по причине нежности его и слабости суставов его — так, что оно хранимо от всякого злого действия и не страждет от него? Ибо Господь хранит младенцев.

Ты должен мыслить сие и верить сему не только применительно к младенцам, но и применительно к тем, кто, будучи мудр в мире сем, оставляют знание свое и, положившись на мудрость вседостаточную, соделываются детьми по собственной своей воле. Тогда постигают они мудрость, которой не постигнуть, труждаясь много.

ПРЕП. ИОАНН ДАМАСКИН

НА ПОСЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Г Л А С 1

Сладость какая в жизни сей
пребывает с печалию не смешана?
Слава какая стоит на земле
нерушима и пезыблема?
Все теней немощнее,
все призраков лживее,
миг единый, и наследие приемлет смерть!
Но во свете лика Твоего, Христе.
и в усаде Твоего благообразия
усопшего сего упокой,
Человеколюбче, Тобою избранного!

Г Л А С 2

О, какое борение душе предстоит,
что с телом своим разлучается!
О, в какой нечали восплачет она
и не сыщет для себя утешителя!
К ангелам ли очи свои обратит,
напрасны будут моления!
К людям ли руки свои прострет,
никто не подаст ей помощи!
Потому, достолюбезные братья мои,
о краткости века помысливши,

у Христа испросите отошедшему покой
и душам нашим милость великую!

Г Л А С 3

Попечения людские — морок и сон,
если цель их отъемлется кончиною:
ни богатство не стоит,
ниже слава в путь с нами не пойдет,
но смерть, нашед, разрушит все.
Воззовем же ко Христу,
Царю бессмертному:
«Отошедшего от нас упокой
там, где всех обитель обрадованных!»

Г Л А С 4

Где есть мира сего упоение?
Где благ не вечных мечтание?
Где злато и где серебро,
где толпы проворных служителей?
Все персть, и прах, и тени мелькание!
Но Царю бессмертному помолимся:
«Нетленных благ Твоих, Господи,
сподоби отошедшего,
упокой его в блаженстве нестарееущем»

Г Л А С 5

Вспомнил я пророка, вопиющего*:
«Земля аз и пепел есмь»;
после ж гробы рассмотрел внимательно,
и кости узрел обнаженные,
и воззвал: «Кто здесь царь, и кто воин есть?
кто богатый, и убогий кто?
кто грешник, и кто праведник?»

Но со праведными, Господи,
упокой душу раба Твоего
по великому Твоему человеколюбию!

Г Л А С 6

Начало мое и основание
зиждательное Твое было повеление:
восхотев бо живым из невидимой
и видимой природы составить меня*,
из земли мое тело изваяв,
душу даровал Ты мне
животворящим вдуновением Твоим*.
Сего ради, Христе, раба Твоего
на земле живых упокой*
и в селениях праведных!

Г Л А С 7

По образу Твоему и подобию*
изваяв человека первозданного,
в Раю Ты поставил его
обладать Твоими тварями*;
но, завистию Дявола прельстившийся
и снеди запретной причастившийся,
погрешил он противу заповеди.
Сего ради осудил Ты его
возвращаться в землю, от нее же был взят,
и упокоения себе испрашивать!

Г Л А С 8

Плачу и рыдаю,
когда мыслию объемлю смерть
и вижу во гробах лежащую
человеческую нашу красоту,

по образу Божию сотворенную,
безобразной, обезславленной,
не имущей вида!
О, таинство дивное,
что над нами, людьми, совершается!
Как предаемся мы тлению?
Как сопрягаемся со смертью?
Воистину, как явлено в Писании,
повелением Господа,
по благодати Своей подающего
отошедшим упокоение!

ЯМБИЧЕСКИЙ КАНОН НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

НАДПИСАНИЕ АКРОСТИХА

Так благозвучие слов величает и сладостно славит
Божия Сына, что, нас ради придя во плоти,
Древнюю скорбь прекратил совокупно стенающей тва
Боже, помилуй и нас, славящих имя Твое.

ПЕСНЬ 1

Ты Свой народ избавил древле, Господи,
Рукою чудотворною смиряя хлябь*;
И Ты же ныне к Раю путь спасительный
Нам открываешь, Девой в мир рождаемый,
Хоть человек всецело, но всецело Бог.
Тебя приемлет чрево благодатное,
Неопалимой Купины подобие*,
И горькое проклятие отъемлется
От Евы злополучной, ибо с образом
Природы человека сочетался Бог.
Звезда о Солнце возвещает явственно
И путь Волхвам указывает в тот вертеп,
Где Ты, повитый пеленой, покоишься;
И славят с ликованием тогда Волхвы
В лице Твоем и смертного, и Господа.

ПЕСНЬ 3

Благослови служителей Твоих напев
И похвальбу Врага* низвергни древнего,
О Человеколюбие, согрешения
Понесший наши; утверди певцов Твоих
На камне исповедания правого.
Пречистой Девы Чадо всеблаженное
Сподобился, о диво! хор пастушеский*
Узреть, и несказанно изумлен был слух
Напевом невещественных небесных сил,
Что Рождество Владыки песнословили.
Ты в горних Царь, но по великой милости
От Неискусобрачной* нам явил Себя;
От века был безплотен Ты, но срок пришел,
И плотью отягчилось Слово Божие,
Да падшего возставит Первозданного*.

ПЕСНЬ 4

Провидя человек обновление,
Предобразуя таинство великое,
Нам притчу боговещий Аввакум явил:
Свершилось, и от девственной изшел Горы*
Податель всем языкам* обновления.
Ты, Вышний, Сам низвел Свою волею
Себя до смертных, восприяв от Девы плоть,
Дабы очистить скверну яда Змиева,
И всех влечешь ко свету живоносному
От врат Державы Мрака, ибо Ты наш Бог.
Языки, прежде тлену обреченные,
Но нагубы избегшие Лукавого,
Руками восплещите и воспойте песнь,
Хваля Христа, единого Спасителя,
Пришедшего ко смертным сострадательно.
О Дева, отрасль корня Иессеева*,

Ты естества земного перешла предел,
Предвечное рождая Слово Отчье;
Печати ж девства роды не разрушили;
И Божие преславно снисхождение.

ПЕСНЬ 5

Во мраке сущим дел душе губительных
Явись, Христе, прощение всещедрое
Неся с Собою нам, что ныне бодрственно
Тебя поем, как нашего Спасителя;
И путь открой, ко славе возводящий персть.
Противу Бога злобу до конца Господь
Отсек плотского силою пришествия*,
Да Князя Мрака упразднит владычество,
Плоть сочетая с ликами безплотными*,
Явив Отца, для твари умолимого.
Узрели человеки, обуянны мглой,
Свет, свыше им во знамение явленный*;
Языки Сын приводит в обладание
Отцу, даруя благодать безмерную,
Где прежде грех без меры изобиловал*.

ПЕСНЬ 6

Иона, в глубь морскую водворившийся,
Молил Тебя явиться*, умиряя хлябь;
Так я, стрелою уязвлен Мучителя,
Пою Христа, сих зол преодоление,
Моей на помощь призывая лености.
У Бога Слово от начала бывшее,
Природу нашу, древле изнемогшую,
Ты утверждаешь, посещая милостно;
И Ты же, ей всецело причастившись,
Ее являешь от страстей очищенной.
Нас ради Ты от рода Авраамова

Явился в мир, дабы ниспадших бедственно
Сынов возставить древнего падения;
Живый во свете, в ясли же сошедший днесь,
О нашем Ты благоволишь спасении.

ПЕСНЬ 7

Христовою подвигнуты любовью,
Ярящегося посрамили отроки
Мучителя злоречие безбожное;
И покорился юным непомерный огонь,
«Вовеки, — певшим песнь, — благословен еси».
Неистовствуя, пламя пожирает слуг,
Но соблюдает юных, воздымая рев,
Подъято седьмочисленным разжением,
И славою венчает их, обильно бо
От Господа прохлады им даруема.
Заступниче Христе, врага Ты нашего,
Загадку предлагая воплощения,
Низверг, творя богами племя смертное;
Сия ж надежда — стать как боги — древле нас.
От высей в бездну приманила мгlistую.
Се, лютовзорый, пьяный срамодействием,
Стрекалом беснований возбуждающий
Громаду мира, побежден Тобою грех;
Ты вызволяешь прежде им уловленных,
О Милостивый, плоть приемля волею.

ПЕСНЬ 8

Завета нам предображают Ветхого
В среду огня ввергаемые отроки —
Ту Деву, что вместила неопально огонь;
Сии два чуда сочетав, единая
Зовет нас благодать ко славословию.
Хулы бежав обожения ложного,

Со трепетом поет Себя Смирившему
Вся тварь, премудрым подражая отрокам,
Страшась, чтобы нехвальной не была хвала;
Слаба природа плоти, мудро — рвение.
Приходишь Ты на пажити блуждания,
Языки обновляя и пустынную
Творя природу смертных цветоносную,
Врага же силу угашаешь лютую,
Как человек являясь, Промыслитель-Бог.

ПЕСНЬ 9

Сколь безопасно возлюбить безмолвие;
Когда же мы, любовьию подвигнуты,
О Дева, ткем напевы хитроумные,
Сколь труд сей непосилен! Дай же силы нам,
О Матерь, соразмерной изволению.
Былые тени, темные подобия
Младенца-Слова, Пресвятая, видевши,
Вратами что вошел запечатленными,
Его мы чтим, как истины открытой свет,
Благословляя чрево благодатное.
Се, христороубцы, утолив желание
И Божия пришествия сподобясь,
Животворящим ныне обновлением
Возрадованы, молят: благодать подай,
Да горней славе, Чистая, поклонимся.

РАННИЕ АПОКРИФЫ

ПОВЕСТЬ ОБ АХИКАРЕ ПРЕМУДРОМ

ГЛАВА 1

Говорит Ахикар:

— Когда жил я во дни Сеннахериба*, царя ниневийского, и когда был я, Ахикар, хранителем сокровищ его и писцом, и когда был я молод, прорицатели, волхвы и мудрецы сказали мне:

«Не будет у тебя дитяти».

И стяжал я богатство великое, и блага имел я в избытке, и взял себе шестьдесят жен, и построил им шестьдесят дворцов, пространных, чудных и удивительных, и дома многие; и достиг я шестидесяти лет, и не родилось дитя у меня.

Тогда я, Ахикар, стал приносить богам жертвы и приношения, возжигал пред ними курения и ароматы и говорил к ним:

— О боги, дайте мне сына, о котором будет благоволение мое до того дня, когда я умру, и он наследует мне, и закроет очи мои, и похоронит меня. И от дня смерти моей до смерти его, если будет он брать на всякий день от золота моего вволю и расточать его непрестанно, богатство мое не кончится.

Идолы не отвечали ему, и он оставил их и преисполнился мукою и тоскою великою.

И изменил он речь свою, и помолился Богу, и уверовал, и призвал Его в горении сердца своего, и сказал:

— Боже небес и земли, Создатель всех тварей, я молю Тебя даровать мне сына, о котором будет благоволение мое, который утешит меня в час мой смертный, и закроет очи мои, и предаст меня погребению.

И пришел голос, и сказал ему:

— За то, что ты надеялся на богов, и возложил на них упование твое,

и приносил им дары, ты умрешь, ни сынов не имея, ни дочерей; однако же говорю тебе: вот, у тебя есть Надан, сын сестры твоей; возьми его, научи его всей науке твоей, и он примет наследие твое.

ГЛАВА 2

И взял я Надана, сына сестры моей, и пестовал его, и взращивал его, и приставил к нему восемь кормилиц, чтобы питать его. Я давал ему елса и меда, облачал его в пурпур и багрец, покоил его на ложах мягких и на коврах.

И преуспевал Надан, сын сестры моей, и возростал, подобно благородному кедру. И учил я его письму, и мудрости, и философии*.

Когда же вернулся царь Сархедом* от празднеств своих и от странствий своих, он однажды призвал меня, Ахикара, писца своего и хилиарха* своего, и сказал мне:

— О друг мой достославный, дорогой, почитаемый, мудрый и разумный, хранитель печати моей и поверенный тайн моих, ты состарился и одряхлел, и смерть твоя приблизилась; скажи, кто будет мне служить после смерти твоей и погребения твоего?

И сказал я ему:

— О владыка мой и царь, живи вечно* в роды родов! У меня есть сын сестры моей, который мне как сын. Вот, я наставил его во всей мудрости моей, и он мудр и рассудителен.

И повелел мне владыка мой:

— Ступай, приведи его, чтобы мне видеть его, и, если мне будет угодно, он будет служить мне и ходить предо мною. Что до тебя, продолжай путь твой; он унокнит тебя от трудов твоих и окружит старость твою почетом и славой.

И я, Ахикар, взял Надана, сына сестры моей, и представил его пред лицо царя Сархедома, и отдал его в руку цареву; и когда увидел его царь, он имел в нем свое благоволение, и возрадовался ему, и сказал:

— Да сохранит Господь сына твоего! Как ты служил мне и отцу моему Сениахерибу и как ты вел дела наши со тщанием, так будет делать и Надан, сын сестры твоей; он послужит мне и устроит дела мои, а я воздам ему честь, и возвышу его ради тебя, и позабочусь о нем.

И склонился я пред царем, и сказал ему:

— Владыка мой царь, живи вовеки! Проншу тебя позаботиться о нем и помогать ему; пусть обитает он в доме твоём, как и я служил тебе и служил отцу твоёму.

И подал царь ему руку, и поклялся держать его при себе в почете и чести. И поднялся я, и сказал:

— Да будет так, о царь!

И наставлял я сына моего Надапа, и передавал ему премудрость мою, и обильно уделял ему поучение, пока он не стал писцом, как я. Вот как наставлял я его, и вот как говорил я, Ахикар Премудрый.

ГЛАВА 3

О Надан, сын мой, послушай слова мои, последуй советам моим и помни о речах моих. Ей, Надан, сын мой! Если будешь ты внимать словам моим, и замкнешь их в сердце твоём, и никому не откроешь их, из страха, чтобы пещь огненная не попала на язык твой, и чтобы ты не причинил муки телу твоёму и урона разуму твоёму, и чтобы не посрамиться тебе пред Богом и перед людьми. О сын мой, если услышишь слово, никому не открывай его и не говори ничего из того, что увидишь.

Сын мой, не развязывай узла сокровенного и не запечатывай узла развязанного.

Сын мой, направляй стопу свою и слово свое, слушай и не спеши давать ответ.

Сын мой, не желай красоты внешней, ибо красота проходит и минует, но добрая память и доброе имя пребывают вовеки.

Сын мой, не бери жену с речью сварливой, ибо в речах её — горечь, и в питии её — яд, и ты попадешь в западню её.

Сын мой, если увидишь, что женщина украшена нарядами и умащена благовониями, но нрав её дурной, сварливый и бесстыжий, пусть сердце твоё не желает её; если отдашь ей всё, что имеешь, ты найдешь, что это не обратится к славе твоей, но ты прогневишь Бога, и ярость Его постигнет тебя.

Сын мой, не спеши говорить и не влагай в ответы и речи твои похвалы, словно миндальное дерево, пускающее листья свои и зелень

свою прежде всех деревьев и дающее плоды свои после всех; будь как древо приятное, хвалимое, сладкое, полное утех, как смоковница, которая склоняет ветви, зеленеет и пускает листья последней, но плод ее бывает вкушаем первым.

Сын мой, склони главу твою, устрями взор твой долу и приготовься быть внимателен*. Будь вразумлен, покорен, сдержан, невозмутим. Не будь бесстыден и сварлив. Не возвышай голоса твоего с похвалюбою и буйством, ибо если бы громкого голоса было довольно, чтобы воздвигнуть дом, осел строил бы по два дома в день; и если бы плуг направлялся силою, верблюду направлял бы его лучше всех.

Сын мой, лучше таскать камни с мудрым, нежели пить вино с глупцом.

Сын мой, пролей вино твое и окропи им могилы праведных.

Сын мой, иди босыми ногами по терниям и по колючкам, чтобы проторить тропу к детям твоим и детям детей твоих.

Сын мой, когда дует ветер, а море еще не возмутилось, веди ладью твою и корабль твой к гавани, пока море не возмутилось, и не пришло в движение, и не умножило валов своих, и не потопило корабля.

Сын мой, не забывайся с глупцом и не имей общения с нецеломудренным.

Сын мой, не приближайся к женщине сварливой и говорящей заносчиво, не желай красоты женщины словоохотливой и нечистой, ибо красота женщины есть позор ее, и блеском одежды своей и красотой внешней она пленит тебя и обманет тебя.

Сын мой, как нет пользы от колец в ушах дикого осла, нет пользы от женщины с пышною осанкою, если она лукава в словах своих и делах своих, лишена мудрости, словоохотлива и многоречива.

Сын мой, если мудрый недужен, врач сможет уврачевать и вылечить его, но нет врачевания для недугов и ран неразумного.

Сын мой, прими того, кто ниже тебя и беднее тебя; если он не воздаст тебе, Бог воздаст тебе.

Сын мой, не уставай наказывать дитя твое; наказание дитяти — как удобрение сада, как завязывание кошелья, как обуздание скотины и как затвор на воротах.

Сын мой, оторви сына твоего от зла, чтобы уготовать себе покой в старости твоей; поучай его и наказывай его, пока он юн, понудь его слушать повелений твоих, чтобы немного после он не стал вопить и восставать на тебя, чтобы он не навлек на тебя бесчестия пред товарищами твоими, чтобы не пришлось тебе опустить голову в людных местах и на площадях, чтобы не краснел ты по причине лукавства дел его и не был ты уничижен по причине порочного бесстыдства его.

Сын мой, не доводи детей твоих до крайности, чтобы они не прокляли тебя и Бог не прогневался на них, ибо написано: кто злословит отца своего и мать свою, смертию умрет (Исх. 21:17); это грех, прогневающий Бога; и еще: кто чтит отца своего и мать свою, будет долголетен и будут ему блага обильные (ср. Втор. 5:16).

Сын мой, не пускайся в путь без меча и не переставай помнить о Боге в сердце твоём, ибо ты не знаешь, когда враги лютые, сиречь, диаволы и люди злые*, встретятся тебе; будь готов на пути твоём, ибо враги твои многочисленны.

Сын мой, каково древо, изобилующее плодами, листьями и ветвями, таков муж с женою доброю, и плоды их — дети их и родичи. У кого нет ни жены, ни детей, ни родичей, презрен и пренебрегаем от врагов своих, как древо, стоящее вдали от дороги, которое прохожие пинают ногами и сдят от плодов его, и дикий зверь стряхивает листья его и ест их.

Сын мой, если есть у тебя слуги, не предпочитай одного и не отвергай другого, ибо ты не знаешь, какого выберешь в конце.

Сын мой, коза блуждающая и умножающая шаги свои станет добычею волка.

Сын мой, услади язык твой словами Божьими и усовершенствуй слова уст твоих; говори к любому с добротою и изяществом, ибо пасть пса промышляет ему хлеб и гортань его навлекает на него удары и камни.

Сын мой, не давай ближнему твоему наступать на ногу твою, чтобы он не наступил на грудь твою.

Сын мой, если зовешь мудрого делать работу твою, не говори ему долгих поучений и вразумлений, ибо он сделает работу твою, как желает сердце твое; но если зовешь неразумного, не говори с ним перед другим, но лучше ступай и не зови его, ибо не сделает он работу по сердцу твоему, сколь бы долгие советы ни давал ты ему.

Сын мой, поспешно уходи со свадеб и с празднеств, не дожидаясь, чтобы главу твою умастили елеем и благовониями, дабы не навлечь на главу твою ударов и рубцов.

Сын мой, того, чья рука полна, именуют мудрым и досточтимым, а того, чья рука пуста, именуют злым, убогим, бедным и неимущим, и никто не воздает ему чести.

Сын мой, я вкушал полынь и пробовал мирру, но не нашел ничего горше бедности и нужды.

Сын мой, я поднимал железо и свинец, но не нашел ничего тяжелее хулы и клеветы.

Сын мой, я ворочал камни, но не нашел ничего столь тяжкого, как зять, живущий в доме тестя своего.

Сын мой, если нога твоя оступится и ты упадешь, это лучше, чем если ты оступишься языком твоим.

Сын мой, друг близкий лучше, чем брат далекий, и доброе имя лучше, чем богатства мира, ибо богатства прейдут и развеются, но доброе имя пребудет вечно.

Сын мой, красота гибнет, разрушается и пропадает, и мир преходит, и все престаёт и прекращается, но доброе имя не преходит, не престаёт и не разрушается.

Сын мой, шум плача и рыдания лучше, нежели шум веселия и празднества, ибо внимать шуму плача учит человека постигнуть грех свой и дать за него удовлетворение.

Сын мой, не восставай в суждении твоём на мужей славных и превосходных величием и властью, ибо от шуток и слов глумливых происходят гнев и раздор. Слово гневное пробуждает и возбуждает ярость, и от ярости этой происходит раздор, а после раздора приходит и убийство. Если ты окажешься в месте таком, тебя могут убить или тебя могут позвать в свидетели; и когда от тебя будут требовать и вымогать свидетельство твое, ты претерпишь страдание и от стыда или страха дашь свидетельство ложное и будешь посрамлен. И я повелеваю тебе: спеши бежать из того места, где спорят, и душа твоя будет умиротворена.

Сын мой, стяжи сердце чистое и неоскверненное, разумение ясное и непомяченное, доставь себе дух смиренный и найди себе стезю

прямую, и не будет на свете человека достойнее тебя, и жизнь твоя будет блаженна.

Сын мой, не входи в сад судей, страшись судилища и не бери в жены дочь судьбы.

Сын мой, защищай друга твоего перед начальником словами добрыми и исторгай немощь его из пасти льва.

Сын мой, не радуйся смерти врага твоего.

Сын мой, когда увидишь, что вошел человек старше тебя, встань перед ним.

Сын мой, око человеческое подобно источнику: оно не насытится, пока не наполнится прахом.

Сын мой, если хочешь быть мудр, воспрети устам твоим ложь и руке твоей хищение, и будешь мудр.

Сын мой, не входи в устройство брака женщины, ибо, если она будет недовольна, она проклянет тебя, и, если она будет счастлива, она не вспомнит о тебе.

Сын мой, если ты украл, извести власть имущего и предложи ему долю, и тогда ты можешь получить прощение, в противном же случае приключится тебе зло.

Сын мой, пусть лучше мудрый побьет тебя многими ударами жезла, чем неразумный помажет тебя елеем благовонным.

Сын мой, пусть нога твоя не бежит к другу твоему, чтобы он не пресытился тобою и не возненавидел тебя.

Сын мой, не возлагай кольца золотого на руку твою, если ты небогат, чтобы неразумные не глумились над тобою.

ГЛАВА 4

И когда я, Ахикар, преподавал мудрость эту Надану, сыну сестры моей, я полагал, что он сохранит ее в сердце своем, пребывая при дворе, и не ведал того, что он не слушал слов моих, но бросал их словно на ветер.

Он усвоил обыкновение говорить:

— Ахикар, отец мой, стар и утратил дух свой.

И Надан, сын мой, присвоил стада мои, и расточил добро мое, и не

поцадил лучших слуг моих, и бил их пред лицом моим, и не пожалел скотов моих и мулов моих, и умерщвлял их. Когда увидел я, что творил он, я сказал ему:

— Сын мой, не тронь добра моего, ибо сказано в изречениях; чего рука твоя не стяжала, око твое не видело*.

И я известил обо всем этом владыку моего царя, и повелел царь:

— Пусть никто не дерзает приближаться к добру Ахикара, писца; пока живет Ахикар, да не приближается никто ни к достойному его, ни к дому его!

ГЛАВА 5

Когда увидел Надан, что я взял брата его младшего и стал его воспитывать, это было ему неприятно; и позавидовал он, и возымел в уме своем помыслы злые по этой причине, и сказал:

— Ахикар, отец мой, стар, и мудрость его пропала, и слова его достойны презрения; ужели он отдаст добро свое брату моему, а меня изгонит из дома своего?

И когда я, Ахикар, услышал слова Надановы, я сказал:

— Увы тебе, премудрость моя! Надан, сын мой, лишил тебя вкуса твоего и презрел мудрые слова мои.

Когда сказал я это, сын мой весьма раздражился и приготовил в сердце своем зло мне. И пошел он ко двору царскому, чтобы сотворить зло, которое было в сердце его, как будто написал Ахикар от лица своего письма лукавые, а он отправился ко двору объявить о них.

И вот письма от имени моего к царям, враждебным царю Сеннахерибу.

Одно было к царю Персидскому и Эламитскому, и он написал его так:

— От Ахикара, писца и хранителя печати царя Сеннахериба, мир тебе! Когда получишь ты это письмо, выступи немедля, и приходи в Ассирию, и возьмишь ты всю землю сию без войны и без боя.

Другое было от имени моего к фараону, царю Египетскому, и он составил его так:

— Когда придет к тебе письмо это, выходи ко мне на долину южную двадцать пятого числа месяца ава*; и приведу тебя к Ниневии, и овладеешь ты царством без боя.

Он перенисал письма эти по подобию руки моей и запечатал их печатью моей, а после подбросил их в один из покоев царских.

ГЛАВА 6

И написал он еще другое письмо от лица владыки моего царя:

— От Сархедома Ахикару, писцу моему и хранителю печати моей, мир! Когда получишь ты это письмо, собери все воинство у горы и выступи к долине Орлов* двадцать пятого числа месяца ава; и когда увидишь ты, что я приближаюсь к тебе, построй воинства твои пред лицом моим, как бы ты приготавлился к сражению, ибо посланцы фараона, царя Египетского, придут со мной, и они увидят, каковы мои силы.

И сын мой, Надан, передал мне письмо через двух письмоносцев.

ГЛАВА 7

И взял сын мой Надан одно из писем, так, словно бы нашел его, и прочитал его пред царем.

И тогда царь уязвился весьма, и прогневался на Ахикара, и говорил:

— Боже! В чем погрешил я против Тебя и против Ахикара, что он решился так поступить со мною?

ГЛАВА 8

И тогда ответил Надан, и сказал царю:

— Не печалься, о владыка мой царь, но пойдем на долину Орлов, как написано в этом письме; мы узнаем истину, и все будет так, как ты повелишь.

И повелел царь приготавливаться выступать на долину, чтобы узнать, какова истина в этом деле, и Надан, сын мой, сопровождал царя, и пришли они, и обрели меня с воинством, сопутствовавшим мне, в долине

Орлов. И когда увидел я, что царь приближается ко мне, я построил войнство в боевой порядок пред лицом его, словно для сражения, доверясь письму, которое послал ко мне сын мой.

И сказал сын мой царю:

— Ступай восвояси со всяким спокойствием, о владыка мой! Я же приведу пред очи твои Ахикара, отца моего.

И царь отошел в место свое.

ГЛАВА 9

И пришел ко мне Надан, сын мой, и взял слово, и сказал:

— Владыка царь послал меня к тебе, чтобы сказать тебе: все, что ты сделал, хорошо, царь весьма хвалит тебя. Ныне же отпусти войнства; пусть все расходятся восвояси, ты же иди к царю один.

И пошел я тогда к царю, и когда увидел он меня, то сказал мне:

— Ты пришел, Ахикар, писец мой, отец и кормилец Ассура и Ниневии! Я всегда почитал тебя и покоил тебя, ты же отпал от меня и стал один из врагов моих.

После он дал мне письмо, написанное от имени моего и запечатленное печатью моей. И сказал мне царь:

— Прочти письмо это!

И когда я прочел его, сотряслись члены мои, и язык мой перестал повиноваться мне; искал я слово мудрое и не находил его.

И взял слово Надан, сын мой, и сказал:

— Убирайся с глаз царя, старик неразумный, и прости руки твои в узы и ноги твои в железа!

Тогда царь Сархедом отвратил лицо свое от меня и сказал Набусемаку*, палачу, который был со мною в дружбе:

— Пойди, убей Ахикара и удали голову его на сто локтей от тела его!

Тогда пал я лицом на землю, поклонился царю и сказал ему:

— Владыка царь, вовеки живи! Ты хочешь умертвить меня; да будет по воле твоей. Я знаю, что не погрешил пред тобою; но повели, владыка царь, чтобы меня умертвили перед дверью дома моего и чтобы тело мое отдали для погребения.

И повелел царь, чтобы было так.

ГЛАВА 10

И я, Ахикар, послал сказать жене моей:

— Приходи ко мне и приведи с тобою тысячу девиц, одетых в виссон*, пурпур и шафран, которые будут плясать предо мною и оплакивать меня до самой смерти моей. И приготовь еды налачу Набусемаку, другу моему*, и парфянам*, которые придут с ним; выйди к ним навстречу и пригласи их войти ко мне, дабы и я смог войти в дом мой, как гость и чужак.

ГЛАВА 11

И когда жена моя приняла вестников, исполнилась она премудрости великой и выполнила все, что я велел ей.

И вышла она навстречу Набусемаку и парфянам, и пригласила их войти в дом ее.

И принесла Эшфагни* еды Набусемаку и парфянам хлеба; и достала она им также вина, и разлила для них; и служила им Эшфагни на пире их, пока они не опьянели и не уснули.

Когда опьянели парфяне от вина, уснули они сном глубоким, и каждый из них уснул на месте своем.

И восхвалил я Господа небес и земли за все, что произошло, и сказал я:

— Боже, Спаситель мира, ведающий все, что было, и все, что будет, призри на меня оком милостивым пред Набусемаком!

ГЛАВА 12

И когда я, Ахикар, увидел все это, я заговорил и сказал Набусемаку:

— Подыми глаза твои к небу, Набусемак, и помысли о Боге; вспомни о хлебе и соли, которые мы съели с тобою, и не замышляй моей смерти. Вспомни, что отец владыки моего царя также предал мне тебя, чтобы я умертвил тебя, а я не умертвил тебя, ибо знал, что ты не согрешил, и я оставил тебе жизнь до того дня, когда царь пожелал видеть тебя и дал мне дары многие. И ты спаси меня ныне! Чтобы не распространи-

лась молва и не сказали, что он-де не предан смерти, вот, у меня есть в темнице моей человек, заслуживший смерть; возьми одежды мои, надень на него и после повели парфянам умертвить его.

Когда я сказал это, Набусемак, палач, друг мой, исполнился печали обо мне; и взял он одежды мои, и облачил в них раба, который был в темнице, а после разбудил парфян, которые поднялись под действием вина, и умертвили раба, и отдалили голову его на сто локтей от туловища его, и отдали тело его для погребения.

И распространилась молва по Ассирии и по Ниневию, что Ахикар умерщвлен.

ГЛАВА 13

И тогда Набусемак совместно с женою моею Эшфагни устроил мне в земле укром в три локтя ширины, и четыре локтя длины, и пять локтей высоты*; они дали мне есть и пить и послали сказать владыке моему царю, что Ахикар-де предан смерти. И сказал царь:

— Мука Ахикарова пала на голову мою; писец мой и мудрец, защищавший пролом в стене града, я отправил тебя на гибель по слову отрока!

ГЛАВА 14

И призвал царь Надана, сына моего, и сказал ему:

— Ступай, оплакивай отца твоего!

Надан, сын мой, пошел в дом мой, и он не оплакивал меня и не творил память обо мне, но собрал женщин блудных и посадил их есть и пить среди песен и веселия.

Он убивал, и обпажал, и избивал слуг моих и служанок моих, он не постыдился даже женщины, воспитавшей его, но велел ей совершить с ним блуд и распутство.

ГЛАВА 15

Я же в недрах рва темного слышал вопль поваров моих, и пирожников моих, и хлебников моих, которые творили плач и стенание.

И тотчас обратил я молитву* мою ко Всезрящему.

Прошли дни, и пришел Набусемак, и отворил затвор мой, и дал мне есть и пить, и я сказал ему:

— Поминай меня пред лицом Бога и после всего, что ты увидел, скажи Ему: «Господи, праведный и благий на небесах и на земле, доньше Ахикар был ограждаем Тобою, и он приносил Тебе в жертву быков тучных; и вот, лежит он во рву мрачном, и свет не доходит к нему. Услышь, Господи, вопль раба Твоего и смилуйся над ним!»

ГЛАВА 16

И когда узнал царь Египетский, что я, Ахикар, умерщвлен, он пришел в радость великую и послал Сархедому письмо:

— Царь Египетский Сархедому, царю Ассирийскому и Ниневийскому, мир! Мне нужно построить крепость между небом и землею; пошли мне зодчего мудрого, которому я мог бы поручить все дело, чтобы я его вопрошал, а он мне отвечал. Если человек, которого ты пошлешь ко мне, сделает все, что я скажу, я соберу и пошлю к тебе через него подать с Египта за три года. Если же ты не пошлешь мне человека, который смог бы сделать то, о чем я говорю, собери и пошли ко мне через моего посланника подать с Ассирии и Ниневии за три года*.

ГЛАВА 17

Когда письмо это было прочитано пред лицом царя, он повелел собрать всех своих вельмож, и мудрецов, и волшебников, и книжников царства своего и сказал им:

— Кто из вас пойдет в Египет и даст ответ фараону?

И ответили вельможи царю, и сказали ему все:

— Ты знаешь, владыка царь, что во дни твои и во дни отца твоего все вопросы такого рода разрешал Ахикар, писец; ныне же Надан, сын его, наследовавший ремесло писца и наученный им мудрости его, должен заняться делом этим.

ГЛАВА 18

И когда услышал Надаг слова эти, возопиял он пред лицом царя воплем великим и сказал царю:

— И боги не могут сделать таких дел, как же смогут это люди?

При словах этих царь опечалился и удручился, и сошел с престола своего, и облачился во вретиче, и сел на землю*, и возрыдал, и говорил с плачем:

— Увы тебе, Ахикар, писец мой, что я велел погубить тебя по слову отрока, и не осталось никого, кто был бы тебе подобен и равен! А ныне кто вернет тебя мне? Я заплачу бы за тебя, оценив тебя на вес золота!

ГЛАВА 19

И когда услышал Набусемак от царя таковые слова, он простерся ниц, и поклонился царю, и сказал:

— Царь, вовеки живи! Презирающий слово владыки своего повинен смерти; повели же распять меня на древе, ибо ослушался я слова твоего; ведь Ахикар, которого повелел ты мне умертвить, жив доселе.

И ответил царь Набусемаку:

— Говори, о Набусемак, ибо ты человек добрый и справедливый и не можешь совершить зла. Если дело и вправду так, как ты сказал, и если ты мне представишь Ахикара живым, я дам тебе дары великие: серебра мириаду талантов* и пурпура сотню риз.

Когда Набусемак услышал, что царь говорит это, он начал говорить:

— Я молю владыку моего царя сказать мне одно лишь, что он забывает за мною эту вину и не держит гнева на меня.

И царь поклялся ему в этом с радостью.

ГЛАВА 20

И взошел тогда Набусемак на колесницу, и примчался так быстро, как ветер могучий.

И отворил он мне, и я вышел на свет.

И не была посрамлена надежда моя на Бога.

ГЛАВА 21

И отвел меня Набусемак к царю, и повергся я на землю.

Волосы мои спадали на плечи мои, и борода моя доходила до груди моей, и тело мое было засыпано землею, и ногти мои отросли, как когти орла*.

Когда царь увидел меня, он много плакал и сказал мне:

— О Ахикар, я не погрешил против тебя, но это сын твой, воспитанный тобою, погрешил против тебя.

ГЛАВА 22

И отвечал я, и сказал царю:

— Владыка мой, ныне вижу я лицо твое, и скорбь моя отнята у меня.

И отвечал царь, и сказал мне:

— Иди в дом твой, и обрежь власы твои, и омой тело твое в водах, и давай себе покой сорок дней*, а после приходи пред очи мои.

И пошел я в дом мой, и делал все, как повелел мне владыка мой царь; но лишь двадцать дней оставался я в доме моем, а когда возвратились ко мне силы мои, пошел я пред очи царя.

ГЛАВА 23

И показал мне царь письмо, пришедшее от царя Египетского.

И заговорил царь, и сказал:

— Ты только посмотри, Ахикар, на египтян! Что написали они мне, и коликую подать наложили они на Ассур и на Ниневию!

ГЛАВА 24

И отвечал я ему, и сказал:

— Владыка мой царь, веки живи! Об этом деле не пекись и не печалуйся; я пойду в Египет, и я дам ответ, и я представлю всем педругам твоим загадку и ее решение, и я принесу подать с Египта за три года.

И при словах таковых царь возрадовался весьма и устроил день веселия, и оставила печаль лицо его, и принес он в жертву быков и овец, и дал мне дары великиес.

И поставил он Набусемака надо всеми, и дал ему чин высокий.

ГЛАВА 25

И написал я письмо Эшфагни, жене моей:

— О супруга моя, когда письмо это придет к тебе, прикажи, чтобы ловчие изловили для меня двух орлов юных; и повели, чтобы слуги мои принесли для меня нити льняной и сделали из нее для меня две веревки в палец толщиною и в тысячу локтей длиною; и скажи, чтобы кузнецы сковали для меня две клетки. И отдай Набухаила и Тевпалома, слуг моих, семи кормилицам первородившим, чтобы те питали их млекоком своим, пока они не вырастут; и помести с ними орлов юных, чтобы они возрастали вместе, и давай орлам в корм по две овцы на каждый день. И пусть мальчики выучатся говорить:

— Принесите глины и кирпичей! Зодчие, гости царя, не имеют себе дела.

Жена моя была весьма сметлива и сделала все, что я велел ей; и получил я приказ от царя отправляться в Египет.

ГЛАВА 26

При вести этой ассирияне и ниневитяне* обрадовались весьма и удалились восвояси.

И ответил я царю:

— Владыка мой царь, дозвожь мне отправляться в Египет!

И когда повелел он мне отправляться, я взял с собою отряд многочисленный и выступил в путь.

И когда прибыл я к вечернему роздыху, я прежде всего отпустил воинство, после взял из клеток орлов юных, привязал веревки к ногам их и велел мальчикам моим влезть на веревки, а после отпустил орлов, и поднялись они в воздух; а мальчики кричали, как были научены;

— Принесите кирпичей, глины и строительного раствора! Это нужно для гостей и зодчих царя!

И после этого я вернул их к себе на землю.

ГЛАВА 27

И когда прибыл я в Египет, слуги царя доложили обо мне, и царь повелел, чтобы я пришел к нему.

Я вошел к царю и приветствовал его, и после он спросил меня:

— Каково твое имя?

И ответил я:

— Абикам*, один из муравьев царя Ниневитского.

И когда Фараон услышал это, он был недоволен и сказал:

— Ужели владыка твой настолько презирает меня*, что он отрядил ко мне муравья, чтобы отвечать мне?

И после он сказал мне:

— Ступай, Абикам, в отведенное тебе место, а поутру вставай и приходи ко мне.

И повелел царь, чтобы вельможи его завтра облачились в одежды цвета красного, а сам он облачился с утра в одежды из виссона и пурпура; и воссел он на престоле своем, а вельможи его заняли места окрест него и перед ним. И я был введен в присутствие царя, и затем он спросил меня:

— С кем можно сравнить меня, о Абикам, и с кем можно сравнить вельмож моих?

И ответил я ему:

— Тебя можно сравнить с Белом*, о владыка мой царь, а вельмож твоих — со жрецами его.

И сказал мне царь:

— Ступай, Абикам, и поутру приходи.

И повелел царь вельможам своим сменить одежды свои и облечься в одежды из льна белого, и сам он также облекся в белое, а после воссел на престоле своем, и вельможи его заняли места перед ним и окрест него.

И ввели меня пред очи его, и спросил он меня:

— С кем можно сравнить меня, о Абикам, и с кем можно сравнить вельмож моих?

И ответил я ему, и сказал ему:

— Тебя можно сравнить с Солнцем, а вельмож твоих — с лучами его.

И снова сказал мне царь:

— Ступай, Абикам, а поутру возвращайся ко мне.

И повелел он вельможам своим завтра переоблечься в одежды черные; врата дворца были покрыты черным и алым; царь же облекся в одежды алые. После Фараон велел меня ввести; я вошел, и он спросил меня:

— С кем можно сравнить меня, о Абикам, и с кем можно сравнить вельмож моих?

И сказал я ему:

— Тебя можно сравнить с Месяцем, о царь, а вельмож твоих — со звездами.

И сказал он мне:

— Ступай, Абикам, а поутру приходи ко мне.

И повелел Фараон вельможам своим облечься завтра в другие одежды разных цветов; и врата дворца были затянуты красным разных оттенков; и царь облачился в одежды разноцветные. После Фараон велел меня ввести; я вошел, и он спросил меня:

— С кем можно сравнить меня и с кем можно сравнить вельмож моих?

И ответил я ему:

— Тебя можно сравнить с нисаном*, а вельмож твоих — с цветами его.

Когда царь услышал это, он возрадовался весьма и был исполнен веселия. Он сказал мне:

— Абикам, ты сравнил меня один раз с Белом, а вельмож моих — со жрецами его, другой раз ты сравнил меня с Солнцем, а вельмож моих — с лучами его, в третий раз ты сравнил меня с Месяцем, а вельмож моих — со звездами, в четвертый раз ты сравнил меня с нисаном, а вельмож моих — с цветами его; с кем же ты сравнишь Сархедома, владыку твоего?

ГЛАВА 28

И ответил я, и сказал ему:

— Сохрани меня Бог, о царь, говорить о владыке моем Сархедоме, когда ты сидишь, ибо владыка мой царь Сархедом подобен Владыке небес*, а вельможи его подобны молниям; стоит ему пожелать, и он обращает росу и дождь в твердый град, он заставляет дымы восходить к небесам владычества своего, он издает гром и рыкание и возбраняет Солнцу вставать и лучам его показываться; он возбраняет Белу и жрецам его уходить и приходить местами людными; он возбраняет Месяцу восходить и звездам блистать. И если он захочет повелеть ветру северному, ветер соделает дождь и град, и побьет нисан, и погубит цветы его.

И возмутился царь, слыша это.

ГЛАВА 29

И спросил Фараон:

— Заклинаю тебя жизнью владыки твоего Сархедома, каково имя твое?

И ответил я:

— Ахикар, писец! И печать царя Сархедома вручена мне.

И спросил Фараон:

— Так ты жив?

И ответил я:

— Так, я жив, о владыка мой царь, и я видел Сархедома, и он продлил дни мои, и Бог избавил меня от смерти, и от казни лютой, и от греха, которого не творили руки мои.

И сказал мне царь:

— Ступай, писец, а поутру приходи ко мне и скажи мне слово, которого никто не слышал и которого не слышали вельможи мои ни в едином из градов египетских.

ГЛАВА 30

И тогда я, Ахикар, отошел в уединение и написал письмо такое:

— От Фараона, царя Египетского, Сархедому, царю Ассирийскому,

мир! Цари имеют нужду в царях, и судьи имеют нужду в судьях, а в наше время они имеют нужду в дарах, ибо средства их умалены. Сокровищнице моей недостает денег, но позволь мне занять в твоей сокровищнице девятьсот талантов серебра, и я вскоре верну их тебе.

Я свернул письмо это и взял его с собою, и я сказал царю:

— Слова, написанного в письме этом, не слыхивал ни ты, ни другой человек.

Все возопили:

— Мы слышали его, и нет в том никакого сомнения!

И тогда ответил я им:

— Итак, вы слышали, что Египет должен Ассирии девятьсот талантов!

И все были исполнены изумления. И сказал мне тогда царь:

— Ахикар!

И я ответил:

— Вот я!

И сказал он мне:

— Построй мне дворец между небом и землею, превыше земли локтей на тысячу!

И тотчас взял я из клеток орлов моих юных, и привязал к ногам их веревку должной длины, и велел посадить на нее мальчиков, которые принялись кричать:

— Глины сюда, кирпичей сюда! Вот идут зодчие! Дайте им, с чем работать, что нужно зодчим царевым, и смешайте для зодчих вина.

Вельможи увидели, услышали и были в изумлении. Тогда я, Ахикар, взял жезл и бил зодчих, пока они не побежали доставать потребное для стройки.

Тогда сказал царь:

— Ты обезумел, Ахикар! Кто сможет подавать им наверх то, что они требуют?

Я сказал им:

— Зачем же вы поминаете понапрасну имя Сархедома? Если бы он был здесь и если бы он пожелал построить два дворца в один день, он бы их построил.

Царь сказал мне:

— Оставь ты этот дворец! Приходи ко мне поутру.

И когда поутру я вошел к нему, он посмотрел на меня, и увидел меня, и сказал:

— Ахикар, изъясни мне, что это у нас приключилось? Жеребец твоего владыки заржал в Ассуре, в Ниневии, а наши кобылицы услышали его и выкинули плод.

И тогда я, Ахикар, вышел от царя; и я велел слугам взять кота, бога египтян*, и бить его до тех пор, покуда египтяне не услышат воплей его.

Египтяне пошли и донесли царю:

— Этот Ахикар взял кота, который есть бог, и бил его.

Царь внял им и спросил меня:

— О Ахикар, зачем ты учиняешь богам нашим бесчестие?

И я сказал ему:

— Царь, вовеки живи! Этот кот учинил мне урон великий и отнюдь не малый; ибо царь подарил мне петуха, имевшего голос весьма прекрасный, который пел тогда, когда мне надо было идти ко двору и когда царь меня требовал, и будил меня от сна моего. И вот урон, учиненный мне котом этим: он побывал ночью этой в Ассуре, в Ниневии, и откусил голову петуху тому, и вернулся сюда.

Тогда царь сказал мне:

— Будучи стар, ты заблуждаешься. Между Ассуром и Египтом триста парасангов*: как же мог за эту ночь дойти туда, откусить голову этому петуху и вернуться обратно?

Я сказал ему:

— Пусть между Ассуром и Египтом триста парасангов, разве не слышали мы, что кобылицы ваши услышали ржание жеребца нашего и выкинули плод? Так и с котом.

При этих словах царь смутился и в изумлении сказал мне:

— О Ахикар, изъясни мне то, что я скажу тебе: есть у меня столп великий, сложенный из восьми тысяч семисот шестидесяти трех кирпичей, на верху которого насажено двенадцать кедров; на верху каждого из этих кедров по тридцати колес, и по каждому колесу бегут две нити, одна белая, а другая черная.

Я ответил царю о предмете, о котором он спрашивал меня:

— Умы баранов и быков знают то, что ты спрашиваешь у меня, царь.

Столп, о котором говорил владыка мой царь, — это год; столп этот сложен из восьми тысяч семисот шестидесяти трех кирпичей, каковые суть восемь тысяч семьсот шестьдесят три часа; двенадцать кедров суть двенадцать месяцев года; тридцать колес суть тридцать дней месяца; две нити, одна черная и другая белая, — это ночь и день.

Царь сказал мне еще;

— Перестань! Однако я требую от тебя, о Ахикар, чтобы ты свил две длинные веревки из песка, по пятидесяти локтей в длину и по пальцу в ширину.

Я отвечал ему:

— Прикажи, владыка мой царь, чтобы мне принесли такую веревку из твоей сокровищницы, чтобы мне свить подобную ей.

Он сказал мне:

— Ты не понял слов моих: если не совьешь ты мне веревки, как я сказал тебе, не получишь ты подати египетской.

И тогда я, Ахикар, покинул царя и провел ночь ту в размышлении великом, и поутру пришел мне помысл некий.

И стал я позади дворца, в котором обитал царь, и сделал в стене напротив солнца дыру, и прошло солнце сквозь стену дворца. И сделал я другую дыру в той же стене; после взял я пригоршню пыли и вложил в дыры, и пыль явилась в луче и была увлечена. И заговорил я, и сказал я царю:

— Повели, владыка мой царь, чтобы эти лучи связали в пучок, и я сделаю подобный пучок, если ты пожелаешь.

Увидев это, царь и вельможи его были объаты изумлением и недоумением и были весьма унижены.

Тогда царь велел принести мне верхний камень от разбитого жернова, а после заговорил и сказал:

— Прошей мне этот камень, Ахикар!

И я тотчас взял пест из того же камня, что и жернов, бросил его и сказал царю:

— Владыка мой царь, у меня нет с собой шильев сапожника, и я не нахожу того, что мне потребно; вели, однако, сапожникам твоим продеть нить в этот пест, который одного естества с жерновом, и я тотчас прошью его.

На эти слова царь засмеялся и сказал:

— Добро же, Ахикар! День, в который ты рожден, да будет благословен пред лицом богов египетских! Поелику я вижу тебя живым и здравствующим, я сотворю этот день великим празднеством и временем веселия.

ГЛАВА 31

Когда царь Фараон был побит во всем, когда я оказал отпор его хитростям, когда я разрешил и упразднил все измышления его и все загадки его, он отдал мне подать с Египта за три года, и сверх того я получил те девятьсот талантов, о которых шла речь в изготовленном мною письме, как о ссуженных моим государем, и о которых все будто бы слышали, по собственному их признанию.

Я был осыпан дарами от царя и почестями от вельмож его.

И тотчас царь Сархедом поспешил мне навстречу.

ГЛАВА 32

И начал царь говорить мне слова мудрые:

— Проси и требуй от меня, чего хочешь!

И сказал я:

— О владыка мой царь, вовеки живи!

И царь сошел ко мне навстречу и радовался радостию великою.

Он почтил меня, и посадил подле себя на престоле своем и на твердыне своей, и сказал мне:

— Проси у меня, Ахикар, всего, чего пожелаешь! Если пожелаешь, отдам тебе все царство мое.

И сказал я ему:

— О владыка мой царь, живи вовеки, в роды и роды! Все, чего прошу я у величия твоего, если нашел я милость в очах твоих, это дать хорошее место Набусемаку, спикюлятору*, ибо ему обязан я тем, что доселе живу.

И выказал мне тогда царь приязнь свою милостями многими, особливо же дарами и подарками, которые принял я от руки его.

И осыпал меня царь дарами многими, и дарил подарки Набусемаку. И стал царь расспрашивать меня обо всем, что было со мною пред лицом Фараоновым, и о загадках Фараоновых; и рассказывал я ему все от начала и до конца, по порядку и по отдельности; он же, слушая, дивился.

И затем вынул я сокровища, и серебро, и золото, и дары, и подарки, что дал мне царь Египетский, чтобы доставил я их ему из Египта; и радовался он радостию несказанною.

И сказал он мне:

— Сколько желаешь ты получить от меня?

Я же сказал ему:

— Я не прошу ничего, кроме как видеть тебя счастливым и благоденственным. Что бы делал я с этими богатствами и с прочим? Однако прошу у блаженства твоего, чтобы ты дал мне власть делать все, что я пожелаю, Надану, дабы отомстить ему, и чтобы не взыскивал ты с меня кровь его.

И тотчас дозволил мне царь делать все, что я пожелаю.

Я взял Надана и пошел в дом мой; и связал я его узами и цепями железными, и возложил я оковы железные на руки его и на ноги его и железо на плечи его, а после стал я бичевать его розгами и бить его ударами лютыми и припоминал ему поучение, которое преподавал ему в премудрости, и в знании, и в философии.

ГЛАВА 33

И сказал я:

— Сын мой, того, кто не слушал ушами своими, понуждают слушать спиною его.

Надан, сын мой, заговорил и сказал:

— Зачем гневаешься ты на сына твоего?

Я отвечал ему:

— Я, сын мой, посадил тебя на престоле славы, ты же сбросил меня с престола моего; и правда моя спасла меня.

Ты был для меня, сын мой, как скорпион, который ужалил скалу, и та сказала ему:

— Ужалил ты сердце неуязвимое.

Он ужалил иглу, и та сказала ему:

— Ужалил ты жало, которое сильнее, чем твое.

Ты был для меня, сын мой, как тот, кто бросает камень в небо; до неба он не дometнет, однако, бросив, согрешит.

Ты был для меня, сын мой, как тот, кто увидел ближнего своего дрожащим от стужи, и взял сосуд с водою, и метнул в него.

Сын мой, отвечай мне! Ты напал на меня, как голодный лев на осла, блуждавшего поутру. Сказал лев ослу:

— Подойди в мире, брат мой и друг мой!

Осел ответил:

— Такого мира пожелаю тому, кто не привязал меня и не помешал мне выйти навстречу тебе.

Сын мой, ты был для меня как западня, укрытая под навозом. И пришел воробей, и увидела его западня, и сказала:

— Брат мой, что делаешь ты здесь?

И ответил воробей:

— Смотрю на тебя.

И сказала западня:

— Помолись Богу! Слава Ему!

И спросил воробей:

— Что у тебя за палка?

Ответила западня:

— Это посох мой и опора моя, я подпираюсь им, когда стою на молитве.

Спросил воробей:

— Что за зерна во рту твоём?

Ответила западня:

— Это пища, и это еда, восстанавливающая силы тех, кто мучим голодом. Я поместила ее во рту моем, чтобы она служила для пропитания голодных, ищущих у меня прибежища своего.

Воробей сказал:

— Вот, я весьма изнурен голодом, и я прихожу, чтобы есть зерна.

Западня ответила ему и сказала:

— Приблизься, о брат мой, и не страшись!

Когда же приблизился воробей, чтобы взять зерен, она тотчас схватила его за голову; и сказал воробей западне:

— Если таков пост твой, и такова молитва твоя, и для такой цели зерна те, Бог не примет ни поста твоего, ни молитвы твоей и не подаст тебе никакого блага.

Сын мой, ты был для меня как жук-долгоносик, обретающийся в хлебах, что не годен ни на что доброе, но губит хлеба.

Сын мой, ты был для меня как котел, к которому приладили золотые ручки, не отчистив его дна от черноты.

Сын мой, ты был для меня как птица, которая замкнута в западне и не может убежать от ловца; и тогда она подымает голос приятный и сладостный и собирает вокруг себя многих птиц, малых или больших, дабы они также были уловлены.

Сын мой, ты был для меня как козел, который ведет товарищей своих на живодерню и не может спасти себя же самого.

Сын мой, ты был для меня как пес, которого проняла стужа и который пошел греться к гончарам, а когда согрелся, норовил обляять их и искусать. Они пытались ударить его, он же залаял, а они, страшась быть искусанными, убили его.

Сын мой, ты был для меня как та свинья, которая пошла в баню вместе с вельможами; и прошла она в баню, и омылась, а как вышла, увидала грязь и принялась в ней валяться.

Сын мой, рука, которая не трудится, и не утомляется, и не совершает работ, будет отсечена по причине лениости своей.

Сын мой, это я показал тебе лицо царево, и привел тебя к милостям великим, и научил тебя, и воспитал тебя, и доставил тебе всякое благо; и чем ты воздал мне, и чем отплатил мне?

Увы, и оле, и горе! Если бы ты ничего не получил от меня и ничего не принял от меня, ты не имел бы никакой власти надо мною во все дни жизни твоей.

Сын мой, сказало дерево дровосекам:

— Если бы в руках вапих не было части меня, вы не напали бы на меня.

Ты был для меня как кот, которому сказали:

— Перестань воровать, а тогда входи и выходи, как захочешь.

Он же ответил им:

— Это естество мое, и, если бы имел я глаза из серебра, руки из золота и ноги из берилла, я отнюдь не отстал бы от воровских дел моих.

Ты был для меня, сын мой, как змея, что забралась на ветку терновника и плыла по реке; волк увидел ее и сказал:

— Зло забралось на зло, и зло злейшее несет их.

Ответила змея волку тому:

— А ты отводишь ли коз к хозяину их?

Сын мой, я видел козу, которую пригнали на живодерню, но еще не пришло время ее, и потому она вернулась восвояси, и увидала она детей своих и отпрысков детей своих.

Сын мой, я давал тебе вкушать от всякой снеди доброй, а ты не насытил меня и хлебом, смешанным с прахом; я помазывал тебя благовоениями усладительными, а ты осквернил тело мое прахом; я упоевал тебя вином старым, а ты не напоил меня даже водою.

Сын мой, я возрастил тебя высоким, как кедр, а ты согнул меня при жизни моей и упоил меня лукавством.

Сын мой, я возвысил тебя как башню, и я говорил:

— Когда враг мой придет на меня, я поднимусь и найду прибежище.

Ты же увидел врага моего и склонился к нему.

Ты был для меня, сын мой, как крот, который выходит на лицо земли, чтобы обвинять Бога, не давшего ему зрения; и прилетает орел, и уносит его.

И ответил Надан, сын мой, и сказал мне:

— Далече да будет от тебя, владыка мой, обычай немилосердных, но поступи со мною по милости твоей! Даже когда человек погрешает против Бога, Бог отпускает ему грехи; так и ты ныне прости меня, и я буду печься обо всех твоих скотах или буду пасти овец твоих и свиней твоих, и меня будут называть злым, а тебя добрым.

Я ответил ему и сказал ему:

— Сын мой, ты был для меня как пальма, которая обреталась вдали от дороги и не давала плодов; и пришел хозяин ее, и хотел удалить ее. И сказала ему пальма эта:

— Дай мне год, и я принесу плод сафлора.

И сказал ей хозяин ее:

— Злосчастливая, тебя недостало на то, чтобы принести твой собственный плод, как достанет тебя на то, чтобы принести чужой?

Сын мой, старость орла лучше, чем юность грифа.

Сын мой, если бы волку велели держаться вдали от овец, он ответит, что ему мил прах, ими поднимаемый. Сказали волку:

— Учись: буква элэп, буква бит*.

Он ответил:

— Баранина, козлятина.

Сын мой, ты оправдал пословицу, которая гласит:

— Кого ты породил, называй сыном твоим, а кого ты воспитал, называй рабом твоим.

Сын мой, больше всякого иного слова оправдал ты это:

— Возьми сына сестры твоей на руки твои и разбей его о камень.

Бог, сохранивший мне жизнь, знающий все и воздающий каждому по делам его, сын мой, да судит и да рассудит между мною и тобою.

Ничего больше не скажу тебе. Бог да воздаст тебе по делам твоим.

ГЛАВА 34

И когда юный Надаң услышал слово это, тело его тотчас раздулось и стало как мех и бурдюк полный, и внутренности его вышли из чресел его.

Злое его делание воспламенило его, палило его, иссушало его, обессиливало его, губило его, умертвило его. Конец его привел его к погибели, и пал он в геенну вместе с завистливыми и горделивыми, как сказано*:

«Сын выроет ров, и согрешит, и падет в яму, которую сам выкопал»; и еще: «Кто творит лукавое, впадет в погибель»; и еще: «Кто строит ков брату своему, сам падет в него».

Здесь кончается повесть об Ахикаре, мудреце и философе достойном, который разумел тайны и толковал загадки.

ПОВЕСТЬ ОБ ИОСИФЕ И АСЕНЕФ

ГЛАВА 1

И было в первый год семи годов изобилия*, во втором месяце, в пятый день месяца, и послал Фараон Иосифа обойти всю землю Египетскую. И пришел Иосиф в четвертом месяце первого года, в осьмнадцатый день месяца, к пределам Гелиопольским*, и собирал хлеб полей края того, как песок морской.

И был муж во граде том, сатрап* Фараонов; и был он поставлен над всеми сатрапами и вельможами Фараоновыми. И был муж тот весьма богат, и разумен, и рассудителен, и был он советник Фараонов, и было имя ему Пентефрий. И был он жрецом града Гелиополя.

И была у Пентефрия дщерь, около осьмнадцати годов от роду, дева статная, и благообразная, и красою своею превывшавшая всех девиц земли той. И не было в ней ни малого сходства с дщерями египтян, но была она во всем подобна дщерам евреев*: была она осаниста, как Сарра*, и благообразна, как Ревекка*, и прекрасна, как Рахиль*. И было имя девы той Асенеф*.

И прошла слава о красоте ее по всей земле той, и даже до пределов земли той, и сватали ее все сыны вельмож, и сатрапов, и царей, юные все. И была между ними великая распря о ней, и устремлялись они к брани взаимной ради Асенеф. И услышал о ней первородный сын Фараонов, и тщился упросить отца своего дать ее ему в жены, и говорил отцу:

— Дай мне в жены Асенеф, дщерь Пентефрия, жреца Гелиопольского!

И ответил ему отец его, Фараон:

— Чего ради домогаешься ты жены ниже тебя? Не ты ли царь всей вселенной? Отнюдь, но дщерь царя Иоакима* обручена тебе, царевна красоты отменной; ес и бери в жены.

ГЛАВА 2

Асенеф же всякого мужа презирала и ни во что вменяла, и ни единый муж никогда не видел ее; ибо была у Пентефрия башня, стоявшая при доме его, весьма великая и высокая. Наверху же башни той была горница, имевшая десять покоев.

И был первый покой велик и благолепен; пол его был выложен камнями порфиrowыми, и стены его одеты были камнями пестроцветными и многоценными. И была сень покоя того золотая; и внутри покоя того были кумиры богов египетских, без числа, золотые и серебряные. И всех их Асенеф почитала, и боялась, и совершала перед ними жертвы.

И второй покой был хранилищем всего убранства Асенеф и всех ларцов ее. И было там много золота, и сребра, и риз золотканых, и камней многоценных, заветных, и полотна тонкого, отменного. И это было все убранство девичества ее.

И третий покой содержал все блага земные и был сокровищницей Асенеф.

Остальные же семь покоев отданы были семи девам, по одному каждой. И девы эти служили Асенеф и были ее ровесницы, ибо родились в одну ночь с Асенеф; и были они весьма красивы, как звезды небесные*; и никогда муж не говорил с ними, ни даже дитя мужского пола.

И было три окна в покое великом Асенеф, где вскармливалося девичество ее. И одно окно смотрело во двор, на восток; и второе окно смотрело на север, на улицу; третье же на юг.

И стояло в покое том ложе золотое, обращенное на восток, и было оно постлано порфирой золотканой, изукрашенной иакинфом и висоном. На ложе том покоилась одна лишь Асенеф, и ни муж, ни жена никогда не сажались на ложе то, кроме единой Асенеф.

И шел вокруг дома того двор пространный, и окружала двор тот стена, весьма высокая, сложенная из камней великих, четверугольных. И двор тот имел четверо врат железных, и охраняло каждые врата по осьмнадцать сильных молодых воинов* в полном вооружении. Внутри же двора насажены были вдоль стены разнообразные деревья, красивые и плодоносные; и каждый плод их был зрелым, ибо наступила пора урожая. И был на правой стороне двора источник вод

изобильный, книзу же от источника был большой водоем, приемлющий воды источника того; от водоема исходил ручей, бегущий по двору и напояющий все деревья двора того.

ГЛАВА 3

И случилось в четвертом месяце, в осьмнадцатый день месяца, и пришел Иосиф к пределам Гелиополямским.

Приблизясь же ко граду тому, послал Иосиф пред лицом своим двенадцать* мужей к Пентефрию жрецу, говоря:

— Сегодня войду под кров твой, ибо вот, час полудня, час трапезы; жар же солнечный велик, но под кровом твоим обрету прохлаждение.

И услышал Пентефрий, и возрадовался радостью великою, и сказал:

— Благословен Госнодь, Бог Иосифа*!

И призвал Пентефрий домоправителя своего, и сказал ему:

— Поспеши, и устрой дом мой, и пир великий уготовь; ибо Иосиф, сильный Божий*, приходит к нам сегодня.

И услышала Асенеф, что пришли с поля наследия ее отец и ее мать, и возрадовалась, и сказала:

— Пойду и увижу отца моего и мать, ибо пришли они с поля наследия моего.

И поспешила Асенеф, и облеклась в ризу виссоповую, златотканую, шитую нитями иакинфовыми, и препоясалась поясом златым, и возложила окружия на руки свои и ноги, и надела анаксириды* златые, и вокруг выи своей возложила убранство. И каменья многоценные были па ней, имеющие со всех сторон начертание имен богов египетских, и окружия имели таковые начертания; и лики идолов были вырезаны на каменьях. И возложила она на главу свою тиару, и замкнула повязь вокруг висков своих, и покровом покрыла главу свою.

ГЛАВА 4

И поспешила она, и сошла по лестнице из горницы своей, и пришла к отцу своему и матери, и воздала им приветствие. И возрадовались Пентефрий и жена его о дочери их Асенеф радостью великою, ибо

видели ее родившие ее преукрашенной, как невесту бога. И вынесли они все добро, что принесли они с поля наследия их, и дали дочери своей. И возрадовалась Асенеф о добре том, и о плодах, и о гроздьях, и о финиках, и о гранатовых яблоках, и о смоквах, ибо все было в поре своей.

И сказал Пентефрий Асенеф, дочери своей:

— Дитя мое!

Она же отвечала:

— Вот я, господине мой!

И он молвил ей:

— Садись же между нами, и скажу тебе слова мои.

И воссела Асенеф между отцом своим и матерью своею. И взял Пентефрий рукою своею десною руку десную ее, и сказал ей:

— Дитя мое!

И отвечала Асенеф:

— Да возглаголет господин мой и отец мой!

И сказал ей Пентефрий:

— Вот, Иосиф, могущий Божий, приходит к нам сегодня, и сей есть правитель всей земли Египетской, и Фараон поставил его над всей землей нашей; и сей печется о хлебе для всего края нашего, и спасает его от предстоящего глада. Есть же Иосиф муж богобоязненный, и целомудренный, и девственник*, как ты ныне, и муж могущий в премудрости и ведении, и Дух Божий на нем, и благодать Господня с ним. Приди же, дитя мое, и предам тебя ему в жены, и будешь ему невеста, и он будет тебе жених на вечные времена.

И когда услышала Асенеф слова отца своего, разлился по ней пот кровавый, обильный; и обуяна она была гневом великим, и воззрела на отца своего очами своими искоса, и сказала:

— Для чего господин мой и отец мой говорит так и желает словами своими предать меня, как пленницу, мужу инопородцу, и беглецу, и проданному в рабство? Не сей ли сын пастуха земли Ханаанской, оставленный отцом своим*? Не сей ли возлег с госпожою своею*, и господин его вверг его в узилище мрака, а Фараон вывел его из узилища, ибо разгадал он сон Фараонов? Нет, но сочетаюсь с царевым сыном первородным, ибо тот есть царь всей земли.

Услышав сие, Пентефрий стыдился говорить далее дочери своей о Иосифе, ибо с надмением и гневом отвечала она ему.

ГЛАВА 5

И се, примчался отрок из числа слуг Пентефриевых, и говорит:

— Се, Иосиф у врат двора нашего!

И бежала Асенеф от лица отца своего и матери, и взшла на башню, и вступила в покой свой, и стала у окна великого, обращенного на восток*, дабы увидеть ей грядущего в дом отца ее.

И вышел во сретение Иосифу Пентефрий, и жена его, и вся родня его. И отверзлись врата двора, что обращены были на восток*, и въехал Иосиф, восседая во второй колеснице Фараоновой*. И были впряжены в нее четыре коня*, белые, как снег, с уздечками золотыми; и вся колесница устроена была из золота*. И был Иосиф облачен в хитон белизны отменной, и поверх него была риза порфиновая из виссона золототканого, и венец золотой был на главе его; и кругом вдоль венца шли двенадцать камней драгоценных, и поверх камней расходились двенадцать лучей золотых; и скипетр царственный был в руке его десной. И держал он ветвь оливы*, и было на ней множество плодов.

И вступил Иосиф во двор, и затворились врата; и сколько ни было чужих мужей и жен, все они остались вне, ибо привратники заперли двери.

И приступил Пентефрий, и жена его, и вся родня его, кроме дочери их Асенеф; и повернулись они пред Иосифом на лица свои наземь. И сошел Иосиф с колесницы своей, и приветствовал их, подавая десную руку свою.

ГЛАВА 6

И увидела Асенеф Иосифа, и весьма сокрушена была душа ее, и уязвлена была утроба ее, и колена ее были расслаблены, и сотрясалось все тело ее; и убоялась она страхом великим, и восстенала, и сказала:

— Куда пойду я и куда сокроюсь от лица его? Или как взглянет на меня Иосиф, сын Божий*? Ибо худое молвила я о нем. Куда бегу и укро-

юсь? Ибо все укрытое видит он, и ничто тайное не утаится от него* по причине великого света, пребывающего в нем. И ныне милостив буди мне, Боже Иосифа, ибо в неведении молвила я словеса лукавые. Что же узрю ныне я, злополучная? Не я ли молвила, говоря: «Вот, приходит Иосиф, сын пастуха из земли Ханаанской»? Ныне же само солнце с неба приходит к нам в колеснице его*, и оно вошло в дом наш сегодня! Я же, неразумная и предерзостная, я унижила его, и словеса лукавые молвила о нем, и не ведала, что Иосиф сын Божий есть. Ибо кто из человек возможет дать жизнь толикой красоте и какая утроба породит толикий свет? Злополучная я и неразумная, ибо молвила отцу моему словеса лукавые. Ныне же да предаст меня отец мой Иосифу как рабу и служанку*, и буду служить ему вовеки.

ГЛАВА 7

И вошел Иосиф в дом Пентефриев, и воссел на седалище; и омыл Пентефрий ноги его, и устроил ему транезу особо, потому что Иосиф не сл с египтянами, почитая сие для себя скверною*. И сказал Иосиф Пентефрию и всей родне его так:

— Кто есть жена сия, стоящая на высоте у окна? Пусть уходит из дома сего!

Ибо устранился Иосиф, как бы и сия не стала досаждать ему, как досаждали ему все женщины и дочери вельмож и сатрапов всей земли Египетской*, желавшие возлечь с ним. И многие жены и дочери египтян, видев Иосифа, уязвлены бывали красотой его и подсылали к нему посланцев со золотом, и серебром, и дарами многоценными. И отсылал назад дары сии Иосиф с угрозой и глумлением, говоря:

— Не погрешу пред лицом Бога Израилева!

Пред очами держал непрестанно Иосиф лик Иакова, отца своего*, и не забывал заповедей отца своего, как говорил Иаков Иосифу и братьям его:

— Чада, крепко блюдитесь от жены чуждой, да не будете иметь с нею общения: сие бо есть порча и погибель.

Сего ради сказал Иосиф:

— Пусть уходит жена та из дома сего!

И сказал ему Пентефрий:

— Господице! та, кого увидел ты на башне, не чужая, но дочь моя, дева, ненавидящая всякого мужа, и другой муж никогда не видел ее, но только ты один сегодня. Если пожелаешь, она придет и будет беседовать с тобою, ибо дочь моя сестра твоя есть*.

И возрадовался Иосиф радостью великою, ибо сказал Пентефрий: «Она дева, ненавидящая всякого мужа». И сказал Иосиф Пентефрию и жене его так:

— Если она дочь ваша, пусть придет; ибо она сестра моя есть и люблю ее от сего дня, как сестру мою.

ГЛАВА 8

И взошла мать Асенеф на башню, и повела Асенеф к Иосифу, и сказал Пентефрий дочери своей Асенеф:

— Воздай приветствие брату твоему, ибо он девственник, как и ты ныне, и ненавидит всякую жену чуждую, как и ты ненавидишь всякого мужа чуждого.

И сказала Асенеф Иосифу:

— Радуйся, господине, благословенный от Бога Всевышнего*!

И сказал ей Иосиф:

— Да благословит тебя Бог, животворящий все сущее!

И сказал Пентефрий Асенеф:

— Приступи же и воздай брату твоему лобызание!

И когда приступила она, дабы воздать Иосифу лобызание, протянул Иосиф руку свою десную, и упер, отстраняя, в грудь ее, и сказал:

— Не пристало мужу богобоязненному, который благословляет устами своими Бога Живого, и вкушает благословенный хлеб жизни, и пьет благословенное питие бессмертия, и помазуется благословенным помазанием нетления*, лобызать жену чуждую, которая благословляет устами своими идолов мертвых и глухонемых, и вкушает на трапезе своей хлеб удавленины*, и пьет на возлияниях своих питие лукавства, и помазуется помазанием погибели; но муж богобоязненный лобызает мать свою, и сестру из племени своего и родства своего, и жену, раз-

деляющую ложе его, которые все благословляют устами своими Бога Живого. Так и жене богобоязненной не пристало лобызать мужа чуждого, ибо сие есть скверна перед Богом.

И когда услышала Асенеф словеса сии, она опечалилась весьма, и восстенала, и взирала на Иосифа, и глаза ее наполнялись слезами. И увидел ее Иосиф, и умилился о ней весьма, ибо был Иосиф кроток, и милостив, и боялся Бога. И возложил он руку свою десную на главу ее*, и сказал:

— Господи Боже Израиля, отца моего*,
Всевышний, Могущий,
животворящий все сущее
и призвавший от мрака к свету,
и от заблуждения к истине,
и от смерти к жизни,—
Ты Сам, Господи, животвори
и благослови деву сию,
и обнови Духом Твоим,
и претвори ее рукою Твоей,
и воскреси ее жизньию Твоей,
и да вкусит она хлеб жизни Твоей,
и да пьет питие благословения Твоего,
ее же избрал Ты прежде, чем родиться ей,
и да внидет она в радость Твою,
уготованную Тобою избранным Твоим.

ГЛАВА 9

И возрадовалась Асенеф благословиению Иосифову радостию весьма великою; и поспешила она, и вошла на башню свою, и пала на ложе свое без сил; ибо нашли на нее радость, и скорбь, и страх великий. И обливалась она потом обильным, когда услышала от Иосифа те словеса, что молвил он ей во имя Бога Всевышнего. И плакала она плачем великим и горьким, и каялась в том, что прежде почитала богов своих, и дожидалась наступления вечера.

Иосиф же сл, и пил, и молвил слугам своим:

— Запрягайте коней в колесницу: се, отхожу в путь и обойду весь град и весь край.

И сказал Пентефрий Иосифу:

— Пусть господин мой почиет ныне под кровом сим, а наутро отойдет в путь свой.

И ответил Иосиф:

— Нет, но отхожу сегодня: сей бо есть день, в который начал Бог творить дела Свои*; в день же осьмый* вернусь и я снова к вам и почию под кровом сим.

ГЛАВА 10

Тогда Пентефрий и родня его отошли на поле удела своего. И осталась Асенеф одна с девицами, и не радела о себе, и плакала, пока не зашло солнце, и хлеба не вкушала, и воды не пила.

Когда же все уснули, она одна бодрствовала. И отомкнула она дверь свою, и сошла с башни к вратам, и обрела привратницу и чад ее спящими. И поспешила Асенеф, и сняла с врат завесу кожаную, и наполнила ее пшлом, и внесла в горницу свою, и положила на пол. И замкнула она дверь покоя своего надежно, и верею железную возложила, и восстала стенанием великим, и возрыдала.

И слышала дева некая, которую возлюбила Асенеф паче всех девиц, стенание госпожи своей, и возбудила от сна прочих девиц, и пришла, и обрела дверь замкнутую. И прислушалась она к стенанию и плачу Асенеф, и сказала:

— Почто унываешь ты, госпожа моя, и что печалит тебя? Отвори нам, и мы узрим тебя.

И отвечала им Асенеф из-за двери замкнутой:

— Голова моя болит весьма, и покоюсь на ложе моем, и не имею силы отворить вам, ибо изнемогаю во всех членах моих: но ступайте каждая в покой свой.

И восстала Асенеф, и отворила дверь свою неслышно, и прошла в покой свой второй, тот, где были ларцы со всяким убранством ее, и отворила ковчежец свой, и вынула хитон черный и мрачный. И был то хитон скорби ес, в который облакалась она, когда умер брат ее перво-

родный. И совлеклась Асенеф ризы своей царской, и облачилась в черную; и развязала пояс свой золотой, и препоясалась вервием; и сложила тиару и повязь с главы своей и окружив с рук своих. И брала она всякую ризу свою избранную, и метала ее в окно нищим. И брала она всех богов своих золотых и серебряных, им же не было числа, и разбивала их намелко, и метала их беднякам и нуждающимся. И брала Асенеф яства свои царские, и мяса тучные, и рыб, и снеди всяческие, и все жертвы богов своих, и чаши вина для возлияний их, и метала в окно на пожраные псам.

Затем взяла она пепел и посыпала им пол; и взяла вретинце, и препоясала чресла свои; и сняла покрывало с главы своей, и посыпала главу пеплом, и пала ниц в пепел. И била она грудь свою часто обеими руками, и плакала горько всю ночь, со стенаниями до самого утра. И восстала Асенеф поутру; и се, увидела она, что пепел под нею стал от слез ее как грязь болотная. И снова пала Асенеф на лицо свое в пепел до захода солнца.

И так творила Асенеф семь дней*, нимало не касаясь до яств или пития.

ГЛАВА 11

И было в день восьмой, и подняла Асенеф голову свою от пола, на коем лежала, ибо сделалась она расслаблена в членах своих от многого своего покаяния.

ГЛАВА 12

И простерла она руки свои к востоку*,
и подняла очи свои к небу, и сказала:
— Господи, Боже вечный,
подающий всем дыхание жизни,
изведший невидимое на свет,
сотворивший сущее и явивший сокрытое,
возвысивший небо и основавший землю на водах*,
утвердивший камни великие над бездною водной,

так, что они не погрузятся,
но даже до конца творят волю Твою;
Господи, Боже мой, к Тебе воззвала я,
услышь моление мое,
и Тебе исповедаю грехи мои,
и пред Тобою открою беззакония мои!
— Согрешила я, Господи, согрешила*,
беззаконие и нечестие сотворила,
злое молвила пред лицом Твоим;
осквернились, Господи, уста мои от жертв
идольских и от трапезы богов Египта.
— Согрешила я, Господи, согрешила
и лукавое сотворила,
почитая идолов глухонемых и мертвых,
и недостойна я, злополучная, отворить уста мои к Тебе!
Согрешила я, Господи, пред лицом Твоим,
я, дочь Пентефрия жреца,
горделивая и надмевавшаяся;
Тебе приношу, Господи, моление мое,
и к Тебе воззвала я.
Избави меня от гонящих меня,
ибо к Тебе прибегла я,
как дитя ко отцу своему и матери;
и Ты, Господи, простри руки Твои надо мною,
как отец чадолюбивый и милостивый,
исхити меня из руки вражией*.
— Се бо, ярый лев древний гонит меня*,
и чада его суть боги Египетские,
коих я извергла от себя и погубила их;
и отец их, Дьявол, поглотить меня тщится.
Но Ты, Господи, избави меня из когтей его
и от пасти его изыми меня,
и да не похитит меня, как волк*, и да не пожрет меня,
и да не свергнет меня в бездну огненную
и в пучину морскую,

и да не поглотит меня кит великий.
— Спаси меня, Господи, сироту,
ибо отец мой и мать моя отреклись от меня,
ибо я погубила и сокрушила богов их,
и ныне покинута я и оставлена
и не имею иного упования,
кроме Тебя, Господи,
ибо Ты отец сиротствующих,
и гонимых защитник,
и утешяемых покровитель.
— Се бо, все достояние отца моего Пентефрия
привременно и тленно,
дома же наследия Твоего, Господи,
нетленны и вечны.

ГЛАВА 13

— Призри на сиротство мое, Господи, ибо к Тебе прибегла я. Се, отложила я царскую ризу мою златотканую и облеклась в хитон черный. Се, разрешила я пояс мой золотой и препоясалась вервием и вретичем. Се, новязь главы моей я отринула и покрыла главу мою пеплом. Се, пол чертога моего, выложенный камнями пестроцветными и порфиrowыми, окропленный же благовониями, ныне орошен слезами моими, покрыт же прахом. Се, Господи мой, от пепла и от слез плача моего грязь великая соделалась в чертоге моем, как на пути проезжем. Се, Господи, яства мои царские и брашна мясные предала я псам. И се, я семь дней и семь почей ни хлеба не вкушала, ни воды не испила, и уста мои иссушены, как кожа тимпана, и язык мой как рог, и губы мои как черепок, и лицо мое осунулось, и очи мои истаяли от жжения слез моих.

Но, Господи! прости мне, ибо в неведении согрешила я и хульное молвила на господина моего Иосифа. И не ведала я, злополучная, что он сын Твой, Господи, ибо сказали мне люди, будто Иосиф-де сын пастуха из земли Ханаанской, и заблуждалась, и уничижила избранника Твоего Иосифа, и худое молвила про него, не ведая, что он сын Твой.

Ибо кто из человеков породил такую красоту, и кто есть другой мудрый и могущий, как Иосиф?

— Но, Господи мой, Тебе поручаю его, ибо возлюбила его я паче души моей. Соблуди его в премудрости благодати Твоей и предай меня в рабыни ему, и буду я мыть ноги его, и служить ему, и рабствовать ему во все время жизни моей.

ГЛАВА 14

И когда окончила Асенеф исповедание свое пред Господом, се, возшла звезда утренняя* на небеса от страны восточной, и увидела ее Асенеф, и возрадовалась, и сказала:

— Услышал, услышал меня Господь Бог; ибо звезда сия есть вестник и глашатай света великого дня*.

И се, подле звезды утренней разверзлось небо*, и явился свет неизглаголаный*. И пала Асенеф на лицо свое во прах, и пришел к ней человек с небеси*; и стал над главой ее, и позвал ее:

— Асенеф!

И молвила она:

— Кто сей, позвавший меня? Ибо заперта дверь чертога моего и высока башня; и как же вошел он в чертог мой?

И позвал ее человек тот снова, и сказал:

— Асенеф, Асенеф!

И ответила она:

— Вот я, господине; возвести мне, кто ты.

И сказал человек тот:

— Я есмь стратиарх* дома Господня, и архистратиг над всем воинством Всевышнего*; встань на ноги свои, и буду говорить с тобою.

И подняла она очи свои, и узрела, и се муж, во всем подобный Иосифу ризою, и венцом, и скипетром царственным; но лик его был как молния, и очи его как блистание солнца, и волосы главы его как пламень огненный, и руки и ноги его как железо, в печи раскаленное*. И увидела Асенеф, и пала на лицо свое к ногам его в страхе великом и трепете.

И сказал ей человек тот:

— Дерзай, Асенеф, и не страшись, но встань на ноги твои, и буду говорить с тобою.

И встала Асенеф, и сказал ей человек тот:

— Отложи хитон, в который облеклась ты, черный, и сними вретиче с чресл твоих, и стряхни прах с главы твоей, и умой лицо твое водой живою*, и облекись в ризу новую, нетронутую, и препояшь чресла твои двойным поясом девства твоего, блистающим. После же снова придешь ко мне, и скажу тебе словеса, с коими я послан к тебе.

И вошла Асенеф в покой свой, где было сложено все убранство ее, и открыла ковчежец свой, и взяла ризу новую, отменную; и совлеклась ризы черной, и облеклась в новую и блистающую. И сняла она вервие и рубище с чресел своих, и препоясалась двойным поясом девства своего, блистающим: один пояс вокруг чресел ее, другой на груди. И отряхнула она прах с главы своей, и умыла лицо свое водою чистою, и покрыла главу свою покровом прекрасным и отменным.

ГЛАВА 15

И пришла она к человеку тому, и человек тот, узрев ее, говорит ей:

— Сними покров с главы твоей, ибо ты дева чистая сегодня, и глава твоя как глава юноши*.

И спяла она сие с главы своей.

И сказал ей человек тот:

— Дерзай, Асенеф! Се бо, услышал Господь глаголы исповедания твоего. Дерзай, Асенеф! Се, вписано имя твое в книгу жизни и не изгладится вовек*. Се, от нынешнего дня будешь ты обновляема, и претворяема, и животворима, и вкушать будешь от хлеба жизни, и пить от пития бессмертия, и помазана будешь помазанием нетления. Дерзай, Асенеф! Се, дал тебя Господь Иосифу в невесты, и сей будет тебе жених.

И не будешь более зваться Асенеф, но будет имя тебе Град Убежища*, ибо в тебе обретут убежище многие языки, и под сенью крыл твоих укроются многие народы*, и во ограде твоей соблюдены будут многие, притекающие к Богу через покаяние. Ибо Покаяние есть дщерь Всевышнего*, и она предстательствует на всякий час перед Всевышним за тебя и за всех кающихся, ибо Он есть отец покаяния, она же есть матерь

дев, и на всякий час молит Его о кающихся; ибо всем возлюбившим ее уготовал Он чертог брачный на небесах*, и она послужит им во век века. И есть Покаяние весьма прескрасная дева, чистая, и непорочная, и кроткая, и Бог Всевышний любит ее, и все ангелы почитают ее.

И се, отхожу я к Иосифу, и буду говорить к нему о тебе, и он придет к тебе сегодня, и узрит тебя, и возрадуется о тебе, и будет тебе жених. Так услышь меня, Асенеф, и облекись в ризу брачную, в ризу древнюю, первую, сохраняемую в покое твоём, и надень на себя всякий убор твой избранный, и укрась себя, как невесту, и приготовь себя во сретение его. Се бо, приблизится он к тебе сегодня, и узрит тебя, и возрадуется.

И когда окончил человек тот слова свои к Асенеф, возрадовалась она радостью великою, и пала к ногам его, и сказала ему:

— Благословен Господь Бог, пославший тебя вызволить меня из мрака и возвести меня ко свету, и благословенно Имя Его вовеки! Но скажу слово, господине, если снискала я благоволение в очах твоих: на малое время присядь на ложе, и приготовлю стол и хлеб, и вкусишь ты от него; и принесу тебе вино доброе, благовоние коего до небес, и будешь ты пить от него, и пойдешь путем твоим.

ГЛАВА 16

И сказал ей человек тот:

— Принеси мне и сот медовый!

И сказала Асенеф:

— Пошёл, господине, на поле наследия моего и добуду тебе сот медовый.

И сказал ей человек тот:

— Войди в покой твой, и обретишь сот медовый.

И вошла Асенеф в покой свой, и обрела сот медовый, лежащий на столе; и был сот тот бел, как снег*, и полон меду, и запах его, как благоухание жизни*.

И взяла Асенеф сот, и принесла человеку тому, и сказал он ей:

— Что же говоришь ты, будто нет сота медового в доме твоём? Вот, ты принесла мне его!

И сказала Асенеф:

— Не имела я, господине, в доме моем сота медового, но как ты сказал, так и соделалось. Не из уст ли твоих исшел он? Ибо дыхание его как дыхание благовоний.

И простер человек тот руку свою, и коснулся главы ее, и сказал:

— Блаженна ты, Асенеф, ибо неизреченные тайны Божьи открылись тебе; и блаженны притекающие ко Господу Богу в покаянии, ибо от сота сего вкушать будут. Ибо мед сей сотворили пчелы в Раю Радования*, и ангелы Божьи вкушают от него, и всякий, кто вкусит от него, не умрет вовек.

И простер человек тот руку свою десную, и отломил от сота, и вкусил, и вложил рукою своею от сота во уста Асенеф*. И простер он руку свою, и возложил перст свой на край сота, обращенный на восток, и соделался путь перста его как кровь. И простер он руку свою в другой раз, и возложил перст свой на край сота, обращенный на север*, и соделался путь перста как кровь. И стояла Асенеф ошуюю, и созерцала все, что делал человек тот.

И вылетали пчелы из ячеек сота, и были они белы, как снег, и крылышки их как пурпур, и как гиацинт, и как пити златые; и венцы златые были на главах их, и жала их были изостренны. И покрыли Асенеф все пчелы роем с пог до головы, и другие пчелы, большие, как бы царицы роя, присели к устам Асенеф.

И сказал человек тот пчелам:

— Отойдите в места ваши!

И отлетели они от Асенеф, и пали на землю, и умерли.

И сказал человек тот:

— Оживите и удалитесь в места ваши!

И ожили они*, и удалились все на двор, ближний к дому Асенеф.

ГЛАВА 17

И сказал человек тот к Асенеф:

— Видела ли слово сие*?

И отвечала она:

— Так, господине: всё сие я видела.

И сказал человек тот:

— Таковы будут все словеса, что молвил я тебе. И прикоснулся человек тот до сота, и поднялся огонь от стола, и пожрал сот. И вышло от сота сожигаемого благовоние, и наполнило покои.

И сказала человеку тому Асенеф:

— Есть, господине, со мною семеро дев, служащие мне, и воспитанные со мною от младенчества моего, и рожденные в одну ночь со мною, и вот, люблю их; так призову их, и благословишь ты их, как меня благословил.

И сказал человек тот:

— Призови!

И призвала их Асенеф; и благословил их человек тот, и сказал:

— Благословит вас Бог Всевышний во веки веков!

И сказал человек тот к Асенеф:

— Вынеси стол сей!

И обратилась Асенеф переставить стол, и исчез из глаз ее человек тот; и увидела Асенеф как бы колесницу огненную*, восходящую к небесам на восток.

И сказала Асенеф:

— Милостив буди, Господи, рабе Твоей! ибо в неведении говорила я худое пред лицом Твоим.

ГЛАВА 18

И когда случилось сие, вот, пришел юноша из челяди Иосифовой, говоря:

— Се, Иосиф, могущий Божий, приходит сегодня к вам!

И призвала Асенеф домоправителя своего, и сказала:

— Приготовь мне вечерю добрую; ибо Иосиф, могущий Божий, приходит к нам.

И вошла Асенеф в покои свой, и открыла ковчежец свой, и вынула ризу свою первую, видом подобную молнии, и облеклась в нее. И препоясалась она поясом блистательным и царственным; и пояс тот был в камнях многоценных. И возложила она на руки свои окружения златые, и на ноги свои анаксириды* златые, и убранство многоценное окрест выи своей; и главу свою увенчала она венцом златым, и в венце том были у чела камня цены великой. И покровом покрыла

она главу свою.

И сказала она отроковице, рабе своей:

— Принеси мне воды от источника, чистой!

И погрузила Асенеф лицо свое в воду ту на блюде. И сделалось лицо ее как солнце, и очи ее как утренняя звезда восходящая.

ГЛАВА 19

И пришел отрок малый, из челяди, и сказал к Асенеф:

— Се, Иосиф у врат двора нашего!

И сошла Асенеф, и вышла с семью девами во сретение ему. И когда увидел ее Иосиф, сказал к ней:

— Прииди ко мне, дева чистая! ибо благую весть о тебе принес мне от небес некто, поведавший мне все, что было с тобою.

И простер руки свои Иосиф, и обнял Асенеф, и обняла Асенеф Иосифа; и много лобызали они друг друга, и оживотворились дыханием друг друга.

ГЛАВА 20

И сказала ему Асенеф:

— Прииди, господине, войди в дом мой!

И взяла она его за руку его десную, и ввела его в дом свой. И посадила она его на престоле Пентефрия, отца своего, и принесла воды омыть ноги его.

И говорит ей Иосиф:

— Пусть придет единая от дев твоих, и пусть омоет мне ноги.

И говорит ему Асенеф:

— Нет, господине! ибо руки мои руки твои суть, и ноги твои — ноги мои, и не омоет другая ног твоих*.

И причинила ему принуждение, и омыла ноги его. И взял ее Иосиф за десную руку ее, и лобызал руку; Асенеф же лобызала главу его.

И пришли родители Асенеф с поля наследия своего, и увидели Асенеф, сидящую с Иосифом и облеченную в ризу брачную, и возрадовались, и прославили Бога, и ели, и пили.

И сказал Пентефрий ко Иосифу:

— Завтра созову я вельмож и сатрапов египетских и устрою брак ваш, и возьмешь Асенеф в жены.

И ответил Иосиф:

— Прежде возведу о Асенеф Фараону, ибо он отец мой есть и сам даст мне Асенеф в жены.

И пробыл Иосиф день тот у Пентефрия, и не вошел к Асенеф, ибо молвил:

— Неприлично мужу богобоязненному прежде брака почить с женою своею.

ГЛАВА 21

И восстал Иосиф на заре, и отошел к Фараону, и говорил ему о Асенеф.

И послал Фараон вестников, и призвал Пентефрия и Асенеф. И изумился Фараон красоте ее, и сказал:

— Благословит тебя Господь, Бог Иосифа, избравшего тебя в невесту себе; ибо дочью Всевышнего наречешься, и будет тебе Иосиф женихом вовеки.

И взял Фараон венцы золотые, и возложил на главы их*, и сказал:

— Благословит вас Бог Всевышний и умножит вас вовеки!

И повернул их Фараон друг ко другу, и они облобызались.

И учинил Фараон брак их, и пиршество, и винопитие великое на семь дней*. И призвал он всех правителей земли Египетской, и возвестил им таковые слова:

— Всякий человек, который будет делать работу свою в сии семь дней брака Иосифа и Асенеф, смертию горькой умрет!

Когда же совершилось торжество брачное и закончилось пиршество, вошел Иосиф к Асенеф, и зачала Асенеф от Иосифа. И родила она Манассию и Ефрема, брата его, в доме Иосифа.

ГЛАВА 22

И было после того, и прошли семь годов изобилия, и начались семь годов голода.

И когда услышал Иаков о Иосифе, сыне своем, вошел в Египет со всеми сродниками своими во втором месяце, в двадцать первый день месяца, и поселился в земле Гесем*.

И сказала Асенеф Иосифу:

— Пойду и увижу отца твоего, ибо отец твой, Израиль, отец мой есть.

И сказал ей Иосиф:

— Сотворим путь наш вместе.

И пришли Иосиф и Асенеф в землю Гесем, и вышли во сретение им брата Иосифа, и поклонились им до земли.

И пришли они к Иакову, и благословил он их, и облобызал их; и бросилась Асенеф на выю Иакова, отца мужа своего, и лобызала его. И после того ели они и пили.

И отошли Иосиф и Асенеф в дом свой, и взяли с собою Симеона и Левия, затем, что завидовали им враждующие на них; и был Левий одесную Асенеф, Симеон же опущую. И взяла Асенеф руку Левия, ибо возлюбила его, как мужа боговещего*, и благочестного, и боящегося Господа. Сей бо читал письмамена, написанные на небесах, и разумел их, и открывал о них Асенеф тайно. И видел Левий место упокоения ее, уготованное в вышних.

ГЛАВА 23

И случилось, что, когда проходили Иосиф и Асенеф путем своим, увидел их сын Фараонов первородный с высоты стены. И, узрев Асенеф, пришел он в исступление по причине великой красоты ее.

И послал сын Фараонов вестников, и призвал к себе Симеона и Левия. И пришли они к нему, и стали пред лицом его, и говорит им сын Фараонов:

— Ведомо мне, что мужи могущие вы превыше всех человеков на земли, и что от десных рук ваших пал град сихемитов*, и что от двух мечей ваших рассечены были тридцать тысяч воителей. И вот зову я вас, приидите на помощь мне! Се, приму вас в сопутники мои*, и дам вам много золота, и серебра, и рабов, и рабынь, и домов, и уделы великие, только пособите мне и сотворите мне милость, ибо поруган я от брата вашего Иосифа, затем, что взял он Асенеф в жены, а она была мне

обручена от начала. И ныне будьте со мною, и воздвигну брань на Иосифа, и убью его мечом моим, и возьму Асенеф в жены, вы же будете мне братья и други мои даже до конца. Если же не послушаете слов моих, убью вас мечом моим.

И, сказав так, обнажил он меч свой и показал им.

Симеон же был муж отважный и дерзостный; извлек он меч свой из ножен его и хотел поразить сына Фараонова. Но познал Левий намерение Симеоново, затем, что был Левий человек прозорливый и провидел все, что будет. И ударил Левий Симеона по правой ноге его, и прижал, и тем подал ему знак, чтобы воздержал Симеон гнев свой. И сказал к нему Левий:

— Чего ради яришься ты на него? Ведь мы чада есмы мужа богобоязненного, и не пристало мужу богобоязненному воздавать злом за зло ближнему своему.

И сказал Левий сыну Фараонову, ближнему своему, с сердцем кротким и ликом ясным:

— Чего ради ты, господине мой, глаголешь словеса сии пред нами? Мы ведь мужи богобоязненные, и отец наш раб Бога Всевышнего, Иосиф же, брат наш, возлюблен есть от Бога. И как сотворим мы лукавое сие дело пред Богом нашим? И ныне послушайся нас и впредь остерегись молвить о брате нашем Иосифе таковые словеса. Если же пребудешь в сем злом твоём изволении, вот мечи наши, обнаженные пред лицом твоим.

И извлекли они мечи свои из ножен их, и сказали:

— Видел ли мечи сии? Ими бо отмстил Господь Бог обиду, причиненную сынам Израилевым от сихемитов через сестру нашу Дину, которую растлил Сихем, сын Емморов.

И увидел сын Фараонов мечи их обнаженные, и утрашился, и задрожал, и упал на лицо свое под ноги их. И простер Левий руку свою, и поднял его, говоря:

— Не страшись, но только остерегись молвить против брата нашего слово лукавое.

И вышли они от него, оставив его в страхе и трепете.

ГЛАВА 24

И унывал сын Фараонов, и уязвляем был тоскою по Асенеф, и печаль являл великую. И сказали слуги его на ухо ему:

— Вот, сыны Валлы и Зелфы*, рабынь Лии и Рахили, жен Иаковлевых, злобствуют на Иосифа и на Асенеф и завидуют им: и сотворят по воле твоей.

И послал сын Фараонов вестников, и призвал к себе сынов Валлы и Зелфы, и пришли они к нему в ночи; и сказал им сын Фараонов:

— Ведомо мне, что мужи вы могучие.

И сказали к сыну Фараонову Гад и Дан, старшие братья:

— Пусть господин наш молвит слугам своим, что пожелает, и сотворим волю его.

И возрадовался сын Фараонов радостию великою, и сказал слугам своим:

— Удалитесь из места сего! дабы втайне изречь мне мужам сим глагол мой.

И удалились слуги все, и сказал им сын Фараонов слово лживое:

— Благословение и смерть на выбор пред лицом вашим; изберите же себе благословение, а не смерть. Вот, ведомо мне, что могучие мужи вы и не пожелаете умереть, как женщины, но помужествуете и отомстите недругам вашим. Слышал я, как брат ваш Иосиф говорил к Фараону, отцу моему: отродья-де рабынины Дан и Гад не братья мне суть. «Дождусь только смерти отца моего и тогда погублю их со всем родом их, и не будет им доли с нами, ибо отродья рабынины суть, и продали меня исмаилитам*. И воздам я им за лукавые дела их противу меня, только бы умер отец мой». И похвалил Иосифа отец мой Фараон, и сказал ему: «Разумно слово твое, чадо! Возьми же у меня мужей ратных, и выйди на них потаенно, и сотвори им, как сотворили они тебе; и я буду помощник тебе».

И когда услышали мужи слово сына Фараонова, ужаснулись весьма, и опечалились, и сказали ему:

— Молим тебя, господине, помоги нам; и если что повелишь рабам твоим, исполним.

И сказал им сын Фараонов:

— В ночь сию убью я отца моего, ибо Фараон, отец мой, как отец Иосифу, вы же убейте Иосифа; и возьму Асенеф в жены.

И сказали ему Дан и Гад:

— Что до нас, сотворим поведенное нам от тебя! Слышали мы, как Иосиф говорил к Асенеф: «Иди завтра на поле наследия нашего, ибо настала пора сбора винограда». И дал он ей шесть сотен воинов могучих и пятьдесят мужей дозорных.

И когда услышал сын Фараонов глаголы сии, дал он каждому из четырех мужей по пять сотен воинов, их же поставил военачальниками и игемонами. И сказали ему Дан и Гад:

— Что до нас, мы выступим в ночи, и учиним засаду у потока, и укроемся в зарослях тростника*; ты же возьми с собою пятьдесят лучников конных и выступиай впереди поодаль. И придет Асенеф, и впадет в руки твои. Мы изрубим воинов, сущих с ней; и побежит Асенеф на колеснице своей, и впадет в руки твои, и сотворишь с ней, как хочет душа твоя. После же сего убьем Иосифа, который печалиться будет о Асенеф, и сынов его убьем пред очами его.

И возрадовался сын Фараонов, когда услышал слова сии, и отрядил с ними две тысячи ратных.

И пришли они к потоку, и укрылись в зарослях тростниковых, и пять сотен засели впереди, по ту и другую сторону; и была большая дорога между ними.

ГЛАВА 25

И пришел сын Фараонов к ложнице отца своего, дабы убить его; но возбрачили ему телохранители отца его войти к нему. И сказал им сын Фараонов:

— Желая видеть отца моего, ибо отхожу ко сбору винограда на виноградник мой новонасажденный.

И сказали ему телохранители:

— Страданием страдает отец твой, и без сна был всю ночь, и ныне покоится, и повелел нам: «Никто да не входит ко мне, ниже сын мой первородный».

И отошел он в ярости, и взял лучников конных пятьдесят, и повел их, как присоветовали ему Дан и Гад.

И сказали Неффалим и Асир к Дану и Гаду*:

— Чего ради сызнова лукавое творите противу отца нашего Израиля и противу брата нашего Иосифа? И сего сохранит Бог как зеницу ока. Не вы ли продали его однажды? И ныне он царь есть над всею землею, и спаситель наш*, и кормилец. И если сызнова лукавое умыслите на него, умолит он Бога Израилева и низведет огонь с небес, который пожрет вас*; и ангелы Божьи ополчатся на вас*.

И разгневались на них братья их старшие Дан и Гад, и сказали:

— Или как женщины умрем? Да не будет того!

И вышли во сретение Иосифу и Асенеф.

ГЛАВА 26

И встала Асенеф на заре, и сказала к Иосифу:

— Так, иду я на поле наследия нашего; но утрашена душа моя, ибо далеко будешь ты от меня.

И сказал ей Иосиф:

— Дерзай и не страшись, но иди, ибо Господь с тобою есть, и Он сохранит тебя как зеницу ока от всякого зла. Я же выхожу на труд мой и раздавать буду хлеб всем человекам во граде, да не будет погублен голодом ни единый человек во всей земле Египетской*.

И отошла Асенеф путем своим; Иосиф же отошел на труд свой и раздавал хлеб.

И приблизилась Асенеф с шестью сотнями своими к месту потока; и внезапно ратники сына Фараонова прынули из засады своей, и завязали битву с могущими Асенеф, и изрубили их всех мечами своими, и дозорных Асенеф убили всех. И бежала Асенеф на колеснице своей.

И Левий, сын Лиин, познал все сие, как муж боговещий, и возвестил братьям своим об опасности, в которой была Асенеф. И взял каждый из них меч свой при бедре своем, и щит свой на плече своем, и копьё свое в деснице своей, и устремились вслед Асенеф бегом быстрым.

Асенеф же бежала; и се, сын Фараонов во сретение ей, и пятьдесят мужей с ним.

И увидела его Асенеф, и ужаснулась, и вострепетала.

ГЛАВА 27

Вениамин* же восседал с пею на колеснице. И был Вениамин юноша сильный, годов осмнадцать, и красоту являл неизреченную, силу же как у скимна*, и богобоязненность.

И прынул Вениамин из колесницы, и выбрал из потока камень круглый*, наполнявший ладонь его, и метнул в сына Фараонова, и поразил его в висок его левый, и ранил его раною великою и тяжкою.

И пал сын Фараонов с коня своего, и сделался полумертв.

И взбежал Вениамин на верх скалы, и сказал вознице Асенефину:

— Дай мне пятьдесят камней из потока!

И дал ему возница пятьдесят камней. И метнул те камни Вениамин, и убил пятьдесят мужей, бывших с сыном Фараоновым; и вошли камни в висок каждого из них.

Меж тем сыны Лиины, Рувим и Симеон, Левий и Иуда, Иссахар и Завулон, нагнали сзади мужей, бывших в засаде, и напали на них неожиданно, и изрубили две тысячи мужей, и убили их, будучи шесть числом.

И бежали братья их, сыны Баллы и Зелфы, и говорили:

— Погибли мы от руки братьев наших, и умер сын Фараонов от руки Вениамина, и все, бывшие с ним, погибли от руки того. Приидите же, уьем Асенеф и сокроемся в заросли тростниковые.

И пришли они, имея мечи свои обнаженными и полными кровей; и увидела их Асенеф, и сказала:

— Господи, Боже мой, призвавший меня от смерти к жизни и рекший мне: «Вовек жить будет душа твоя»,— избавь меня от мужей тех!

И внял Господь Бог гласу ее, и сей же миг исторгнуты были мечи их из рук их, и пали на землю, и рассыпались леплом.

ГЛАВА 28

И увидели сыны Валлы и Зелфы явившееся чудо, и устрашились, и сказали:

— Господь ополчился на нас за Асенеф!

И пали на лица свои наземь, и поклонились Асенеф, говоря:

— Помилуй нас, рабов твоих! ибо ты госпожа наша и царица, мы

же злое умыслили на тебя и на брата нашего Иосифа. И ныне воздал нам Бог. Сего ради молим тебя мы, рабы твои, помилуй нас и избавь нас из рук братьев наших; они бо суть мстители за обиду, тебе учиненную, и мечи их изострены на нас.

И сказала им Асенеф:

— Дерзайте и не страшитесь! ибо братья ваши суть мужи богобоязненные и не воздающие злом за зло никому от человеков. Сокройтесь же в зарослях тростниковых, пока не умолю их за вас и не утишу гнева их; ибо велика была дерзость ваша противу них. Дерзайте и не страшитесь, ибо Господь судит между мною и вами.

И сокрылись Дан и Гад в зарослях тростниковых. И се, явились сыны Лиины, мчавшиеся как олени, горя напасть на них. И сошла Асенеф с колесницы своей, и вышла навстречу сынам Лииным со слезами. Они же поклонились ей в землю, и восплакали гласом великим, и искали братьев своих, сынов рабыниных, дабы истребить их.

И сказала им Асенеф:

— Пощадите братьев ваших и не творите им зла, ибо Господь защитил меня покровом Своим, и во прах обратил мечи их в руках их, и сделались как воск пред лицом огня*. И сие довлеет нам, что Господь ополчился за нас; пощадите же братьев ваших!

И сказал Симеон к Асенеф:

— Зачем госпожа моя держит речь о врагах своих? Нет, но сразим их мечами нашими, ибо худое замыслили они на отца нашего Израиля и на брата нашего Иосифа, и притом уже дважды; а ныне и на тебя!

И сказала им Асенеф:

— Ни под каким видом, брате, не моги воздавать злом за зло ближнему своему; ибо Господь судит обиду сию.

И тогда преклонился Симеон пред Асенеф. И подошел к ней Левий, и облобызал руку ее десную, и благословил ее.

И спасла Асенеф мужей тех от гнева братьев их, да не будут убиты.

ГЛАВА 29

Сын же Фараонов поднялся от земли и сел, выплевывая кровь из уст своих; ибо текла кровь его из виска его в уста его.

И подбежал к нему Вениамин, и схватил меч его, и вытащил из ножен; ибо не носил Вениамин меча при бедре своем*. И когда хотел он поразить сына Фараонова, подбежал Левий, и схватил его за руку, и сказал:

— Не моги, брате, творить дела сего; ибо мужи богобоязненные мы, и не пристало мужу богобоязненному воздавать злом за зло, ниже попирать поверженного, ниже теснить врага своего даже до смерти его. Но попечемся о ране его, и если жив будет, будет нам другом, как и отец его, Фараон, отец нам есть.

И поднял Левий сына Фараонова, и отер кровь с лица его, и наложил повязку на рану его, и принял его на коня своего, и отвез его к отцу его. И рассказал Левий Фараону все приключившееся. И встал Фараон с престола своего, и поклонился Левию в землю.

В третий же день умер сын Фараонов от раны, причиненной камнем Вениаминовым. И оплакивал Фараон сына своего первородного, и стал от печали недужен. И умер Фараон, имея сто девять годов от роду*, и оставил диадему свою Иосифу.

И царствовал Иосиф в земле Египетской* сорок восемь лет, а после того предал Иосиф диадему внуку Фараонову. И был Иосиф в земле Египетской, как отец его.

И так сохранил его Бог* от нежной младости даже до конца жизни его, ибо был он семя избранных мужей праведных, Авраама, Исаака и Иакова, и молитвы их шли пред ним; и солнце купно со звездами преклонились пред Иосифом*, знаменуя, что быть ему царем.

Богу же нашему слава во веки веков, аминь.

КНИГА ЕНОХА ПРАВЕДНОГО

ГЛАВА 1

И сказал Енох:

— Во время оно, когда восполнились триста шестьдесят пять годов моих, в месяце первом, в особливый день месяца первого*, был я в дому моем один, сетуя и плачась очами моими.

И когда почил я на одре моем и уснул, явились мне мужа два, весьма великие, каких никогда не видел я на земле: лица их как солнце блистающее, очи их как свечи горящие, из уст их исходил как бы огонь, одежды их как пена бегущая, светлее злата крыла их, белее снега руки их. И стали они у возглавия одра моего, и позвали меня именем моим.

И пробудился я от сна моего, и вот, мужи те стоят предо мною въяве. Я же поспешил, и восстал, и поклонился им; и покрылось лицо мое от страха как бы инеем.

И сказали ко мне мужи те:

— Дерзай, о Енох, и не страшись. Господь вечный послал нас к тебе; и вот, сегодня восходишь ты с нами на небо. Молви же ты сынам твоим и домочадцам твоим все, что должно им творить на земле; и пусть ни-кто от дома твоего не ищет тебя, доколе не возвратит тебя Господь к ним.

ГЛАВА 2

И призвал я сынов моих, Мафусаила* и Ригима*, и поведал им все, что рекли мне мужи те:

— И се, чада, не знаю, куда гряду или что срящет меня. Вы же, чада мои, не отступайте от Бога, и пред лицом Господним ходите, и суды Его храните. Не умалите жертв спасения вашего, и не умалит Господь труда

рук ваших. Не лишайте даров Господа, и не лишит Господь приращений Своих в закромах ваших. Благословите Господа первенцами стад ваших и первенцами чад ваших и будете благословенны от Господа вовек. Не отступайте от Господа, ниже* поклонитесь богам пустошным, которые не сотворили ни небес, ни земли; и они погибнут, и те, что поклонятся им. Да утвердит Господь сердца ваши в страхе Своем. Ныне же, чада мои, никто да не ищет меня, доколе не возвратит меня к вам Господь.

ГЛАВА 3

И было, когда говорил я к сынам моим, призвали меня мужи те и подняли меня на крыла свои; и вознесли меня на небо первое*, и поставили меня там.

И привели пред лицо мое верховных владык чинов звездных, и показали мне движение их и прохождения их от срока и до срока. И показали мне две сотницы ангелов, что правят звездами и звездосложениями.

И там же показали мне море, весьма великое, паче моря земного; окрест же ангелы летали крылами своими.

И еще показали мне хранилища снега и града* и ангелов грозных, стражей хранилищ тех; и хранилища облаков, и как они входят и исходят. И показали мне хранилища росы, как елей масличный; и ангелы стерегли хранилища те, и вид их — как все цветы земные.

ГЛАВА 4

И взяли меня мужи те, и поставили меня на втором небе; и показали мне узников, блюдомых для суда безмерного.

И там видел я ангелов осужденных, плачущих, и спросил мужей, бывших со мною:

— Чего ради мучимы они?

Отвечали ко мне мужи те:

— Сии суть отступившие от Господа, не послушавшие гласа Господня, но державшие совет со своею волею.

И пожалел я о них весьма; и поклонились мне ангелы те, и сказали:

— Человеке Божий, о, когда бы помолился ты о нас ко Господу!

И ответствовал я им, и сказал:

— Кто емь аз, человек, смерти повинный, чтобы молиться мне о ангелах? Кто знает, какой путь предлежит мне, и что срящет меня, и кто помолится обо мне?

ГЛАВА 5

И взяли меня оттоле мужи те, и возвели на третье небо*; и поставили меня посреди Рая.

Вид же места того красоты незнаемой есть: всякое древо цветами украшено, всякий плод наливаается, всякое брашно кипит изобилием на всякое время, всякое веяние благовонно, и четыре реки* мимотекущие, тихо шествующие, всяк знак добр на пищу порождающие.

И Древо Жизни на месте том, где почиет Господь, когда входит Господь в Рай, и древо то отменно благовонием своим несказуемым. И другое древо подле, масличное, точащее елей непрестанно. И всякое древо благоплодно, и нет там древа бесплодного, и на всем месте том благословение. Ангелы же, хранящие Рай, светлые весьма, немолчными глазами сладкопения своего служат Богу на всякое время.

И сказал я:

— Сколь благо место сие!

Отвечали мне мужи те:

— Место сие, Енох, уготовано праведникам, что претерпят скорби в жизни сей, и смирят души свои, и отвратят очи свои от неправды, и сотворят суд праведен, чтобы подать хлеб алчущим, и нагих покрыть ризою, и воздвигнуть падшего, и помочь обидимым. Перед лицом Господним ходят они и Ему единому служат, и для тех уготовано место сие в наследие вечное.

И взяли меня оттоле мужи те, и вознесли меня на север неба*, и показали мне там место, страшное весьма. Всякое мучение и терзание на месте том, и нет там света, но огонь мрачный, возгорающийся непрестанно на месте том, и река огненная, заливающая все места те, студеный лед, и узилища, и ангелы лютые и немилосердные, носящие оружие и мучающие без милости.

И сказал я:

— Сколь страшно место сие!

И отвечали ко мне мужи те:

— Сие место, Енох, уготовано нечестивым, творящим безбожные дела на земле, что учиняют чародейства и волхвования, и похваляются делами своими, и крадут душу человечью потайно, и сокрушают ярмо, и богатеют, обидою присваивая чужое добро, и попускают алчущего умереть от голода, дабы самим пресыщаться, и могли одеть нагих, пуще обнажают, и не познали Творца своего, но поклонились богам суетным, устроая кумиры и поклоняясь творению рук своих. И всем сим уготовано место сие в удел вечный.

ГЛАВА 6

И подняли меня оттоле мужи те, и вознесли меня на четвертое небо; и показали мне там все движения и прохождения солнца и луны и все лучи света их. И измерил я движения их, и сравнил свет их. И видел я: солнце имеет свет, семмикратно больший против луны*. И круги их зрел я, и колесницы, на коих ездят солнце и луна*, и ветер находящий; и нет им покоя, день и ночь ходящим и возвращающимся в место свое. И четыре звезды великие зрел, висящие одесную колесницы солнца, и четыре ошуюю, ходящие с солнцем непрестанно; и ангелов, ходящих пред колесницею солнечною, духов летящих, и двенадцать крыл у каждого ангела; и они мчат колесницу солнца и носят росу и зной, когда повелит Господь сойти на землю с лучами солнечными.

И несли меня мужи те к востоку небес, и показали мне врата, коими выходит солнце по временам уставным и по обращениям лунным целого года, сообразно умалению и возрастанию дня и ночи: шесть врат, на расстоянии тридцати стадий*, и одни из них открыты. Со тщанием измерял я величину их и не возмог разуметь величины их. И теми вратами, коими восходит солнце, проходит оно на закат. Первыми вратами исходит оно сорок два дня, вторыми тридцать пять дней, третьими тридцать пять дней, четвертыми тридцать пять дней, пятыми тридцать пять дней, шестыми сорок два дня; и паки возвращается шестыми вратами, по истечении срока своего, и входит пятыми врата-

ми тридцать пять дней, четвертыми тридцать пять дней, третьими тридцать пять дней, вторыми тридцать пять дней, и совершаются дни лета по возвратам времен.

И возвели меня мужи те на запад неба того, и показали мне там шесть врат великих, отверстых, поставленных насупротив врат восточных; сими вратами заходит солнце сообразно восходу своему от врат восточных, по числу дней*. Так заходит оно вратами западными, а когда изойдет от врат западных, возьмут четыре ангела венец его и вознесут венец тот ко Господу; солнце же повернет колесницу свою и совершает путь без света; а там возложат на него венец его.

Так показали мне, как расчесть путь солнца, по числу врат, коими входит оно и исходит. Сии бо врата сотворил Господь, дабы соделать солнце мерилом часов лета.

И еще показали мне, как расчесть путь луны; все движения ее и круговращения ее показали мне мужи те и врата ее указали мне. Двунадесять врат к востоку показали мне, устроенных венцом, и двунадесять врат к западу, устроенных венцом, коими входит и исходит Луна в сроки свои обычные; первыми вратами к востоку тридцать один день, непременно*, и вторыми тридцать пять дней, непременно, и третьими тридцать один день, особливо, и четвертыми тридцать дней, непременно, и пятыми тридцать один день, особливо, и шестыми тридцать один день, непременно, и седьмыми тридцать дней, непременно, и осьмыми тридцать один день, непременно, и девятью тридцать один день, точно, и десятими тридцать дней, непременно, и одиннадцатыми тридцать один день, особливо, и двенадцатыми двадцать два дня, непременно. Так же и западными вратами, сообразно обращению и числу восточных врат. Так входит она и западными вратами и совершает годовой круг в триста шестьдесят пять дней. Четырьмя особенно вратами ходит она в леги; сего ради дни те изъяты из счисления неба и года и в числе дней не сочтены, ибо превышают время годовое: два новолуния в пору приращения луны и два новолуния в пору умаления луны. Когда же пройдет луна западные врата, обращает путь свой и идет к восточным, неся свет свой. Так ходит она круговидно день и ночь, и подобен круг ее небу, колесница же ее, на которую поднимается она, ветр ходящий, и влекут колесницу ее духи летящие, и по шесть

крыл у каждого из ангелов тех. И таково расчисление пути лунного.

Посредине же неба того видел воинов вооруженных*, служащих Богу пением непрестанным, с тимпанами и органами, и наслаждался слышанием гласов их.

ГЛАВА 7

И взяли меня оттуда мужи те и вознесли меня на пятое небо.

И видел я там воинов многих, и еще Бодрствующих*. Вид их, как вид человеческий, величество же их превыше чуд великих, и лица их прискорбны, и уста их молчат; и не было службы божественной. И сказал я мужам, сущим со мною:

— Чего ради прискорбны они весьма, и унылы лица их, и уста их молчат, и нет службы божественной на небе сем?

И ответили мне мужи:

— Сие суть Бодрствующие, отторгшие себя от себя самих, двое князей и две сотни ходящих вослед князьям тем; и сошли они на землю, и нарушили обет свой на хребте горы Ермонской*, осквернив себя с женами человеческими, и за осквернение то осудил их Господь. И се, рыдают они о братьях своих и о укоризне, бывшей к ним.

Я же сказал Бодрствующим:

— Видел я братьев ваших, и дела их познал, и молитвы их постиг, и помолился о них. И се, осудил их Господь идти под землю, пока не придет конец небесам и земле; зачем же ждете вы братьев своих и не творите служения вашего пред лицом Господним? Восстановите служения прежние, служите во имя Господне, чтобы не разгневать вам Господа Бога вашего и не сверг Он вас с места сего.

Вняли они увещанию моему и стали на небе по четырем чинам; и когда еще стоял я там, вострубили в четыре трубы сразу, и начали Бодрствующие служение свое как бы гласом единым, и взошел глас их пред лицо Господне.

ГЛАВА 8

И возвели меня оттуда мужи те, и вознесли меня на шестое небо. И видел я там семь ангелов, стоявших вместе, блистательных и славных

весьма, и лица их сияли, как лучи солнечные; и не было у них различия в лице, или в пространности, или в одеянии. Они устроят и преподают благой порядок мироздания, и пути звезд, и солнца, и луны, и ангелов, водящих светила, и гласы небесные, и умиротворяют все бытие небес; они же устроят заповеди, и поучения, и песнословия, и напевы, и всякую хвалу, и славу.

Есть и еще ангелы, поставленные над временами* и над годинами; и ангелы, поставленные над реками и морями; и ангелы, поставленные над плодами, и травами, и всяким произрастанием; и ангелы всех народов, устрояющие все житие их и записывающие его пред лицом Господа.

Посреди же них Феникс*, и Херувимов семь, и Шестикрылатых* семь, согласующих голоса свои и поющих согласно; и неизъяснимое пение их; и радуется Господь подножию ног Своих.

ГЛАВА 9

И подняли меня оттуда мужи те, и вознесли меня на седьмое небо.

И видел я свет великий и все огнезранные воинства бесплотные: Архангелов, и Ангелов, и светозарный чин Офанимов*; и убоялся я, и вострепетал. И ввели меня мужи те в среду их, и сказали они мне:

— Дерзай, Енох, не страшись!

И показали мне издалека Господа, сидящего на престоле Своем. И все воинства небесные, построенные по чину своему, выступили вперед и поклонились Господу, и снова отступили на места свои в радости и веселии, во свете безмерном.

И были там Славные, которые совершали пред Ним служение свое, не отступая в ночи и не отходя во дни, но стоя пред лицом Господним и творя волю Его. И все воинство Херувимов окрест престола Его огню не отступало, и Шестикрылатые покрывали престол Его и пели пред лицом Господним.

И когда увидел я всё это, отошли от меня мужи те, и более не видел я их. И поставили меня на конце неба, одного, и устрашился я, и пал на лицо мое.

И послал Господь одного из Славных своих, Гавриила*, и тот рек мне:

— Дерзай, Енох, не страшись; восстань, и пойдй со мною, и стань пред лицом Господним!

И отвечал я ему, и сказал:

— Увы мне, господине, душа моя отступила из меня от страха.

И воззвали ко мне мужи, приведшие меня на место сие, ибо имел я к ним доверенность; и с ними пошел я пред лицо Господне. И поднял меня Гавриил, как поднимаем бывает лист ветром, и помчал меня, и поставил меня пред лицом Господним. И видел я Господа и лицо Его могущее, и преславное, и страшное. Но кто я, чтобы поведать величество сущности Господней, и лицо Господне, могущее и страшное весьма, и сказать о хорах окрест Него, многоочитых и многогласных, и о престоле Его, перукотворенном и превеликом, и о воинствах окрест него, о Херувимах и Серафимах, и о воздаваемом ему неизменном, и неисповедимом, и немолчном, и славном служении?

И пал я ниц и поклонился Господу.

И устами Своими воззвал ко мне Господь:

— Дерзай, Енох, не страшись, восстань и стань пред лицом Моим векеи!

И поднял меня Михаил Архангел*, великий Господень, и привел меня пред лицо Господне. И Господь испытывал слуг Своих, и глаголал к ним:

— Да взойдет Енох стоять пред лицом Моим векеи!

И поклонились Ему Славные Его и рекли:

— Да взойдет!

Молвил Господь Михаилу:

— Возьми Еноха, и совлеки с него ризы земные, и помажь елеем многоценным, и облеку в ризы славы!

И совлек с меня Михаил ризы мои, и помазал меня маслом многоценным; и был вид масла того паче света великого, и ток его как роса добрая, и благовоние его как смирна, и лучи его как солнечные.

И воззрел я на себя самого, и был я как единый из Славных, и не было на вид различия.

ГЛАВА 10

И призвал Господь Веревеила*, единого из архангелов Своих, который был мудр и писал все дела Господни. И возглаголал Господь:

— Возьми книги из хранилищ, и дай трость писчую Еноху, и вели ему писать книги с голоса твоего!

И поспешил Веревеил, и принес мне книги, смирием иснещренные*, и дал мне трость писчую из руки своей. И стал он мне глаголать все дела небес, и земли, и моря, и всех стихий, и движения их, и бытие их, и перемены годов, и дней шествия и перемены, и заповеди, и поучения, и сладкогласие напевов, и восходы облаков, и исходы ветров, и язык еврейский, и всякий язык песнопений воинств вооруженных. И все, чему подобает поучаться, исповедал мне Веревеил тридцать дней и тридцать ночей, и не умолкали уста его глаголющие.

И я не уснул тридцать дней и тридцать ночей, записывая все знаками скорописными. И когда кончил я, возглаголал ко мне Веревеил:

— Сядь, перепиши все, что я исповедал тебе.

И сел я еще на тридцать дней и тридцать ночей, и переписал все отчетливо, и написал триста и шестьдесят книг.

ГЛАВА 11

И призвал меня Господь, и поставил меня по левую руку от Себя, близ Гавриила; и преклонился я пред Господом.

И сказал мне Господь:

— Обо всем, что видел ты, Енох, о недвижимом и движущемся, о сотворенном Мною, Я поведаю тебе от начала, когда не было еще того, что привел Я от небытия к бытию и от невидимого состояния к видимому. Даже ангелам Моим не возвестил Я тайны Моей и не поведал им, как сотворил их, и не уразумели они делания Моего бесконечного и непостижимого; но тебе Я открою ныне.

Прежде чем быть вещам видимым, отверзлась глубина света, и Я посреди света, будучи невидим, подобно солнцу шествовал от востока до запада и от запада на восток. Но солнце обретает места покоя своего, Мне же не было места покоя, ибо все было несозданным.

И вот, умыслив дать основание твари видимой, повелел Я в глубине, да взойдет едино от существ невидимых, дабы стать видимым. И вышел Адоил*, и был он превелик весьма, и нес во чреве своем век великий*. И рек Я к нему:

«Разрешись от бремени, о Адоил, и да станет видимым рожаемое от тебя!»

И разрешился он от бремени, и вышел из него век великий, и вся тварь, которую пожелал Я сотворить. И видел Я, что она хороша*; и устроил Я Себе престол, и воссел на нем. Свету же сказал Я:

«Ты поднимись выше, и утвердись, и будь основание вышним!»

И превыше света нет ничего иного. И, увидев сие, восстал Я от престола Моего, и воззвал во глубине во второй раз, и рек:

«Да изыдет от невидимых твердь, и да станет видима!»

И вышел Архас* со твердию, тяжек и черен весьма. И видел Я, что лепо сие, и рек к нему:

«Сойди долу, и утвердись, и будь основание дольным!»

И сошел он, и утвердился, и стал основанием дольным; и ниже тьмы нет ничего иного. И облек Я эфир светом, и простер его над тьмою, и взял толику от вод, и сгустил ее в камни великие, и повелел мглам бездны иссохнуть и стать сушею, а провалы нарек безднами; море же собрал в единое место, и обуздал его, и положил между землею и морем предел вечный, чтобы воды не перешли его. И устроил Я твердь, и поставил ее на водах. И для всего воинства небесного образовал Я солнце из света великого, и утвердил его на небесах, чтобы светило оно по земле. И высек Я из камня огонь великий, а из огня сотворил все воинство бесплотное и все воинство звездное: и Херувимов, и Серафимов, и Офанимов; всех их извел Я от огня.

МАРА БАР СЕРАПИОН

ПИСЬМО К СЫНУ

Мара, сын Серапионов, Серапиону, сыну моему, мир!

Когда отписал мне учитель твой и наставник твой
и возвестил мне, что весьма рачителен ты в учении
для юных лет твоих,
благословил я божество, что ты, младым будучи отроком
и не имея того, кто вел бы тебя,
положил начало в намерении благом;
и было мне сие во утешение,
что ты, отрок юный, как наслышан я,
ум являешь великий и совесть добрую,
какие не во всех легко пребудут.

При вести оной, вот, написал я тебе
памятку об испытанном мною в мире сем;
ибо образ жизни человеческой испытан был мною,
и ходил я в учении,
и все, чему учат эллины,
нашел я упрядненным при рождении жизни*.

Итак, ревностно пекись, сын мой,
о вещах, приличных свободному, —
размышлять о назидании
и отыскивать премудрость;
сим образом потщись утвердиться в том,
в чем положил ты начало свое;
и памятью заветы мои с усердием,

как муж мирный и возлюбивший вразумление;
хоть и покажется оно тебе весьма горьким,
но, когда испытаешь ты его некое время,
станет оно весьма приятно для тебя;
так было и со мною.

Но человек, когда и разлучен будет с семейством своим,
возможет сохранить навик свой
и творить будет подобающее для него,—
и он есть тот избранный,
который Благословением Божьим наречется;
и ничто не сравнится со свободою его.

Ибо призванные к вразумлению
ищут выпростаться из смуты времени,
и крепко держащиеся мудрости
вознесены упованием праведности;
и стоящие в истине
являют знамение добродетели своей;
и посвятившие себя философии
ищут убежать зол мира сего.

Но и ты, сын мой, поступаи в сем так разумно,
как мудрец, усиливающийся жить беспорочно;
и смотри, чтобы стяжание богатств
(коего жаждут многие)
не возымело верх над тобою,
и ум твой не подвигнулся вожделеть благ,
которые не истинны,—
ибо, когда получают люди желание свое,
не пребудут они,
даже если стяжавшие не отойдут от правды;
и все вещи сии, видимые тобою в мире,
как достояние кратковечное,
расточатся, словно морок сонный;
ибо они суть подъемы и падения времен.

Что до славы суетной,
занимающей жизнь человеческую,
уразумей, что она не из тех вещей,
что способны даровать нам радость,
но скоро она делается для нас обидою;
так и рождение милых чад;
ибо в том и в другом противочувствия язвят нас —
когда дети хороши, любовь к ним мучит нас
и благонравие их уловляет нас;
что до порочных, мы трудимся над исправлением их
и печалуемся о пороках их.

Вот, слышал я о товарищах наших,
что, когда уходили они из Самосаты*,
это давало им скорбь
и, кляня время, говорили они так:

— Огньные изгоняемся мы из мест обитания людей,
и возбранено нам возвратиться в город наш,
и лицезреть милых наших,
и приступить к богам нашим с похвалою!

Сие подобает назвать днем сетования,
ибо одно злое горе обладало ими всеми равно,
ибо со слезами поминали они отцов своих
и с воздыханиями — матерей своих,
и скорбели о братьях своих,
и печаловались о суженых своих,
которых оставили позади себя.

И когда услышали мы от прежних товарищей их,
что идут они к Селевкии*,
вышли мы тайно на путь к ним
и соединили горе наше с горем их;
и была печаль наша сильна весьма;
и не без причины умножены были слезы наши уроном нашим,

и воздыхания наши собрались в облако мрака,
и мука наша возросла превыше горы,
ибо ни один из нас не мог осилить бед,
что пришли на него;
ибо любовь к жизни сочеталась с муками смерти
и злополучие наше сбивало нас с пути;
ибо лицезрели мы братьев наших и детей наших в узак
и поминали товарищей наших,
умерших и положенных в землю чуждую;
и о себе тревожился каждый из нас,
как бы мука не приложена была к муке
или горе новое не одолело бы горя прошлого.
Какая польза узникам испытать сие!
Что же до тебя, возлюбленный мой,
да не печалит тебя,
что одиночество твое гонимо было с места на место;
ибо люди на то и рождены,
чтобы принимать случайности времени.
Но размысли о том, что мудрым всякое место одинаково
и для добродетельных во всяком городе
сыщутся отцы и матери.
От себя же самого возьми пример:
сколь многие, не знавшие тебя,
любят тебя, как собственных детей своих,
и сколь многие женщины приемлют тебя,
как возлюбленных чад своих.
Воистину, благопопещен ты на пути странника;
воистину, за малую любовь твою
желанен ты многим.

Итак, что имеем мы молвить
о пришедшем в мир заблуждении?
Преуспяние в мире — маета злая,
и сотрясаемся мы движением его,
словно тростник под ветром.

Ибо дивился я на многих, оставлявших чад своих,
изумлялся другим, воспитывавшим детей чуждых;
и такие есть, что стяжают богатства в мире сем,
но удивлялся и другим,
наследующим то, что не их.
Сего ради уразумей и виждь,
что идем мы стезею блуждания.

Некий мудрец меж человеков
однажды начал говорить к нам так:
— На какое из обладаний можем мы положиться
или что из них назовем пребывающим?
Изобилие богатств? Оно отъемлется.
Крепости? Они разграбляются.
Города? Они опустошаются.
Величие? Оно низвергается.
Светлость? Она помрачается.
Красота? Она отцветает.
Законы? Они преходят.
Бедность? Ее презирают.
Дети? Они умирают.
Друзья? Они изменяют.
Почести? Упреждает их зависть.

Пусть же радуется человек державе своей, как Дарий*,
или благополучию своему, как Поликрат,
или крепости своей, как Ахилл,
или супруге своей, как Агамемнон,
или потомству своему, как Приам,
или искусству своему, как Архимед,
или мудрости своей, как Сократ,
или учености своей, как Пифагор,
или ведению своему, как Паламед!

Жизнь людей, сын мой, уходит из мира,
но похвалы и добродетели их пребывают;

И ты, малое чадо мое,
избери для себя то, что не преходит,
ибо прилежащие к таковому нарицаемы скромными,
и возлюбленными,
и любителями доброго имени;
но если приступит к тебе зло,
не вини человека,
и не возставай на божество,
и не ропщи на время!

Если пребудешь ты в мысли сей,
немал дар,
полученный тобою от божества,
не нуждающийся в богатстве,
не страждущий от бедности,
и будешь ты исполнять назначенное тебе
без страха и с радостью;
ибо страх и убегание того, что приходит по природе,
не для мудрого, но для ходящих в беззаконии,
и нельзя отнять у человека мудрость его,
как отнимают богатство его.

Пекись о ведении более, нежели о богатствах,
ибо чем более возрастает имение,
тем более изобилует зло —
ведь видел я,
что где изобилуют блага,
там возстают и беды,
и где почести приемлются,
там и печали собираются,
и где богатства преумножаются,
там горечь годов многих.

Итак, если мудр ты и неусыпен в рачении,
не престанет божество помогать ни тебе,
ни любящим тебя;
что можешь стяжать, то пусть довлест тебе,

если же сможешь обойтись без имения,
блаженным должно будет наречь тебя,
ибо никто не возымеет к тебе зависти.

Попомни и сие,
что жизнь без имений не бывает смущаема сильно
и что никто по смерти своей
не наречется владельцем имения;
по слабые пленимы вожделением их
и не ведают, что человек среди имений своих
страннику подобен;
и страшатся они ненадежности обладаний их --
ибо оставили они, что принадлежит им,
и взыскали того, что не их.

Ибо что еще можем мы сказать,
если мудрецы терпят насилие от рук тиранов,
и мудрость их уловляется клеветою,
и угнетаемы они без защиты от разума своего?

Так, что доброго стяжали афиняне,
убив Сократа,
возмездие за коего получили они в гладе и моровой язве?

Или сыны Самоса,
сжегши Пифагора?*

Ибо земля их в одночасье сокрыта была песком.

Или иудеи,

казнив Мудрого Царя своего?*

Ибо царство их с того времени отнялось у них.

Ибо по правде отметило божество

мудрость сих трех:

ибо афиняне умирали от глада,

и сыны Самоса одолены были морем,

не имея средств помочь себе,

иудеи же, покинутые и прогнанные из царства своего,

разсеяны по всякой стране.

Сократ безсмертен через Платона;
Пифагор же — через кумир Геры;
а Царь Мудрый — через законы, им данные.

Но я, сын мой, испытал,
В сколь бедственном злополучии люди обретаются,
и дивился я, как не смиренны они бедами,
их обступившими;
не довольно им ни войн, ни скорбей, ни недугов,
ни смерти, ни бедности;
но как звери мерзостные нападают они друг на друга
в злобе своей,
ища, кто из них возможет причинить большее зло
товарищу своему;
ибо перешли они пределы правды
и преступили все законы благие,
покорясь собственным своим похотениям,—
ведь доколе вожделест человек того,
к чему стремится похотение его,
как возможет он в праведности творить
приличествующее ему?
И не признают они правой меры,
и редко простирают руки свои к истине и добру,
но ведут себя во всей жизни своей,
как глухие и слепые.

Злые радуются, и праведные утесняются;
имуций отрицается, неимуций же стяжать тщится;
бедный нищенствует, и богатый сокрывает;
и каждый посмеивается ближнему своему!
Упившиеся неистовствуют, и протрезвившиеся раскаиваютс
иные плачут, иные поют, иные смеются;
иные же схвачены заботою;
о злом все радование их,
и отвергают они возлюбившего истину.

Изумления сие достойно,
как мир творит все посмешищем,
и люди, разнствуя в образе жизни,
пекутся о суете;
и некто из них ищет снискать себе имя
победою в сражении,
но не мыслит храбрец о неразумии похотей,
пленяющих человека в мире;
а я желал бы, чтобы толика раскаяния
пришла к побеждающему силою своею,
но осуждаемому алчностью своею.

Ибо испытывал я людей,
испытав же, нашел,
что к одному этому стремятся они:
к изобилию богатств;
и о сем не имеют они решения постоянного,
но изменчивостью мысли своей
быстро повергаемы и поглощаемы унынием;
и не мыслят они о многих богатствах мира,
сколько приходит терзаний
с ними купно;
ибо рабствуют они величеству чрева своего,
и это есть срам умов растленных.

Но то, что внушает мне мысль моя
написать тебе,
мало прочесть, но должно держаться на деле;
ибо и то знаю я,
что, когда испытаешь ты путь жизни таковой,
он полюбится тебе весьма,
и свободен ты будешь от недолжного пыла,
с коим детей ради собирают богатство;
отдали же от себя впредь печаль,
что лелеют люди в себе
и от которой не приходит добра,

и отгони от себя то попечение,
которое не пользует нимало.

Ибо нет у нас иного средства,
кроме одного лишь мужества,
чтобы одолеть злополучие и нести скорби,
которые мы всегда приемлем
из рук времени;
ведь нам подобает ожидать их,
а не того, что относится к радованию
и доброму имени.

Прилепись к мудрости, источнику всех благ,
сокровищу нескудеющему,
и в ней обретешь ты, где преклонить главу твою
и обрести упокоение твое,
ибо она будет тебе как отец, и как мать,
и как благая сопутница жизни.

Имей всякую дружбу с терпением и постоянством,
которые годны противу всех напастей,
приходящих на слабых человек;
ибо столь велика сила их,
что сносят они голод и одолевают жажду,
подают отдохновение во всякой скорби
и с трудами спорят, и со смертью;
имей же о них рачение, и умирится жизнь твоя,
и будешь ты мне утехой,
и наречешься украшением родивших тебя.

Ведь прежде, во время оное,
когда стоял град наш в величии своем,
да будет тебе ведомо, противу многих
изрекались слова мерзостные;
и все же признательны мы времени,
что сполна получили от величества его

подобаяющую приязнь и красоту;
но воспретило нам время довершить то,
что решили мы в уме нашем.

И здесь, в узах, благодарим мы божество
за то, что стяжали приязнь многих;
ибо ищем мы, чтобы душа наша
не оставляла мудрости и радования.
Те же, кто влечет нас насилием,
свидетельство приносят противу себя же самих,
что весьма удалены от всего доброго;
и примут они срам и стыд
от низкого и постыдного.

Ибо доказали мы истину нашу,
что нет в нас вины перед державою;
и если римляне дозволят нам
возвратиться в землю нашу
со всякою правдою и послушанием,
человеколюбиво поступят они
и нарекутся добрыми и праведными,
и земля обитания их
также насладится покоем своим.

Пусть явят они величие свое,
на волю отпуская нас,
мы же да покоримся владычеству их,
что временем определено для нас,
они же да не терзают нас
и не угодобляют нас рабам!
Впрочем, что бы ни решили о нас,
нежели упокоение смертное,
которое не отнимется от нас.

Но ты, юный сын мой,
если прилагаешь усердие уразуметь сие,

сперва победы похотение,
и будь умерен во всех делах своих,
и блюди себя от гнева,
и вместо ярости послушествуй добродетели.

Ибо, как ныне мыслю я о сих вещах
и как восходит мне на память,
могу я оставить по себе писание мое,
и со спокойною мыслию окончить стезю мою,
идти по которой осудили меня,
и оставить без печалования
злое губительство мира сего;
ибо молю я о том, чтобы разрешиться,
какова же будет смерть, не заботит меня;
скорбеть же обо мне или тревожиться обо мне
отнюдь не присоветую никому;
ибо таков путь мира целого,
и в смерти нашей упреждаем мы его.

Один из друзей спросил Мару, сына Серапионова, когда был тот в узах подле него:

— Жизнью твоею заклинаю тебя, Мара: открой мне, что достойное смеха явилось тебе, что смеешься ты?

И сказал ему Мара:

— Я смеялся над временем, что оно, не получив от меня в долг никакого зла, воздает мне злом.

Здесь кончается послание Мары, сына Серапионова.

ДЕЯНИЯ ПАВЛА И ФЕКЛЫ

ГЛАВА 1

Когда восходил Павел к Иконию, бежав из Антиохии*, были сопутниками его Димас и Ермоген медник*, лицемерия исполненные, и ластились к Павлу, притворяясь, будто любят его. Павел же, на одну лишь благодать Христову взирая, ничего дурного не сделал им, но миловал их весьма, дабы соделать для них сладкими все словеса Господни, и учение, и толкование благовестия о рождестве и воскресении Возлюбленного*, и слово в слово пересказывал им дивные дела Христовы, как что ему самому открыто было.

ГЛАВА 2

И вот, муж некий по имени Онисифор*, прослышав, что Павел идет в Иконий, вышел со чадами своими Симмией и Зиномом и женою своею Лектрою во сретение Павлу, дабы принять его; ибо открыл ему Тит* на словах, каков из себя Павел. Видеть же он его не видел плотию, а только духом.

ГЛАВА 3

И пошел Онисифор по дороге царской на Листру*, и стал, дабы подждать Павла, и всех проходящих оглядывал пристально, держа в памяти наставление Титово.

И увидел он Павла шествующего, мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим*, полного милости; и то являлся Павел как человек, то ангела имел обличие.

ГЛАВА 4

Увидев же Онисифора, улыбнулся ему Павел; и сказал Онисифор:

— Радуйся, Бога благословенного служитель!

А тот ответил:

— Благодать с тобою и с домом твоим.

Димас же и Ермоген завистию воспылали и еще усугубили при-
творство свое.

И сказал Димас:

— А мы не Благословенного ли служители, что ты не приветству-
ешь нас сим же образом?

И ответил Онисифор:

— Не вижу в вас плода правды: но если и вы таковы, войдите в дом
мой и покойтесь.

ГЛАВА 5

И вошел Павел в дом Онисифоров; и была там радость великая, и
колен преклонение, и хлебов преломление, и слово Божие о воздержа-
нии и воскресении.

И говорил Павел так:

— Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

— Блаженны в непорочности плоть свою соблюдающие, ибо они хра-
мом Божьим соделаются.

— Блаженны воздержные, ибо им глаголет Бог.

— Блаженны от мира сего отрекшиеся, ибо они Богу благоугодят.

— Блаженны жен имеющие, как бы не имея, ибо они Бога наследуют.

— Блаженны страх Божий хранящие, ибо они ангелами Божьими
соделаются.

ГЛАВА 6

— Блаженны трепещущие речений Божьих, ибо они утешатся.

— Блаженны премудрость Иисуса Христа стяжавшие, ибо они сы-
нами Всевышнего нарекутся.

— Блаженны крещение свое соблюдающие, ибо они в покой Отца и Сына внидут.

— Блаженны разумение Иисуса Христа улучившие, ибо они во свете пребудут.

— Блаженны любви к Богу ради образ мирской оставившие, ибо они ангелов судить будут и одесную Отца благословение примут.

— Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут и не узрят горького дня Судного.

— Блаженны тела девственные, ибо они Богу благоугодят и не лишатся воздаяния непорочности своей; ибо Слово Божие будет для них делом спасения в день Сына Божия, и обретут они упокоение во веки веков.

ГЛАВА 7

И когда Павел говорил сие посреди церкви в доме Онисифоровом, некая дева Фекла, дочь Феоклии, обрученная мужу Фамириду, сидела у ближнего окна дома своего и слушала день и ночь слово Божие, через Павла возвещаемое, и о чистоте, и о вере во Христа, и о молитве; и не отходила она от оконца, но в вере исполнялась ликованием.

Видя же многих жен и дев, к Павлу приходивших, желала и она сподобиться стоять пред лицом Павловым и слушать слово Христово; обличия же Павлова она еще не видала, а только слово слышала.

ГЛАВА 8

И вот, покуда не отходила она от окна, посылает мать ее за Фамирдом; тот же приходит, весьма радуясь, будто уже получая ее в жены.

И сказал Фамирд Феоклии:

— Где же моя Фекла, чтобы наглядеться мне на нее?

И ответила Феоклия:

— Новое имею поведать тебе, Фамирд: ибо три дня и три ночи не отходит Фекла от оконца своего, ни есть не хочет, ни пить, но как уставилась в оконце, так и сидит, словно ей в том радость некая, и слушает мужа чужестранного, обманным и хитрым словесам поучающего; и дивлюсь я, как это девица столь стыдливая так тяжко честь свою роняет.

ГЛАВА 9

— Фамирид, человек сей и весь город наш Иконийский мутит, как Феклу твою; ведь все жены и юноши стекаются к нему и научаются от него, что-де Бога надо бояться Единого и Единственного, а жить-де в непорочности. Вот и дочь моя, как наук, на оконце повисла, от слов его вожделением неслыханным и страстию непостижимою побеждаема. Внимает она всему изрекаемому от него, и вот, пленена дева. Довольно, подойди к ней ты и заговори с ней; ведь твоя она нареченная!

ГЛАВА 10

И подошел к ней Фамирид, и любовь к ней имея, и страх перед иступлением ее, и сказал:

— Фекла, мне обрученная! что сидишь ты так и что за страсть обуревает тебя? Полно, погляди на твоего Фамирида и устыдись.

Тут и мать ее тоже примолвила:

— Чадо, что сидишь ты, в землю глядя, и ничего не ответишь, но вне себя пребываешь?

И плакали они плачем великим: Фамирид — о невесте сетуя утраченной, Феоκлия же — о дочери, рабыни же — о молодой своей госпоже; и было в доме смущение скорбное.

Но когда совершалось все сие, не обернулась Фекла, но прилежно внимала слову Павлову.

ГЛАВА 11

Фамирид же прынул, и на улицу выбежал, и озира́л всех, входящих к Павлу и выходящих от него.

И увидел он мужей двух, между собою злобившихся горько, и воспросил их:

— Мужи, скажите мне, кто вы и кто смутитель сей, в доме с вами сущий, юношей же и дев в обман вводящий, чтобы они браков не творили, но в девстве пребывали? Обещаю вам много денег, только скажите мне про него; а я в городе этом из первых граждан.

ГЛАВА 12

И сказали ему Димас и Ермоген:

— Кто он, не ведаем: а отвращает он юношей от жен и дев от мужей таковыми словесами, что-де нет вам иного воскресения, если не пребудете чистыми, соблюдая плоть свою от осквернения.

ГЛАВА 13

Фамирид же сказал им:

— Войдите, мужи, в дом мой, и обретите покой у меня!

И пришли они на пир расточительный, с винопитием многим, богатством великим и трапезою многоценною. И поил их Фамирид, влюблен быв в Феклу и брака с нею вождедея.

И сказал за пиром Фамирид:

— Мужи, откройте мне, что есть учение его, дабы и мне знать о том; ибо велика тоска моя по Фекле и печаль, что так любит она чужеземца и брака отвращается.

ГЛАВА 14

И сказали Димас и Ермоген:

— Приведи его к игемону Кестилию, как совратителя народного в новое учение христиан, и тот казнит его, ты же получишь в жены Феклу свою. А мы научим тебя о воскресении, о коем тот говорит, что оно-де совершится и уже совершается в детях наших, и что мы-де воскресаем, когда познаем Бога истинного.

ГЛАВА 15

Фамирид, сие услышав, ревностно распаляясь и гневом, восстал поутру и вошел в дом Оннисифоров, ведя с собою правителей, и стражей, и премоного народа с налками, и говорит Павлу:

— Растлил ты град Икопийский и суженую мою так, что она не желает брака со мною; идем же к игемону Кестилию!

И все вошедшие с ним примолвили:

– Ведите волшебника! совратил он жен наших!

И весь народ с ними согласился.

ГЛАВА 16

И возопил велегласно Фамирин, став пред судилищем:

– Проконсул! не ведаем, откуда явился человецишка сей, что воспрещает девам в брак вступать; пусть сам он скажет при тебе, какой ради корысти учит он тому.

А Димас и Ермоген говорили Фамирину:

– Скажи, что он христианин, и без труда погубишь его!

Однако игемон, по собственной своей мысли действуя, обратился к Павлу с таковою речью:

– Кто ты и чему учишь? Смотри, немалое противу тебя обвинение!

ГЛАВА 17

И возвысил Павел голос свой, говоря:

– Если должно мне ныне дать ответ, чему учу, слушай, проконсул. Бог живой, Бог взыскующий, Бог ревнитель, Бог, ни в чем нужды не имеющий, но желающий спасения человеков, послал меня исторгнуть сих из тления, и нечистоты, и всякого сладострастия, и смерти, да не погрешают более. Сего ради ниспослал Бог собственного Сына Своего, Коего благовествую и на Коего учу человеков возлагать упование, ибо один Он сострадание явил миру заблудшему, дабы не были человеки более суду повинны, но веру имели, и страх Божий, и разумение благообразия, и любовь к истине. Итак, если учу тому, что открыто Богом моим, в чем вина моя, о проконсул?

Игемон же, услышав сие, повелел Павла связать и во узилище ввергнуть, пока сам он не будет иметь досуга, чтобы выслушать его прилежнее.

ГЛАВА 18

Фекла же ночью той, сняв с рук запястья, дала их привратнику, и была дверь отворена для нее, и вступила она во узилище; а там, дав

стражнику зеркальце свое серебряное, вошла она к самому Павлу и слушала, сидя у ног его, о дивных делах Божиих. И ничего не страшился Павел, но вещал в свободе Божией; у нее же возрастала вера. И лобызала она оковы его.

ГЛАВА 19

Когда же хватились Феклы домашние ее купно с Фамиридом, пошли чинить о ней сыск на улицах, будто о пропащей; и некто из рабов, несших службу совместно с привратником, донес, что выходила она ночью.

И растянули привратника на пытке, и сказал он им, что входила она ночью к чужестранцу в узилище. И, устремясь туда по слову его, нашли они ее, как бы заточенную силою любви ее.

Исшед оттоле, созвали они чернь и объявили о случившемся игемону.

ГЛАВА 20

И повелел игемон вести Павла пред судилище.

Фекла меж тем не отходила от места того, где учил Павел в заточении своем. И повелел тогда игемон вести ее также пред судилище; она же пошла, в радости ликуя.

Меж тем чернь, когда снова приведен был Павел, шумно вопияла:
— Волшебник он! Истреби его!

Игемон, однако, не без приятности внимал Павлу, учившему о правде Божией; и вот, сотворив совет со своими, призвал он Феклу и спросил:

— Чего ради не приемлешь ты брака с Фамиридом по закону Иконийскому?

Она же стояла, с Павла очей не сводя, и безмолвовала: видя же сие, вскричала Феоклия, мать ее:

— Огнем сожги беззаконницу, огнем сожги безбрачницу посреди театра градского, дабы все жены впредь страшились, ее примером вразумленные!

ГЛАВА 21

И печалился игемон много; и Павла, по бичевании, изверг он за пределы града, Феклу же присудил огнем сжечь.

И тотчас встал он с места своего, и пошел в театр; и вся чернь устремилась туда, желанием зрелища понуждаемая. И как агнец в пустыне ищет, где пастух его, так Фекла искала взором своим Павла. И вот, вперяясь очами в толпу, увидела она Господа, сидевшего во образе Павла, и молвила:

— Сколь неспосна была слабость моя, когда пришел Павел поглядеть на меня!

И не сводила с Него глаз; Он же отошел на небеса.

ГЛАВА 22

Меж тем отроки и девицы носили дрова и сено, дабы сожечь Феклу огнем.

Когда ввели ее нагую, заплакал игемон и подивился сушей в ней силе. Палачи же сложили костер и повелели ей взойти на него; сотворив знамение креста, поднялась она на дрова, они же подожгли. И разгорелся огонь великий; но не жег ее огонь, затем что Бог, умилосердись о ней, шум сотворил подземельный, и осенил ее свыше облак, влаги исполненный и града, и излилось все вместилище его, отчего многие в опасность пришли и живота лишились.

Огонь же угас, и Фекла спасена была.

ГЛАВА 23

Тою порою пребывал Павел в посте купно с Онисифором, и супружницею его, и чадами его, в склепе отверстом затворясь на пути, ведущем от Икония в Дафну.

Когда же прошло много дней поста их, сказали отроки Павлу:

— Вот, взалкали мы!

И не имели они, где взять им хлебов; ибо оставил Онисифор все дела мира сего и последовал за Павлом со всем домом своим. Но Павел совлек с себя верхнюю ризу свою, подал и сказал:

— Ступай, чадо, купи на это хлебов поболее и песи сюда!

Когда же вышел отрок из склепа, увидел он Феклу недалеко, изумился и спросил:

— Фекла, куда путь держишь?

Она же отвечала:

— Иицу догнать Павла, из среды огня спаснись!

И сказал отрок:

— Ступай сюда, и отведу тебя к нему! ибо стелает он о тебе, и молится, и в посте пребывает уже шесть дней.

ГЛАВА 24

И стала она подле склепа, и взирала на Павла, преклонившего колена, и молившегося, и зывавшего:

— Отче Иисуса, Господа нашего, да не пожжет Феклу огонь, но пребудь с нею Ты, ибо Твоя она!

И тут она, стоя позади, возопияла:

— Отче, сотворивший небо и землю! Отче возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа! Благословляю Тебя, ибо избавил Ты меня из среды огня, дабы увидеть мне Павла.

И Павел, встав с колен, увидал ее и молвил:

— Боже Сердцеведче, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Благословляю Тебя, ибо скоро видал Ты мне и сотворил мне по молитве моей.

ГЛАВА 25

И был внутри склепа пир любви великий; и ликовали Павел, и Онисифор, и все бывшие с ними. Имели же они хлебов пять, да овощи, да воду, да соль; и радовались о правде Христовой.

И сказала Фекла Павлу:

— Обрежу власы мои и последую за тобою, куда бы ни пошел ты.

Он же ответил:

— Время худое, ты же красива; да не приидет к тебе искушение новое, горшее прежнего, так что не выдержишь ты его, но впадешь в малодушие.

Но молвила Фекла:

— Только положи на меня печать Христову, и не коснется до меня искушение.

И сказал Павел:

— О Фекла, потерпи только; будет тебе купель.

ГЛАВА 26

И отослал Павел Онисифора со всеми домашними его в Иконий, а сам, взяв Феклу с собою, отошел в Антиохию.

Когда же вступили они в город, некий наместник Сирии, по имени Александр, при виде Феклы воспылал к ней страстию и тщился улестить Павла деньгами и дарами.

Павел же не принял и отвечал:

— Не ведаю, о какой женщине говоришь! Не моя она!

А тот, великую имея силу, сам подстерегал ее на улице; она же отнюдь не стерпела того, но Павла призывала и горестно вопияла, подъемля глас свой:

— Не чини насилия чужестраннице! Не чини насилия служительнице Божией! Была я сперва из гражданок Икония, но за то, что брака с Фамиридом не приняла, изгнана из града того.

И сорвала она хламиду с Александра и разодрала ее; и венок сняла с главы его.

И так торжествовала она над ним победу свою.

ГЛАВА 27

Он же, и вождением к ней уязвляем, и на приключившееся ему поношение негодуя, сделал на нее донос игемону; поелику же не записалась она ни в чем, осудил се игемон зверям на растерзание.

Но жены градские восскорбели о приговоре том и вопияли перед судилищем:

— Дурной суд! Неправедный суд!

Фекла же просила только игемона, чтобы ограждена была чистота ее, пока не придет час со зверями сразиться. И вот некая жена богатства

великого, рода царского, именем Трифена, у которой перед тем умерла дочь ее, приняла Феклу на сохранение и имела в ней утешение.

ГЛАВА 28

Когда же устроен был бой со зверями, предали ее львице лютой; и царица Трифена провожала ее.

И села Фекла на место возвышенное, львица же прилегла к ногам ее, и весь народ дивился тому. Вина же, поименованная в надписи над главою ее, гласила: «святотатица». Но жены со чадами их вопияли к небу, повторяя:

— О Боже, суд неправедный творится во граде нашем!

И со зрелища того взяла ее Трифена снова к себе; ибо дочь Трифенина Фалконилла, прежде умершая, во сне сказала ей:

— Матушка моя, прими Феклу, странницу одинокую, на место мое, чтобы молила она Бога обо мне и была я через то допущена в обитель упокоения праведных.

ГЛАВА 29

Взяв ее со зрелища того, и скорбела Трифена, что завтра снова предстоит ей бороться со зверями, и ласкалась к ней горячо, словно бы к дочери своей Фалконилле, приговаривая:

— Дитяtko мое второе, Фекла, помолись-ка о дочери моей, дабы имела она жизнь вечную; ибо так внушено было мне в сонных видениях.

Та же, нимало не медля, возвысила глас свой и рекла:

— О Боже мой, Сыне Всевышнего, на небесах Сущий, подай ей по желанию сердца ее, чтобы дочь ее Фалконилла имела жизнь вечную!

И когда сказала она так, запечалилась Трифена, что предстоит такой красоте кинутой быть зверям на пожрание.

ГЛАВА 30

Когда же настало утро, пришел Александр забрать ее, ибо он давал игры; и сказал он:

— Игемон воссел уже на место свое, и чернь уже торопит нас; дай же мне вывести звероборицу.

Тогда возопияла Трифена так, что обратился он в бегство, и причитала:

— После смерти Фалкониллиной вторая скорбь в доме нашем приключается, и нет заступника: ни дочери, ибо скопчалась она, ни сродника, ибо одинока я. Боже дочери моей Феклы, заступись за Феклу!

ГЛАВА 31

И посылает игемон воинов, чтобы выводили Феклу.

Трифена же не отходила от нее, но сама рукою своею вела ее и говорила:

— Дочь мою Фалкониллу проводила я в гробницу; тебя же, Фекла, на звероборство провожаю.

И восплакалась Фекла горько, и восстенала ко Господу, говоря:

— Господи Боже, в Кого верую, к Кому прибегаю, Избавивший меня из огня, воздай Трифене за сострадание ее к рабе Твоей и за то, что соблюла меня в чистоте!

ГЛАВА 32

Тут сделался шум, и звериный рык, и народный вопль; и мужи кричали:

— Выводи святотатицу!

Жены же голосили:

— Да погибнет город наш за беззаконие сие! Казни всех нас, проконсул! Горькое зрелище! Кривой суд!

ГЛАВА 33

Фекла же, из руки Трифениной взятая, была совлечена одежд своих и препоясана поясом, только прикрывавшим срам ее, и так брошена на ристалище.

И выпустили на нее львов и медведей; и лютая львица, подбежав, к ногам ее прилегла, и толпа жен возопияла громко. И выбежала на пес

медведица; но львица кинулась навстречу и растерзала медведицу. Затем лев, приученный терзать людей, что принадлежал Александру, выбежал на нее; и тогда львица, сошлетшись со львом тем в борьбе, испустила дух вместе с ним.

И возопияли жены громче прежнего, видя, что и львица, защитница Феклина, погибла.

ГЛАВА 34

После того выпущены были на нее звери многие; она же стояла, простерши руки свои в молитве.

Когда же окончила она молитву свою, обернулась она и увидела водоем, полный воды многой, и сказала:

— Ныне пора мне омыться.

И вверглась она в воду, рекши:

— Во имя Иисуса Христа, крещаюсь в последний мой день!

Видя это, жены и весь народ стали вопиять с плачем:

— Не ввергайся в воду ту!

Сам игемон прослезился, что такую красоту и тюлени пожрут.

Она же вверглась в воду, призвав имя Иисуса Христа; и тюлени, ослепленные блистанием огня молнийного, замертво всплыли.

И был вокруг нее как бы облак пламенный, так что ни звери ее не касались, ни нагота ее видима не была.

ГЛАВА 35

Когда же пустили в водоем иных зверей, лютее прежних, возопияли жены и принялись кидать кто листье, кто нард, кто касию, кто амом, так что благовоний было премного. А все звери, пущенные в водоем, словно дремой были обуяны и Феклы не трогали.

И сказал Александр игемону:

— Есть у меня быки весьма грозные; привяжем звероборицу к ним.

С отвращением отвечивал игемон:

— Делай как желаешь.

И привязали ее за ноги между быков, быкам же принялись

подкладывать к мужскому их естеству железа раскаленные, чтобы они сильнее взбесились и умертвили ее. И вот быки прянули, однако жар от желез пережег веревки, и встала Фекла, словно бы и не вязали ее.

ГЛАВА 36

Меж тем Трифена как стояла подле арены на плитах, так и упала без чувств, и воскликнули служанки ее:

— Умерла царица Трифена!

И остановил игры игемон, и весь город устрашен был; и пал Александр к ногам игемоновым, молвя:

— Сжался надо мною и над городом сим и умертви скорее звероборицу, чтобы город не разделил погибели ее; ибо если только прослышит о сем кесарь, вскорости погубит вместе с нами и город сей за то, что сродница его, царица Трифена, дух свой испустила на плитах.

ГЛАВА 37

И призвал игемон Феклу к себе из среды зверей, и спросил ее:

— Кто ты? и что это совершается над тобою, что ни единый из зверей до тебя не коснулся?

Она же отвечала:

— Я есмь раба Бога Живого: совершающееся же надо мною есть милость Бога о Сыне Его, и Его ради ни единый из зверей не коснулся до меня. Ибо Он один — спасения предел и жизни бессмертной полнота; обуреваемым соделывается в Нем прибежище, скорбящим — облегчение, безнадежным -- покров, и, чтобы сказать все в едином слове, если не уверуешь в Него, жить не будешь, но умерешь вовеки.

ГЛАВА 38

Услышав сие, повелел игемон принести ризы и сказал:

— Облеки себя в ризы!

Она же молвила:

— Облекший наготу мою пред зверями, Сей облечет меня в день суда спасением Своим.

И объявил игемон тотчас указ свой, говоря:

— Отпускаю вам Феклу, рабу Божию благочестивую.

И воскликнули жены все гласом великим, и словно бы едиными устами воздали хвалу Богу, говоря:

— Един Бог, Который спас Феклу!

И сотрясся от гласа ликования их весь город.

ГЛАВА 39

Трифена же, услышав весть радостную, вышла со всею толпою Фекле во сретение, и обняла ее, и сказала:

— Ныне верую, что воскресают мертвые; ныне верую, что живет дочь моя! Войди же в дом, и все добро мое отпишу на тебя.

Фекла же, войдя с нею, отдыхала в доме ее восемь дней и возвещала слово Божие, и уверовали служанки многие; и была в доме том великая радость.

ГЛАВА 40

Однако Фекла затосковала о Павле и принялась искать его, всюду посылая о нем спрашивать; и было ей возвещено, что он в городе Мирах.

И вот она, взяв с собою отроков и девиц из челяди, препоясавшись и перешивши хитон свой по образу ризы мужской, отошла в Миры. И обрела Она Павла, когда проповедовал он слово Божие, и стала подле него.

Он же изумился духом, видя ее и толпу сущих с нею, и помыслил, не новое ли какое искушение предлежит ей. Но она, глядя на него, сказала ему:

— Омыта я, Павел; Тот, Кто привел тебя ко благовестию, привел и меня к купели.

ГЛАВА 41

И взял ее Павел за руку, и отвел в дом Ермиев, и там услышал от нее о всем, бывшем с нею; и был Павел изумлен весьма, и все внимавшие получили назидание и помолились о Трифене.

После же того восстала Фекла и сказала Павлу:

— Иду в Иконий.

И ответил ей Павел:

— Ступай и учи людей слову Божию.

А Трифена прислала ей много одежд и денег, и Фекла оставила все это Павлу для раздаяния нищим.

ГЛАВА 42

Сама же Фекла отошла в Иконий, и вошла в дом Онисифоров, и поверглась там на пол, на то место, где восседал некогда Павел, уча словесам Божиим, и восплакалась, говоря:

— Боже мой и Боже дома сего, где воссиял мне свет! Христе Иисусе, Сыне Божий, заступник мой во узилище, заступник пред игемонами, заступник во огне, заступник посреди зверей, Ты еси Бог мой, и Тебе слава веки, аминь.

ГЛАВА 43

И узнала она, что Фамирид уж умер, а мать ее жива; и призвала она мать свою, и говорила ей так:

— Матушка моя Феоклия, можешь ли уверовать, что жив Господь на небесах? Чего желаешь? Если богатства, подает тебе Господь через меня; если же дочери, вот я перед тобою!

И, таковое принеся свидетельство, отошла она в Селевкию, где, многих просветив словом Божиим, сном добрым опочила.

ГНОСТИЧЕСКАЯ ХОРОВОДНАЯ ПЕСНЬ

И собрал нас вместе Иисус, и сказал:

— Пока еще не предан Я в руки их, воспоем песнь Отцу и так пойдём навстречу тому, что ждёт нас.

Затем велел Он нам стать в хоровод и держаться за руки; Сам же, стоя в середине, сказал:

— Отвечайте Мне: «Аминь!»

После того начал Он воспевать песнь, глаголя:

— Слава Тебе, Отче!

Мы же, вращаясь по кругу, отвечали Ему:

— Аминь!

— Слава Тебе, Дух! Тебе, Святой!

— Аминь!

— Хвалим Тебя, Отче,
благодарим Тебя, Свете,
в Коем тьма не обитает!*

— Аминь!

— При благодарении же нашем говорю так:
спастись желаю,
и спасти желаю!*

— Аминь!

— Испушлен быть желаю,
и испушить желаю!

— Аминь!

— Уязвиться желаю,
и уязвить желаю!

— Аминь!

— Рожден быть желаю,

- и рождать желаю!
— Аминь!
— Вкушать желаю,
и предаться во снедь желаю!*
— Аминь!
— Внимать желаю,
и внят быть желаю!
— Аминь!
— Умозрим быть желаю,
всецело Ум будучи!
— Аминь!
— Омываем быть желаю,
и омывать желаю!*
— Аминь!
— Благодать пляшет!*
Играть на флейте желаю,
ведите хоровод все вы!
— Аминь!
— Плач творить желаю,
причитайте все вы!
— Аминь!
— Единая Осьмерица* нам подпевает!
— Аминь!
— Двенадцатое Число* пляшет в вышних!
— Аминь!
— Всему сущему плясать должно!
— Аминь!
— Кто не пляшет,
свершающегося не разумеет!
— Аминь!
— Бежать желаю,
и остаться желаю!
— Аминь!
— Украшать желаю,
и украшен быть желаю!

- Аминь!
— Возсоединиться желаю,
и воссоединить желаю!
— Аминь!
— Дома не имею,
и дома имею!
— Аминь!
— Храма не имею,
и храмы имею!
— Аминь!
— Светильник Я для тебя,
о, взирающий на Меня!
— Аминь!
— Зерцало Я для тебя,
о, мыслящий Меня!
— Аминь!
— Дверь Я для тебя,
о, стучащийся!
— Аминь!
— Путь Я для тебя,
о, шествующий!
— Аминь!
— Внимая песни Моей,
восчувствуй, как Я глаголю в тебе!
— Аминь!

ПЕСНЬ О НЕВЕСТЕ

Невеста* есть дочь света,
слава царей на ней почует.

Величав и утешен ее облик
и чистым сиянием украшен дивно.

Как вешние цветы ее одежды
и сладкое благовоние проливают.

Царь на темени ее явлен*
и питает утвержденных под его властью.

Истина главу ее осенила,
у ее ног веселье пляски.

Отверсты уста ее, и, как пристойно,
славословия глаголемы ими.

Дванадцать апостолов* Бога-Сына
и семьдесят два подают в ней гласы.

Язык ее подобен завесе во Храме*,
которую священник подвигнет и ввидет.

Ее выя подобна башне*,
которую построил первый Зодчий.

Правая и левая ее руки
указуют на место чистых Эонов*,

и перстов ее десятирица*
отворяет затворы Града*.

Брачный чертог ее светел
и благоуханием благодати исполнен.

Посреди его воскуряется ладан
веры, и любви, и надежды,

все окрест творя благовонным.
Мирты правды пол покрывают*,

ветви истины украшают двери.
Избранные сыны брачного чертога*,

призванные на пир, окружили Невесту,
семь дев ее провожают,

воспевают ей славословье.
Лев, и Телец, и Орел, и Ангел*

Жениху во сретении взор устремили,
дабы во славе Его просветиться

и в царствие Его вечное внити,
и трапезы сподобиться брачной,

на нее же все праведные сойдутся,
и в радость Господина своего внити*,

в нее же каждый вступит особо;
дабы облачиться в ризы света,

и славою Господа своего облечься,
и восхвалить Отца Живого*,

приняв великолепие Его света,
и сиянием Господним просветившись,

и вкусив от яств его безсмертных,
веки убыли не имущих,

испив от воды, в жизнь текущей*,
и уже веки не зная жажды,

Отца и Господа славословя,
и единородного Его Сына,
и Духа, Премудрости Матерь*.

ПЕСНЬ О ЖЕМЧУЖИНЕ

*(Песнь апостола Иуды Фомы,
воспетая им в земле индийской)*

Когда я дитятей обитал
в царстве дома моего Отца*,
утешаясь блистанием богатств
и славы воспитавших меня,—

от Востока, отечества моего*,
родившие меня послали меня
и в путь собрали меня.

Из сокровищниц своих обильных
они мне вынесли ношу;
велико было бремя, но легко*,
и нести его мог я один —

злато от земли Гелер*,
и серебро великого Гандзака*,
и халцедоны земли индийской,
и перлы дома Кушанов*.

И одели меня адамантом,
что сокрушает железо,
совлекши с меня ризу света,
что по любви ко мне они сотворили,
и пурпуровый оный плащ,
истканый по мере моей.

И сотворили они со мною завет,
и начертали его в сердце моем,
да не возмогу забыть его:

«Если ты в Египет снидешь*
и жемчужину*, единственную, изымешь,
сущую в утробе моря,
подле пасти пыхающего Змия*,

облачишься ты в ризу света,
и в плащ твой, что на нее возлагаем,
и с братом твоим, вторым по сану,
наследник царствия нашего будешь».

Оставив Восток, нисходил я,
и два вестника было со мною,
ибо труден и опасен был путь,
я же весьма млад.
Я перешел рубежи Майшана*,
где сходятся купцы Востока,
и достиг земли Вавилона,
и вступил в стены Сарбуга*.

Но когда в Египет я снизошел,
спутники мои отступили от меня.

Я же к Змию направил путь,
на постоялом дворе* ожидал,
когда он уснет и воздремлет,
дабы жемчужину исхитить.

Странник был я и одинок,
для всех постояльцев двора чужд,
но свободнорожденного моей земли
и сродной крови я приметил там*,

юношу, милого для очей,
сына помазания, что прилепился ко мне;
и сотворил я его общником моим
и причастником советов моих,
и предостерег противу Египта
и противу касания нечистых.

Одеждою моею я уподобился им,
дабы не злобились они, что извне я пришел
жемчужину оную исхитить,
и не возбуждали на меня Змия.
Но не ведаю, как прознали они,
что родом я не из их земли,
и лукаво сотворили они со мной,
и дали мне вкусить от яств своих.
И я забыл, что я царский сын,
и поработился их царю,
и забыл о жемчужине оной,
за коей был от родивших послан,
и от дебелости их яств
поникнул в тяжелом сне.

Узнав же о всем, что случилось со мной,
родившие меня возскорбели обо мне,
и весть была объявлена по нашему царству,
и каждый был ко двору нашему призван —
цари и князи земли Парфянской*
и все вельможи Востока.
И составили они совет,
чтобы в Египте не покинуть меня,
и послание они написали,
и каждый знатный подписал свое имя:

«От Отца* твоего, царя царей,
и от Матери* твоей, Востока госпожи,

и от Брата* твоего, второго по тебе,
во Египте сущему сыну нашему — мир!
Восстань, и пробудись от сна,
и услышь послания нашего речь,
и вспомни, что царский ты сын,
и узри, кому поработился ты!
Вспомни о жемчужине оной,
коей ради пришел ты в Египет;
вспомни о ризе света,
помысли о плаще твоём предивном,
дабы имя твое читалось в книге славных,
и с Братом твоим, вторым по сану,
был ты царствия нашего наследник»,

Сие послание послано было
и запечатано царевой десницей
от лукавых, от детей Вавилона
и от мятежных демонов Сарбуга.
Оно полетело, орлу подобясь,
над всеми пернатыми владыке,
полетело и ко мне опустилось
и стало всецело речью.

От гласа его и гласа звука его
пробудился я, и возстал ото сна,
и взял его, и лобызал его,
и снял печать его, и прочел.

Как начертано было в сердце моем,
так и были начертаны слова письма.

Я вспомнил, что царский я сын,
что свобода моя взыскует сродного ей,
вспомнил и о жемчужине оной,

кою ради пришел я в Египет, —
и начал совершать тайнодействие
над Змием пыхающим и лютым,
и смирил его, и усыпил его,
изрекши над ним имя Отца моего,
имя Брата моего, второго по сану,
и Матери моей, царицы Востока, —

и жемчужину оную исхитил,
и к дому Отца моего обратился.

Одежды их, исполненные скверны,
я совлек, и оставил в их земле,
и на возврат путь мой направил
к свету отечества нашего, к Востоку.

Послание мое, пробудившее меня,
обрел я предо мною на стезе моей;
оно, что гласом своим пробудило меня,
вновь вело меня светом своим:
блистая предо мною красой своей —
по китайской бумаге червоным письмом,
и гласом водительства своего
сызнова ободряя унылость мою,
и любовью своей увлекая меня.

Я выступил в путь, прошел у Сарбуга,
землю Вавилонскую оставил ошую
и достиг великого Майшана,
оной гавани купцов Востока,
покоющейся у берега морского.

Ризу света, которой я совлекся,
и плащ мой, что на нее возлагаем, —
от Гирканских высот* одежды сии,

родившие меня, прислали мне
руками доверенных казначеев,
избранных правдивости своей ради.

Я не помнил одежд тех, оставив их
в детстве моем в доме Отца моего,—

и, внезапно явившись очам моим,
риза предстала как зеркало мое*:
во всем существе моем я видел ее,
в ней же всецело лицезрел себя,
так, что в разделении были мы
и все же явлены в обличьи одном*.

Также и казначеи, заметил я,
принесшие мне ризу мою,
оба являли единый лик,
ибо приняли тот же знак от Царя,—

который через них возвращал мне честь,
залог избыточества моего —
ризу света,
блистанием украшенную отменно:
было там золото, и бериллы,
и халцедоны, и переливчатые перлы,
и многоцветные сардониксы;
изготовленная достойно высокого сана,
риза на сгибах крепилась адамантом,
и Царя царей владычный образ
отображался на ней повсюду,
и он же, подобный камню сапфиру,
был выткан пестро на ее вершинах.

И еще узрел я окрест нее
шевеленье познания, как струи;

я увидел также, что она
словно приготовилась говорить;
и услышал я напевов ее звон,
как она звучала, сходя на меня:

«Принадлежу я усерднейшему из слуг,
для коего возвращена пред лицом Отца,
и заметила я, как росла
вместе с ростом заслуг его».

И царственным своим устремленьем
излилась она на меня всецело
и поспешила, как велел ей Даятель,
чтобы возмог я принять ее в руки;
и меня любовь моя подстрекала
порывом устремиться ей навстречу.

И простерся я, и принял ее,
и красую многоцветной украсил себя,
и возложил мой блеском отливающий плащ
во всю ширину на всего себя.
Так облачился я и взошел на высоты
к Вратам Приветствия и Поклоненья;
склонил я главу мою и поклонился
Отчему Сиянию, мне пославшему ризу,—

Тому, чьи заповеди я исполнил
и Кто воздаст мне, обетованию верен
(во дворах сыновей Его дома
я вел с вельможами Его беседу),—

Кто радовался обо мне, меня принял
и с Кем пребывал я в Его царстве,
Кого служители Его хвалят
голосами водяного органа —

за то, что Он обещал неложно,
что и я ко двору Царя царей поеду
и, неся жемчужину мою, дар мой,
с Ним купно явлюсь пред лице Царево.

Окончилась песнь Иуды Фомы Близнеца, воспетая им в узилище.

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ

ГЛАВА 1

Соломон, сын Давидов, рожден был от жены Уриевой; совершилось же сие так:

Увидел царь Давид жену Уриеву* в купальне нагую, и послал Сатана в сердце его похотение страстное, и соблудил с нею Давид; но не только блудное сие дело содеял он, но и убить Урию, мужа им совращенной, умыслил — это он-то, возлюбленный Божий, пророк великий, избранный Богом, между всеми величайший, сладкопения церковного красота, Ветхого и Нового Завета знамение явленное, Богоотец славноименный! Но был он обманут от Велиара*, врага злозачинательного, так обманут, как и первозданный оный Адам. И убит был Урия, от Давида на брань посланный, изволением Давидовым и хотением на перенес место поставленный, где и был он покинут и оставлен, дабы, посягающего не имея, убиту быть; что и совершилось.

Но прежде, нежели совершиться тому, пришел ангел Господень к пророку Нафану*, говоря;

— Ступай к Давиду, царю и пророку, и научи его не творить дел беззакония сатанинского.

И восстал Нафан, и пошел уже к Давиду Нафан*, но был в пути своем воспрепятствован от Велиара. Обрел бо диавол человека некоего убиенного, нагого, и положил его на пути Нафановом. Видя же мертвеца того, восхотел Нафан предать его погребению; но пока погребал он его, совершил Давид нечестивые дела Сатаны. Узнав же сие, восплакался Нафан и сказал:

— По моей вине совершилось прегрешение сие.

И снова пришел к нему ангел и сказал:

— Через тебя совершилось падение, через тебя будет и восстание; ступай же и обличай беззаконие его.

И сказал Нафан ангелу:

— Как же я, человек бедный, царя буду обличать?

Ангел же молвит ему:

— Я с тобою буду: ты говори, я же страх на него наведу.

И пошел Нафан к Давиду, и поклонился ему земно, и сказал:

— Владыка царь! тяжбу имею с человеком неким и пришел сказать тебе о ней.

Царь же говорит ему:

— Из-за чего же тяжба твоя?

И говорит ему Нафан в притче:

— Владыку имею, что владычит надо мною; и стяжал он овец сотницу и веселится о них. У меня же была овца единая; и отнял ее он, сотницею владеющий, и пожрал ее.

Тогда уразумел Давид деяние, им учиненное, и, восстав с ложа своего, восстенал горько, говоря со слезами:

— Я есмь сотворивший сие!

И начал он с сокрушением сердца говорить псалом пятидесятый*, и Нафан с ним; и отпустил ему на будущее Господь Бог грех его.

«Давид родил Соломона от бывшей за Уриею» (Мф. 1:6). И приял Соломон царство Давида, отца своего, и взошел на вершину премудрости и разумения; и цепь родословия его достигла даже до божественного воплощения Господа нашего Иисуса Христа, ибо и Сей из рода и от чресл богоотца Давида есть, дабы исполнилось речение пророческое, глаголющее: «Не отойдет скипетр от Иуды, и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель» (Быт. 49:10). Премудрость же Соломонова подобна была премудрости Адама*, первого из человек. Наставлен же был он в той премудрости частью от дивного Сираха*, частью же от высшего промысла. Знаменуя же премудрость ту, сказал Господь в Евангелиях о парице южной, что приходила от пределов земли послушать премудрости Соломоновой (Мф. 12:42; Лк. 11:31), по достоинству изрекши о ней суждение.

ГЛАВА 2

По причине премудрости таковой обрета дерзновение, восхотел дивный Соломон дом воздвигнуть Господу Богу*, прекраснейший и превосходнейший между всеми святилищами земли. И совершилось сие, и воздвигся дом Господа Бога изволением, и премудростию, и зиждительною силою Божиею через премудрого Соломона и через усердие его. И воздвигал храм сей с благоговением великим сам он, и отроки его.

Держал же он одного из отроков своих в любви особливой перед всеми другими, так что и хлеба, и яств, и риз давал ему двойною мерою. Был же отрок сей видом прискорбен и ликом неукрашен; и печалился Соломон, таковым видя его. И в единый из дней говорит он отроку:

— Почему так прискорбен ты? что в жизни сей печалит тебя? не всего ли получаешь ты у меня двойною мерою?

И отвечает отрок царю:

— Так, владыка царь! яства, тобою даваемые, я потребляю все; однако не радует меня ничто из того, ибо приходит на меня по ночам дух лукавый и нечистый, и теснит меня, и терзает конец перста моего, и соделывает лик мой, каким видишь ты его, прискорбным и неукрашенным.

Услышав же слова сии, сотворил Соломон за него молитву и предстательство ко Господу Богу. И послан был к нему Михаил Архангел* с печатием на перстне медяном; и дал он печать ту Соломону, и говорит:

— Дай отроку твоему перстень сей, и пусть хранит его на ложе своем; когда же приступит к нему диавол, пусть поразит его перстнем сим в перси и, связав, отведет его к тебе; ибо должно тебе связать всякого демона силою печати сей Божией и построить дом Божий силою множества демонов купно с человеками.

И взял Соломон печать ту, и возблагодарил Бога Святого; и отошел от него ангел.

Призвав же к себе отрока, дал он ему перстень тот, возвестив поведенное от ангела. И взял отрок печать Божию, и возлег при наступлении вечера на ложе свое; и приступил к нему диавол по обычаю своему. И немедля отрок поражает врага против сердца его печатием Божией. И возопил Сатана гласом жалостным:

— Увы мне, увыв мне! Как поработился я царю Соломону?
Отрок же, связав его, отвел к царю Соломону.

ГЛАВА 3

Соломон же, узрев демона, молвит:

— Скажи мне, лукавый душе и нечистый, каково прозвание твое* и каково делание твое?

И сказал царю диавол:

— Зовусь я Орния; делание же мое на все отменно.

И говорит царь:

— Кто есть ангел, упраздняющий силу твою?

А бес:

— От великого архангела Михаила упразднен бываю я с силою мою.

Царь же говорит:

— Можешь ли сотворить что полезное для храма Господня и для созидания его?

Бес же на то:

— Могу силою перстия сего собрать всех демонов пред лицом твоим, и покорить их воле твоей, и строить; и воздвигнешь ты через рабское их служение и послушание храм Господа Вседержителя.

Услышав же сие, возблагодарил Соломон Господа Бога и повелел Орнии купно с перстнем тем и с отроком пойти и собирать демонов. И отошел он, и собрал всех, и ввел их к царю Соломону. Приблизясь же к царю, поклонились они ему земно. И спросил царь каждого из демонов, что за имя ему, и каково делание его, и от кого из святых ангелов бывает он упраздняем. И исповедали они ему делание свое, и прозвание, и ангела упраздняющего. И повелел он им трудиться на созидание храма.

И нес каждый от них рабское свое служение, на которое поставлен был от Соломона Премудрого. И чудно было видеть, как человеки купно со множествами демонов велением Господа возводили и совершали храм Господень в мире, со всяким тщанием и попечением; и не дерзали демоны даже по случайности вводить человеков в соблазн или обижать их.

ГЛАВА 4

Но единый из мужей, имевших знание точное о созидании храма, пришел в любопрение и раздор с сыном своим, и вели они брань, гневом пыхая и друг друга растерзать вожделя. Исполняясь же ярости всецело, отошел отец к Соломону, со слезами и сетованиями говоря:

— Владыка царь! или смертию казни сына моего за обиду беззаконную, от него мне, отцу его, чинимую, или ясно разумеи, что никогда более не приложу руки моей к созиданию храма.

Когда услышал сие царь и задумался, пришел и сын строителя того к царю с таковою же на отца жалобой. Но пока беседовал с ними царь и размышлял, что ответить сыну, обернувшись, увидел он демона Орнию действующего и ослабляющегося; и сказал царь тяжущимся:

— Оставьте меня на малое время.

И ушли они; он же подзывает Орнию и молвит ему:

— Чему смеешься, Орния? над саном ли моим царским насмеяешься, или над судом моим, или над храмом Господним?

И говорит Орния царю:

— Владыка царь, Соломон мудрейший и правосуднейший! Не над царским твоим саном насмеялся я, и не над судом твоим, и не над храмом Господним, но над злополучными сими жалобщиками, сиречь, над жалким стариком и над сыном его. Ибо не пройдет и трех дней, и примет сын кончину свою*.

И говорит царь к Орнии:

— Отыди и трудись со тщанием, и миром, и покорностию над созиданием храма Господа Бога Вседержителя.

И отошел Орния от места того, и трудился. Царь же призвал обоих тяжущихся и сказал им:

— Ступайте и творите труд ваш пять дней; и после того положу решение и конец тяжбе вашей.

И повелел царь заметить день, в который сказал он сие.

Когда же прошли пять дней, пришел старец к царю унылый и угрюмый, точа слезы из очей, и молвит:

— Умер сын мой, умер, и более не узришь его! меня же оставил он в скорби тягчайшей, и муке сердечной, и плаче нескончаемом. Се, уже не

увидю его и на лицо его не погляжу; сокрыт бо он в месте безвидном, и темном, и мрачном.

Изумившись сему, вопрошает царь:

— В какой же день умер он?

И старец отвечает:

— Да в третий день после того, как приходили мы к величеству твоему.

И говорит царь:

— С миром отыди, старец; Господь Бог, Отец всяческого утешения и скорбящих радование, утешит сердце твое, чтобы не скорбеть тебе более. Вспомни, что сын твой человек был, всякий же человек смертен. Так не печалься; все равно желанного не стяжаешь.

Выслушав сие, старец ушел с сердцем ободренным.

Царь же, призвав Орнию, вопрошает:

— Скажи нам, как провидел ты смерть человека того, духом нечистым будучи?

Орния же говорит:

— Мы, владыка, с небес ниспали долу, прежде ангелами Божьими быв, во свет облеченными. Ныне стали мы бесами, и духами нечистыми, и тьмою, как и сам ты видишь, были же служителями Божьими. Ныне же, Божьим на то повелением, твои мы слуги и пособники соделались. Ниспавши же с небес и быв во Ад ввержены со ужасом, снова возлетаем мы до нижнего предела неба, и ангельские беседы внимаем, и из сего познаем смерть человека за сорок дней. Услышав же сие, прилагаем заботу и рвение, устрояя смерть человеку от огня, или от воды, или от кручи, дабы иметь нам в нем часть некую. Однако через то, что не имеем мы на пределе неба устоя, ниспадаем мы, словно листы с дерева, и представляемся человекам, будто звезды падучие, дабы иметь нам славу от человеков.

Царь же на сие:

— Итак, звезды падучие, звездами представляясь, не суть звезды поистине?

Орния же:

— Нет, царь! звезды бо небесные бессмертны суть, и утверждены, и не подвижутся с места своего.

И, услышав сие, отпустил царь Орнию на труд его.

ГЛАВА 5

И был храм воздвигнут; и все цари земные, и первенствующие во князях, и царица Севера, сама Сивилла Премудрая*, пришли посмотреть на храм Господень; и принесла Сивилла сама на воздвижение храма дерева многоценные и достославные.

ГЛАВА 6

И послал царь Аравийский к царю Соломону послание:

— Царь Соломон, радуйся! Да ведает величество твое, что в земле нашей обретается демон грозный и могущий, и по три дня возбуждает ветер крепкий, и дома исторгает с места их, и деревья, и скоты, и человеков губит, ввергая их в пропасти земли, и в воду, и во огонь. Итак, если изволит мощь твоя, отряди к нам подмогу, и отжени, и истреби беса того от земли нашей. Если же сотворит сие величество твое, внесем на сотницу и двадцать пять талантов золота, и серебра, и меди.

Прочтя же послание то, повелел царь отроку, перстень имущему, прийти к нему со всякою поспешностию; когда же пришел тот, говорит ему царь:

— Поспешно ступай к царю Аравийскому и возьми перстень тот с собою, и верблюда проворнейшего, и мех новый; и пусть покажет тебе царь место, где веет дух лукавый. Придя же на место то, приложи мех устами его открытыми к выходу из логова духа и дожидайся дня, в который выйдет дух лукавый. Когда же увидишь, что мех наполнился словно бы воздухом, запечатай перстнем уста его, и возверзи на верблюда, и поспешай к нам.

И пошел отрок, и сотворил все по велению Соломонову, царскому.

На возвратном же пути его говорит демон:

— Отверзи мне, отрок, и покажу тебе место, в коем укрыты камень смарагд* и золото многоценное.

Отрок же говорит:

— Пойдем сначала к царю, а после сотворим по велению его.

Когда же скончали они путь свой и явились на место, где был царь,

демон, ниспав с верблюда и носясь горе и долу, земно поклонился Соломону. Царь же вопрошает:

— Кто ты и какое тебе имя?

Тот же отвечает:

— Демон я, нарицаемый Ефиппа.

И говорит ему Соломон:

— Можешь ли сотворить мне что полезное?

Ефиппа же на то:

— Могу поднять камень краеугольный, его же отвергли человеки и демоны, и во главу угла положить его*.

И повелел царь Ефиппе сотворить сие; и сотворил он сие на глазах царя и всех человеков, стоявших в месте том. Изумясь тому, спросил царь Ефиппу, не знает ли тот и другого духа, подобного ему. И говорит Ефиппа:

— Есть, царь, и другой дух, в Красном море сидящий и столп порфировый в себе имущий.

И говорит царь:

— Ступай с перстнем и приведи мне его сюда!

И отошел Ефиппа с перстнем тем и, исторгнув демона того с места его, привел его и с ним бесов двух, подъявших столп и несущих по воздуху. Узрев же сие и подивившись, повелел царь им подъять столп, и в воздухе повесить даже до скончания века, и не повергать его более на землю, дабы вреда не чинить роду человеческому.

ГЛАВА 7

И после снова говорит царь Орнии:

— Есть ли и другой какой демон?

И Орния отвечает:

— Много их, о царь! Но есть между всеми единый, величайшую стяжавший силу.

Вопрошает царь:

— Кто же сей, и какую силу имеет он величайшую, и какое имя ему?

Говорит Орния:

— Имя ему Самаил*, о царь, и князь он над всем воинством демонским; и полезно тебе, о царь, вовсе не видеть его.

Царь же на то:

— Не твоя то забота, дух лукавый и нечистый! но, взяв перстень, приведи мне его сюда, и елико возможно скорее.

И взял Орния перстень Божий, и отошел на совершение воли царевой.

Соломон же воссел на престол свой и украсился венцом и диадемой державства своего, дабы принять ему Орнию купно с Самаилом; в руке же держал он скипетр царский. Когда же пришли Самаил и Орния к царю, говорит царь Самаилу:

— Кто ты и что за имя тебе?

Тот же молвит:

— Зовусь я Самаил, и я князь над всем воинством демонским.

Царь же на то:

— Можешь ли что сотворить мне?

Тот же молвит:

— Могу дуновением моим унести тебя даже до края земли*.

И с сим словом подул, и унес Соломона даже до края земли.

ГЛАВА 8

И прошла слава царева во все пределы земли, и поклонились ему все цари земли и князи, и жертвовали все на построение храма. В оное же время соплел царь риторскою своею хитростию Песнь Песней. И сказал так: «Стяжал я царство; стяжал певцов и певиц» (ср. Еккл. 2:8). Совершив же писание сие, конец прилагает: «Все суета сует и суета всяческая» (Еккл. 1:2). Сказал же он и сие: «Над всеми письменами буква хи князь есть»*.

Благоволением же Божиим огражден был Соломон во царствии своем. И созижден был всечестной храм Божий; созиждено же было в нем всё по образу устроения небесного. И были там Херувимы, и Серафимы, и Шестикрылатые; и позади жертвенника — Многоочитые, и Престолы, и Господства*.

Несказуема же красота храма того и неизъяснима есть, и такового не было никогда и не будет.

ЕСТЕСТВОСЛОВ

1. О ЛЬВЕ

Начнем сказывать о льве, царе зверином. Так Иаков, благословляя Иуду*, говорил: «Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается», — и прочая.

Естествослов сказал о льве, что имеет он три свойства*.

Первое его свойство таково: когда блуждает он в горах и придет к нему запах охотника, он хвостом своим сокрывает свои следы*, дабы не смогли охотники, пройдя по следу его, найти логово его и застигнуть его.

Так и Христос наш*, мысленный Лев победивший, от колена Иудина, от корня Давидова, посланный от безначального Отца, сокрыл мысленные следы Свои, сиречь естество божественное. Со Ангелами Ангелом явился*, со Архангелами Архангел, со Престолами Престол, со Властями Власть, пока не завершил нисхождения Своего. И сошел во утробу Пресвятой Девы Марии, дабы спасти заблудший род человеческий; «и Слово стало плотию* и обитало с нами. А не ведавшие того, сойдя с высот горних, говорили: «Кто есть сей Царь славы?» Тогда Дух Святой говорит: «Господь сил, Он есть Царь славы»*.

Второе свойство львиное; когда уснет лев в пещере, бодрствуют его очи, пребывая открытыми.

И в Песни Песней Соломон свидетельствует, говоря:

«Я сплю, а сердце мое бодрствует»*. Тело бо Господа моего почил на кресте. Божество же Его бодрствует одесную Бога и Отца: «се, не воздремлет* и не уснет Хранящий Израиля».

Третье свойство львиное: когда львица родит львенка, она мертвым рождает его*, и чадо ее ждет, пока отец его, придя на третий день, не подышит ему в лицо и не пробудит его.

Так и Бог наш, Вседержитель, Отец всего сущего, в третий день пробудил Первородного Сына Своего, Сущего прежде всякой твари*, Господа нашего, из мертвых. Хорошо сказал Иаков: «возлег и уснул*, как лев и как львенок; кто пробудит его?»

2. О ЯЩЕРКЕ СОЛНЕЧНОЙ

Есть ящерка, именуемая солнечной, как утверждает Естествослов. И вот, когда старится она, очи ее слабеют и она слепнет, не видя света солнечного*. Как же действует в ней благое естество? Она ищет стену, обращенную на восток, и поднимается на верх стены: при восходе солнца отверзаются у нее очи и делаются опять здравы.

Таковым образом и ты, человеке, если носишь одеяние ветхого человека* и очи сердца твоего помрачатся, взыщи восходящее Солнце правды, Христа, Бога нашего, что и Востоком именуется* пророчески; и Он отверзнет очи сердца твоего.

3. О ХАРАДРИИ

Есть птица, называемая харадрий*, как написано во Второзаконии*.

Естествослов говорит о ней, что это птица всецело белая, вовсе не имеющая черноты, и внешние ее выделения врачуют слепнувшие очи; ее можно встретить во дворцах царских. Если есть кто недужный, через харадрия распознается, будет он жить или умрет. Приносят птицу к болящему на ложе его: отворачивает харадрий лицо свое от болящего, и все знают, что тот умрет. Если же недуг у человека к жизни, прострется харадрий к болящему, а болящий к харадрию, и выпивает харадрий недуг болящего*, и взлетает в эфир солнечный, и поналяет недуг человека болящего, и расточает, и спасаются совокупно и харадрий, и болящий.

И вот, хорошо отнести все это к Лицу Спасителя. Ведь Господь наш всецело бел*, не имея в Себе никакой черноты; Он сказал, что «идет князь мира сего*, и во Мне не имеет ничего». Придя с небес к иудеям, Господь отвратил от них божественное Свое естество; придя же к нам, язычникам, «взяв на Себя наши немощи* и понеся болезни», Он вознес

их на древо крестное и все наши немощи и прегрешения изгладил, «восшел на высоту и пленил плен»*.

Хорошо сказал Естествослов про харадрия.

Но ты мне скажешь, что харадрий по Закону нечист*; как же он относится к Лицу Спасителя? Так ведь и змея нечиста; но свидетельствует Иоанн, глаголя: «как Моисей вознес змею в пустыне*, так должно вознесено быть Сыну человеческому». Ведь твари двояки: хвалимы и хулимы*.

4. О ПЕЛИКАНЕ

Хорошо Давид говорит: «уподобился пеликану в пустыне»*.

Естествослов сказал о пеликане, что он весьма чадолюбив*. Когда родит пеликан птенцов и они немного подрастут, бьют они родителей в лицо; родители же ранят чад и убивают их. Потом сжалются родители и три дня оплакивают чад, которых убили. На третий же день мать их ударяет себя в ребро, и кровь ее, сочась на мертвые тела птенцов, воскрешает их.

Так и Господь наш рек в Книге Исаии*: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня». Воспитал нас Содетель всяческого творения и ударили мы Его. Как ударили? «Служили твари вместо Творца»*. Взойдя на высоту крестную и отворив ребро Свое, Спаситель наш источил кровь и воду во спасение и жизнь вечную. Кровь, как сказано: «взял чашу и благословил»*; воду же в крещение покаяния*.

Хорошо Естествослов сказал про пеликана.

5. О ФИЛИНЕ

Сказал Псалмонец*: «Я стал как филин на развалинах».

Естествослов говорит о филине, что птица эта любит ночь более дня.

Так и Господь наш Иисус Христос возлюбил нас, «сидящих во мраке и тени смертной»*, народ языческий, более народа иудейского, улучившего усыновление и праотцев возвешение. Сего ради и сказал Спа-

ситель: «не бойся, малое стадо!»* ибо Отец ваш благоволил дать вам царство», — и прочая.

Но ты скажешь мне, что филин нечист по Закону*; как же он применяется к Лицу Спасителя? Хорошо, а как Апостол говорит: «не знавшего греха Он сделал за нас грехом»? Он Себя унизил, дабы всех спасти и возвысить*.

Итак, хорошо Естествослов сказал про филина.

6. О Б ОРЛЕ

Давид говорит*: «обновляется, подобно орлу, юность твоя».

Естествослов сказал, что когда орел состарится, тяжелеют очи его и перья его и бельма на очах его. Что же он делает? Ищет источник воды чистой, и взлетает в эфир солнечный, и поалает перья свои ветхие и бельма на очах своих, и слетает к источнику, и погружается в него троекратно, и обновляется, и млад становится.

Таковым же образом и ты, человек, если облечен в ветхого человека* и бельма носишь на очах сердца твоего, взыщи источника мысленного, сиречь Слово Божие, прорекшее: «Меня оставили, источник воды живой»*, — и возлети на высоту Солнца Правды*, сиречь Иисуса Христа, и совлекись ветхого человека с делами его*, и погрузись трижды в источник вечный, во имя Отца и Сына и Святого Духа; и совлекись ветхого человека, сиречь ветхого одеяния диавольского, и облекись в нового и по Богу сотворенного, и исполнится на тебе прореченное Давидом: «обновится, подобно орлу, юность твоя».

7. О ПТИЦЕ ФЕНИКСЕ

Господь сказал в Евангелии*: «имею власть положить душу мою, и власть имею опять принять ее». Иудеи же негодовали на слово то.

Есть в Индии птица, именуемая феникс*. Когда пройдут пятьсот лет, восходит она на дровеса ливанские, и насыщает перья свои благовониями, и подает знак жрецу илиопольскому при начале месяца нисана или адара*, сиречь фаменофа или фармуфи; и жрец, приняв знак, идет и наполняет алтарь дровами из лозы виноградской. А птица входит

в Илиополь, избыточествуя благовониями, и восходит на алтарь, и сама возжигает огонь, и сожигает себя. Наутро же, исследуя алтарь, жрец находит в пепле червячка; на второй день находит он уже птенца феникса, а на третий день находит уже взрослую птицу. И лобызает феникс жреца, и отходит в место свое.

Итак, если птица эта имеет власть умертвить и оживотворить себя самого, как же неразумные иудеи негодуют противу реченного Господом: «имею власть положить душу мою, и власть имею опять принять ее»?

Феникс принимает лицо Спасителя нашего, Который пришел с небес, простерши крылья Свои*, благоухания исполненные, сиречь благодетельных словес небесных, дабы и мы в молитве простирали руки наши и распространяли благоухание духовное от доброго нашего жительства.

Итак, хорошо сказал Естествослов о фениксе.

8. О ПТИЦЕ УДОДЕ

Сказано в Писании*: «Кто злословит отца своего или мать, смертию да умрет». И как это бывают некие отцеубийцами и матереубийцами?

Есть птица, именуемая удо. Чада их, если видят родителей своих одряхлевшими, очищают их от старых перьев, и вылизывают очи их, и согревают родителей своих крылами своими, и обновляют их, и делаются те юными. И говорят они родителям своим: «Как вы лелеяли нас в младенчестве нашем, и несли труды и заботы о нас, и кормили нас, так и мы сделали для вас подобное»*.

И как неразумные человеки не любят родителей своих?

Хорошо сказал Естествослов о удоде.

9. О ДИКОМ ОСЛЕ

Написано в Книге Иова*: «Кто пустил дикого осла на свободу?»

Естествослов сказал про дикого осла, что тот есть глава стада; и, если родят ослицы его мужеский пол, отец отсекает детям детородные члены, дабы не давали семени*.

Праотцы искали сеять семя телесное; апостолы же, чада духовные, упражнялись в воздержании, взыскав семени духовного, как сказано: «Возвеселись, неплодная*, не рождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа». Ветхое семя обетования, новое семя воздержания.

Итак, хорошо Естествослов сказал о диком осле.

11. О ЗМИЕ

Господь сказал в Евангелии Своем*: «Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

Естествослов сказал о змие, что имеет он четыре свойства.

Первое свойство его такое: когда одряхлеет и недужны бывают очи его и когда захочет стать младым, подвизается и постится сорок дней и сорок ночей*, покуда не обвиснет на нем кожа его; ищет он тогда скалу или расселину в скале тесную, и с усилием вдавливают себя в нее, и утесняет тело свое, и так, сложив с себя дряхлость свою, сызнова делается млад. Сим же образом и ты, человече, если хочешь сложить древнюю ветхость мира сего, проведи тело твое через тесные врата и узкий путь, через пощения: «тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь вечную»*.

Второе свойство змия: когда придет змий к источнику воду пить, не приносит он яда своего с собою, но в норе своей выпускает его*. Должно и нам, поспешающим к воде вечной и беспорочной, божественных и небесных словес исполненной, не вносить с собою в Церковь Божию яд злонавия нашего, но всецело извергнуть его из себя и в чистоте приближаться.

Третье свойство змия: когда увидит змий человека нагого, страшится и отступает; когда же увидит его одетым, нападает на него. И мы уразумеем мысленно, что, когда отец наш Адам наг был в Раю, не мог покушаться на него диавол. Итак, если имеешь одеяние ветхого человека, сиречь смоковые листья* любострастия, заматеревший во днях лукавых*, нападет он на тебя.

Четвертое свойство змия: когда приступит к нему человек, желая умертвить его, все тело свое предает он смерти, одну лишь главу сохраняет. Должно и нам во время испытания все тело наше предать на смерть,

одну лишь главу сохраняя, сиречь не отрицаясь Христа, как делали святые мученики. «Всякому мужу глава Христос»*, как сказано в Писании.

12. О МУРАВЬЕ

Соломон сказывал* в Притчах своих: «Пойди к муравью, ленивец». Естествослов говорил о муравье, что имеет он три свойства.

Первое свойство его такое: когда идут они совокупно, каждый несет ртом своим зерно и те, у кого ничего нет, не говорят обремененным: «Дайте нам от зерен ваших», — и не отнимают силою, но отходят и отыскивают себе. Сие приложимо к притче о девах мудрых и неразумных*.

Второе свойство муравья: когда устраивает он запасы зерна в земле, расщепляет он каждое зерно надвое, дабы во время зимы зерна не лопнули и не проросли и не пришлось ему погибать от голода. И познает муравей мудростью своею, когда будет сушь, а когда воздух изольется дождем: и, когда видишь, что муравей несет зерно хлебное вовнутрь норы своей, знай, что погоды будут зимние; если же он выносит корм свой наружу и рассыпает его, знай, что погоды будут ясные. Так и совершенные подвижники рассекают духом речения ветхозаветные, чтобы буква тебя не умертвила*; ибо апостол Павел сказал, что «Закон духовен»*. Прилепившись к нагой букве, иудеи погибли от голода и соделались убийцами святых.

Третье свойство муравья: во время созревания хлебов часто выходит муравей в поле, и поднимается на колосок, и несет вниз зерно, а перед тем, как подниматься ему, он принохивается к стеблю и по запаху распознает, волчец это или пшеница; и, если это волчец, не поднимается, а если пшеница, поднимается и сносит вниз зерно. Ибо волчец есть пища для скотов, как и в Книге Иова сказано*: «Вместо пшеницы вырос мне волчец». Итак, беги от еды скотской и прими пшеницу, сложенную в хранилищах небесных. Ибо волчцу уподобляется учение инославных, пшеница же — самой правой вере Христовой.

13. О СИРЕНАХ И КЕНТАВРАХ

Молвил пророк Исаия*: «Демоны, и сирены, и ежи обитать будут в Вавилоне».

Естествослов сказал о сиренах и кентаврах: есть в море существа, именуемые сирены, и голосами своими поют они благозвучно, словно бы музыки, и, когда проплывающие мимо услышат пацев их, бросаются в море и погибают*; и у сирен тех половина до пупа человеческий имеет образ, а другая половина, до конца тела их, образ дикого гуся. Подобно тому и кентавры половину имеют человеческую, а половину от пупа и далее — конскую.

Так и всякий человек с двоящимися мыслями* не тверд во всех путях своих. Среди собранных в церкви есть и такие, что образ благочестия имеют*, силы же его лишены, и в церкви словно бы как люди, а чуть выйдут из церкви, делаются звери. К ним можно применить сказанное о сиренах и кентаврах, сиречь о сопротивных силах и о смеха достойных еретиках: ибо ласкательством своим и красноречьем, словно сирены, ободряют сердца простодушных*.

«Худые сообщества* развращают добрые нравы».

Итак, хорошо сказал Естествослов про сирен и про кентавров.

14. О ЕЖЕ

Ежи имеют форму шара и обличие свињи и по всему телу покрыты остриями игл.

Естествослов сказал о еже, что, мол, входит он в виноградник, и поднимается на лозу, и валит гроздь на землю, и приникает к ним, и накальваются гроздь на острия игл его, и относит он их детям своим, и оставляет лозу опустошенной от гроздий*. Так и ты, о подвижнице, приблизься к мысленному и истинному винограднику*, чтобы лечь тебе в точило мысленное, и быть сохраняему в чертогах Царствия, и быть приняту на алтарь Христов. Что же попускаешь ежа, дух лукавый, войти в сердце твое и опустошать тебя наподобие лозы, не оставляя ни единого грозда?

15. О ЛИСИЦЕ

Естествослов сказал о лисице, что она зверь коварный*: а именно, когда делается голодна и не находит себе в пищу добычи, смотрит, где бы ей найти грязь или мякину, и валится туда, заводя глаза вверх, и втягивает дыхание в себя, и всячески раздувается; и птицы, полагая, будто она умерла, склоняются над нею, чтобы пожирать ее, и так она, восстав, хватает их и съедает. Так и диавол коварен всячески, и все дела его. Желаящий вкушать от мяс его умирает. Мяс же его суть: дела блуда, сребролюбия, сладострастия, убийства.

Сего ради и Ирод уподобляется лисице*, и книжник, услышавший от Спасителя: «лисицы имеют норы*, и птицы небесные — гнезда». И в Песни Песней Соломон говорит*: «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники»; и Давид в Псалтири говорит*: «Достанутся они в добычу лисицам»,— и прочая.

Итак, хорошо Естествослов сказал про лисицу.

16. О ПАНТЕРЕ

Пророк пророчествовал и рек: «Я стал как пантера для Ефрема»*.

Естествослов сказал, что пантера таковое имеет свойство: ко всем животным весьма дружелюбна, враждебна же к одному только дракону. Притом многоцветна, как хитон Иосифов*, и красива, весьма мирная и кроткая. Когда поест и насытится, почивает в норе своей, а на третий день восстает от сна и вызывает, вопия гласом великим, и звери, сущие вдали и вблизи, слышат глас ее. От гласа же ее исходит всяческое благоухание ароматов, и звери, следуя за благоуханием гласа пантерина, приходят к ней близко. Так и Господь наш Иисус Христос, в третий день восстав из мертвых, возопял: «Днесь спасение миру*, и видимому, и невидимому»,— и всяческое благоухание подано было нам, дальним и близким*, и мир дарован, как сказал Апостол.

А мысленная Премудрость Божия многоцветна, как и в псалме говорится: «Стала Царица одесную Тебя* в офирском золоте, в испещренной одежде».

Ничто, сказанное в божественном Писании о птицах и зверях, как уже говорили мы, не беспцельно.

Итак, хорошо Естествослов сказал про пантеру.

22. О ЕДИНОРОГЕ

Псалом говорит*: «Мой рог Ты возносишь, как рог единорога».

Естествослов говорит, что единорог такое имеет свойство: это зверь малый*, подобный оленю, но весьма грозный: не может охотник приблизиться к нему, по причине избыточествующей его силы. Рог же у него один посреди главы его*. И вот, как уловить его? Деву чистую* повергают пред ним, и он приникает к персям ее, она же пригревает зверя на персях своих и несет его к царю во дворец. Сказанное о звере этом приложимо к Лицу Спасителя: «Воздвиг рог спасения* в дому Давида, отца нашего, рог спасения нам». Ангелы и Силы не возмogli овладеть Им, но обитал Он во чреве истинно чистой Девы Марии. «И Слово стало плотию и обитало с нами».

32. О КАМНЕ АДАМАНТОВОМ*

Естествослов сказал об алмазном камне, что находят его в стране восточной, но не находят во дни, а лишь в ночи*. Алмаз же неукротимый именуется потому, что все укрощает, сам же ничем не укрощается. И Господь наш Иисус Христос всех судит, Сам же никем не судим*. Сам Он сказал: «Кто из вас обличит Меня в грехе?»* Находят Его в ночи, а не во дни. Послушай, что говорит Он: «Народ, сидящий во тьме*, увидел свет великий, и сидящим в страхе и тени смертной воссиял свет». Находят же его в стране восточной; истинно, по слову пророка Восток — имя Его*, и еще написано в ином месте: «Восходит звезда от Иакова»*. И люди бывают такие, что алмазному подобны, каков был Иов, муж от востока солнца*, которого лукавый не смог укротить, или каковы были апостолы, Христа, Восток свой, возлюбившие, как и Павел говорит в некоем месте: «если ищите доказательства*, что Христос говорит во мне», — он, от иудеев битый палками, в гонениях, в путешествиях, терпевший опасности на реках, опасности от разбойников, опасности от лжебрагтий*; как алмаз, он не поддавался, но дославно выстоял, не дал победить себя утесняющим. Таков и весь лик пророков и святых.

Итак, хорошо Естествослов сказал о камне алмазном.

КОММЕНТАРИИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЕП. ЕФРЕМ СИРИН

Виднейший представитель классического века сирийской литературы Афрем — Мар Афрем. «Господин Афрем», как почтительно именуется его сирийская традиция, Ефрем Сирин, как его называют по-русски, — был уроженцем Нисивина. Предание, согласно которому он родился в семье языческого жреца, недостоверно. Около 18 лет Ефрем принял крещение и, по-видимому, тогда же принес аскетический обет. Епископ Нисивина Иаков, оказавший на него сильное личное влияние, поручил ему руководящую роль в только что основанной христианской школе. Когда в 363 г. Нисивин после неудачных военных действий Юлиана Отступника отошел к империи Сасанидов, Ефрем переселился в Эдессу и перенес туда свою преподавательскую и организаторскую деятельность, с которой, надо полагать, и связано начало знаменитой эдесской «школы персов». Как и Роман Сладкопевец двумя веками позднее, Ефрем имел сан диакона, обычно соединявшийся в те времена с работой певца и регента, а порой, как в этих случаях, с занятиями гимнографа и композитора. О нем сохранилась живая память как о низкорослом, лысом и безбородом человеке с необычайно сосредоточенным выражением лица, которого невозможно было развлечь или рассмешить. Его слава, принесшая ему почетное прозвище «Пророка сирийцев», еще при его жизни вышла далеко за пределы сироязычной среды. Трудно сказать, насколько достоверны сведения о его встрече с Василием Великим, епископом Кесарии и виднейшим церковным деятелем и писателем своего века, но не приходится сомневаться, что Василий знал о нем.

Сочинения Ефрема очень рано начали переводиться на греческий язык: их влияние, очень заметное в византийской литературе, благодаря латинским переводам распространяется и далее на запад, доходя к VIII–IX вв. до ареала полуварварской древневерхненемецкой поэзии (аллитеративная поэма о конце света «Муспилли» и рифмованный Евангелиарий Отфрида Вейсенбургского — памятники этого влияния). К связанному с именем Ефрема «Слову о Страшном Суде» восходят характерные для определенных пластов русского фольклора наивно-наглядные образцы загробного воздаяния, отразившиеся в

ряде популярнейших некогда духовных стихов (ср.: Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. Париж, 1935, с. 119 и др.).

СЕМЬ СЫНОВ САМОНЫ

Предмет этого гимна взят из библейского новествования о временах эллинистического монарха Антиоха IV Эпифана (175–164 гг. до н. э.), вознамерившегося кровавыми репрессиями принудить иудеев отказаться от своих религиозных традиций. Как рассказывается в гл. 7 Второй Книги Маккавейской, в числе арестованных были семеро братьев вместе со своей матерью. Юношей подвергли в присутствии царя особенно жестоким пыткам и замучили до смерти, причем все они, включая самого младшего, проявили стойкость; мать на родном языке, не понятном для царя и палачей, увещевала их быть мужественными, а после их смерти умерла сама. Хотя эти мученики иудейской веры жили до Христа, церковная традиция усмотрела в них прообраз христианского мученичества и удостоила их почитания наравне с христианскими святыми.

1

Чреда о семи днях — семидневная неделя, круг которой дает структуру и иудейскому, и христианскому культу.

Светильник о семи ветвях — золотой семисвечник, символизовавший семь светил древней космологии (Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн), который стоял в Скинии Завета, а позднее в Иерусалимском храме; описан в Библии (Исх. 37:17–24).

Дом Премудрости о семи столпах. — Ср. библейский текст (Прит. 9:1), возможно также имеющий космологический смысл:

«Премудрость построила себе дом, вытесала семь столпов его».

Полнота Духа о семи дарах. — Имеется в виду учение о семи дарах Святого Духа (премудрость, разум, совет, сила, ведение, благочестие, страх Божий; см. Ис. 11:2–3). Числовая символика играет в образности гимна очень важную роль. Семь — число космологическое: Самона, плодоносная мать, породила из себя как бы целый мир, чтобы затем без остатка отдать весь этот свой мир в жертву. Семь — число полноты: ни в плодоносности Самоны, как физической, так и духовной, ни в жертвенной готовности ее воли нет никакого изъяна и ущерба, все целое и цельное.

2

...ибо перья ее -- любимые ее... — По-сирийски слово «перо» (ebro') и «сын» (bro') дают созвучие, каламбурную игру. С другой стороны, птица — символ

души (читатель может вспомнить изображение Христа с тремя птицами на глиняном блюде V в. из Херсонеса, находящемся в ленинградском Эрмитаже), подготавливающий образ воскресения в следующей строфе (см. ниже).

3

В воскресении мать воспарит... — Связь образов птицы (ср. предыдущую строфу), огненной смерти и воскресения вызывает мысль о фениксе египетских легенд, который вошел в раннехристианскую символику и неоднократно упоминается, между прочим, в сирийской литературе.

4

...крепки узы Господней любви... — Ср. Песн. 8:6: «крепка, как смерть, любовь». *...умножала огонь и воздувала дух...* — В семантике сирийского языка одно и то же слово *ḡiḥa* означает и «ветер», «дуновение», «дыхание», даже «запах» и «дух»; духовное становится телесно-конкретным, как если бы Самона могла и впрямь вдунуть сыновьям мужество дуновением своего рта. Именно так в Евангелиях Христос передает апостолам благодать (Ин. 20:22: «Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого»), Перекрещивание телесного и духовного смысла в этом слове стимулирует такую же двусмысленность в образе «огня»: это одновременно и стихия физического огня, которым напали жгут юношей, и духовное горение ревности о вере, которое мать разжигает в их сердцах. Далее, ветер и огонь — стихийные метафоры, при посредстве которых описывалась природа ангелов, легкая, стремительная, неутомимая и светлая; ветхозаветный поэт обращается к Яхве: «Ты творишь вестниками Твоими ветры, слугами Твоими — огонь пылающий» (Пс. 103:3—4), причем слово «вестники» может быть также передано как «ангелы». Поэтому и дух «вдуваемого» матерью мужества, сильный, как ветер, как вихрь, и огонь, сжигающий тела юношей, и другой огонь, воспламеняющий их души, своим совокупным действием как бы преобразуют их в ангелов.

Очень характерный для поэтики Ефрема неожиданный ассоциативный переход: добродетели Самоны, замужней женщины и матери семейства, противопоставляются порокам недостойных «дочерей Завета» — давших обет безбрачия представительниц сирийского протомонашества. В последующих строфах (например, 31-й) поэт разъясняет, что подвиг мученичества и подвиг целомудрия в существе своем один и тот же: для того и другого требуется неразделенная цельность воли. Нужно иметь в виду, что «дочери Завета» были одновременно первой публикой Ефрема и первыми исполнительницами его гимнов, которые он с ними разучивал. Естественно поэтому, что нравouchение обращено в первую очередь к ним.

8

...не станет елєя в сосудах у них — намек на евангельскую притчу о пяти мудрых и пяти неразумных девах (Мф. 25:1–12). Неразумные девы не озаботились вовремя запасти масла для своих светильников (символ добрых дел или духовной благодати), а потому оказались посрамлены в час явления Жениха, т.е. пришедшего во славе Христа. То, что в роли отверженных выступают именно девы, часто использовалось проповедниками как напоминание, что аскетический образ жизни сам по себе не приближает автоматически к Богу.

9

Иевфаєва дщєрь. — Ср. Суд. 11:34–39. Иевфай был вождем Галаада в архаические, догосударственные времена Израиля. Перед битвой с аммонитянами он дал обеты принести в жертву всесожжения первое существо, которое после победы встретит его у ворот его дома; первой вышла ему навстречу его дочь. Для Ефрема жертва всесожжения (когда приносимое в жертву не членится на части, но предается огню сполна) — символ как мученического, так и аскетического подвига.

10

О бане брачной она небрегла, // но омылась излитием крови своей... — Древний и очень распространенный мотив — последовательное уподобление смерти в девичестве браку: девушка получает вместо жениха — смерть, вместо брачного покоя — гробницу, и т. п. Параллелизм ритуального омовения речными струями перед свадьбой и «омовением» струями собственной крови стоит в том же ряду. Но Ефрем, вероятно, держал в уме еще и доктрину о «крещении кровью» — учение, согласно которому мученическая смерть, и только она одна, может заменить крещение водой и очистить человека от нечистоты первородного греха.

11

Анна пророчица. — Согласно евангельскому повествованию (Лк. 2:36–37), свидетельница принесения младенца Христа в храм, благочестивая вдова, после смерти своего первого мужа, с которым прожила семь лет, уже не выходявшая более замуж, но ведшая аскетический образ жизни при храме, «постом и молитвою служа Богу день и ночь».

13–14

Свободную волей как Владыку своего // приняла Бога, не понуждавшего ее... — Учение о свободе человеческой воли было общецерковным, но особенно энергично акцентировалось в сирийском богословии.

17

О дивный Божий атлет... — Речь идет о самом юном из братьев, которого царь пытался соблазнить обещаниями богатства и придворной карьеры (2 Мак. 7:24).

20

Коль скоро человекоубийца — Отец Лжи... — Ср. Ин. 8:44: «Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи».

23

...ум его был как плавильная печь. — В библейской традиции плавильня — символ испытания, ибо в ней металл отделяется от примесей (ср. Прит. 17:3: «Плавильня — для серебра, и горнило — для золота, а сердца испытывает Господь»). Так пронизательный ум отделяет истину от лжи.

29

Некогда юноша Иосиф обрел//опасный ков... — Имеется в виду библейская история Иосифа Прекрасного (ср. в этой книге коммент. к «Повести о Иосифе и Асенеф»), Когда Иосиф был в Египте рабом вельможи Потифара, жена Потифара влюбилась в красоту Иосифа и требовала удовлетворить ее вождение: Иосиф отвечал на соблазн твердым отказом. В конце концов жена Потифара, оставшись наедине с Иосифом, схватила его за одежду, так что ему пришлось бежать, оставив одежду в ее руках (поэтому Ефрем говорит, что Иосиф «в наготу разрушил сеть»); эту одежду она предъявила в качестве вещественного доказательства, обвиняя его в покушении на ее женскую честь (мотив Федры). См. Быт. 39:6–20.

30

Два волка, старостию отягчены... — Имеются в виду два похотливых старца, пытавшиеся соблазнить целомудренную Сусанну в саду ее мужа, а затем оклеветавшие ее, но избалованные правосудным Даниилом (Дан. 13). *Львенок* — юный Иосиф. *Телица* — жена Потифара.

31

Исповедник — христианин, открыто исповедовавший свою веру во время гонений и подвергшийся за нее заключению и пыткам, но не смертной казни (чем отличается от мученика).

Впавши в руки врагов чистоты, // чистоту свою они соблюли — В житиях девственных мучениц первых веков христианства нередко рассказывается, что причиной доноса была злоба отвергнутого жениха или блудника и что их, как Ирину, Луцию и других, палачи отправили на поругание в публичный дом, где, однако, им удавалось избежать всех домогательств.

ПЕСНЬ НА ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ АНАЦИТ

Мадраша — один из основных жанров сирийской поэзии, отличающийся особенно отчетливо выраженным дидактико-проповедническим характером; в формальном отношении его характеризует чередование строф, обычно (хотя, как можно видеть, не всегда) больших, с постоянным рефреном. Ефрем то ли создал, то ли, что вероятнее, довел до совершенства этот жанр, послуживший позднее, в VI в., образцом для рождавшегося в византийской поэзии жанра кондака (см. в нашей антологии произведения Романа Сладкопевца и коммент. к ним).

Строфы Ефрема делятся на метрические отрывки с небольшим количеством слогов. Добиться в русском стихе эквиритмической передачи всех этих четырехсложников или пятисложников показалось нам едва ли возможным: русские слова гораздо длиннее сирийских, богословские и моральные термины, которые ничем не могут быть правомерно заменены, попросту не «влезут» в такую тесную стиховую матрицу, содержание и образность будут скомканы, и что же, спрашивается, мы купим такой ценой? Размер, который будет вне связи с породившим его специфическим мелосом звучать для русского уха чересчур отрывисто и вызывать совсем не то настроение, на которое рассчитан размер подлинника. Поэтому мы пошли по пути компромисса, заменив регулярную силлабику вольной тоникой.

Песнь на взятие крепости Анацит принадлежит к циклу так называемых «Нисивинских песен» (по-сирийски — *madrašē da-nšibin*; в науке со времен первого издания, осуществленного Г. Беккелем в 1866г., укоренилось латинское обозначение — *Carmina Nisibena*); это десятая мадраша цикла. Темы значительной части «Нисивинских песен» связаны со злобой дня — с несчастьями, постигавшими Нисивин и округу в пору военных столкновений между персами и ромеями, начавшихся в 350 г. Специально это стихотворение описывает события 359 г. Возможно, Анацит, нигде более в известных текстах Ефрема не упоминаемая, — это та самая крепость Циата, о переполнении которой толпами беженцев и затем о взятии которой говорится в историческом труде Аммиана Марцеллина (XIX, 6, 1).

1

...пали стены твердынь... — Перевод по смыслу; в подлиннике буквально — «стены их», причем употреблен местоименный суффикс женского рода, чем затрудняется отнесение «их» к упомянутым выше «сыновьям и дочерям». Если не к ним, то к кому же? По догадке издателя Э. Бека, в этом месте крепость Анацит переходит от своих бед к бедам других крепостей (если верна упомянутая выше идентификация Анацит и Циаты, можно вспомнить свидетельство Аммиана Марцеллина, согласно которому в один день с Циатой были взяты и разорены многие крепостцы поблизости от нее). Дело осложняется тем, что женская форма местоименного суффикса требовала бы подразумеваемого слова *hesmawātā* — «крепостцы»; но как раз это слово в дальнейшем тексте отсутствует, везде стоит существительное мужского рода *hesnē*. В любом случае текст не очень вразумителен.

6

Как возможно, что милость Твоя // стеснила родники свои? — Ненская шедрость родников как метафора милости и творческой силы Бога — частый образ в поэзии и прозе Ефрема.

7

...моля омочить язык его. — Как указано в следующей строфе, образ заимствован из описания адских мук в евангельской притче о богаче и Лазаре (Лк. 16:24). Глагол «омочить» (*rtb*) цитируется по переводу Пешитты.

8

Бездна отверзла зев свой... — Ср. Лк. 16:26: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят».

Мы с намерением употребили не слово «пропасть», фигурирующее в русском синодальном переводе, а его синоним («бездна»); Ефрем также заменяет существительное *hawtā* встречающееся в сирийских переводах Евангелий, семантически близким *rehtā*.

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ О РАЕ,

ИЛИ О СОСТОЯНИИ ДУШ, РАЗЛУЧЕННЫХ С ТЕЛОМ

Цикл из пятнадцати гимнов в жанре мадрана, посвященных размышлениям о Земном Рае как явлении чистого совершенства, как и «Нисивинские песни», относится, по-видимому, к раннему периоду творчества Ефрема.

1

...в слове о Разбойнике на кресте... — Имеется в виду евангельский рассказ об одном из двух разбойников, распятых рядом с Христом, который перед смертью раскаялся и обратился к Христу с молитвой: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» Христос обещал ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:40–43).

Сотвори достойным меня, // да возможем в Царствие Твое войти! — В этом рефрене, как и в очень близком по смыслу и лексике рефрене IV песни того же цикла, характерен грамматически целогичный, но отвечающий духовному смыслу переход от формы единственного числа к форме множественного числа, от «я» к «мы»: «лирический герой» гимнографии — это молящийся индивид, который, однако, выступает как представитель и заместитель общины, парадигма и выражение ее «соборности». Рефрен, на котором среди рецитации солиста вступает хор, — подходящее место для обнажения этой диалектики личного и общинного.

2

...Скинью осияющую зрю... — Скинния — шатер; сакральные коннотации слова связаны прежде всего с тем, что во время скитаний по пустыне, да и позднее, вплоть до построения Иерусалимского храма при царе Соломоне, местом мистического присутствия Божества для израильтян была особая палатка, содержащая в себе священный ларец — Ковчег Завета. Но есть причины более глубокие: и в древнееврейском, и в сирийском языках слова, означающие скиннию, — это производные от глаголов, означающих «обитать», «присутствовать», а потому уже через данности лексики связаны все с той же идеей присутствия Божества (ср. еврейское понятие «Шехина»). В Апокалипсисе сказано о райском граде, сходящем с неба: «Се, скинния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними» (21:3).

...орудием своим и кифарой своей. — Имеется в виду тело. Вопрос, который с большой энергией и умственной страстью обсуждается ниже, связан с мистическим «материализмом», который вообще характерен для сирийцев, недаром оказавших предпочтение Аристотелю перед Платоном (об этом «материализме» см. послесловие). Если души получают свои тела только в общем воскресении мертвых при конце света, как могут они уже сейчас испытывать хоть в какой-то мере блаженство рая и муки ада? В самом деле, сирийская теология, вступая в резкий конфликт с воззрениями платонизма, но удерживая позднеудейские эсхатологические представления, постулировала «сон» душ вплоть до воскресения тел. Но как тогда быть с евангельским разбойником, которому был обещан рай «ныне же»?

8

...вдунул Создатель в уста ее // душу... — Ср. библейские слова: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2:7).

9

...туда не вошла одна душа... — Замечательна энергия, с которой Ефрем подчеркивает онтологическую глубину и необходимость союза души и тела в «целокупности» и «полноте» человеческого бытия.

10

Тать — ветхозаветный змей-искуситель, устроивший изгнание Адама из Эдема. *Но Господь похищенного взыскал его...* — По общецерковному верованию, Иисус Христос, сойдя после смерти на Голгофе во ад, вывел оттуда при своем воскресении души ветхозаветных праведников, начиная с души самого Адама.

...мышцей Своей... — т. е. своей силой.

11

...Сущие в затворе своем, // во блаженных укромах своих... — Имеется в виду некое «место» для праведных душ, которое еще не есть Рай во всей полноте своего бытия; последний уготован лишь душе, воссо-единившейся в воскресении со своим телом.

ОДИНАДЦАТАЯ ПЕСНЬ О РАЕ, ИЛИ О БЛАГОУХАНИЯХ ДУХОВНЫХ

Песнь (мадраша) принадлежит к тому же циклу.

2

...о, созвучия арф, // о, согласные звоны кифар... — Замечательно это специфически музыкальное, даже, если угодно, «музыкантское» представление о райском блаженстве.

...Церковь, что воспеваает хвалу! — Букв.: «О, Церковь песнопений!» Торжествующая Церковь для Ефрема — Поющая Церковь. Нужно представить себе, что все это не говорится, а поется: гимн о Рае — одновременно предвкушение Рая, его реальное предвосхищение.

4

...он остается *духовен и чист* — Эдем «духовен» именно в том смысле, что он «чист», чист не от материальности, а от порчи естества: духовность понята не так, как ее понимает платонический спиритуализм, она первичнее, перводаннее, чем расколотовь бытия на чувственное и сверхчувственное. Речь идет о Расе, который одновременно и земной (потому что являет воплощенными и сбывшимися все благодатные возможности земли), и неземной (потому что непричастен проклятию, постигшему землю за грех Адама, см. Быт. 3:17). Это парадокс, «изъяснить» который гораздо труднее, чем выстроить рассудочно-идеалистическое противопоставление нематериальных реальностей материальным. Поэтому у Ефрема особые основания бояться коварства языка, по необходимости обозначающего мистические денотаты при помощи имен, омонимических по отношению к словам обиходным и житейским. Возникает опасность «кошунства» (см. ниже, строфу 6), которую нельзя элиминировать платонизирующей онтологизацией мистических оппозиций, а можно преодолеть лишь одним — правильным расположением души слушателя или читателя.

Оный ветр — райский; *сей* — земной. В семитских языках понятия «ветер» и «дух» обозначаются одним и тем же словом (евр. ruah, сир. ruḥā).

Дух освящения — сир. ruḥā mḡaddaštā. Речь идет не о Святом Духе как одном из лиц Троицы, но о райском веянии, проникнутом благодатью и тождественном благодати (через тысячелетие после Ефрема, на исходе византийской культуры, Григорий Палама будет говорить об «энергиях» Божества, пронизывающих вещественный мир). Описание Рая у Ефрема поставлено под знак понятия «тайнства», по-сирийски — ḡazā. Как вода крещения или хлеб и вино Евхаристии, по христианскому учению, будучи материальными, тождественны сверхчувственной реальности — не просто означают ее, но именно тождественны ей, — освящающее дуновение райского ветра тождественно сообщаемому в нем духовному дару.

11

...и струила по ней влагу свою, // на многие расходься рукава, река... — Ср. Быт. 2:10: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки». Ефрема интересует не идентификация этих четырех рукавов райской реки, даже не их число; его волнует мысль, что к земной стихии воды, отравленной, как все земное, проклятием первородного греха, подмешано невинное и освященное вещество эдемских вод (выступающее как символ церковных таинств и других способов присутствия благодати в грешном мире). Рай становится материально, осязаемо близким.

...как в руках Елисея очищала соль // воды больные от недуга их? — В Ветхом Завете (4 Цар. 2:21) рассказывается о пророке Елисе: «И вышел он к истоку воды, и бросил туда соли, и сказал: “Так говорит Господь: Я сделал воду сию здоровою, не будет от нее впредь ни смерти, ни бесплодия”».

12

...благоуханий исток является там... — Благоухание обозначается по-сирийски словом, созвучным слову «дух» (ḡeḥā — ḡiḥē). Действие таинства крещения уподобляется действию ветерка, донесшего аромат Раю и пробуждающего в душе стремление к Раю. «Исток» райских вод — это одновременно исток райских благоуханий, целящих порчу и гниль греха.

13

...и семя, и овамо... — и здесь, и там.

14

Когда были в покое одном // блаженные апостолы соединены... — Речь идет о сошествии Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2:1–13). В новозаветном тексте, однако, ничего не говорится о благоухании, которое упомянуто, согласно местной сирийской традиции, учившей, что на апостолов сошло «благоухание сладости Духа Утешителя».

...Созывать // трапезников на пириество Отца... — Образность евангельской притчи о брачном пире (Мф. 22:1–10).

ПРЕНИЕ НЕБА И ЗЕМЛИ

Форма «прения», то есть спора и состязания, двух олицетворений, как-то Тела и Души, Жизни и Смерти и т. п., уходящая корнями в наиболее архаические формы словесного искусства, представленная в многочисленных вариантах античной литературы, исключительно характерна для Средневековья. Тема нашего памятника, предположительно датируемого IV или V в., — коррективы, вносимые христианским представлением о боговоплощении, о церковных таинствах и о святости в платоновскую концепцию неизбывной ущербности дольного по сравнению с горним. Через действие Бога, но и через подвиг человека горнее реально присутствует в дольном, и это его присутствие спасительней для человека, чем отрешенная и самодостаточная слава горнего, когда оно, так сказать, у себя дома.

В ПУСТЫНЕ ЕГИПЕТСКОЙ

ПАЛЛАДИЙ ЕЛЕНПОЛЬСКИЙ

ЛАВСАИК

Палладий был уроженцем малоазийской провинции Галатии и получил в юности образование в греческом духе. Около 388 г. он отправился в Египет, чтобы познакомиться с монашеской жизнью, и сам стал монахом. Там на него оказал сильное влияние Евагрий Понтийский, оригинальный мистический писатель, признанный впоследствии еретиком, который тоже был уроженцем Малой Азии, имел успех как проповедник в Константинополе, но оставил столицу ради монастырей Египта. К 400 г. Палладий вернулся на родину и был поставлен епископом города Еленополиса в Вифинии; его горячая преданность Иоанну Златоусту выразилась в диалоге о жизни последнего, сочиненном по образцу платоновского «Федона». Богословская позиция Палладия повела к его изгнанию; так ему пришлось снова увидеть Египет. По возвращении из ссылки он был епископом галатского города Аспуны.

«Лавсаик» получил свое название от имени некоего придворного Лавса, которому он посвящен. Это очень конкретная и красочная картина нравов и колоритных преданий монашеской среды Египта. Написан «Лавсаик» по-гречески.

IV. О ДИДИМЕ

...земли, кротким обетованной. — Ср. Мф. 5:5: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Дидим — церковный писатель (ок. 313 — ок. 398); Афанасий Александрийский поставил его главой церковной школы в Александрии. Как и Евагрий (и сам Палладий), Дидим был близок к традиции оригенизма, почему его богословские взгляды были осуждены.

...злополучного царя Юлиана... — Имеется в виду римский император Юлиан Отступник, погибший в 363 г. в бою с персами.

IV. О АЛЕКСАНДРЕ

...до девятого часа... — Примерно до третьего часа пополудни (согласно евангельскому рассказу, час смерти Христа на кресте).

XXI. О ЕВЛОГИИ И КАЛЕКЕ

Пресвитер Нитрийский. — Нитрия — пустыня между Александрией и Мемфисом, излюбленное место монашеских поселений.

Вавилон. — Конечно, имеется в виду не Вавилон в Месопотамии, а одноименный город в Нижнем Египте.

Ираклеополь — большой город южнее Мемфиса.

...до Чермного моря — т. е. до Красного моря.

Писпир — возвышенность на правом берегу Нила, где Антоний Великий провел в уединении двадцать лет.

Хламида кожаная — верхняя одежда, род плаща. *...египтяне это или иерусалимляне?* — Египет, из которого вышел «избранный народ», чтобы служить Богу, — употребительный символ мира сего, из которого должен выйти «духовный» человек (ср. также коммент. к «Песне о Жемчужине»).

XXII. О ПАВЛЕ ПРОСТОМ

Ава — «отец» (арам.), почетное наименование авторитетного, опытного монаха, «старца».

Паксамады по шести унций каждая. — Паксамады — лепешки; унция — 27г.

ИЗРЕЧЕНИЯ ОТЦОВ ПУСТЫНИ

Учитель жизни — это всегда необычный человек, не такой, как все. Он говорит как-то особенно веско, «как власть имеющий», и нередко образно; его поступки неожиданны, ибо определены отнюдь не житейскими мотивами. Вся его жизнь, его «хождение пред людьми» — проповедь; любое его действие — все равно что слово, и любое его слово — действие. То, что он говорит и делает, вызывает двоякий интерес: во-первых, это назидательно и поучительно, но, во-вторых, это любопытно, ибо эксцентрично. Его афоризмы передают из уст в уста, а часто и записывают — попеременно с анекдотами о его поступках. Так древние греки рассказывали о Семи Мудрецах, а позднее — о Диогене в его бочке и о других нищих философах. Для IV–V вв. учитель жизни — это монах, пустынножитель, «старец»; но жанровая форма остается той же.

«Изречения отцов» (*Ἀποφθέγματα τῶν πατέρων*, *Apophthegmata patrum*) — анонимный труд, дошедший во множестве версий на греческом, а также коптском и латинском языках. Сентенции и короткие повествования расположены обыч-

но в алфавитном порядке имен «старцев» (отсюда обозначение сборника в русской традиции — «Алфавитный патерик»).

АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

1

Ава Антоний — основатель египетского монашества (ок. 251–356), знаменитый аскет, «искушения» которого стали излюбленным сюжетом западноевропейского искусства (Босх и др.; можно вспомнить также роман Г.Флобера).

13

Если напрягу сверх меры, тетива порвется. — Очень старый фольклорный мотив; еще египетский царь Амасис, если верить Геродоту, оправдывал этой притчей свое веселое времяпрепровождение. Но здесь мотив переосмыслен: Антоний допускает шутки в заботе не о себе, а о других.

АВВЫ ВИССАРИОНА

11

...подобно Херувимам и Серафимам, должен быть весь — око зрящее. — Высшие ангельские существа неоднократно именуются в византийских текстах «многоочитыми», т.е. имеющими множество очей по всему своему облику (ср. «многоочитии Херувими» из тропаря Великой субботы); этот образ восходит к библейскому видению Иезекииля (Иез. 10:12).

АВВЫ ГЕЛАСИЯ

1

Номизма — золотая монета.

АВВЫ ДАНИИЛА

8

...Мельхиседек Сын Божий есть. — Такое обожествление Мельхиседека довольно характерно для мира раннехристианских ересей. Мельхиседек — упоминаемый в Ветхом Завете (Быт. 14:18–20; Пс. 109/110:4) царь древнейшего Салима (Шалема, будущего Иерусалима) и священник «Бога Всевышнего» во времена Авраама. Уже в кумранском памятнике «Мидраш Малкицедек» (см.: Тексты Кумрана. Вып. I. Перев. введение и коммент. И. Д. Амусина. М., 1971, с. 287–303) Мельхиседек в качестве идеального явления царского и первосвященнического достоинства в одном лице понят как прототип Мессии:

избранники Божьи названы «людьми жребия Мельхиседека», мессианское время искупления обозначается как «год благоволения Мельхиседека», а сам Мельхиседек выступает как небожитель, глава «вечных ангелов» и совершитель эсхатологического воздаяния. В Новом Завете имеется несколько загадочное место, рисующее Мельхиседека (отчасти в силу его неназванного, а потому таинственного происхождения) как прообраз Иисуса Христа: «Мельхиседек (...), во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющих ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр. 7:1–3). Еретики-мельхиседекиане, неоднократно упоминаемые ортодоксальными полемистами, понимали это подобие как тождество.

Кирилл (ум. 444) — глава Александрийской Церкви с 412 г., виднейший церковный деятель и богослов.

ЕВХАРИСТА МИРЯНИНА

...пребывает она девою... — Жизнь в браке с женою в вечном воздержании — распространенная форма раннехристианской аскезы.

АММЫ ФЕОДОРЫ

1

Амма — матушка (арам.) — почетное обозначение духовно опытной монахини.

Папа — почетное обозначение архиепископов Александрии, Антиохии, Иерусалима и Рима, широко известное лишь в применении к последнему.

Слово апостольское: «искупающее время». — Ср. Еф. 5:16 и Кол. 4:5 (в синодальном переводе один раз «дорожа временем», другой раз — «пользуясь временем», в церковнославянском переводе оба раза — «искупающе время», что точно соответствует греческому ἐξαγοράζουσαι τὸν καιρὸν, как и латинскому переводу Вульгаты redimentes tempus).

Метафора «духовной прибыльности» характерна для православной традиции как в ранних, так и в поздних ее проявлениях (например, в поучениях преп. Серафима Саровского).

АВВЫ ЛОНГИНА

1

Сказано у пророка Исайи... — Ср. Ис. 58:5–6: «Таков ли тот пост, который Я избрал, — день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою,

как тростник, и подстилает под себя рубище и пенел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо...»

АВВЫ МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО

2

Приходит ли вода во время свое... — Имеются в виду разливы Нила.

32

...как Бог покрывает мир, так и авва Макарий покрывал немощи человека... — Сопоставление космической всеобщности действий Провидения и всеобщности всепрощения, предлагаемого всем людям, восходит к Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас (...) да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:44–45).

АВВЫ ПИМЕНА

182

Старец же не разумел по-гречески... — Перед нами характерная языковая ситуация; к египетскому монаху, умеющему говорить только на родном, коптском, языке, пришли посетители из Сирии, с которыми надо говорить по-гречески, потому что греческий язык — это средство межэтнического общения.

АВВЫ ПАМВЫ

1

...невозможно было смотреть на лицо его по причине славы, которую являло лицо его. — Ср. ветхозаветный рассказ о Моисее: «Увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему» (Исх. 34:30; см. также 31–35).

2

Кератий — довольно мелкая монета; если из такого ничтожного дневного заработка монах умудряется большую часть тратить на милостыню, это дает выразительный образ исключительно низкого прожиточного минимума и постольку крайней суровости к себе самому.

АВВЫ СИСОЯ ВЕЛИКОГО

12

...*восстав, простер руки свои к небу...* — традиционный жест молитвы вообще (т.н. поза «оранты», хорошо известная по раннехристианским памятникам); лишь позднее обыкновение молиться с воздетыми руками было признано недостаточно смиренным (подобные высказывания есть у Симеона Нового Богослова в XI в.) и резервировано для священника в наиболее торжественные моменты богослужения. Более специально это жест дерзновенного «понуждения» Бога; согласно ветхозаветному повествованию, во время битвы израильтян с амалекитянами Моисей поднял руки в молитве за свой народ: «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик» (Исх. 17:11). Физическое усилие, необходимое, чтобы долго продержать руки поднятыми, соответствует духовному усилию молитвы как внутренней борьбы, воинствования «за други своя».

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

Середина и вторая половина IV в. отмечена деятельностью т. н. каппадокийской школы святоотеческого богословствования (от названия области Каппадокии к востоку Малой Азии).

Григорий Назианзин (по каппадокийскому городу Назианз, где он и родился, и некоторое время был епископом), церковно почитаемый (под почетным именованием Богослова) вместе со своим другом Василием Кесарийским и жившим позднее Иоанном Златоустом как один из трех *Великих Святителей*, являет собой образец характерного для каппадокийской школы гармонически удавшегося христианского усвоения античной культурной традиции. Он родился ок. 330 г. в семье уважаемого состоятельного горожанина, который после попыток найти путь к библейской вере в общине т. н. *ипсистериев*, исповедывавших библейский монотеизм без принятия иудейской обрядности, в конце концов под влиянием своей жены-христианки по имени Нонна (матери Григория Назианзина) принял крещение и был поставлен священником, а вскоре и епископом, дожив до весьма преклонного возраста. Годы учения начались с занятий риторикой в Кесарии Каппадокийской и были продолжены в христианских школах Палестины и Александрии; затем он учился в знаменитой Афинской школе, где на всю жизнь по-дружился со св. Василием Великим, или Кесарийским. Как вспоминал он впоследствии, в Афинах они с Василием знали только две дороги — одна вела в храмы Божьи, а вторая в школу, языческую,

но связанную с лучшими традициями античности; эти две дороги — знаменательный символ. Для дальнейшей жизни Григория характерно принесшее ему немало сердечных мук противоречие между свойственным его сверхчувствительной душе устремлением к жизни уединенной, созерцательной, отданной прежде всего аскетическим подвигам, а на втором месте книжным занятиям, — и суровой обязанностью, о которой ему напомнил отец, а затем вновь и вновь напоминал Василий: активно участвовать в церковной жизни, преизобиловавшей тогда жестокими конфликтами вероучительного и политического свойства. Особенно драматичным для него был зов на Константинопольскую кафедру; с 379 г. ему удалось сплотить вокруг себя православных новой имперской столицы, император Феодосий I торжественно ввел его в 380 г. в церковь св. Апостолов, а в 381 г. он был утвержден в своих полномочиях II Вселенским Собором, на коем после смерти Мелетия Антиохийского приглашен был еще и председательствовать. Однако интриги продолжались, и Григорий ушел в добровольное изгнание из Константинополя на свою малоазийскую родину, произнеся при этом свое знаменитое «Прощальное слово». Последние годы были проведены в подвижническом безмолвии и литературных трудах; только мысли о константинопольской пастве навевали тревогу, не утихавшую до конца.

С Л А В О С Л О В И Е

Помяни раба, Владыко, / Как в Твое приидеши царство. Ср. молитву Блаженного Разбойника на кресте. Евангелие от Луки, 23:42: «Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!».

Р А З М Ы Ш Л Е Н И Е

Без престола, без града, без чаю, но в муках о чадах. Речь идет о вынужденном оставлении Константинопольской кафедры (ср. ниже «Жалобы»)

Ж А Л О Б Ы

Не доброй волей отчий сан воспринял я... Григорий мечтал об уединении ученого отшельника (см. выше); лишь с большим трудом отцу удалось уговорить его принять рукоположение в священники, а его согласие принять епископский сан стоило еще больших усилий его другу Василию Великому.

Нашел святыню в поругании... Имеются в виду прежде всего доктринарные споры, перемешивавшиеся с церковно-политическими конфликтами.

Далече паства. Здесь и далее имеется в виду натиск врагов, принудивший его оставить Константинопольскую кафедру. Небратское поведение собратьев по священству — одна из важнейших тем личной лирики Горигория (ср. ниже «Ступени обиды»).

ПАДЕНИЕ

Меч пламенный, свой пламень угаси на миг! Ср. Быт. 3:24: Господь после изгнания Прародителей из Рая «поставил [...] у сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЭПИЛОГ

ИОАНН МАЛАЛА

О жизни Малалы мы не знаем почти ничего. Он был сирийцем, но уроженцем эллинизированной Антиохии и писал на греческом языке, впрочем отнюдь не образцово; прозвище «Малала» означает по-сирийски «Вития». Не исключено, хотя и не доказано, его тождество с константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком (565—577 гг.). Некая полуанонимность писательского образа Малалы отлично подходит к его исторической роли: опираясь на ближневосточную традицию, продолженную эллинистическими авторами типа вавилонянина Беросса, а затем раннехристианскими учеными, он обновил, приблизив к запросам широкого читателя, жанр всемирной хроники, которому суждено было стать одним из самых продуктивных, массовых и общедоступных жанров средневековой литературы. Разве что жития святых читались так же жадно, сочинялись и переплывались так же обильно, распространялись так же широко, как эти хроники, излагавшие события от начала мира. Кстати говоря, славянский перевод Малалы, относящийся к XI в., очень рано получил распространение и на Руси. Господство всемирной хроники длилось в самой Византии, в странах восточнохристианского ареала и в Западной Европе никак не менее тысячелетия после Малалы: жанр благополучно дожил до изобретения книгопечатания и успел им воспользоваться, затем был оттеснен все дальше и дальше на периферию культуры, но не спешил умирать.

Для историка культуры особенно интересны те части труда Малалы, в которых пересказываются античные мифы. Языческие боги, согласно принципу христианизированного эвгемеризма, превращаются в людей далеких вре-

мен: Гелиос изобличает блуд уже не как всевидящее солнце, но как строгий царь, преследующий нарушителей закона о супружеской верности, Зевс предстает не царем Олимпа, но монархом западной державы. Конечно, от настоящего эллинского мифа Малала очень далек — не только потому, что он христианин, но и потому, что он сириец, эллинизированный лишь поверхностно. Тем энергичнее и бесцеремоннее перекраивает он древний сюжет, творя из него нечто похожее скорее уж на восточную сказку.

С Л О В О В Т О Р О Е

О деле сем повествуует поэтически Гомер стихотворец... — «Одиссея», кн. VIII.

Палефат — псевдоним неизвестного античного гимнографа (2-я пол. IV в. до н. э.), автора трактата «О вещах невероятных», дошедшего в сокращении; для него характерна наивная рационализация мифов.

Первым — Бог; и Слово — по Нем; и Дух с Ними купно. — Малала (или его источник) заставляет древних оракулов исповедовать христианскую веру.

Манефон — египетский жрец и «священнокнижник» (1-я пол. III в. до н. э.), сочинивший на греческом языке для космополитической публики эпохи эллинизма пересказ древнеегипетских преданий о божественных фараонах начальных времен; ходившие под его именем труды сохранились лишь фрагментарно. Распльывчатые цитации Малалы не должны быть принимаемы чересчур всерьез.

Кронова звезда — Сатурн; *Зевесова* — Юпитер; *Аресова* — Марс; *Афродитина* — Венера; *Гермиева* — Меркурий.

Сотат Премудрый — лицо неизвестное.

...первым из сынов Хамовых Сострис. — Попытка соединить библейское родословие человечества, восходящее к Ною, с египетской исторической традицией. Сострис — искажение имени фараона Сесостриса I (1962—1926 гг. до н. э.), который действительно вел завоевательные войны, но, конечно, не в таком фантастическом масштабе.

...как написал Геродот Премудрый. — Обычная у Малалы путаница: он отнес к парфянам то, что у Геродота (кн. VII, гл. 64) говорится о саках.

Гермий Трижды Величайший (или Гермес Трисмегист) — позднеантичное обозначение древнеегипетского божества Тот. Под этим именем возникали т.п. «герметические» книги — оккультно-мистические сочинения, в которых эклектически соединяются эллинистические, египетские, иудейские и гностические мотивы.

Благочестивейший Кирилл — один из Отцов Церкви, епископ Александрийский (ум. 444); полемизировал с антихристианским памфлетом императора Юлиана Отступника.

Пик (лат. Пикус, т.е. «Дятел») — мифический италийский царь начальных времен, сын Сатурна. Поскольку Сатурн римлян был отождествлен с Кроносом греков, отцом Зевса, отождествление Зевса и Пика напрашивалось само собой. Перед нами очень характерный процесс приведения к одному знаменателю различных мифологий древнего мира в рамках библейской схемы мировой истории.

...лекто из племени Иафетова, в крае Аргивском, звали же его Инах... — Инах, первоначально речной бог, сын Океана и Тетисы, оказывается у Малалы потомком библейского Иафета.

...и родила она ему дочь... — В античном мифе говорится о сыне Ио по имени Эпаф.

...и назвал его по имени собственного своего сына Антиохиею Великою. — Для Малалы характерен особый интерес к родной Антиохии, и он легко переходит от баснословных времен к 300 г. до н. э., когда новый город получил свое имя от Селевка (впрочем, в честь не сына, но отца Селевка).

С Л О В О П Я Т О Е . О В Р Е М Е Н А Х Т Р О Я Н С К И Х

Во времена Давидовы... — Давид был царем Израиля и Иудеи примерно в 1000—970 гг. до н. э. Троянскую войну обычно датировали века на два ранее.

...кудревласа, светлоруса, большеока... — словесный портрет, столь же характерный для византийской литературы с ее кульгом «экфразы» (описания), сколь чуждый гомеровскому эпосу.

Парий — приморский город в Троаде.

Витийствовал же он так, что-де вождение, которое есть Афродита, все порождает... — Типичное риторическое упражнение в духе второй софистики.

Топарх — местный начальник; в качестве термина слово это характерно для позднеантичной и византийской эпох, а в приложении к гомеровскому герою является колоритным анахронизмом.

Сидон — финикийский город,

Протей — в древнем мифе морское божество, славившееся способностью принимать любой облик. Уже Геродот (II, 118), а за ним Еврипид («Елена», ст. 4) сделали из него благочестивого египетского царя древнейших времен.

ПРЕИ. РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ

Христианская гимнография на греческом языке впервые пришла к своей зрелости в Константинополе VI в.; зона греческого языка почти на два столетия отстала от зоны сирийского языка, где расцвет аналогичных форм гимнографии наступил уже в IV в., во времена Ефрема Сирина. Сирийские мастера шли впереди, их константинопольские коллеги не могли не воспользоваться их примером.

В царствование императора Анастасия I (491–518) в столицу явился молодой диакон соборной церкви ливанского города Берита (совр. Бейрут). Этому пришельцу с Востока предстояло обновить грекоязычную гимнографию. Его имя было Роман; потомки прибавили к этому имени почетное прозвище «Сладкопевец». Родился он в сирийском городе Эмесе и был, по преданию, крещеным евреем; во всяком случае, на основании внутренних данных его творчества можно утверждать с уверенностью, что принадлежал он не к греческому населению. В конце жизни он принял постриг в монастыре Авасса близ Константинополя.

Жанр, доведенный Романом до совершенства, в современной науке принято довольно условно называть кондаком. Нормальный объем кондака — от 18 до 24 больших стрóf, имеющих сложную метрическую структуру, которая строго выдерживается в пределах каждого отдельного гимна. Стрфы эти называются икосами (от греческого слова, означающего «дом»; таково же буквальное значение сирийского «байга» и арабского «бейт», тоже употребляемых как названия количественных единиц стихотворного текста). Предпоследняя им стрфа-зачин (греч. кукулий, букв. «капюшон») имеет иную метрическую структуру и меньший объем, но тот же рефрен. Поэтика кондака дает много места наглядной изобразительности; наряду с этим заметны интонации проповеди, беседы, обращенной непосредственно к слушателю. Метрика кондаков — силлабическая, с учетом тонки, без всякой оглядки на античное стихосложение.

Более примитивная форма — гимны, делящиеся на строки с равным количеством слогов, но без стрфки и без рефрена. Принадлежность таких гимнов самому Роману оспаривается; во всяком случае, они принадлежат его эпохе.

Г И М Н

...Голубица, от Духа позлащенная... — Ср. Пс. 67:14. Здесь и ниже написание эпитетов и уноблещий, прилагаемых к Деве Марии, очень характерно

для византийской поэзии. Метрический перебой (надо полагать скрадивавшийся при пении) в переводе сохранен.

Башня Давидова. — Ср. Песн. 4:4.

...град, двенадцать врат отверзающий... — Имеется в виду Небесный Иерусалим, как он описан Откр. 21:12–14. Райский град, в совершенстве упорядоченное и приемлющее Бога творение, — здесь символ Богородицы.

ИЗ АКАФИСТА КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Первоначально только этот гимн назывался «Акафистом» (греч. ἁκάθιστος — «гимн, при воспевании которого не должно сидеть», ср. слав. «неседален»). Лишь много позднее, начиная с последних веков Византии и до наших дней, стали появляться другие песнопения, составленные при воспроизведении сложной системы первого; в русском обиходе они также именуется «акафистами» (напр. «Акафист Иисусу Сладчайшему»); у греков слово «акафист» остается и поныне резервированным для первого образца жанра, между тем как более поздние принято называть по названию строф «икосами» в форме постоянного множественного числа, *plurale tantum* (ἱκοί).

Существование Акафиста Пресв. Богородице впервые засвидетельствовано в 626 г., когда его воспевали по случаю избавления Константинополя от осадивших его персов, славян и аваров. По этому случаю была сочинена вводная строфа (т. н. *кукулий*) «Необорной Воеводе песнь победную...» и был торжественно исполнен весь гимн в целом; но едва ли он тогда же и был спешно сочинен — исключительная тщательность отделки делает это практически непредставимым. В настоящее время основной состав Акафиста чаще всего датируют эпохой Юстиниана. Ряд авторитетных исследователей предполагал авторство св. Романа Сладкопевца, однако это остается лишь гипотезой.

Техническое построение гимна, впоследствии воспроизводимое всеми позднейшими «Акафистами», чрезвычайно сложно. Вслед за кукулием идет чередование 12-ти больших и 12-ти меньших строф; большие строфы превышают по объему меньшие примерно в 3 раза и носят название «икосы», меньшие называются «кондаками» — словоупотребление, которое необходимо отличать от использования термина «кондак» для обозначения целого гимна, например, у Романа Сладкопевца. Все икосы, как и все кондаки, объединены между собой строгим единообразным сложным ритмическим рисунком, основанного на изосиллабизме. Это делает эквиритмический перевод Акафиста при сохранении верности смыслу крайне трудной, почти невыполнимой задачей (потому мы и

решаемся предложить читателю пробный перевод покамест всего трех икосов с предпосланным им кукулием). Важнейшая составная часть каждого икоса — так называемые хайретизмы, т. е. обращения к воспеваемому Лицу, начинающиеся приветствием «хайре» («радуйся») и развертывающиеся в более или менее сложное именование этого Лица. В каждом икосе число хайретизмов неизменно — шесть пар и в конце еще один, тринадцатый хайретизм, являющийся собой рефрен, который красной нитью проходит через все икосы: «Радуйся, Невеста невестная!» Каждая пара хайретизмов соединена строжайшей изосиллабией: скажем, два десятисложника, затем два тринадцатисложника, два шестнадцатисложника, и т. д. Эти пары связаны т. н. гомеотелевтами — созвучиями, приближающимися к рифме; эти созвучия чаще всего связывают концы парных хайретизмов, но распространяются и по всему их пространству, вплотную подходя к т. н. панториму. В таких случаях каждое слово в одной строке противопоставлено слову с тем же количеством слогов и тем же порядковым номером в другой строке, сопряжено и зарифмовано с ним:

«Радуйся, Ангелов многославное изумление!

Радуйся, демонов многослезное уязвление!»

Гомеотелевты вместе с подчеркнутой ими ритмико-синтаксической симметрией каждый раз выражают сопряжение противопоставляемых, как здесь, или, напротив, сопоставляемых, порой приравняемых понятий: скажем, «сети афинейские», символ языческой мудрости, и «мрежи галилейские», символ христианской проповеди, противостоят друг другу, между тем как «истолкователи многославные» и «стихослагатели многословные» соединяются в пару почти на правах синонимов.

ИОАНН IV ПОСТНИК

Святитель Иоанн, по прозвищу «Постник», был избран патриархом Константинопольским в 582 г. и вошел в историю византийской богословской литературы прежде всего своими трудами, относящимися к таинству покаяния; ум. в 595 г.

НАСТАВЛЕНИЯ МОНАХУ

Эта форма набора дидактических афоризмов на все случаи жизни в шестистопных ямбах была весьма обычной для греко-римской антич-

ности; с другой стороны, сам по себе подобный тип дидактики еще характернее для библейского Востока (ср. ветхозаветные тексты вроде Книги Притчей Соломоновых или Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Ср. ниже стихотворения преп. Феодора Студита.

Помысли о менадином обычае... Почему то ли сам по себе зевок, то ли благопристойно прикрывающая его рука вызывают ассоциацию с менадой, т.е. вакханкой, не вполне ясно.

Пусть смех твой будет тихою усмешкою. — Ср. Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 21:23: «Глупый в смехе возвышает голос свой, а муж благоразумный едва тихо улыбнется».

Страшишь сношений с братьями юнейшими. — Многовековые навыки бытовой содомии в восточном Средиземноморьи требовали от аскета особой осторожности.

ГЕОРГИЙ ПИСИДА

ПОНОШЕНИЕ СУДЬБЫ

Уроженец малоазиатской провинции Писидии, получивший от нее свое прозвище, диакон и хартофилакс (архиварнус) при константинопольском храме св. Софии в царствование императора Ираклия (610–641). Георгий был плодовитым и умелым сочинителем эпических поэм. Они посвящены либо актуальной тематике военных побед Ираклия, либо дидактическим предметам; к числу последних относится «Шестоднев» — поэма о сотворении мира, широко использующая ходовую позднеантичную ученость и получившая распространение также в армянском и старославянском переводах, а также энергичное рассуждение о суетной жизни человеческой, отрывок из которой мы предлагаем читателю.

Представь в уме плясунью непотребную... — Ср. мотив «шлюхи Фортуны» в западноевропейской традиции.

Стентор — гомеровский герой, крик которого равен по громкости крику пятидесяти мужей («Илиада», кн. 5, ст. 785–786).

...Но лишь бесстыжей галке уподобится... — басенный мотив.

ПРЕП. ФЕОДОР СТУДИТ

VIII–IX вв. были для Византии эпохой иконоборческих споров, радикально разделивших умы: императорская власть предпринимала дважды (730–775 и 814–843) насильственные кампании против почитания икон, между тем как оплотами иконопочитания оставались монастыри — вместе с теми группами верующих, которые сплачивались вокруг этих монастырей. Константинопольский монастырь Студиос (по не вполне точной транскрипции, встречающейся в некоторых старых трудах, «Студион»), насельники которого назывались «студитами», стал важным центром православного сопротивления при настоятеле преп. Феодоре Студите (759–826). Феодор был заточен, трижды подвергался ссылке, но оставался непреклонным в своих убеждениях; за это Церковь причисляет его к *исповедникам*. Не менее важна его роль как учителя православной аскетики, который разрабатывал и в прозе, и в стихах духовные наставления для т. н. общежительного монашества, жившего по уставу Святого Василия Великого: этот вид аскезы — не такой красочный, как пустынножительство или юродство, здесь перед нами будни подвижничества, требующие ровной выдержки. В соответствии с этим поэзия преп. Феодора имеет своеобразное и неожиданное качество, обусловленное полной реальностью ее связи с конкретной прозой жизни, с повседневным обиходом инока; перед нами стихотворения, которые одновременно являются практически значимыми уроками, и адресаты этих уроков — не литературная условность, но живые собраты автора по иночеству; он писал в первую очередь не для любителя словесности, хотя бы и благочестивой, но для них, им в поучение и утешение. Разумеется, жанр дидактических ямбов довольно близок к «Наставлениям монаху» Иоанна IV Константинопольского (см. выше); но есть и существенное различие, — во-первых, Феодор обращается не к монаху «вообще», но каждый раз к носителю того или иного конкретного иноческого послушания, во-вторых, он каждый раз ставит себя гораздо ближе к предположаемому адресату, превращая его как бы в партнера диалогического общения.

ИГНАТИЙ ДИАКОН

ДЕЙСТВО О АДАМЕ

Византийская культура, обильная театрализованной, зрелищной обрядностью, как церковной, так и светской, не знала развитого театра — типа,

который известен античной культуре и культуре нового времени. Драматические опыты византийских поэтов почти всегда предназначены для чтения, и только для чтения. Самый известный пример — трагедия «Христос Страждущий», дошедшая под именем Григория Назианзина, но принадлежащая, по-видимому, XI или даже XII в. Самый ранний пример — «Действо о Адаме» Игнатия Диакона.

Игнатий, современник заключительного этапа иконоборческих споров, столичный диакон из окружения патриарха, был довольно образованным человеком. Версификационный фокус — его переложения басен Эзопа, каждая из которых целиком уложена в четыре ямбических триметра — ни больше ни меньше. Такой же фокус представляет собой и стихотворный диалог участников сцены грехопадения из гл. 3 Книги Бытия, где каждая реплика умещена в три ямбических триметра и лишь вводные слова от автора и заключительный приговор Бога выходят за эти рамки. В строгой четкости построения Игнатий заинтересован куда больше, чем в эмоциональной насыщенности или драматизме.

Ст. 10. Змий библейского рассказа в соответствии со всей церковной традицией отождествлен с Сатаной — одним из верховных ангелов, «писавшим» в результате своего мятежа против Бога.

Ст. 11. *...Вещей природу умопостигаемых...* — Мир «умопостигаемых», т.е. недоступных пяти чувствам, нематериальных существей, открытых только умозрению, как идея Платона, для византийца тождествен миру ангелов.

Ст. 15. Игнатий перечисляет (не полностью) чины, т.е. иерархические порядки ангелов, систематически описанные ранневизантийским автором V или нач. VI в. Псевдо-Дионисием Ареопагитом в его сочинении «О небесной иерархии».

Ст. 19. *Пламенник небесный* — солнце.

Ст. 22. *...Все мирозданье, Словом утвержденное...* — Этот стих имеет двойной смысл: имеется в виду и слово «да будет», которым, согласно библейскому рассказу, Бог вызывал к бытию отдельные части космоса, и Слово-Логос, вторая ипостась Троицы, об участии которой в сотворении мира говорит евангельский текст (Ин. 1:1–3): «В начале было Слово (...) и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

Ст. 25. *...Тогда был зрим, как господин творения...* — Ср. слова Бога Адаму и Еве: «И наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28).

ПРЕИ. СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

Симеон Новый Богослов (949–1022) — один из самых дерзновенных и богатых внутренним опытом представителей византийского мистического богословия. Уроженец Малой Азии, он под действием видения еще в молодые годы отказался от предстоявшей ему придворной карьеры ради иноческой жизни, начатой в Студийской обители и продолженной в монастыре св. Маманта, где он был избран настоятелем. Его убеждения, включавшие особый акцент на ценности пророчески-харизматического духовного опыта старцев и менее высокую оценку институциональной плоскости церковной жизни, а также практикуемое им особое почитание духовного наставника Симеона Благоговейного навлекли на него гонения со стороны константинопольской церковной бюрократии; он сложил с себя игуменский сан, а позднее должен был покинуть столицу и отправиться на малоазийский берег, где своими трудами заново отстроил развалившуюся церковь, оставшись там и после благоприятного для него пересмотра его дела. Споры вокруг богословия Симеона не затихали и после его кончины, и самое прозвище «Нового Богослова», как кажется, первоначально было дано в насмешку недругами как указание на опасные новшества его мистических умозрений; но в конце концов Православие признало в нем одного из своих виднейших учителей, и упомянутое прозвание стало почетным именованим, ставящим Симеона в один ряд с Апостолом Иоанном Богословом и Святителем Григорием Богословом. Впрочем, еще в XIX в. дерзновения этого чтимого автора могли настолько смущать, что его тексты печатались в русском переводе не без кунюр. Это относится прежде всего к мистической лирике его гимнов, в которых он говорит о своем личном опыте с такой откровенностью и силой, какие заставляют вспомнить прозу Бл. Августина.

Из гимна 17

Всех вещей любовь превыше. Имеются в виду слова св. Апостола Павла (1 Кор. 13:1–8 и 13): «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал бряцающий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всякую веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви: то я ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. (...) А теперь превывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Боже, духов превыспренных /и пыланья огнистые, / как речется в Писании, / соделавший слугами. Ср. Пс. 103:4: «Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий».

ВОСТОЧНЫЙ ЭПИЛОГ

ИОАНН МОСХ

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О личности Иоанна Мосха, по прозвищу Евкрат («Анисное варев»), мы знаем мало: даже его второе имя вызывает сомнение — патриарх Фотий, виднейший византийский эрудит IX в., называл его почему-то не «Мосхом», а не то «Мосхским», не то «сыном Мосховым». Грузинские специалисты высказали гипотезу о его колхидском происхождении, поняв «Мосх» как этноним (мосхи, или месхи, — племя на юго-западе Грузии). Достоверно известно, что наш автор монашествовал в Иерусалиме и в палестинской пустыне подле Иордана, что он долго жил в Александрии и обошел множество монастырей Египта, Синай, Сирии, Малой Азии, Кипра, Самоса, повсюду собирая рассказы о почитаемых «старцах», а умер в Риме, откуда тело его было доставлено в Иерусалим для погребения. Писал он по-гречески, но на живом разговорном наречии восточных окраин Византийской империи. Ему принадлежало жизнеописание александрийского патриарха Иоанна Милостивого, сохранившееся во фрагментах. В историю мировой литературы Иоанн Мосх входит как автор «Луга духовного», посящего в рукописях также заглавия «Лимонарь» (греч. «Лужок») и «Рай новый», а в древнерусской традиции обозначаемого как «Синайский патерик». Книга эта — собрание поучительных новелл из жизни аскетов, продолжающее традицию «Лавсаика» Палладия и других сборников монашеского «фольклора». Ее успех был велик, о чем можно судить по изобилию греческих рукописей и иноязычных переводов. На Руси с ней знакомятся с XI–XII вв.

Заглавие «Луг духовный» разъясняется самим Мосхом во вступлении; рассказы и афоризмы, составляющие книгу, разнообразные обличья аскетической добродетели, в ней представляемые, — словно пестрые цветы на лугу, из которых сочинитель то ли сплетает гирлянду, то ли, «подражая премудрой пчеле», собирает душищительный мед.

Глава 7

...в лавре *Пиргийской* — греческое слово «пиргион» (собственно «башенка») имело также значение «келейка». Пиргийская лавра находилась подле Иордана.

...*Авы Антония*... — Имеется в виду Антоний Великий (см. коммент. к разделу «Изречения отцов пустыни»).

Глава 20

Драконарий — войсковой знаменосец; знамя в виде дракона, полезное, между прочим, стрелкам для учета направления и силы ветра, на исходе античности заимствуется римлянами у восточных народов и распространяется от Ирана до Британии.

...*Рабе Твоей Фекле*... — См. «Деяния Павла и Феклы».

Глава 24

Хозива — место в Палестине.

Святой Град — Иерусалим (ср. его арабское обозначение с тем же назначением — аль-Кудс).

Иерихон — город в 37 км от Иерусалима.

Глава 45

...в лавре *Фаранской*... — между Синаем и Красным морем.

Глава 47

...*Есть в Ливанской Финикии город Гелиополь*... — в отличие от египетских и греческих городов с тем же названием.

Глава 70

Старец — монах, со ссылкой на которого изложен предыдущий рассказ.

Глава 77

Софист — здесь: профессиональный преподаватель красноречия и, шире, светски образованный человек общегуманитарной специализации. *Софроний* — друг Иоанна Мосха и спутник его странствий.

Здесь имеется в виду Евлогий Александрийский.

Тетрапил — портик на пересечении двух главных улиц Александрии.

Иеремиа — иудейский пророк VII–VI вв. до н. э.; после гибели Иудейского царства окончил жизнь в Египте. По утверждению «Житий пророков», написанных Епифанию Саламинскому (IV–V вв.), но, по-видимому, ему не

принадлежащих, Александр Македонский, вообще фигурирующий в иудейских и христианских легендах как друг «истинной веры», перенес останки Иеремии как святыню и залог благоденствия в основанную им Александрию.

Глава 94

Востра — столица римской провинции Аравии.

Киновия — общежитийный монастырь.

Мотив яда, теряющего свою смертоносную силу по молитве святого, присутствует в легендах об апостоле Иоанне Богослове. Ср. обещание Христа об уверовавших: «И если что смертоносное выпьют, не повредит им» (Мк 16:18).

Глава 107

История о леве, прирученном святым Герасимом, пользовалась в Средние века особой популярностью, найдя отражение в русской иконописи; на Западе она была по ошибке перенесена на Блаженного Иеронима, атрибутом которого стал при этом лев (например, на знаменитой гравюре Дюрера).

Благословен Господь — формула клятвы по типу библейской формулы «жив Господь» (Руфь 3:13 и др.).

Глава 153

Раифо — лавра близ Синая, неподалеку от Красного моря.

ПРЕП. ИСААК НИНЕВИЙСКИЙ

Об Исааке Ниневийском, или Исааке Сирийчине, как принято было называть этого автора в русской традиции, известно, что он был в 661 г. поставлен епископом древней Ниневии, бывшей столицы Ассирийского царства на берегу Тигра; однако епископом он пробыл всего пять месяцев. Предание утверждает, что его побудил сложить с себя сан и оставить город жестокосердный отказ заимодавца послушаться Евангелия и пожалеть должника. После этого Исаак жил отшельником в горах Хузистана, над северным берегом Персидского залива. Его сочинения, написанные по-сирийски в свободной форме чередующихся размышлений и афоризмов и посвященные вопросам самопознания и борьбы со страстями, благодаря необычной глубине в анализе внутренних состояний человека приобрели популярность, перешагнувшую вероисповедные границы, которые отделяли несторианское окружение Исаака от православной и монофиситской среды. Сочинения эти были переведены на греческий и арабский языки, а с греческого — на латинский, славянский, а затем и на

русский. Особую роль они сыграли в истории нашей отечественной культуры — от допетровских времен до Ф. М. Достоевского. Однако в нашу подборку вошли тексты, насколько известно, никогда не переведившиеся на греческий, а потому — и на старославянский и русский языки; они переведены с сирийского оригинала.

ПРЕП. ИОАНН ДАМАСКИН

Древний сирийский город Дамаск был еще в 635 г. отнят у Византийской империи силами ислама, а в 661 г. стал столицей арабских халифов из династии Омейядов. Иоанн, чье прозвище «Дамаскин» означает «уроженец Дамаска», родился в состоятельной семье, сохранявшей верность христианству, но служившей халифу, может быть, даже арабской: противники Иоанна в Византии, желая подчеркнуть его принадлежность враждебному миру халифата, называли его арабским именем «Мансур». Однако образование он получил в греческом духе. Еще находясь на службе халифа, Иоанн Дамаскин начал писать, выступая в защиту почитания икон, против господствовавшего тогда в Константинополе иконоборчества; его литературная деятельность продолжалась, когда он стал монахом (до 700 г.).

У деятельности этой есть два аспекта. Во-первых, Иоанн — богослов и ученый, автор «Источника знания» — энциклопедического свода, предвосхитившего «суммы» западных схоластов. Во-вторых, это поэт, который создал ряд знаменитых церковных песнопений. Он способен на выражение живого и глубокого чувства, как читатель может убедиться на примере погребального гимна. Но и в поэзии он остается прежде всего ученым: он реставрирует давно оставленную в гимнографии античную просодию, доводит до очень большой сложности архитектуру канона — нового жанра литургической лирики, вытесняющего жанровую форму канона времен Романа Сладкопевца. Структура канона и без того сложна: он состоит из девяти «песней», т. е. больших строф (нормально — из восьми, ибо вторая «песнь» опускается во всех канонах, кроме великопостных); при этом каждая «песнь», соотносимая с определенным библейским мотивом, делится на ирмос (зачин) и несколько тропарей (меньших строфических единиц). У Иоанна в его ямбических канонах как ирмос, так и каждый из тропарей состоит из пяти шестистопных ямбов (по античной номенклатуре стихотворных размеров — т. н. триметры).

НА ПОСЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Свободное переложение этого гимна русскими четырехстопными ямбами, впрочем довольно точно передающее структуру и отдельные словесные обороты произведения Иоанна, дал в своей поэме «Иоанн Дамаскин» (1852) А. К. Толстой:

Какая сладость в жизни сей
 Земной печали не причастна?
 Чье ожиданье не напрасно
 И где счастливый меж людей?
 Все то превратно, все ничтожно,
 Что мы с трудом приобрели,—
 Какая слава на земли
 Стоит тверда и непреложна?
 Все пепел, призрак, тень и дым,
 Исчезнет все, как вихорь пыльный,
 И перед смертью мы стоим
 И безоружны, и безсильны.

Текст песнопения разделен в соответствии с принятой в византийском церковном пении системой восьми гласов (диатонических ладов, каждый из которых имел свой господствующий и конечный тоны).

Глас 5

Вспомнил я пророка, вопиющего... — Эти слова принадлежат, собственно, не пророку, а «патриарху» Ветхого Завета Аврааму: «Вот, я решил говорить Владыке, я, земля и пепел» (Быт. 18:27; ср. также Иов 30:19: «Я стал как земля и пепел»); но Иоанн Дамаскин думает не о персонаже, а о (предполагаемом) авторе Книги Бытия — пророке Моисее.

Глас 6

...восхотев бо живым из невидимой//и видимой природы составить меня... — Речь идет о человеке как соединении духовного и материального начал. В «Диалектике» того же Иоанна (гл. 32) отмечено: «Единая ипостась может быть составлена из различных природ, как человек сложен из души и тела (...) и то и другое остается неслиянным, о чем свидетельствует разделение, приходящее со смертью».

...из земли мое тело изваяв,//душу даровал Ты мне//животворящим вдохновением Твоим. — Ср. Быт. 2:7: «И создал Господь Бог человека из праха зем-

ного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

...на земле живых упокой... — Ср. Пс. 26:13: «Увижу благодать Господа на земле живых». Христианская традиция часто относила эти слова к жизни загробной.

Глас 7

По образу Твоему и подобию... — Ср. Быт. 1:26: «И сказал Бог: «сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему».

...обладать Твоими тварями... — Ср. там же: «И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле».

ЯМБИЧЕСКИЙ КАНОН НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Эпиграмма в антикизирующем вкусе из двух элегических дистихов (для византийской сакральной эпиграммы более характерны ямбические триметры). Акrostишный характер последующего текста не мог быть соблюден в переводе.

Песнь 1

...Рукою чудотворною смиряя хлябь... — Речь идет о переходе древнего Израиля во главе с Моисеем через Красное море (Исх. 14). Первая песнь канона соотносит тему (в данном случае — Рождество) с этим переходом: вторая (нормально, как сказано выше, отсутствующая) — с грозной проповедью Моисея в пустыне; третья — с благодарением Анны, родившей Самуила (1 Цар. 2); четвертая — с пророчеством Аввакума; пятая — с молитвой пророка Исаяи (Ис. 26:9–20); шестая — с молитвой пророка Ионы (Иона 2:3–10); седьмая — с молитвой Азарии (Дан. 3:25–45); восьмая — с песнью трех отроков в печи огненной (Дан. 3:52–90); девятая — с песнью Богородицы (Лк. 1:46–55).

...Неопалимой Курины подобие... — Бог явился Моисею в пламени, объявшем куст, но не сжигавшем его (Исх. 3:2–3); так божественная природа воплощаемого Иисуса Христа, по своему существу огненная (ср. Втор. 4:24: «Господь (...) есть огонь поядающий»), не тронула ни человеческой природы Девы Марии, ни ее девства.

Песнь 3

...Врага — дьявола.

Хор пастушеский. — Ср. Лк. 2:8–14: «В той стране были на поле пастухи,

которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их (...). И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

Неискусобрачная — Дева Мария.

Первозданного — Адама.

Песнь 4

...от девственной изшел Горы— Ср. Дан. 2:34: «Камень (...) оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукан, в железные и глиняные ноги его, и разбил их». Христианская традиция истолковала образ камня, отделившегося от горы «без содействия рук», как указание на девственное рождение Христа от Богородицы. Экзегеза Иоанна Дамаскина связывает это место, говорящее о сокрушении силой Христа враждебных Богу сил, с messiанским пророчеством Аввакума (гл. 3), где очень сильны те же мотивы.

Языки — не просто «народы», но специально множественность народов мира в противоположность единственному избранному народу, т. е. «язычники» (сходство слов не случайно). Приход Христа выводит их из омраченного состояния.

...отрасль корня Иессеева... — Иессей (Ишпаи) — отец царя Давида и пра-родитель Давидовой династии, а значит, предок Мессии, о котором пророки говорят как об отпрыске этой династии, «отрасли от корня Иессеева» (Ис. 11:1). Евангелия (Мф. 1:5–6; Лк. 3:32) возводят к нему родословие Христа.

Песнь 5

...отсек плотского силою пришествия — Усложненный порядок слов — характерный прием той поэтико-риторической традиции, восходящей еще к античности, которой следует творчество Иоанна Дамаскина.

...Плоть сочεται с ликами бесплотными... — Бесплотные лики (хоры) — девять ангельских чинов, по ступеням которых располагаются ангелы. Гармония этих «хоров» была нарушена отпадением десятого «чина» — человеческого рода («плоти»), Искушительное деяние Христа восстанавливает единство между людьми и ангелами.

Узрели человека, обуяныи мглой, //Свет, свыше, им во знамение явленный... — Ср. Ис. 9:2: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране сени смертной свет воссияет».

...даруя благодать безмерную, // Где прежде грех без меры изобиловал. — Ср. Рим. 5:20: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать».

Песнь 6

Иона, в глубь морскую водворившийся, // Молил Тебя явиться... — Символика здесь двойная: мольба Ионы из чрева морского чудища — символ мольбы человечества, поглощенного и погруженного во мрак собственной греховности и зовущего на помощь; эта помощь подается воплощением Божества, т.е. его погружением во мрак материнского чрева — аналогом схождения Ионы во чрево кита.

РАННИЕ АПОКРИФЫ

ПОВЕСТЬ ОБ АХИКАРЕ ПРЕМУДРОМ

Этот характерный образец дидактической сентенциозности и занимательно-назидательной, полусказочной новеллистики, культивировавшейся из века в век писцами, книжниками, придворными мудрецами Ближнего Востока, интересен как звено, соединяющее сирийскую литературу одновременно и с прошлым, т.е. с ассирийской древностью, и с будущим, т.е. арабским, армянским, славянским Средневековьем. В истории контактов между эпохами и странами «Повести об Ахикаре» принадлежит особое место.

Фрагменты самой древней известной ныне версии повести сохранились благодаря арамейскому папирусу конца V в. до н. э., найденному в Египте, на острове Элефантине. Действие повести происходит в 1-й пол. VII в. до н. э.; ее герой — хранитель печати ассирийских царей Синнахриба и Асархаддона, по видимому, евнух, усыновивший своего племянника Надина, оклеветанный им перед царем и приговоренный к казни, однако сирятанный палачом, который действует по мотивам личной благодарности. Далее следует лагуна. Еще один фрагмент содержит коллекцию афоризмов. Уже тогда литературное влияние повести было довольно широким. В библейской Книге Товита рассказывается, что, когда было устроено празднество по случаю исцеления Товита и жень-тыбы Товии, в числе других почетных гостей пришли «Ахиахар и Навад, племянник его» (11:17); эти имена (слегка варьирующиеся в разных рукописях) даны без всяких пояснений — премудрый придворный и его неблагодарный племянник были персонажами, отлично известными читателю. В корпусе изречений, приписанных греческой традицией великому философу Демокриту, некоторые восходят к сборнику изречений Ахикара; может быть, в этой связи уместно вспомнить античное предание о восточных контактах Демокрита, по Диогену Лаэртскому — ученика «магов и халдеев» (IX. 7, § 34–35; см.: Диоген

Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 369–370). Распространенная в греческой низовой литературе легендарная биография баснописца Эзопа в значительной части (№ 101–123) также представляет собой переработку материала повести об Ахикаре, на этот раз не только афористического, но и новеллистического (см.: Басни Эзопа. Перев., статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968, с. 52–58; ср. с. 250).

Из тех версий, которые сохранились полностью, самой старой является сирийская, перевод которой мы и предлагаем читателю. Она в наименьшей степени подверглась христианизации; Ахикар определенно предстает язычником, хотя и предполагается некое обращение его в монотеизм. Сюжет сильно усложнился, оброс подробностями. Автор уже не видит в герое скопца; ради того, чтобы контраст между роскошью жизни Ахикара и его горестной бездетностью выступил картиннее, ему дается 60 жен, для которых он строит 60 дворцов. Злонамеренный племянник вместо простой словесной клеветы прибегает к хитроумной фальсификации вещественных доказательств крамолы своего дядюшки и благодетеля. Мы не знаем, присутствовал ли уже в древней версии мотив строительства дворца в воздухе, но теперь рассказ о задачах, заданных фараоном, необходимость решить которые повела к реабилитации мудрого советника, дается обстоятельно и красочно.

К сирийской версии, породившей много рукописных вариантов, восходит армянский перевод («Повесть о Хикаре») и арабский перевод («Повесть об аль-Хайкаре»). Упоминание об аль-Хайкаре встречается у одного арабского поэта (Ади ибн-Заида) еще в доисламскую эпоху. На Руси «Повесть об Акире Премудром» была известна с XII в. (см.: Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. М., 1913; Дурново Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915; Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 246–280); возможно, перевод был сделан с армянской версии. Можно упомянуть еще старинный румынский перевод.

Глава 1

Сеннахериб — собственно, Синаххериб, ассирийский царь (царствовал в 705–681 гг. до н. э.); перенес резиденцию из старой столицы Ашшура (Ассура) в Ниневию.

Глава 2

...философии. — В сирийском тексте употреблено заимствование из греческого языка.

Сархедом — ассирийский царь (царствовал в 681–669 гг. до н. э.) Асархаддон, младший сын Синаххериба.

Хилиарх — тысячник (греческое слово). В тексте повести этот термин представляет собой анахронизм, сразу напоминающий о действительности римско-византийской империи.

...живи вечно... (вариант: «во веки живи») — традиционное обращение к восточному монарху, неоднократно встречающееся в Библии.

Глава 3

Содержание этой главы особенно сильно варьируется в различных рукописях. В соответствии с этим переводчик позволял себе черпать из разных рукописных вариантов, пропускать повторения и т. п. Многочисленные близкие и далекие параллели с Библией (прежде всего с Книгой притчей Соломоновых), а также с античными правоучительными афоризмами объясняется как прямым влиянием того и другого, так и наличием общего фонда ближневосточных дидактических сентенций, который служил источником для библейских и для греческих моралистов и для творца сирийской версии «Повести об Ахикаре».

...устреми взор твой долу и приготовься быть внимателен. — Характерный идеал поведения «благообразного», сдержанного, осторожного писца, который гордится тонкостью своего воспитания и боится «потерять лицо».

...сиречь, диаволы и люди злые... — христианская вставка.

Глава 4

— сказано в изречениях: *чего рука твоя не стяжала, око твое не видело.* —

Источник цитаты неясен.

Глава 5

Месяц ав (ав) — месяц семитского лунного календаря, соответствующий июлю — августу.

Глава 6

Долина Орлов — буквальное значение топонимического наименования долины Нецирин. В древнерусском переводе — «поле Египетское».

Глава 9

Набусемак — лучший из многочисленных вариантов имени этого персонажа, предлагаемых рукописной традицией.

Глава 10

Виссон — особенно тонкая и дорогая льняная ткань ...*одетых в виссон, пурпур и шафран*... — одетых в виссон, окрашенный пурпуром и шафраном.

...*Набусемаку, другу моему*... — Перевод по конъектуре.

...*парфянам*... — По другому чтению — преторианцам, что представляло бы собой еще один анахронизм в том же роде, что и «хилиарх» в гл. 2.

Глава 11

Эшфагни — в связи с именем жены Ахикара некоторые специалисты вспоминали Асфеназа из Дан. 1:3; но Асфеназ — не женщина, а начальник евнухов вавилонского царя Навуходоносора.

Глава 13

Подземное убежище Ахикара напоминает могилу. Претерпеть подобие смерти, живым сойти в гроб и выйти из него — один из основных мотивов архаической практики инициации.

Глава 15

Молитва Ахикара в его «укроме» аналогична молитве библейского пророка Ионы во чреве кита — еще одном эквиваленте могилы (Иона 2:5–10).

Глава 16

Смутное историческое воспоминание, стоящее за рассказом о радости фараона, — особенно острые конфликты между Ассирией и Египтом в царствование Асархаддона, трижды водившего свои войска в египетские походы. Строительство дворца или крепости между небом и землей — одна из тех провербально невыполнимых задач, которые так любит сказка.

Глава 18

...*сошел с престола своего, и облачился во вретнице, и сел на землю*... -- обычные на Ближнем Востоке тех времен формы проявления траура.

Глава 19

Мириада — десять тысяч. *Талант* — от 26 до 34, а по другим сведениям — до 41 кг серебра. Ежегодный доход Ирода Великого составлял 900 талантов. Баснословная сумма в 10000 талантов (фигурирующая, впрочем, и в евангельской притче — Мф. 18:24) составила бы средний заработок 16000 работников в продолжение 10 лет.

Глава 21

Жалкое состояние человека, выводимого из тюрьмы, и необходимость привести его в должный вид, чтобы он мог предстать перед царем, часто упоминается в ближневосточных литературах. Ср., напр. Быт. 41:14.

Глава 22

Сорок дней — сакраментальный срок траура, поста, отдыха и т. п. То, что Ахикар сокращает его вдвое, демонстрирует его исключительное служебное усердие. Некоторые рукописи, впрочем, устраняют это различие между сроком, данным Ахикару для восстановления сил и действительно им употребленным для этого, что, скорее всего, объясняется невнимательностью писца.

Глава 26

Ассирияне и ниневитяне — воспоминание о том, что «ассирийцам» первоначально назывались жители Ашшура и что Ниневия недавно стала столицей Ассирийской державы.

Глава 27

Абикам — буквальное значение имени «отец мой восстал»; по-видимому, Ахикар взял себе «говорящее» имя, которое должно намекать на его «восстание» после падения. Интересно отметить, что в форме «Аба-каме» или «Иба-каме» это арамейское имя нередко встречается в подлинных ассирийских документах VII в. до н. э. и позднее, т. е. в те времена, когда арамеи были весьма распространены в Ассирии.

Ужели владыка твой настолько презирает меня... — В одном из рукописных вариантов приводится ответ Ахикара: «Владыка, пчела есть малейшая, среди птиц и насекомых, и посмотри, какое дивное дело творит она! С почтением допускают ее к столу государей великих; а пред Сепнахерибом и малые как великие, и он судит их по величию и по назначению, им определенному». Таков своеобразный «демократизм» писцов и книжников, находящийся в согласии, с одной стороны, с их интеллектуализмом, но, с другой стороны, с потребностью всякой неограниченной деспотии в том, чтобы единственным критерием для оценки слуги царя была каждое мгновение воля царя. Мораль писцов совсем не плохо относится к способному и образованному «выскочке», лишь бы последний умел угодить царю и при этом не задеть своих коллег, но быть со всеми уважительным и воздерживаться от наглости (ср. поучения в гл. 3).

Бел («владыка», «хозяин») — аккадский вариант общесемитского Балу или Баал (Ваал); в Ассирии — эпитет этнического бога Ашшура, приобретшего черты вавилонского Мардука и Эшшля.

Нисан — месяц семитского лунного календаря, начинающийся с первого новолуния после весеннего равноденствия (март — апрель).

Глава 28

Владыка небес — за этим обозначением скрывается языческое западносемитское божество Баалшамем, Баалшамин или Баалсамин. В древнерусской версии этот мотив, отражающий соперничество языческих культов и непонятный в христианскую эпоху, естественным образом отсутствует.

Глава 30

...кота, бога египтян... — поклонение кошкам в Египте забавляло чужеземцев еще во времена Геродота.

Парасанг — около 5,5 км.

Глава 32

Спикулятор — букв. копыносец, носитель дробика (лат.); здесь: эвфемистическое обозначение должности царява палача,

Глава 33

Буква элэп, буква бит — обозначение первых букв, с которых начиналось обучение книжной премудрости. Вся эта глава представляет собой напизывание басенных мотивов и ослованных на них пословиц.

Глава 34

...как сказано — ср., напр., Пс. 7:15: «Нечистивый (...) рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил». Такого рода изречений, подвергавшихся бесконечному варьированию, в ближневосточной дидактической традиции очень много. Ср. также Прит. 28:10: «Совращающий (...) сам упадет в (...) яму».

ПОВЕСТЬ ОБ ИОСИФЕ И АСЕНЕФ

Повесть имеет в рукописях различные заглавия, например: «Исповедание и молитва Асенеф, дочери Пентефрия жреца» или «Душеполезная повесть о хлебном пощечении Иосифа Прекрасного и о Асенеф и о том, как Бог сочетал их». Этот апокриф — колоритный памятник позднеантичного синкретизма: он написан по-гречески, но автор его — иудейский сектант, может быть, иудеохристианин, живший в Египте и довольно глубоко вникнувший в строй египетской культурно-религиозной традиции. С библейскими мотивами при-

чудливо сочетаются веяния эллинистической новеллистики и популярно-философской аллегории. Датировка долго была предметом споров; в настоящее время наиболее авторитетные голоса относят повесть к эпохе, предшествовавшей иудейскому восстанию 115–117 гг.

Глава 1

И было в первый год семи годов изобилия... — В Библии рассказывается, как целомудренный, прекрасный и вещий Иосиф, сын Иакова и правнук Авраама, проданный братьями рабом в Египет, истолковал фараону его пророческий сон о семи годах недорода, которые последуют за семью годами урожая, и был облечен чрезвычайными полномочиями для подготовки запасов по всей стране: «И вышел Иосиф от лица фараонова, и прошел по всей земле Египетской. Земля же в семь лет изобилия приносила из зерна по горсти. И собрал он всякий хлеб семи лет, которые были плодородны в земле Египетской, и положил хлеб в городах; в каждом городе положил хлеб полей, окружающих его. И скопил Иосиф хлеба весьма много, как песку морского» (Быт. 41:46–49).

...к пределам Гелиопольским — По другому толкованию, «к житницам Гелиопольским». Гелиополь (упоминаемый как родина невесты Иосифа уже в Библии, Быт. 41:45) — город в Нижнем Египте, подле того места, где впоследствии был построен Каир. Город этот называли по-египетски. Он и славился далеко за пределами Египта как средоточие культа солнечных божеств и жреческой учености. С Гелиополем связаны предания о солнечной птице Фениксе, стоящей в том же ряду, что и иранская Симург и арабская Рух; в этом же городе происходит действие христианской легенды о святой Варваре, мотивы которой отчасти схожи с мотивами нашего апокрифа (девица, которой помогают вельможи страны, вопреки всем домогательствам блюдет свое девство и заточает себя в башню, где чудесным образом удостоивается познать истинную веру).

Сатран (от др.-перс. хшатранаван — «хранитель округа») — наместник провинции в государстве Ахеменидов. Использование этого термина применительно к Египту II тыс. до н. э. — не только анахронизм, но и колоритный пример смешения разнородных ближневосточных традиций в среде, породившей апокриф.

...но была она во всем подобна дочерям евреев... — По преданию, не излагаемому, но, по-видимому, молчаливо подразумеваемому в апокрифе, она и впрямь еврейка, по крайней мере наполовину: Пентефрий воспитал как дочь единоплеменницу Иосифа, ее будущего жениха. Дело в том, что, когда Дина, дочь Иакова от Лии, т.е. сестра Иосифа по отцу, подверглась насилию иноплеменного

царевича Сихема (Быт. 34:1–2), братья Дины Симеон и Левий, жестоко отмстившие оскорбителю за бесчестье, запретили сестре выкармливать младенца; однако по воле Бога орел подобрал брошенную в пустыне новорожденную дочь Дины и отнес ее к алтарю гелиопольского храма, откуда ее принял в свой дом бездетный Пентефрий. Надо иметь в виду, что Иосифу при начале действия нашего апокрифа около тридцати лет (Быт 41:46); между тем, согласно традиции, зафиксированной в другом апокрифе — «Книге Юбилеев», во-первых, Иосиф и Дина — однолетки; во-вторых, Дина родила двенадцати лет от роду. Отсюда вычисляется возраст девицы «около осемнадцати годов от роду» (30–12=18).

Сарра, супруга Авраама, *Ревекка*, супруга Исаака, *Рахиль*, любимая супруга Иакова, — героини библейской Книги Бытия. Апокрифическая литература охотно расписывает их красоту.

И было имя девы той Асенеф. — Это египетское имя, упоминаемое в Библии (Быт. 41:45), означает «принадлежащая богине Нейт», что интересно, поскольку апокриф наделает героиню некоторыми чертами этого божества, почитавшегося в Саисе и отождествлявшегося греками с Афиной (девственность, любовь к драгоценным камням и т. п.).

Дщерь царя Иоакима — По варианту текста в одной из рукописей, Иоаким — царь Моава; возможно, имеется в виду современное апокрифу Набатейское царство в Северной Аравии, возникшее во II в. до н. э. и разрушенное римлянами в 106 г. н. э.

Глава 2

...и были они весьма красивы, как звезды небесные... — Возможно, что эти семь дев соответствуют семи звездам Большой Медведицы, под благотворным влиянием которой, по мнению астрологов (сообщаемому философом-неоплатоником V в. Проклом), стоял Саис, город богини Нейт и поскольку как бы аналог Асенеф. Паряду с этим полезно вспомнить, что семь дев составляют свиту другой библейской героини — Эсфири (Есф. 2:9).

...по осемнадцати сильных молодых воинов... — Итак, общее число воинов — $4 \times 18 = 72$. Это сакральный числовой символ завершенной полноты, мировой целокушности, характерным образом соотносенный здесь с четырьмя странами света. По древней традиции, сохраненной ученостью раввинов, таково число народов и языков мира (иногда округляемое до 70, подобно тому как в библейской Книге Исхода говорится о «семидесяти старейшинах Израилевых», в то время как число их должно быть в связи с числом двенадцати «колен Израилевых» $12 \times 6 = 72$). В еврейском изводе

Книги Еноха упоминаются 72 имени Бога и 72 ангела. По известной легенде, греческий перевод Ветхого Завета (так называемый «Перевод семидесяти толковников» — по-латыни Септуагинта, т. е. «Семьдесят») выполнен 72 переводчиками за 72 дня. Новозаветное предание знает, наряду с более узким кругом 12 апостолов Иисуса Христа, более широкий круг — 72 (или 70) учеников.

Глава 3

Двадцать мужей — Зодиакальное число служителей Иосифа подготавливает читателя к его появлению с чертами солнечного божества в гл. 5.

Бог Иосифа — Ср. Исх. 3:6: «Я Бог отца твоего. Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова».

Сильный Божий — обозначение, делающее Иосифа прообразом Мессии. Ср. в переводе Септуагинты Ис. 9:6 (в русском переводе «Бог сильный»).

Анаксириды — персидские шаровары; еще одна реалия (наряду с сатрапией в гл. 1 и тиарой чуть ниже), вносящая иранский колорит.

Глава 4

...и целомудренный, и девственник... — Целомудрие Иосифа засвидетельствовано тем, что он предпочел подвергнуться клевете и отправиться в заточение, но не впасть в блуд с женой своего египетского господина Потифара (Быт. 39:7—20); этот мотив, фигурирующий и в египетской «Сказке о двух братьях», и в греческих сказаниях об Ипполите и Беллерофонте, развивается в позднейших иудейских, христианских и исламских легендах об Иосифе, оттеняясь мотивом его исключительной красоты. Уже в 4-й Книге Маккавейской, вероятно недалеко отстоящей по времени от нашего апокрифа, его герой назван «целомудренный Иосиф», и это становится его устойчивым обозначением.

...оставленный отцом своим. — На самом деле, как известно, отец любил Иосифа больше всех других своих сыновей (Быт. 37:3), за что последние и продали брата в рабство.

Не сей ли возлег с госпожою своею... — Асенэф, таким образом, принимает клевету, которой Иосиф подвергся именно за свое целомудрие.

Глава 5

...и стала у окна великого, обращенного на восток... И отверзлись врата двора, что обращены были на восток... — Иосиф является с востока, как восходящее солнце. Особая сакральность востока подчеркивалась в культовом обиходе так называемых терапевтов — мистико-аскетического сообщества иудеев в Египте; по описанию Филона Александрийского (I в. до н. э. — I в. н. э.), утром

терапевты «встают, повернувшись и обратив взгляды к востоку, и, как только увидят восходящее солнце, простирают руки к небу и молят о благоденствии, истине и прозорливости» (перев. И. Д. Амузина).

...во второй колеснице Фараоновой. — Ср. Быт. 41:43: фараон «велел везти его [Иосифа] на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: «преклонитесь!»

И были впряжены в нее четыре коня... и вся колесница устроена была из золота. — На золотой квадриге, в которую запряжены четыре белых коня (символизирующих четыре времени года), изображали Гелиоса — бога Солнца. Такие изображения, чисто языческие по своему генезису, проникали и в иудейское искусство, как показывает мозанка палестинской синагоги в Бет-Альфа (VI в.). Наряд Иосифа и в особенности украшающий его голову золотой венец с двенадцатью драгоценными камнями и двенадцатью расходящимися лучами (по числу знаков зодиака и месяцев) также имеют целью вызвать в воображении мифологический образ солнечного бога.

И держал он ветвь оливы... — Ср. библейское обращение к «избранному народу», который воплощен перед лицом дома Пентефрия в особе Иосифа: «Зеленеющая маслина, красующеюся приятными плодами, именовал тебя Господь» (Иер. 11:16).

Глава 6

Иосиф, сын Божий — В устах язычницы Асенеф, а впрочем, и в древней иудейской традиции, допускавшей идею усыновления царя богом, это словосочетание не имеет такого смысла, как в христианском догмате о Иисусе Христе Сыне Божьем. С другой стороны, тенденция уподобить Иосифа мессинскому царю характерна для апокрифа в целом, и это место — одно из проявлений этой тенденции.

...все укрытое видит он, и ничто тайное не утаится от него — По толкованию Иосифа Флавия, писавшего во 2-й пол. I в. н. э., египетский титул Цафнаф-Панеах, дарованный Иосифу фараоном (Быт. 41:45), означает в переводе «отыскивающий сокровище».

...само солнце с неба приходит к нам в колеснице его... — выявление смысла солярных мотивов предшествующей главы.

...как рабу и служанку... — выражение, обычное для речи влюбленной женщины в греческом романе.

Глава 7

...Иосиф не ел с египтянами, почитая сие для себя скверною. — Набожный иудей не мог разделять трапезу с иноверцем.

...досаждали ему все женщины и дочери вельмож и сатрапов всей земли Египетской... — распространенный мотив легенд об Иосифе. В положении героя и героини имеется симметрия: он отстаивает свое девство вопреки домогательствам всех женщин, она — вопреки домогательствам всех мужчин Египта.

Пред очами держал непрестанно Иосиф лик Иакова, отца своего... — Мотив многих позднееврейских легенд, использованный, между прочим, в романе Т. Манна «Иосиф в Египте».

...дщерь моя сестра твоя есть — Эти слова Пентефрия, как и ответ Иосифа: «Люблю ее от сего дня, как сестру мою», стоят как бы на пересечении двух различных перспектив. С одной стороны, если Асенеф — дочь Дины (см. выше), она и впрямь «сестра» Иосифа, т.е. его родственница (племянница). С другой стороны, «сестра» — обращение к возлюбленной в египетской любовной поэзии, нашедшее отголосок в Песн. 4:9: «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста».

Глава 8

Благословенный от Бога Всевышнего — Ср. Быт. 14:18: «Благословен Авраам от Бога Всевышнего».

...вкушает благословенный хлеб жизни, и пьет благословенное питье бессмертия, и помазуется благословенным помазанием нетления — Здесь семантика нашего апокрифа до такой степени напоминает язык христианских текстов, в которых говорится о таинствах Евхаристии («хлеб жизни» — текстуальное совпадение с Ин. 6:35, «питие бессмертия» похоже на «врачевство бессмертия» в «Послании к ефесянам» Игнатия Антиохийского и миропомазание), что это место является самым сильным доводом в пользу суждения об апокрифе как сочинении христианском или хотя бы содержащем христианские интерполяции. Однако этот довод — не безусловно убедительный. «Благословенный хлеб» может быть не хлебом Евхаристии, но хлебом, над которым произнесено ритуальное иудейское благословение, без чего верующий не мог его вкушать, и то же относится к вину; святость елей и таинственная сила помазания равным образом упоминаются в позднееврейских текстах. Замечательно, что хлеб, вино и елей (кстати говоря, вещества, именно в таком объединении благословляемые на литии за православной всенощной) связаны с идеей бессмертия и нетления.

Хлеб удавленныи — Это искусственное выражение вызвано потребностью симметрии относительно формулы «хлеб жизни». Иудей не должен был есть мяса животного, которое было умерщвлено без обескровливания, согласно Быт. 9:4: «Только плоти (...) с кровию ее не ешьте». Этот запрет (удержанный иудаизмом до сих пор) пыталось принять и раннее христианство (Деян. 15:20).

И возложил он руку свою десную на главу ее... — Иосиф выступает как прототип экзорциста, изгоняющего из Асенеф бесов. Подобным же образом Авраам возлагает руку на фараона в «Апокрифе Книги Бытия».

...Боже Израиля, отца моего... — Израиль — имя, данное Богом Иакову. В Библии Юдифь молится: «Господи Боже отца моего Симеона» (Юдифь 9:2).

Глава 9

...день, в который начал Бог творить дела Свои — первый день иудейской недели, соответствующий нашему воскресенью.

...в день же осьмый вернусь и я... — Число «8», переступающее за предел седьмеричного временного цикла, служило в атмосфере мессианских ожиданий символом обновления всех вещей, «будущего века». За 6 дней Бог сотворил мир, в 7-й день (как бы совпадающий с «веком сим») Он «почил от всех дел Своих» (Быт. 2:2), а в 8-й день все будет обновлено («се, творю все новое» — Откр. 21:5). Поэтому христианское воскресенье истолковывается у Отцов Церкви как 8-й день 7-дневной недели, т.е. трансцендирование времени. Поэтому же баптистерии (крестильни), как место мистического претворения человека в существо «будущего века», строились восьмиугольными. То, что Иосиф придет на 8-й день, снова делает его прообразом Мессии.

Глава 10

И так творила Асенеф семь дней... — Семидневный пост и покаянный траур, нересоздающий человека и подготавливающий его к эсхатологической обновленности 8-го, дня, естественным образом начинается в 1-й день недели, как бы параллельно творению мира, и кончается с исчерпанием недельного цикла, на пороге «будущего века» (см. предыдущее примеч.). Асенеф, совлекшая с себя все свое великолепие и простертая в слезах и пенле, подобна состоянию мира при начале творения: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт. 1:2). Совершенно так же — от воскресенья до воскресенья — постится перед своим крещением раскаявшаяся грешница Пелагия, героиня ранневизантийского жития V в. Семидневный пост упоминается и во многих позднейшеиудейских текстах.

Глава 12

И простерла она руки свои к востоку — Молитва лицом на восток была характерна для терапевтов (см. выше, примеч. к гл. 5) и ессеев; она перешла и в христианский обиход.

...основавший землю на водах... — Ср. Пс. 23:1–2: «Господня — земля (...) ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее».

Согрешила я, Господи, согрешила... — Молитвенная исповедь Асенеф очень характерна для позднееврейской традиции самообвинений человека перед лицом божества (ср. Дан. 9:5: «Согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих», а также синагогальные молитвы в Иом-Кипур), усвоенной и христианством. Традиция эта резко контрастирует с египетской практикой так называемой отрицательной исповеди, когда человек настаивает перед лицом загробного суда на своей безупречной невинности. Ср. «оправдательные речи» из 125 гл. «Книги Мертвых»: «Я не чинил зла людям. Я не нанес ущерба скоту... Я чист, я чист, я чист, я чист! Чистота моя — чистота великого феникса в Гераклеополе»; «О Усех-Немтут, являющийся в Гелнополе, я не чинил зла!.. О Нефертум, являющийся в Мемфисе, нет на мне пятна, я не делал худого!» (перев. М. А. Коростовицева).

...схити меня из руки вражией. — Обозначение дьявола как «врага» — характерная черта языка позднееврейской апо-калиптики.

...ярый лев древний гонит меня... — Ср. 1 Пет. 5:8: «Противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить». С другой стороны, львиный облик имеет Атум, бог Гелнополиса, который должен преследовать своим гневом отступничество дочери своего жреца.

...да не похитит меня, как волк... — Возможно, реминисценция еще одного «звериного» образа египетской мифологии — бога-шакала по имени Упуаут.

Глава 14

...взошла звезда утренняя... — планета Венера, играющая особую роль и в языческой, и в библейской символической. Древние семитские культы отождествляли ее с богинями плодородия типа Интар (которой у греков соответствовала Афродита, у римлян — Венера, откуда название планеты, функционирующее до сих пор). Именно это сделало ее для Библии одиозным символом: пророк Исайя уподобляет обреченный Вавилон падшему Деннице (по-латыни — Люциферу), Ис. 14:12. С другой стороны, однако, «звезда утренняя» символизирует в Апокалипсисе и мистическую награду верующему (2:28), и даже самого Христа (22:16); в более поздней христианской традиции «звезде утренней» уподобляют Деву Марию (поскольку она предвозвестила явление Христа, как Венера предвозвещает явление Солнца — и как, добавим, эта же планета в нашем апокрифе предвозвещает явление Иосифа). В позднеантичном язычестве Венера связывалась со «священным браком» Солнца и Луны; поскольку апокриф отчасти использует образность такого «священного брака», ей пристало играть роль посланца от Иосифа — Солнца к Асенеф — Луне.

...вестник и глашатай света великого дня... — мотив функционирования светил в роли вестников и глашатаев имеет много параллелей в египетской литературе.

...разверзлось небо... — Ср. Мк. 1:10: «Тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса».

...свет неизглаголаный... — Ср. в раннехристианском «Послании к ефесянам» Игнатия Антиохийского: «Звезда в небе просияла (...) и свет ее был неизглаголаный» (19, 2).

...человек с небеси... — По-видимому, более древний вариант текста; более поздний — «ангел» или «божественный ангел».

Стратиарх — военачальник.

Архистратиг над всем воинством Всевышнего — Титул «архистратиг» (букв. «верховный военачальник») прилагался уже в позднеиудейской грекоязычной литературе и затем у христиан к архангелу Михаилу, кстати игравшему очень важную роль в коптских представлениях.

...лик его был как молния, и очи его как блистание солнца, и власы главы его как пламень огненный, и руки и ноги его как железо, в пещи раскаленное... — Природа ангелов — ...огненная (ср. Пс. 103:4: «Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий»). Ср. явление Сына Человеческого (т. е. Христа во славе), как оно описано Откр. 1:14—15: «И очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи».

...водой живою... — Так называлась родниковая вода в противоположность воде из цистерны. Раннехристианские тексты требуют, чтобы только «живая» вода употреблялась для таинства крещения.

Глава 15

...глава твоя как глава юноши. — Мистический смысл этих слов связан с представлениями, по которым инициация претворяет саму природу человека, на каком-то уровне преодолевая различия пола. Ср. Гал. 3:28: «Нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». В коптском гностическом «Евангелии от Фомы» говорится: «Всякая жена, которая мужем сотворит себя, войдет в Царствие Небесное» (114); «если вы сотворите мужчину и женщину единым, так, что мужчина не будет мужчиною и женщина не будет женщиною (...) тогда войдете вы [в Царствие Небесное]» (22).

...вписано имя твое в книгу жизни и не изгладится вовек. — Ср. Пс. 68:29: «Да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся»; Откр. 3:5: «Побеждающий облечется в белые одежды, и не изглажу имени его из книги жизни».

Град Убежища — Подразумевается древнееврейский обычай, по которому совершивший непредумышленное убийство мог укрываться от кровной мести родичей убитого в одном из шести специально отведенных для этого городов, где ему была гарантирована безопасность (Чил. 35:11–32). В позднеиудейской литературе «град убежища» становится символом истинной веры, в которой обратившийся язычник-прозелит ищет защиты от преследующих его грехов прежней жизни; поэтому Филон Александрийский называет «градом убежища» Авраама, в котором видели идеальный образец для прозелитов и молитвенника за них. Здесь Асенеф как бы перенимает место Авраама, одновременно получая черты, принадлежащие в традиции нудаизма Шехине (т. е. «Присутствию» Яхве, женственной ипостаси его имманентности), а в традиции христианства — Церкви, Невесте Апокалипсиса.

...под сенью крыл твоих укроются многие народы... — В лексике позднеиудейских текстов «привести под крыла Шехины» (о Шехине см. предыдущее примеч.) означало «обратить», «сделать прозелитом».

...Покаяние есть дщерь Всевышнего... — Ниже (гл. 21) сама Асенеф названа «дщерью Всевышнего». Олицетворенное Покаяние — как бы небесный первообраз Асенеф (как явившийся Асенеф ангел, предположительно архангел Михаил — небесный первообраз Иосифа, а Иосиф — его земной двойник). Интересно, что у Филона Александрийского «дщерью» Бога называется София Премудрость Божия, говорившая о себе в Библии: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли» (Прит. 8:22–23).

Чертог брачный на небесах — Этот образ мистического единения души с Богом очень характерен для христианской литературы, начиная с «брачной» символики Евангелий (напр., Мф. 9:15; 22:2–12, и др.) и специально для гностических текстов (в частности, для «Евангелия Филиппа»). Однако он не чужд и позднеиудейской традиции; иначе не сложилось бы мистическое понимание свадебной лирики Песни Песней, энергично высказанное рабби Акибой (ок. 50–135).

Глава 16

...и был сот тот бел, как снег... — Белый мед был специальным и высоко ценившимся товаром нильской Дельты.

Благоухание жизни — образ, имеющий многочисленные параллели в мистической литературе мандеев (южномесопотамской секты, корни которой восходят к иудейскому сектантству I в. н. э.).

...мед сей сотворили пчелы в Раю Радования... — Мед был принадлежностью ритуалов инициации в мистериях: у митраистов им очищали язык и

омывали руки посвященным, у христиан давали новокрещеным. Представление о райском меде, возможно, связано с тем, что меду уподоблена по своему вкусу манна небесная (Исх. 16:31), которая названа в библейском тексте «хлебом небесным» (Ис. 77:25). С другой стороны, в языческом плане пчела посвящена той самой Нейт, которой принадлежит Асенеф.

И простер человек тот руку свою десную, и отломил от сота, и вкусил, и вложил рукою своею от сота во уста Асенеф. — Это соответствует роли священника в ритуальной трапезе кумранитов, как, впрочем, и в христианской Евхаристии.

...и возложил перст свой на край сота, обращенный на восток... И простер он руку свою в другой раз, и возложил перст свой на край сота, обращенный на север — О святости восточной стороны в представлениях ессеев, терапевтов и христиан см. выше, примеч. к гл. 5 и 12. Север также имел в иудейской традиции сакральное значение: святая река Иордан почти на всем своем продолжении течет более или менее прямо с севера на юг, от севера является Яхве в Иов 37:22. В результате действий ангела на соте оказывается прочерчена фигура креста, что, разумеется, повышает вероятность намека на христианскую Евхаристию. Впрочем, фигурой креста были отмечены священные хлебы, например в митраистских мистериях.

И жили они... — В некоторых текстах этой же эпохи пчелы оказываются символом воскресения мертвых.

Глава 17

Видела ли слово сие? — «Слово» (греч. логос) выступает здесь как эквивалент еврейского «давар» и арамейского «милла», употребляемых и в значении «дело», «вещь».

Колесница огненная — образ из легенды о пророке Илие (4 Цар. 2:11), очень популярный в позднеиудейской апокалиптике.

Глава 18

Анаксириды. — См. примеч. к гл. 3.

Глава 20

...и не омоет другая ног твоих. — По иудейскому обычаю, жена должна была омывать ноги мужа.

Глава 21

Полный текст этой главы реконструируется из славянского извода; обратный перевод на греческий выполнен М. Филоненко.

И взял Фараон венцы золотые, и возложил на главы их... — Имеется в виду обряд венчания новобрачных, припавший и у язычников, и у иудеев, осуждавшийся некоторыми христианскими авторами (например Тертуллианом), но усвоенный Церковью.

...на семь дней. — Семидневное празднование свадьбы было иудейским обычаем.

Глава 22

Гесем — пограничная область на северо-востоке Египта.

...ибо возлюбил его, как мужа боговещего... — Апокриф «Завет Левиев» (I в. до н. э. — I в. н. э.) тоже приписывает Левиию пророческий дар.

Глава 23

...от десных рук ваших пал град сихемитов... — Согласно библейскому повествованию, Симеон и Левий перебили все мужское население городка Сихема, мстя за обиду, нанесенную их сестре Дине (Быт. 34:25–26), и воспользовавшись болезненным состоянием своих врагов.

...приму вас в сопутники мои... — Речь идет о придворном сане. Такой же смысл титута имеет слово «други».

Глава 24

Сыны Валлы и Зелфы — Валла и Зелфа — наложницы Иакова; их сыновья от Иакова Дан и Гад выступают и в других апокрифах как особенно ожесточенные антагонисты Иосифа. Это основано на неясном замечании библейского текста, согласно которому Иосиф сообщал отцу об их дурных поступках (Быт. 37:2). Специально Дан, названный в библейском же благословении Иакова «змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49:17), приобретает в позднеиудейском агадическом предании темные черты союзника и двойника демона Велиала. Он является предком и прообразом великого врага Мессии, в христианской традиции — Антихриста, мать которого будет из «колена Данова».

...продали меня исмаилитам. — Иосиф был продан братьями купцам из арабского племени, отправлявшимся в Египет (Быт. 37:25–28). Согласно библейскому рассказу, идея продать Иосифа (как альтернатива к плану его убить) принадлежала Иуде. В позднеиудейской литературе Дан есть инициатор другого замысла — плана обмануть Иакова при помощи окровавленного хитона Иосифа, который должен послужить вещественным доказательством, что Иосифа растерзал зверь.

...укроемся в зарослях тростника — мотив, известный в египетской мифологии; тростник — священное растение нейт. С другой стороны, греческое слово, означающее «заросли» (собственно «лес»), в философском языке означает «материю»; если автор, как можно заключить из некоторых непередаваемых моментов повествования, имел в виду аллегорический план, в котором Асенеф — разумная душа, а Дан и Гад — нападающие на нее злые страсти, понятно, что последние устраивают засаду в темной области материального.

Глава 25

И сказали Неффалим и Асир к Дану и Гаду. — В апокрифе «Завет Завулону» роль заступников за Иосифа принадлежит Завулону и Рувиму; здесь она передана Неффалиму и Асиру как сыновьям тех же матерей, что Дан и Гад.

...он царь есть над всею землею, и спаситель наш... — Соединение титулов «царя» и «спасителя» характерно для официальной семантики грекоязычных текстов эллинистического и римского времени.

...низведет огонь с небес, который пожрет вас... — Как на воинов израильского царя Охозии, приходивших схватить пророка Илию (4 Цар. 1:10 и 12).

...и ангелы Божьи ополчатся на вас. — Идея, что ангелы ведут войну на стороне праведников, не чужда Ветхому Завету (Ис. 33:8; ср. явление «вождя воинства Господня» — Ис. Нав. 5:13–15).

Глава 26

...да не будет погублен голодом ни единый человек во всей земле Египетской. — Возможно, человеколюбивая забота Иосифа о чужом народе подчеркнута в противовес нападкам египтян, возлагавших на евреев вину за голод (такие нападки обсуждаются Иосифом Флавием в его полемическом сочинении «Против Апиона»).

Глава 27

Вениамин — младший брат Иосифа от той же матери (Рахили), особенно к нему близкий, ничего не знавший оговоре других братьев и продаже Иосифа в рабство. Автор апокрифа делает его сверстником Асенеф.

Скимн — молодой лев, подросток львенка. В Библии скимну угодил Иуда, между тем как «звериная» эмблема Вениамина — волк (Быт. 49:9 и 27). Автор апокрифа нашел образ скимна более пристойным, тем более что у египетского читателя образ волка мог подменяться образом шакала.

...я выбрал из потока камень круглый... — Образцом здесь и ниже служило библейское описание единоборства Давида с Голиафом (1 Цар. 17:40–49), подвергнутое гиперболизации (если Давид запасается 5 камнями «из потока», что-

бы поразить одного Голиафа, Вениамиц, поразив 1 камнем сына фараона, с 50 камнями выходит на 50 воинов).

Глава 28

...как воск пред лицом огня. — Ис. 67:3.

Глава 29

И подбежал к нему Вениамин, и схватил меч его, и вытащил из ножен; ибо не носил Вениамин меча при бедре своем. — Снова реминисценция рассказа о Давиде и Голиафе (1 Цар. 17:50–51: «Меча же не было в руках Давида. Тогда подбежал Давид и, наступив на филистимлянина, взял меч его и вынул его из ножен, ударил его и отсек им голову его»). Но действие Давида оказывается на этот раз несостоявшимся (то, что Ф. Ф. Зелинский назвал «рудиментарным мотивом»). Очень реальные персонажи библейского повествования уступили место стилизованным образам непогрешимых праведников.

И умер Фараон, имея сто девять годов от роду... — Идеальная продолжительность жизни фараона, по традиционным египетским представлениям, на 1 год больше — 110 лет; именно в таком возрасте, по Библии, умер Иосиф (Быт. 50:26).

И царствовал Иосиф в земле Египетской... — О таком регентстве Иосифа уже после смерти покровительствовавшего ему фараона Библия ничего не знает.

И так сохранил его Бог... — По-видимому, этот эпизод, отсутствующий в большинстве рукописей, представляет собой позднейшую вставку. Мы сохранили его из-за его декоративной колоритности.

...и солнце купно со звездами преклонилось пред Иосифом... — Таков был сон, виденный Иосифом в юности (Быт. 37:9). Солнце здесь означает отца, луна (пропущенная в нашем тексте) — мать, одиннадцать звезд — братьев.

КНИГА ЕНОХА ПРАВЕДНОГО

Енох — ветхозаветный персонаж из самых начальных времен существования мира, живший еще до потопа и приходившийся Ною, строителю ковчега, прадедом. В нумеро-аккадских легендах ему соответствует Энмендуранна, седьмой в списке допотопных царей (как Енох — седьмой в списке поколений потомков Адама). Авторы поздненудейских и раннехристианских апокрифов любили таких персонажей, глазами которых можно было взглянуть на мир почти что от исходной точки его истории (таков, например, апокриф об Адаме и Еве). Сообщения о Енохе в Библии (Быт. 5:21–24) кратки и загадочны; тем

сильнее они действуют на воображение. Срок жизни Еноха — 365 лет, т.е. число дней солнечного года, что придает ему черты солнечного героя или солнечного царя. По истечении этого срока Бог каким-то образом «взял» Еноха к себе из этого мира.

Позднейшие легенды, очень многочисленные, рисуют Еноха как основателя письменности и прообраз благочестивого, умудренного писца (ему поручено вести летопись дел человеческих в потустороннем мире); как образец таинственного общения с Богом и аскетического уединения (он выходил из своего затвора к людям сначала через каждые три дня, потом через неделю, потом через месяц, потом через год); как праведного царя, законодателя и миротворца, первоверховного «правителя правителей» всего мира; как изобретателя астрологической премудрости; наконец, как человека, взятого живым на небо, первого в ряду избранных, телесно сохраняемых где-то в ином мире в ожидании часа возврата в этот мир (как пророк Илия, вознесшийся в огненной колеснице, по некоторым версиям — Мельхиседек и апостол Иоанн).

Восхождение Еноха на небо, его водворение в горних покоях, сообщение ему тайн устройства небес и ангельского управления космосом — тема целого направления эсхатологически ориентированной поздне-иудейской литературы, отчасти предшествовавшей, отчасти современной раннему христианству. Судьба принадлежащих к этому направлению текстов сложилась по-разному. Лишь фрагменты самого позднего из них, так называемой Третьей книги Еноха, дошли в подлиннике, т.е. на древнееврейском языке. Более ранние сочинения сохранились в переводах, возникших на большом временном расстоянии от подлинника. Так, один текст, восходящий к арамейскому оригиналу II в. до н. э., был переведен в V в. (или несколько позднее) на эфиопский язык («Мацхафа Хенок»). Нас интересует то произведение, которое возникло где-то между сроками возникновения обеих упомянутых Книг Еноха — то ли, как считают обычно, около I в. н. э. и притом по-гречески, то ли, как доказывал авторитетный отечественный исследователь Н.А. Мещерский, ранее, и притом по-еврейски, а в X—XI вв. было переведено на славянский язык, почему и обозначается в научной литературе как «славянский Енох». По-видимому, в нем широко использован эссеистский материал, в свою очередь вобравший в себя месопотамские, отчасти египетские и особенно иранские представления. Дискуссионным остается вопрос о мере христианской (иудео-христианской) переработки текста.

Глава 1

...в месяце первом, в особливый день месяца первого... — Еврейский календарь знал в древности две соперничавшие традиции — весеннего новолетия (1

нисана) и осеннего новолетия (1 тишри). В конце концов победила вторая традиция; здесь имеется в виду первая. Месяц первый — нисан (март — апрель); особый день нисана — либо 1-й день Пасхи, т.е. 15 нисана (полнолуние), либо 7-й день Пасхи, который полагалось проводить в удалении от всех дел. Середина месяца нисана — время года, особенно важное и для христиан, потому что на него приходится расятие Иисуса Христа (согласно трем первым Евангелиям — 15 нисана, согласно Евангелию от Иоанна — 14 нисана) и его воскресение.

Глава 2

Мафусаил упоминается в Библии (Быт. 5:25–27) как сын Еноха и дед Ноя. *Ригим* — имя, отсутствующее в Библии.

Ниже — и не (слав.).

Глава 3

...на небо первое... — Многоярусное строение небес — мотив, заимствованный из месопотамской космологии (как известно, зиккураты Вавилона, т.е. башни, у которых этажи уступами возвышались один над другим, — архитектурные модели именно такого образа мира). В греческой космологии этому соответствуют небесные сферы.

Храпилица снега и града. — Ср. Иов 38:22–23: «Входил ли ты в храпилица снега и видел ли сокровищницы града, которые берегу Я на время смутное, на день битвы и войны?»

Глава 5

...на третье небо... — Локализациярая именно на третьем небе находит основание в новозаветном тексте: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, — в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба. И знаю о том человеке (...), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2–4).

Четыре реки. — В библейской и общехристианской традиции этот мотив отнесен к саду Эдему, или земному раю (Быт. 2:10–14); принимая во внимание, что реки, имеющие райский исток, получают земную географическую идентификацию (Тигр и Евфрат и др.), перенесение мотива на рай третьего неба выглядит довольно странно. Четыре — число стран света и четырех стихий, т.е. дальнего мира в противоположность горнему.

...на север неба... — В традиции еврейской мистики север выступает как символ Божьего гнева и суда; с другой стороны. ветхозаветный текст говорит о намерении Денницы-Люцифера, восставшего против Бога, поставить свой престол «на краю севера» (Ис. 14:13). Для ближневосточного сознания север тождествен с левой стороной, поскольку ориентиром служит восток (ведь и само слово «ориентир» происходит от слова «ориент», т.е. «восток»), а левая сторона — место осуждения (на Страшном Суде осужденные будут поставлены «оную», т.е. по левую руку от Христа).

Глава 6

...солнце имеет свет, седмикратно больший против луны. — Произвольное истолкование библейского текста: «И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемерно» (Ис. 30:26).

...колесницы, на коих ездят солнце и луна... — Это один из самых распространенных мифологических образов. О солнечной колеснице говорят мифы всех индоевропейских народов (например иранцев, хеттов, эллинов, германцев и т. п.), а также народов, с ними соприкасавшихся, — от Китая до Атлантики. В языческих культах Палестины, против которых выступали пророки Яхве, употреблялись «колесницы солнца», позднее сожженные по приказу верного монотеизму царя Иосии (4 Цар. 23:11). Античное искусство разработало образ солнечной квадриги (четыре коня которой соответствуют четырем временам года). По в нашем тексте колесница солнца влекома не конями, а ангелами.

...и показали мне врата, коими выходит солнце по временам уставным и по обращениям лунным целого года, сообразно умалению и возрастанию дня и ночи: шесть врат, на расстоянии тридцати стадий... И возвели меня мужи те на запад неба того, и показали мне там шесть врат великих, отверстых, поставленных насупротив врат восточных; сими вратами заходит солнце сообразно восходу своему от врат восточных, по числу дней. — В сумме двенадцать врат, соответствующих двенадцати домам зодиака; это устройство должно объяснить перемещения эклиптики.

...первыми вратами к востоку тридцать один день, непременно... — Здесь и далее описывается особый род календаря, состоящего из 8 месяцев нормальной длины и 4 месяцев сверхобычной длины — в сумме 364 дня.

...воинов вооруженных... — Представление о звездах как небесном воинстве, усиливаемое стройностью и регулярностью движения созвездий и переплетающееся с идеей воинской службы ангелов, характерно для ветхозаветной традиции: «пред солнцем и луною и пред всем воинством небесным» (Иер. 8:2). Оно заимствовано из хананейской мифологии (поклонение «воинству небес-

ному» было известно пророкам и строго ими осуждалось), но переосмыслено таким образом, чтобы подчеркнуть пропасть между Богом как царем и светилами как его слугами и воинами: Яхве получил эпитет Цебаот (Саваоф) — «Господь Воинств», которому принадлежит вся сила звездной рати.

Глава 7

Бодрствующие — в ветхозаветной Книге Даниила (4:10 и др.) обозначение ангелов, которых отличает от людей неподвластность сну и вообще ничему косному, мгновенность, стремительность и окончательная определенность всех действий. Однако легенды о Енохе относят это обозначение специально к тем ангелам, которые, согласно Быт. 6:1–4, вступали в запретный для них плотский союз с «дочерьми человеческими», породили таким образом племя злых исполинов и в конечном счете навлекли на человечество потоп. Т. н. 3 Книга Еноха, дошедшая на еврейском языке (см. выше), особенно сурово относится к Бодрствующим и отказывает им в прощении. Здесь речь идет о наказании, имеющем длиться лишь до конца света, причем Енох видит тех Бодрствующих, которые сами не согрешили и лишь впали в недолжное уныние по причине позора своих собратьев; впрочем, выражения несколько противоречивы, что объясняется разновременными переработками древнего текста.

Гора Ермонская — Ермон (Гермон), горный хребет на северо-востоке Палестины. Предание о преступных браках ангелов и смертных женщин на горах Ермона — возможно, воспоминание о нагорных оргиастических культах древнейших времен (ср. уход в горы греко-фракийских менад).

Глава 8

Ангелы, поставленные над временами — т. е. устраивающие правильное чередование времен года. Как ясно само собой и оговорено ниже, их четверо.

Феникс — по другому чтению: «семь Фениксов». Миф о Фениксе, возникший в Египте и упомянутый уже Геродотом, был особенно популярен на исходе античности.

...Шестикрылатых... — серафимов. Ср. ветхозаветный текст: «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком (...). Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис. 6:1–2).

Глава 9

Светозарный чин Офанимов. — Позднейшее христианское учение о девяти чинах ангельских, окончательно упорядоченное у Псевдо-Дионисия

Ареопагита (V в.), не знает такого разряда ангелов. Речь идет о таинственных живых колесах, наделенных глазами, которые описаны в видении пророка Иезекииля: «Вид колес и устроение их — как вид топаза, и подобие у всех четырех — одно (...). А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. (...) Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных был в колесах» (Иез. 1:16–20).

Гавриил — один из старших ангелов (в христианской традиции архангел), чье назначение — раскрывать смысл пророческих видений и ход событий, особенно в отношении к приходу Мессии. Так он выступает в ветхозаветных эпизодах видений Даниила (Дан. 8:16–26; 9:21–27), где он призван «научить разумению» пророка. Здесь он тоже действует при введении Еноха в таинства «величества сущности Господней».

Михаил Архангел — небесный «архистратиг» («верховный военачальник»), полководец верных Богу ангелов и людей в космической войне против врагов Бога, покровитель и как бы ангел-хранитель «народа Божьего» (в Ветхом Завете — Израиля, в Новом Завете — «Воинствующей Церкви», т. е. совокупности всех верующих).

Глава 10

Вередил — загадочное имя, встречающееся только здесь. Некоторые специалисты предполагают (незасвидетельствованную) еврейскую форму Бребоэль, которую соотносят с новозаветным текстом «в Нем все создано» (Кол. 1:16; синодальный перевод несколько иной); но такое толкование совершенно гадательно. Может быть, «Веревиел» — попросту порча известного имени Уриила, одного из архангелов, известных не только в иудейской традиции (как Салафиил, Иегудиил, Йеремиил и т. п.), но и в христианской традиции (как Михаил, Гавриил и Рафаил).

...смирнем испещренные... — Не вполне ясное место; по-видимому, имеется в виду не смирний, а смирна, т. е. мирра — благоуханная смола аравийского кустарника, употреблявшаяся не только для умащения живых и бальзамирования мертвых, но также в качестве красителя.

Глава 11

Адоил — имя, не встречающееся в других известных текстах. Его последний слог — тот же, что в именах «Михаил», «Гавриил», и т. п. (собственно, имя Божье); «Адо» — свр. «вечность Его».

...век великий. — В этих словах отражено восходящее к иранскому зерванизму по-разному развивавшееся в поздне-античном язычестве, иудаизме, раннем христианстве и гностицизме представление об Эоне — континууме мирового времени вместе со всем его предметным наполнением.

И видел Я, что она хороша. — Ср. Быт. 1:4 и др.

Архас — в отличие от еврейского «Адоил» имя греческое; рукописная традиция дает для него множество вариантов.

МАРА БАР СЕРАНИОН

ПИСЬМО К СЫНУ

Похоже, что этот загадочный текст — самое раннее произведение сирийской литературы, по крайней мере из тех, которые до нас дошли. Не исключена возможность, что он принадлежит 2-й пол. I в. Об авторе нет никаких сведений, помимо тех, которые можно извлечь из самого письма. Из последнего явствует, во-первых, что Мара был состоятельным, образованным и уважаемым горожанином, по-видимому, уроженцем Самосаты, цветущего города на Евфрате, давшего античной литературе Лукиана; во всяком случае, его родина — тот самый северо-восточный угол Сирии, неподалеку от Эдессы, которому суждено было стать колыбелью сирийской литературы. Далее очевидно, что этот отец семейства оказался жертвой проведенной римскими властями депортации нежелательных лиц; ему пришлось разлучиться с близкими и идти в изгнание, может быть — в заключение, и вокруг он видит многочисленных товарищей по несчастью. В пограничных землях у Евфрата, лежавших подле рубежей враждебной Парфянской державы, такие события происходили не раз; они засвидетельствованы и для I, и для II в., и для времен более поздних, так что твердой датировки отсюда не вывести. Есть еще одно обстоятельство, очень любопытное: нанизывая на нить общего рассуждения о судьбе невинности в этом мире один пример за другим, Мара рядом с Пифагором и Сократом упоминает «Мудрого Царя» нудеев: царь этот был казнен своим же народом, однако нудеям после этого приходится худо, они утратили родину и живут в рассеянии, а память о казненном сохраняется благодаря его «мудрым законам» — добрый человек страдает от злых людей, но оставляет о себе добрую память. Ясно, что это могло быть написано только после разрушения Иерусалима войсками Тита в 70 г.; что «Мудрый Царь» — это Иисус Христос; что Мара знаком с христианской проповедью (в частности, с учением о царском сане Христа как потомка династии Давида и с интерпретацией гибели Иерусалима как небесной

кары за его казнь) и относится к ней сочувственно, однако сам не является христианином, поскольку Иисус для него — лишь один из мудрецов и невинных страдальцев, вызывающих уважение и симпатию и пригодных как ободряющий пример для человека в беде, не более того. Дело Христа понято не как основание «мистического тела» Церкви и не как искупление человечества, но как дарование «законов», т.е. нравственной доктрины. Такая позиция, пожалуй, не может служить окончательным, бесспорным основанием для датировки текста; и все же маловероятно, чтобы так говорил человек конца II в. или тем паче III в., т.е. современник многочисленной повсюду распространившейся институционально оформившейся церковной организации, когда сила вещей уже не оставляла места для такого неопределенного сочувствия и вынуждала каждого определить свое место, примкнув либо к Церкви, либо к одной из еретических общин, либо к противникам христианства, и когда приверженцы синкретического мистицизма (многочисленные как раз в Сирии) были заинтересованы в мистических аспектах христианства. Напротив, для 2-й пол. I в. мы, как кажется, имеем внехристианское высказывание о Иешу из Назарета, очень похожее по тону и точке зрения на письмо Мары (см. ниже, примеч. к этому месту).

Вообще Мара — человек, открытый самым разным идеям, лишь бы они утешали и давали внутреннюю свободу перед лицом насилия. Его культурная формация — зеркало западно-восточного синкретизма, характерного для книжников Сирии. Хотя обстоятельства жизни Пифагора в его голове перелутаны, он любит эллинский философский идеал; ему особенно близок стоицизм, подходящий и к обстоятельствам, в которых он инсал, и к его несколько резонерскому темпераменту (любопытно и трогательно видеть, как стоические призывы к абсолютной невозмутимости перемежаются у него с внезапными вскриками, воплями души, достойными библейского Иова). С другой стороны, некоторые его слова звучат как отголосок доктрин зерванизма, родившихся на восток от Сирии — в Иране.

О памятнике см. также: Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 33–34; Аверинцев С.С. Стоическая житейская мудрость глазами образованного сирийца предхристианской эпохи. — Античная культура и современная наука. М., 1985, с. 67–75.

Русский перевод послания Мары, к сожалению, неполный, с неоговоренными и неотмеченными пропусками, был напечатан в книге: От Ахикара до Джано. Предисл. П. Пигулевской. М. — Л., 1960.

...пашел я упрядненным при рождении жизни. — Текст испорчен, понимание этого места сомнительно.

Самосата — сирийский город на западном берегу Евфрата в месте его выхода из горной зоны, родина сатирика Лукнана и раннехристианского епископа Павла, столица Коммагены (о ликвидации суверенитета этого «буферного» государства римлянами в 72 г. см. выше).

Селевкия — Имеется в виду либо Селевкия Вавилонская, расположенная на Тигре в 70 км от Вавилона, либо Селевкия Киликийская, лежавшая недалеко от моря в юго-восточном углу Малой Азии.

Пусть же радуется человек державе своей, как Дарий... — Следует характерный для увещательной дидактики каталог примеров тщеты земных благ. Примеры эти взяты из греческой истории или — для Мары в этом нет различия! — из греческого мифа. Дарий — либо Дарий I, чей полководец Мардоний потерпел поражение в 490 г. до н. э. при Марафоне, либо, что вероятнее, Дарий III, потерявший свое царство в войне с Александром Македонским и убитый своими же сатрапами в 330 г. до н. э.; *Поликрат* — тиран (правитель) о. Самоса во 2-й пол. VII в., вошедший в поговорку своей удачливостью, но в конце концов казненный врагами; *Ахилл* — герой «Илиады», обреченный богами на раннюю смерть; *Агамемнон* — победитель Трои, предательски убитый по возвращении из похода собственной женой Клитемнестрой; *Приам* — престарелый царь Трои, отец рода, увидевший гибель своих многочисленных сыновей; *Архимед* — великий математик, физик и военный инженер (поэтому Мара говорит о его «искусстве», то есть техническом умении), убитый в 212 г. до н. э. во время взятия Сиракуз римлянами: *Сократ* выпил яд по приговору афинского суда в 399 г. до н. э.; *Пифагора* Мара считает сожженным (но более распространенной версии, дом, наполненный пифагорейцами, действительно был подожжен гражданами Кротона, но сам Пифагор при этом не погиб); мифический *Паламед*, герой Троянской войны, будто бы изобретший алфавит, игру, напоминающую наши шашки, и прочие искусства, был из зависти оклеветан Одиссеем и казнен ахейцами.

...сыны Самоса, //сжегши Пифагора? — На самом деле Пифагор покинул Самос, свой родной остров, еще в молодости.

...иудеи, //казнив Мудрого Царя своего? — См. выше. Взгляд Мары на Иисуса как на мудрого, но отнюдь не божественного учителя сильно напоминает подлинный (не интерполированный) отзыв Иосифа Флавия, недавно обнаруженный в составе арабоязычной всемирной хроники Аганиа из Менбиджа (X в.): «Во время это был мудрый человек, по имени Иисус. Его жизнь была хорошей, и был он известен за добродетель; и многие люди среди иудеев и других народов стали учениками его. Пилат осудил его на распятие и смерть. Но те, кто стали учениками его, не оставили ученичества своего. Они рассказывали,

что он явился им на третий день после распятия своего и что он был жив; соответственно с этим, он якобы был Мессией, о котором пророки возвещают чудеса».

ДЕЯНИЯ ПАВЛА И ФЕКЛЫ

Если верить Тертуллиану, этот грекоязычный апокриф был в самом конце II в. сочинен неким малоазийским пресвитером «из любви к апостолу Павлу»; ему пришлось за это лишиться своего сана. Во всем каноне Нового Завета только один раз говорится о блаженстве девственников, «которые не осквернились с женами» (Откр. 14:4); но в «Деяниях Павла и Феклы» эта тема, затрагивавшая самые чувствительные струны в душах стольких людей той эпохи, с неослабевающим энтузиазмом трактуется чуть ли не на каждой странице.

Глава 1

Когда восходил Павел к Иконию, бежав из Антиохии... — Имеется в виду Антиохия Писидийская, откуда Павел был изгнан (Деян. 13:50). Писидия — область на юге Малой Азии; Иконий — город в Ликаонии, другой малоазийской области, лежавшей к северо-востоку от Писидии.

Димас и Ермоген-медник — От имени Димаса Павел передает привет христианам фригийского города Колосс (Кол. 4:14); однако в другом послании (2 Тим. 4:10) встречается жалоба: «Димас оставил меня, возлюбив нынешний век». Там же упомянут и Ермоген в числе покинувших апостола (2 Тим. 1:15).

...Возлюбленного... — Имеется в виду Иисус Христос. Помимо чисто эмоционального наполнения эпитета нужно иметь в виду, что по-арамейски одно и то же слово могло означать и «возлюбленный», и «единородный»; к тому же оба эти слова могли прилагаться к аскету, избравшему добровольное девство.

Глава 2

...муж некий по имени Онисифор... — Ср. 2 Тим. 1:16: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня». Впрочем, из продолжения этой фразы явствует, что встреча Онисифора с Павлом состоялась не в Иконии, а в Риме.

Тит — адресат одного из «пастырских» посланий апостола Павла в каноне Нового Завета, названный «истинным сыном по общей вере» (Тит 1:4).

Глава 3

...по дороге царской на Листру... — обычное название большой проезжей дороги, «большака». Листра — город в Ликаонии.

...мужа низкорослого, лысого, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом немного выступающим... — Такие «словесные портреты», связанные с традицией физиогномики, которая была для античного и средневекового мира одной из основных наук, чужды библейской поэтике, но получают развитие в христианской литературе. Внешний облик Иисуса Христа, о котором в Евангелиях не сказано ни единого слова, становится позднее предметом самых обстоятельных «экфраз» (описаний). Вот заметка анонимного византийского автора, писавшего около 950 г.: «Обличие Богочеловека, по нашему естеству, как приняли мы от самовидцев Его и апостолов, было вот какое: по росту муж совершенный, меру не превышавший, но и не малорослый, с плотию тонкокостною, чуть сгорбленный, с волосами обильными и локонами завивающимися, с головою неостриженною и непокрытою, с бородою отпущенною, с прядями волос, надвое прямо надо лбом расходящимися, с носом протяженным, с радужною карею, смуглый, с выею длинною, с верхней губою малою, которая не сжата протяженностию усов, но сокращена во знаменование скромности и достоинства». Что касается специально апостола Павла, его иконография в изобразительном искусстве, как известно, складывается не позже III в. (медаль с изображением Петра и Павла в Ватиканском музее) и затем остается поразительно стабильной — может быть, не без влияния нашего апокрифа.

ГНОСТИЧЕСКАЯ ХОРОВОДНАЯ ПЕСНЬ

Предлагаемый текст дошел в составе своеобразного гностического «романа», известного под заглавием «Деяния апостола Иоанна», или «Странствия апостола Иоанна», и сохранившегося с большими пробелами. Повидимому, апокриф этот сложился к III в. как переработка материала II в.; место возникновения остается спорным.

Гимн вводится следующим образом: Иоанн в своей проповеди рассказывает о чудесах Христа, свидетелем которых он был, и, в частности, о сверхъестественных свойствах, которыми обладало Христово Тело еще до Его воскресения (мотивы ереси докетов, осужденной Церковью); затем он переходит к описанию последнего вечера, проведенного Христом со Своими учениками накануне казни (в ортодоксальной традиции — время Тайной Вечери и моления о чаше). Но здесь перед нами мистериальный круговой танец. Возможно, эта картина как-то связана с культовой практикой гностических сект. Иисус, стоящий в центре хоровода, сам сравнивает свою речь с музыкой флейты — инструмента, с древних времен употребительного в культе Диониса

и других божеств экстатических «радений». Правда, сам по себе образ священного хоровода был аллегорией, распространенной и в ортодоксальной христианской литературе той эпохи. Например, Климент Александрийский (II–III вв.) рисует христианское учение как новую, неслыханную музыку: «Слово небесное, этот певец, непобедимый в состязании, венчаемый победным венком в том театре, имя коему — мироздание. Это мой Эвном поет, но не на Терпандров или Капионов, не на фригийский, дорийский или лидийский лад, но вечный напев новой гармонии на Божий лад» (перечислены названия музыкальных ладов, употребительных в античной культуре).

...Свете, // в Коем тьма не обитает! — Ср. 1 Ин. 1:5: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы».

...спастись желаю, // и спасти желаю! — Христос, как он изображен в этом гимне, в отличие от ортодоксального образа, не только Спаситель мира, всецело благой, светлый и чистый; он и сам нуждается в спасении, в просветлении, в «воссоединении», которые несет людям. Он не только субъект, но и объект акта спасения, и потому глаголы, описывающие этот акт, применены к Нему не только в действительном, но и в страдательном залоге.

...предаться во снедь желаю! — Ср. Ин. 6:54; «Вкушающий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную».

Омываем быть желаю, // и омывать желаю! — Имеется в виду крещение.

Благодать пляшет! — Благодать (греч. Харис) мыслится как женское духовное существо — особый эон, составляющий с другим, мужским, эоном супружескую чету — «сизигию»; это мотив, специфичный для гностиков.

Осьмерица, Дванадцатое Число — различные комбинации эонов, духовные множества различного объема. В системе гностика Птолемея (II в.) Осьмерица состоит из следующих пар: Праотец, или Бездна, и Благодать; Ум и Истина; Слово и Жизнь; Человек и Церковь. От четвертой пары рождается еще 6 пар, образующих Дванадцатое Число: Утешитель и Вера; Отчий и Надежда; Матерний и Любовь; Вечноум и Разумение; Церковный и Блаженство; Желанный и Премудрость.

ГИМНЫ ИЗ «ДЕЯНИЙ АПОСТОЛА ФОМЫ»

«Деяния апостола Фомы» — апокриф, возникший на сирийском языке в гностических кругах неподалеку от Эдессы, т.е. в средоточии исходного ареала самобытной сирийской культуры. Существует заманчивое предположение, что оформился он в кругах последователей знаменитого еретического мыслителя и поэта Вардесана (Бар-Дайшнаа), основателя сирийской гимнографической

традиции, в идейной борьбе, но и в художническом состязании с которым создавали свои стихотворные тексты Ефрем Сирий и другие ведущие авторы сирийского «золотого века».

Апокриф дошел в двух версиях — сирийской и греческой (существуют также латинский, эфиопский и армянский переводы, свидетельствующие о популярности «Деяний апостола Фомы», но едва ли дающие что-нибудь для выяснения первоначального текста). Соотношение между версиями спорно. Само собой разумеется, что греческая версия переносит литературный памятник в целом в инородную языковую сферу и разрушает, в частности, языковую структуру гимнов; однако существует мнение, что она вернее удерживает гностический характер памятника, чем сирийская версия, относительно более близкая к ортодоксальному христианству. Все же в ряде случаев связь мыслей в сирийской версии представляется более логичной и органической, и тогда позволительно думать не столько об ортодоксальных переделках в ней, сколько о переработке греческого текста в духе западного, александрийского, гностицизма, который сильно отличался от восточного, сирийского. Поэтому в нашем переводе за основу взят сирийский извод, хотя некоторые места исправлены по греческому.

ПЕСНЬ О НЕВЕСТЕ

По ходу действия апокрифа Фома воспеваает этот гимн на брачном пиру царской дочери, намереваясь призвать новобрачных к аскетическому воздержанию и с этой целью противопоставляя земному браку небесный.

Невеста — в ортодоксально-христианском понимании Церковь, обрученная Богу как Невеста. Ср. символику Апокалипсиса: «Наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне Ангел: «напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца» (19:7–9). Но в гностической перспективе Невеста может быть понята как Ахамот — падшая София Премудрость Божия, искупленная Христом и восстановленная в своем надмирном достоинстве. Поэтому мы шли в переводе за греческим текстом; сирийский извод однозначно фиксирует ортодоксальную интерпретацию образа, заменяя слово «Невеста» формулой «Церковь моя».

Царь на темени ее явлен... — Бог Отец, верховное, непостижимое начало, описывается в литературе сирийско-гностического круга как «глава» Ахамот. В одном фрагменте Вардесана Ахамот восклицает: «Бог мой, глава моя, зачем Ты меня оставил!»

Двунадесятъ апостолов. — Евангелия говорят о 12 апостолах (Мф. 10:2–4 и др.) и «других 70 учениках» (Лк. 10:1); в церковной традиции число «70» было заменено на 72 = 12 x 12/2 (ср. число старейшин в Исх. 24:1: Моисей + Аарон + 70 старейшин = 72). В греческом изводе более загадочное число 32, без упоминания апостолов.

Язык ее подобен завесе во Храме... — Имеется в виду двойная завеса, отделявшая в Иерусалимском храме помещение, которое называлось Святая Святы; туда имел право входить только первосвященник один раз в году для молитвы за весь народ. Здесь первосвященнику уподобляется звук сакральной речи, «подвигающий» завесу языка.

Ее выяз подобна башне... — Ср. экзотическую образность ветхозаветного текста: «Шея твоя, как столп Давидов, сооруженный для орудий, тысяча щитов висит на нем» (Песн. 4:4).

Место чистых Эонов. — Перевод по греческой версии; в сирийской версии — «страну жизни».

...перстов ее десятирица... — Число пальцев уподоблено Десяти эонам (Декаде), образующим вместе с начальной Осьмерицей (см. примеч. к тексту «Гностическая хороводная песнь») и замыкающей Дюжиной (Двунадесятое Число, там же) Тридцать эонов — Полноту, или Плерому. В системе гностика Птолемея состав Декады таков: эоны Глубинный, Смещение, Нестареющий, Единение, Самородный, Наслаждение, Педвижный, Растворение, Единородный, Блаженство. Возможно, было эзотерическое учение, соотносившее каждый палец обеих рук с одним из эонов Декады.

Град — Имеется в виду райский град, т.е. Небесный Иерусалим из гл. 21 Апокалипсиса. Интересно, что число этого града — 12 (12 ворот и 12 ангелов ворот, 12 оснований стены, 12 драгоценных камней, украшающих эти основания, 12 000 стадий в длину, ширину и высоту, 144 = 12 x 12 локтей как мера стены); между тем все в той же гностической системе Десятирица «отмыкает» именно Двунадесятое Число. Эта связь, обычно не отмечаемая комментаторами, едва ли случайна.

Мирты правды пол покрывают... — Здесь и далее перевод по греческой версии.

Сыны брачного чертога. — Смитический оборот, означающий «друзек» («друзей жениха») на свадьбе и примененный у Марка (2:19) к ученикам Христа. В греческой версии их число, как и число семи спутниц невесты, — семь.

Лев, и Телец, и Орел, и Ангел — так называемые «Животные» из ветхозаветного видения Иезекииля (Иез. 1 и 10); перевод по греческой версии (в сирийской версии говорится о Двенадцати — то ли апостолах, то ли Эонах). Хри-

стианская традиция истолковала «Животных» как символы евангелистов (обычно Ангел — Матфей, Лев — Марк, Телец — Лука, Орел — Иоанн; в раннехристианскую эпоху известны были и другие варианты).

...в радость Господина своего внити... — Ср. Мф. 25:21.

...Отца Живого... — словосочетание, характерное, по-видимому, для лексико последователей Вардесана.

...истив от воды, в жизнь текущей... — сирийская версия понята нами как отголосок Ин. 4:14. Греческая версия говорит в этом месте о вине.

...и Духа, Премудрости Матерь — «Дух» по-сирийски женского рода; то же по-еврейски и по-арамейски. В апокрифическом «Евангелии от евреев» Христос говорит: «Матерь моя, Дух Святой». Перевод с учетом как сирийской, так и греческой версии.

ПЕСНЬ О ЖЕМЧУЖИНЕ

Эту песнь по ходу действия апокрифа Фома воспевает в темнице. В центре песни — характерно-гностическое представление о ниспосланном свыше посланце, который, однако, в стране мрака сам попадает под власть сил мрака и должен быть выведен из забвения пробуждающим откликаньем с родины.

...дома моего Отца... — Для героя песни, как для Христа, царство света — это Отеческий дом, из которого он «спускается» в царство мрака (ср. Ин. 14:2: «В доме Отца Моего обителей много»).

...от Востока, отечества моего... — В символике сакрального пространства восток — эквивалент верха, запад — низа; христиане, а до них ессеи молились стоя лицом на восток. Сам Христос обозначается в церковной гимнографии как «Восток с высоты» (ср. Лк. 1:78). Рай мыслился насажденным «в Эдеме на востоке» (Быт. 2:8). Но для «Песни о Жемчужине» характерна особая географическая символика, в которой земли Ирана («Восток») соответствуют верховному царству чистой солнечной духовности, как Месопотамия — опасному промежуточному царству астральных демонов, а Египет — дольней преисподней мрака и материи.

...велико было время, но легко... — Ср. Мф. 11:30: «бремя Мое легко».

...от земли Гелер... — Прочтение спорно.

Гандзак — на территории современного Азербайджана.

Кушаны — древнее ираноязычное племя, во II в. до н. э. пришедшее из Зятяншанья в Согдиану и Бактриану (Средняя Азия). В I–IV вв. н. э. существовало могущественное Кушанское царство, включавшее обширные среднеазиатские, восточноиранские и североиндийские владения.

«Если ты в Египет снидешь...» — Символика Египта как царства мрака была широко распространена; исходные точки для него — библейский мотив «исхода» Божьих избранников из Египта, давно перетолкованный как аллегория «исхода» из «плотской» жизни к духовной; библейский же образ «тьмы египетской» (Исх. 10); характеристики египтян и египетских божеств у пророков (напр. Иез. 23:20: «у которых плоть — плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов»); этимология названия Египта на египетском языке (Кеме — «чернота»).

Жемчужина — здесь: символ избранной души в царстве мрака. О богатстве значений этого символа см. послесловие.

...сущую в утробе моря,/ и подле пасти пыхающего Змия... — Змий в море — распространенный символ враждебных Богу сил хаоса. В различных ветхозаветных текстах присутствуют рудименты мотива поединка Бога с водным чудовищем. Пс. 73:13–14 обращается к Яхве: «Ты расторг силою Твоею море. Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана». Образ змия как царя острова среди моря возникает в древнеегипетской «Сказке потерпевшего кораблекрушение».

Майшан — область у русла реки Тигра.

Сарбуг — город в Месопотамии.

Постоялый двор — мистический символ дольней, «плотской» жизни.

...свободнорожденного моей земли и сродной крови я приметил там... — Гностики узнают друг друга, как земляки в чужой земле.

...земли Парфянской... — Парфия — нагорье к юго-востоку от Каспийского моря, здесь «Песнь о Жемчужине» локализует царство света. Есть предположение, что ее топика восходит к дохристианскому иранскому мифу.

Отец героя — очевидно, высшее божество, некое соответствие первой ипостаси христианской Троицы; *Мать* — Дух Святой; загадочной фигурой остается брат героя. Любопытно, что «Деяния апостола Фомы» рисуют Фому как близнеца Христа (с обыгрыванием имени Фома, которое по-арамейски и значит «Близнец»).

Гирканские высоты — нагорье близ Каспийского моря, недалеко от Парфии.

...риза предстала как зеркало мое... — Одевание и зеркало — два эквивалентных образа для выражения идеи горнего подобия личности посвященно-го, «гностика».

...так, что в разделении были мы//и все же явлены в обличьи одном. — Высший лик посвященного тождествен его личности и одновременно отличен от нее, они являют собой двоих и единое.

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ

Соломон, сын Давида, — вполне реальный исторический персонаж; он был царем Израильско-Иудейской державы в период наивысшего расцвета последних, накануне ее распада (965–928 гг. до н. э.). Библейские хроники (3 Цар. 3–11; 2 Парал. 2:1–9) дают трезвый, порой даже прозаичный образ пронизательного и миролюбивого монарха, тонкого дипломата, сумевшего наладить отличные отношения с соседями, высоко поднять уровень культуры в придворных кругах своей столицы — Иерусалима и лично участвовать в интеллектуальных играх своих писцов и грамотеев. С похвалой отмечаются его «мудрость и весьма великий разум и обширный ум, как песок на берегу моря». (3 Цар. 4:29); недаром ему приписано авторство сборника афоризмов (Книга Притчей Соломоновых), а позднее — Экклезиаста, Песни Песней и Книги Премудрости Соломона. Это царь-умник, царь-острослов, загадыватель и разгадыватель загадок. С религиозной точки зрения, важнейшее дело его жизни — строительство Иерусалимского храма, окруженного в иудейско-христианской традиции ореолом исключительной, ни с чем не сравнимой святости. Это дало импульс фантазии десятков поколений. Поскольку древнееврейская государственность никогда уже не смогла хотя бы отдаленно приблизиться к уровню эпохи Соломона, постаглическая тоска по этой эпохе придавала ей все более сказочный блеск. С другой стороны, «мудрость» Соломона переосмыслялась как волшебное тайноведение, царственная белая магия, подчиняющая его владычеству мир демонов. Нескончаемые позднееврейские и христианские, а затем мусульманские легенды изображают, как богоугодное дело строительства храма осуществляется силами покоренных и обузданных богопротивных сил. Здесь угадывается двойственность, амбивалентность, присущая древним представлениям о строителе: может быть, он творит благо, но при этом нарушает человеческую меру, выходит за ее пределы, налагая на естество некое насилие, и на его величии лежит отблеск чего-то демонического. Недаром первый в мире город, по Библии, построил первоубийца Каин (Быт. 4:17), а величайшее строительное дело, о каком повествует Библия, — созидание Вавилонской башни (Быт. 11: 3–9); недаром также Моисею запрещено было строить жертвенники из тесаных камней, оскверненных обработкой (Исх. 20:25), а праведные рехавиты похвалены пророком Иеремией за то, что воздерживались от строительства домов и продолжали обитать в кочевых шатрах (Иер. 35:7); такой же шатер служил вплоть до построения Соломонова храма вместилищем святынь Яхве и местом его присутствия (скиния, ср. Исх. 26). Соломон как строитель храма очень далек от строителей Вавилонской башни, но от невинности

рехавитов он тоже далек, и камни для его постройки употреблены, конечно, тесаные (3 Цар. 6:7). Амбивалентность роли строителя сливается с амбивалентностью роли царя, оцениваемого одновременно как избраннык Яхве, усыновленный им (Пс. 2:7), и как злой соперник Яхве (1 Цар. 8:7). В царе есть магическая, нечеловеческая сила, и, если его дело благое, значит, это добрый волшебник. Во всяком случае, без того чтобы знаться с демонами, ему не обойтись.

Повестей о Соломоне существует множество: интерес, который в них преобладает, — демонологический. Датировать их нелегко. О повести, приводимой в этой книге, едва ли можно сказать больше того, что она принадлежит ранневизантийской эпохе.

Глава 1

Увидел царь Давид жену Уриеву... — эпизод падения Давида изложен по Библии (2 Цар. 11:2–24).

Велиар — дух небытия, пустоты, лжи и разрушения. Преступление названо в Пс. 100:3 «делом Велиара» (в синодальном переводе — «вещь непотребная»). В иудейской апокалиптике оказывается вождем соvrащенных им воинств «сынов тьмы».

Но прежде, нежели совершиться тому, пришел ангел Господень к пророку Нафану... — Этот эпизод в Библии отсутствует.

...и пошел уже к Давиду Нафан... — Обличительная речь Нафана и его басня об овечке снова взяты из библейского повествования (2 Цар. 12:1–10).

И начал он с сокрушением сердца говорить псалом пятидесятый... — Этот покаянный псалом введен в библейском каноне «надписанием»: «Псалом Давида, когда приходил к нему пророк Нафан, после того, как Давид вошел к Вирсавии».

Премудрость же Соломонова подобна была премудрости Адама — Многочисленные поздненудейские тексты говорят о тайноведении, которым обладал Адам до своего грехопадения и малые крохи которого сохранились в мистических и оккультно-магических преданиях.

...частью от дивного Сираха... — Имеется в виду Иисус сын Сирахов, иудейский мудрец начала II в. до н. э., сочинивший дидактическую Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова, которая была переведена на греческий язык внуком автора и в таком виде вошла в христианский канон Ветхого Завета, где оказалась рядом с Книгой Премудрости Соломона. Это соседство, как и сходство заглавий обеих книг, побуждало сблизжать в воображении Соломона с Иисусом сыном Сираховым («Сирахом»), хотя исторически их разделяют во-

семь столетий. Один из примеров -- красивая миниатюра манускрипта № 6 Королевского собрания в Копенгагене (Византия, середина X в.); на высоком престоле в венне и царских ризах восседает Соломон, у его ног на простом табурете сидит Иисус сын Сирахов, скромный мудрец, с виду несколько похожий на античных философов, а из-за колоннады с аканфовыми капителями, замыкающей сцену сзади, видна по грудь Премудрость в мафорин и со свитком в руках.

Глава 2

...восхотел дивный Соломон дом воздвигнуть Господу Богу... -- Ср. Деян. 7:47: «Соломон же построил Ему дом».

Михаил Архангел -- главный антагонист Сатаны, предводитель ангелов и защитник верующих в космической войне против бесовских сил (ср., напр., Откр. 12:7–9). Его имя часто фигурирует в заговорах и оберегах греческого средневековья как оборона от злого действия.

Глава 3

Скажи мне, лукавый духе и нечистый, каково прозвание твое... -- Знать имя демона -- значит иметь над ним власть. В практику экзорцизма (заклипания беса) входит вопрос об имени, на который бес нехотя отвечает, понуждаемый силой святыни (в данном случае -- Михайловой печати).

Глава 4

...не пройдет и трех дней, и примет сын кончину свою. -- Распространенный в апокрифических и фольклорных преданиях юдаизма и христианства мотив: пребывающий среди людей (явно или инкогнито) обладатель нечеловеческого знания о будущем -- ангел, демон, ходящий по земле пророк Илия и т. п. -- с позиций этого своего знания видит насквозь суету дел человеческих. В апокрифах о Соломоне роль эта часто отводится бесу Асмодею, а в славянских переработках этих легенд -- чудинцу Киговрасу (т. е. Кентавру).

Глава 5

Царица Севера, сама Сивилла Премудрая. -- Долговечная и вещая Сивилла -- героиня античных легенд, первоначально связанных с Малой Азией. Позднее рассказывали о появлении Сивиллы в Дельфах, в Риме, показывали Сивиллин грот в окрестностях Неаполя. Римский ученый Варрон уже различает 10 Сивилл. На исходе античности имели хождение «Сивиллины книги» -- собрания оракулов, выставившие древнюю вещунью провозвестницей то ли

нуданзма, то ли христианства. Поэтому для христианского средневекового сознания Сивилла — пророчица о Христе, конце света и т. п.; именно так она упомянута в знаменитой католической секвенции XIII в. «Dies irae», и еще Микельанджело поместил Сивиллу на потолке Сикстинской капеллы рядом с ветхозаветными пророками. Как «добрая» язычница, близкая к «истинной вере», выступает она и здесь. Обозначение «царица Севера» явно имеет целью поставить Сивиллу в отношении парной симметрии к «царице Юга», как названа в Евангелии (Мф. 12:42) царица Савская — легендарная собеседница Соломона, пришедшая поклониться его мудрости из своего царства на юге Аравии (3 Цар. 10:1–13). Малая Азия лежит от Иудеи на север; что касается царского сана, то он устойчиво ассоциировался для воображения с сакральной мудростью (ср. образы царей-волхвов), чему способствовала реальность маленьких «теократических» государств древнего Ближнего Востока с царями-жрецами.

Глава 6

Камень смарагд — изумруд.

...камень краугольный, его же отвергли человеки и демоны... — Ср. Ис. 117:22: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла».

Глава 7

Самил — в иудейской демонологии злой дух, отождествляющийся и с ангелом смерти, и с Сатаной.

Могу дуновением моим унести тебя даже до края земли. — Отголосок расказа о наказании Соломона за гордыню: бес Асмодеи, приняв облик царя, подменял его на престоле, в то время как царь должен был бродить нищим, отверженным и неузнанным, искупая свой грех.

Глава 8

«Над всеми письменами буква хи князь есть». — Это начальная буква слова «Христос», образующая основу монограммы имени Христа.

И были там Херувимы, и Серафимы, и Шестикрылатые; и позади жертвенника — Многоочитые, и Престолы, и Господства. — Херувимы, Серафимы, Престолы и Господства — чины ангельские, т.е. ступени иерархии ангельских существ (первые два упоминаются в Ветхом Завете, вторые два — в Новом Завете); эпитеты «шестикрылатые» и «многоочитые» обычно применяются к Серафимам и Херувимам.

ЕСТЕСТВОСЛОВ

1. О ЛЬВЕ

Так Иаков, благословляя Иуду... -- Быт. 49:9.

Три свойства – букв. «три природы».

...хвостом своим сокрывает свои следы... – По-видимому, представление о льве, заматающем в бегстве свои следы, родилось из наблюдений, зафиксированных у Аристотеля, согласно которым убегающий лев опускает хвост. О заматании следов речь идет уже у Элиана.

Так и Христос наш... – Христос назван «львом от колена Иудина» в Апokalипсисе (5:5). Эпитет «наш» в приложении к Христу подчеркивает переход от данных «Естествослова», мыслящегося языческим автором, к христианской интерпретации этих данных, от языческой басни к христианской басенной морали: язычник рассказывает нам о льве, а мы, христиане, вспоминаем «нашего» Христа. «Мысленный» – установившийся в церковной славяно-русской традиции термин, выражающий противопоставление духовного смысла материальному образу.

Со Ангелами Ангелом явился... – Ангелы, Архангелы, Престолы, Власти – обозначения различных ступеней ангельской иерархии. Мысль, что Бог утаил замысел Воплощения даже от ангелов, довольно обычна для православных текстов, богословских и особенно гимнографических; но исключительно важной она является для гностика, учащего о тираннии «космократоров», которая как бы отделяет мир от Бога, так что Спасителю, пробирающемуся в мир, надо мпновать враждебные заставы, обманывая их бдительность (такие мотивы характерны, например, для известного гимна гностиков-иаассенов, а также для «Песни о Жемчужине» из «Деяний апостола Фомы»).

...и Слово стала плотию... – Ин. 1:14.

Кто есть сей Царь славы?.. Господь сил. Он есть Царь славы. – Пс. 23:10. Очень сходное место с неиспользованием той же ветхозаветной цитаты в «Собеседовании с Трифоном Иудеем» у Юстина Мученика, гл. 36.

Я сплю, а сердце мое бодрствует. – Песн. 5:2,

...се, не воздремлет – Пс. 120:4.

...мертвым рождает его... – сказочная гипербола; античная научная и развлекательно-поучительная литература о животных от Аристотеля до Элиана подчеркивала слабое развитие поворожденных львят, слепых и бесформенных.

...Первородного... прежде всякой твари... -- Ср. Кол. 1:15.

...возлег и уснул... – Быт. 49:9. Раздел кончается завершением той цитаты, которая его открывает.

2. О ЯЩЕРКЕ СОЛНЕЧНОЙ

Аналогичные сообщения -- у Епифания Кипрского и Исидора Севильского. *Одеяние ветхого человека*. — Ср. Еф. 4:22–24.

...что и Востоком именуется... — Ср. Зах. 6:12 (в русском синодальном переводе «Отрасль», но в греческом тексте Септуагинты — «Восток») и Лк. 1:78.

3. О ХАРАДРИИ

Есть птица, называемая харадрий... -- Это название совершенно реальной птички — то ли авдотки, то ли ржанки (зуйка). Древнегреческая поговорка упоминает ее как пример ненасытности. Однако мы оставили экзотически звучащее для русского уха слово «харадрий» без перевода, и не столько потому, что лучшие словари (например Лиддел-Скотт) выражают некоторую неуверенность в орнитологической идентификации этой птички, сколько ввиду того, что «Естествослов» решительно порывает с прозой жизни, делая из маленького прожорливого существа, знакомого греческим земледельцам как «противное и видом, и голосом» (Аристотель. «О животных», 615а, 2), непорочно белый символ Спасителя.

...как написано во Второзаконии. — Втор. 14:18.

...и вытывает харадрий недуг болящего... — Подобные поверья упоминаются у Плутарха («Пиршественные вопросы», V, 7) и в романе Гелиодора «Эфиопики» (III, 122), а также у Элиана («О природе животных», XXII, 13); по свидетельству словаря «Суда», они были известны уже ямбографу Гиппонакту.

...всецело бел... — Ср. 1 Ин. 1:5.

...идет князь мира сего... — Ин. 14:30.

...взяв на Себя наши немощи... — Ср. Ис. 53:4 и Мф. 8:17.

...восшел на высоту и пленил плен. — Ср. Ис. 67:19.

...харадрий по Закону нечист — См. Втор. 14:18 и Лев. 11:19.

...как Моисей вознес змею в пустыне... — Ин. 3:14.

...твари двояки: хвалимы и хулимы. — Очень важное замечание об амбивалентности зооморфных символов.

4. О ПЕЛИКАНЕ

...уподобился пеликану в пустыне. — Ис. 101:7.

...весьма чадолюбив. -- Мотив жертвенного чадолюбия пеликана неизвес-

тен ранее «Естествослова». Эллинизированный египтянин Горацион не о пеликане, а о коршуне рассказывал, будто эта птица при недостатке другого корма дает в пищу птенцам собственную кровь (1, 11). Но на исходе античности версия «Естествослова» широко усваивается латинскими Отцами Церкви — Иеронимом, Григорием Великим, Исидором Севильским и другими.

...рек в Книге Исаш... — 1:2.

Служили твари вместо Творца. — Рим. 1:25.

...взял чашу и благословил... — Мф. 26:27.

Крещение покаяния. — Ср. Мк. 1:4; Лк. 3:3; Деян. 13:24 и 19:4.

Пеликан как символ Христа в Евхаристии — характерная черта католической традиции.

5. О ФИЛИНЕ

Сказал Псалмопевец... — Пс. 101:7.

...сидящих во мраке и тени смертной... — Ср. Иер. 9:2; Мф. 4:16; Лк. 1:79.

...не бойся, малое стадо! — Лк. 12:32.

...филин нечист по Закону... — Втор. 14:17.

...не знавшего греха Он сделал за нас грехом. — 2 Кор. 5:21.

...Себя унизил, дабы всех... возвысить. — 2 Кор. 11:7.

6. ОБ ОРЛЕ

Давид говорит — Пс. 102:6. Мотив обновления орла не засвидетельствован до «Естествослова» в античной литературе; по-видимому, он восходит к цитате из псалма, открывающей раздел.

...облечен в ветхого человека... — Ср. Еф. 4:22; Кол. 3:9.

...меня оставили, источник воды живой... — Иер. 2:13.

Солнце Правды — Мал. 4:2. Это ветхозаветное выражение широко применяется ко Христу в православных песнопениях.

...совлекись ветхого человека с делами его... — Ср. Кол. 3:9.

7. О ПТИЦЕ ФЕНИКСЕ

Господь сказал в Евангелии... — Ин. 10:18.

Предание о птице фениксе — один из наиболее центральных и популярных символов европейской культурной традиции. О том, что феникс погребает своего отца, говорил уже Геродот (2, 73), а за ним — Элиан, Ахилл Татий, Филострат, Ориген: о червячке, зарождающемся из праха погребенного отца, —

Овидий («Метаморфозы», XV, 392 и сл.), Тацит («Анналы», VI, 28) и другие; сведения о Гелнополисе (в нашем переводе, ради сохранения колорита, Иллиополе) как месте возрождения феникса передает со слов Антифана Родосского Афиней («Дейшософисты», XIV, 655). В позднеантичной литературе феникс приобретает черты павлина, и с этими чертами его воспринимает средневековое воображение; в аспекте своего пластического облика феникс — преобразование и одухотворение павлина, как единорог — преобразование и одухотворение оленя.

...при начале месяца нисана или адара... — в весеннее время, ассоциируемое для христианина с распятием и воскресением Христа. Нисан (более древнее название — авив) нормально приходится на март — апрель; это месяц еврейской Пасхи. 14 нисана, по синоптическим Евангелиям, или 15 нисана, по Евангелию от Иоанна, Христос был распят. Адар — предыдущий месяц, нормально приходящийся на февраль — март; его упоминание, возможно, возникло по ошибке, хотя стоит вспомнить, что с 7 адара еврейская традиция связывает и рождение, и смерть пророка Моисея.

Фаменоф, фармуфи — передача египетских названий месяцев.

...простерши крылья Свои... — речь идет о распятии. Раннехристианский молитвенный жест (т.н. воздевание рук) соотносился с положением рук Распятого.

8. О ПТИЦЕ УДОДЕ

Сказано в Писании... — Ср. Исх. 21:16 и особенно Мф. 15:4 и Мк. 7:10.

Пазидательные рассказы о благодарности птиц и прочих животных к своим благодетелям и специально к родителям исключительно характерны для античной литературы, но с удодам этот мотив связывается в известных нам текстах лишь начиная с Элиана («О природе животных», XVI, 5) и самого «Естествослова».

9. О ДИКОМ ОСЛЕ

Написано в Книге Иова... — Иов. 39:5.

Рассказ о том, что онагр, стоящий во главе стада, осконпляет молодых самцов того же стада, т.е. свое мужское потомство, часто встречается у греческих и латинских авторов времен Римской империи (Плиний Старший, «Естественная история». VIII, 30, 108; Оппиан, «Об охоте», III, 197; Элиан, «О природе животных», VI, 39. и др.). Этот мотив мог бы заинтересовать Фрейда как басен-

ная материализация постулируемой им иррациональной боязни мальчика быть кастрированным своим отцом.

Возвеселись, неплодная... — Ис. 54:1; ср. Гал. 4:27.

11. О ЗМИЕ

Господь сказал в Евангелии Своем... — Мф. 10:16.

...постится сорок дней и сорок ночей... -- Столько времени постился Моисей на Синае (Исх. 34:28) и Христос в пустыне (Мф. 4:2). Версия «Естествослова» — гипербола общезвестной способности змей сбрасывать старую кожу, комбинируемая с представлением античной биологии о способности змеиных глаз к регенерации, даже после выкалывания (Аристотель, «О животных», 508в, 4; Плиний Старший, «Естественная история», XI, 37, 152).

...тесны врата и узок путь... -- Мф. 7:14.

...выпускает его. -- Обычно позднеантичные авторы рассказывают, что гадюка выпускает свой яд перед совокуплением с муравьей. Возможно, модификация мотива вызвана дидактическими пуждами использования для проповеди: вспомним смущение, с которым Василий Великий приводит в «Шестодневе» прежнюю версию (РО 29, стлб. 160).

Смоковые листья — намек на прикрытие наготы Адама и Евы после грехопадения (Быт. 3:7).

Заматеревший во днях лукавых. — Ср. Дан. 13:52.

Всякому мужу глава Христос... — 1 Кор. 11:3.

12. О МУРАВЬЕ

Соломон сказывал... -- Притг. 6:6.

...к притче о девах мудрых и неразумных. — Ср. Мф. 25:8: «Неразумные же сказали мудрым: “дайте нам вашего масла”».

...чтобы буква тебя не умертвила... — Ср. 2 Кор. 3:6.

Закон духовен. -- Рим. 7:14.

...в Книге Иова сказано... — Иов 31:40.

13. О СИРЕНАХ И КЕНТАВРАХ

Молвил пророк Исаия... — Имеется в виду место (Ис. 13:21–22), русский перевод которого сильно разнится с текстом Септуагинты.

Роковое пенние сирен описывается уже в «Одиссее», XII. 44–192, а их облик,

полуженский-полутигичий, занечатлен в памятниках античного искусства, пащная с греческой арханки.

...человек с двоящимися мыслями... — Иак. 1:8.

...образ благочестия имеют... — Ср. 2 Тим. 3:5.

...ласкательством своим и красноречием... обольщают сердца простодушных. — Рим. 16:18.

Худые сообщества... — цитата из Еврипида или Менандра, приведенная уже у апостола Павла (1 Кор. 15:33).

14. О ЕЖЕ

Хитрость ежа сопоставляется с хитростью лисицы уже в древнегреческой пословице и часто упоминается у античных авторов.

...истинному виноградику... — Ср. Ин. 15:1.

15. О ЛИСИЦЕ

Хитрость лисицы — поистине универсальный мотив. Рассказ о том, что она будто бы прикидывается мертвой, приманивая птиц, известен Онпianу («О рыбной ловле», II, 107 слл.; «О псовой охоте», III, 457).

...Ирод уподобляется лисице... — Лк. 13:32 (речь идет об Ироде Антипе, сыне Ирода Великого).

...лисицы имеют норы... — Мф. 8:20.

...в Песни Песней Соломон говорит... — 2:15.

Давид в Псалтири говорит... — Пс. 62:11 (в подлиннике речь идет, собственно, о шакалах, которым более свойственно поедать на поле брани убитых и умирающих воинов).

16. О ПАНТЕРЕ

Я стал как пантера для Ефрема. — Осия 5:14 (пророк говорит от имени Бога; Ефрем — одно из племен Израиля, т.п. «колен»).

...многоцветна, как хитон Иосифов... — Ср. Быт. 37:3.

Дись спасение миру... — Ср. прмос четвертой песни насхального канона.

...дальним и близким... — Ср. Ис. 57:19; Еф. 2:17.

Стала Царица одесную Тебя... — Пс. 44:10 и 15.

Образ пантеры, наделенный не только чудесным благоуханием (для чего имеются параллели), но и страшной для хищника кротостью, по-видимому, в целом создан заново.

22. О ЕДИНОРОГЕ

Псалом говорит... — Пс. 91:11.

...зверь малый... — по Элиану («О природе животных», IV, 52 и XVI, 20), единороги величиной с коня.

Рог же у него один посреди главы его. — Образ единорога представляет собой идеализирующую трансформацию образа носорога (в Ветхом Завете под «единорогом» подразумевается именно носорог).

Деву чистую... — Этот мотив, исключительно важный для иконографической традиции европейского Средневековья, не засвидетельствован в античной литературе. Один арабский источник, возможно зависящий от того же «Естествослова», но, возможно, отражающий какую-то восточную версию, описывает, как единорог пьет молоко от сосцов юной девушки в пещере, пьянеет от этого молока, как от вина, и дается в руки охотникам.

Воздвиг рог спасения... — Лк. 1:69. В библейской системе символов рог систематически обозначает силу, мощь (ср. цитату из псалма в начале раздела).

32. О КАМНЕ АДАМАНТОВОМ

Адамант — то же, что алмаз. Толкование слова «адамант» в значении «неукротимый» традиционно для античной культуры по меньшей мере со времен Ксенократа.

...не находят во дни, а лишь в ночи. — Свойство, которое приписывалось и другим драгоценным камням.

...всех судит. Сам же никем не судим... — Ср. 1 Кор. 2:15, где это сказано о «духовном» человеке.

Кто из вас обличит Меня в грехе? — Ин. 8:46.

Народ, сидящий во тьме... — Мф. 4:16; ср. Ис. 9:2.

...Восток — имя Его. — Зах. 6:12 по переводу Септуагинты; в синодальном переводе — «имя Ему Отрасль».

Восходит звезда от Иакова. — Чис. 24:17 (пророчество Валаама).

...Иов, муж от востока солнца... — Ср. Иов 1:3, где о герое сказано, что он был «знаменитее всех сынов востока». Перед этим (1:1) в качестве родины Иова названа загадочная «земля Уц», которая отождествлялась с различными местностями от северной Месопотамии до Аравии включительно; но не было сомнения, что по отношению к Палестине, а тем более к греко-язычному средиземноморскому региону, страна эта расположена на восток.

...если ищите доказательства... — 2 Кор. 13:3 (цитата приведена с легким изменением текста).

...битый палками, в гонениях, в путешествиях, терпевший опасности на реках, опасности от разбойников, опасности от лжебраций... — Ср. 2 Кор. 11:23–26.

ОТ БЕРЕГОВ ЕВФРАТА ДО БЕРЕГОВ БОСФОРА.
ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО СИРИЙЦЕВ,
КОПТОВ И РОМЕЕВ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ОТ Р.Х.

Подзаголовок этой статьи, может статься, не для каждого читателя одинаково ясен. Чтобы сделать недоразумения невозможными, поспешим (испросив прощение у тех, кто в такой подсказке не нуждается) сейчас же напомним, что в интересующую нас эпоху сирийская литература¹ — это литература отнюдь не на арабском, а на особом сирийском языке², который представлял собой определенную стадию развития одного из диалектов арамейского языка (когда-то канцелярского языка древнеперсидской империи, позднее, между прочим, разговорного языка в Палестине евангельских времен) и оставался языком христианской литературы под верховенством ислама вплоть до XIV в.; что «копты» (от араб. «аль-кубт», «аль-кобт» или «аль-кыбт») — это принявшие христианство египтяне, прямые потомки народа фараонов, также удержавшие в литературном обиходе язык своих предков, лишь упростив его и наводнив словами греческого происхождения³; наконец, что «ромей» (попросту «римляне» в средневековом греческом выговоре) — это те, кого мы по условной западноевропейской традиции до сих пор называем византийцами, т.е. говорившие и писавшие по-гречески поданные «Нового Рима» — Константинополя.

По меньшей мере до VII в. (когда сирийские, палестинские и египетские территории выпали из византийского круга земель, отойдя к халифату) обычным было положение, когда один и тот же человек в некотором отношении являл собою «ромей», а в другом отношении — «сирийца» или «копта». Для истории литературы значим простейший критерий — языковой: тот, кто пишет или читает по-гречески, принадлежит зоне византийской литературы, а кто по-сирийски или по-коптски, отходит к зоне «ориентальной». Но противостояние, конечно, не

ограничивается языковой плоскостью. «Ромейское» — это центростремительные силы жизни и культуры: приверженность имперскому принципу — в политике, эллинистическим традициям — в культуре, ортодоксии Вселенских Соборов христианской церкви (а в ранний период — древнему язычеству или отвлеченной философской вере) — в религии; верность греческому языку логически из этого вытекает. Напротив, «сирийское» или «коптское» — это силы центробежные: народный язык — против космополитического языка образованности; местные интересы — против гнета империи; самобытное творчество, «варварская» выразительность и реванш восточного вкуса — против эллинистической нормы; стихия гностического синкретизма, энкратитства (крайнего, «еретического» аскетизма — см. ниже), подчас веяния магизма, позднее теологические доктрины несторианства и монофиситства — против богословской ортодоксии.

Перед читателем — не антология византийской литературы, хотя грекоязычных текстов в книге много. Это антология ближневосточной литературы I тысячелетия нашего летоисчисления — персепектива, в которой и Константинополь виден с востока, откуда-то из Месопотамии. Зона греческого языка интересует нас постольку, поскольку в ней додумывалось и договаривалось то, чем жили в пустынях Египта и Палестины, на берегах Евфрата, в городах на скрещении древних караванных путей.

Западный предел нашего мира — столица на Босфоре, ознаменовавшая своим местоположением тот угол Средиземноморья, где Европа и Азия зримо подступают вплотную друг к другу. Константинополь лежит на европейском берегу Босфора; с противоположной стороны ему соответствуют обе дополнительные субстолицы Византии — Халкидон и Никея, города вселенских соборов. Между тремя городами проходит рубеж двух материков.

На восток от этого рубежа лежат земли, ныне входящие в состав Турции, Сирии, Ливана, Ирака, Израиля, Иордании, Египта. В те времена от юго-восточного угла Черного моря к северо-западному углу Аравийского полуострова шла граница, разделявшая две многонациональные державы — Римскую империю и персидское государство Сасанидов. Арчал, который нас интересует, — это арчал пограничный. Си-

рия была рассечена границей надвое: западная Сирия вплоть до прихода арабов принадлежала ромеям, восточная — персам. Сирийская культура развивалась на территориях обоих государств: Ефрем Сирийский (Афрем) переселился из Нисивина, завоеванного Сасанидами, в Эдессу, лишь бы оставаться внутри пределов христианской державы, но Афрахат был прозван «персидским мудрецом», а Исаак Сирийский подвизался в монастыре среди гор Хузистана.

«Пограничное» положение сирийской христианской культуры между двумя мирами, так сказать, овеществлялось, становилось наглядным в посреднической роли, вновь и вновь поручавшейся Сасанидами своим крещеным подданным в периоды замирения с ромеями (так шахиншах Ездигерд I послал главу сирийской церкви в Иране Ябалаху I с дипломатической миссией к Феодосию II в 417–418 гг., так сирийский епископ Бар-Саума участвовал в переговорах по выяснению византийско-иранской границы во второй половине V в., так, наконец, высшие сирийские иерархи составили посольство шахины Буран к ромейскому императору Ираклию в 630 г.)⁴.

Сирийцы — это народ толмачей: достаточно вспомнить, что из их рук Восток получил Аристотеля, которому предстояло кружным путем, через арабов, вернуться на Запад в эпоху схоластов. Это народ кушцов, посланцев и миссионеров, чье бытие определялось фактом противостояния двух цивилизаций; факт этот был источником как материального, так и духовного обогащения, — хотя, разумеется, и непрестанной угрозой. Но они не только соединяли собою, как живой мост, Византию и Иран⁵; судьба их связана с еще большими географическими дистанциями. Их колонии в иноземных городах, их торговые фактории раскинулись вдоль «шелкового пути» до самого Китая, где в VII в., согласно свидетельству стелы Сианьфу на китайском и сирийском языках, существовала большая христианская община во главе с епископом-сирийцем. Сирийское письмо или его модификации применялись народами Центральной Азии; сирийская литургия с незапамятных времен и вплоть до появления европейцев в XVI в. служила в церквях «христиан апостола Фомы» на Малабарском побережье Индии⁶. Контакты сирийцев уходили и на Запад; их присутствие засвидетельствовано надгробиями на территории Франции, формы их художественного

творчества, занесенные торговыми и церковными встречами, оказали воздействие на становление раннесредневекового стиля в далекой Ирландии.

С коптами, вторым по значению народом христианского Ближнего Востока, все обстояло иначе: они были куда менее склонны к страстностям, куда более замкнуты в пределах своей нильской долины и своих оазисов; темперамент их культуры не столь подвижен. И все же они также были включены в «силовое поле» широкого межэтнического синтеза восточных и западных элементов. Коптская литература, как и все литературы этого круга и типа, дала очень много переводов, преимущественно с греческого, да и сама породила некоторые тексты, которые переводились на другие языки. Коптское искусство вобрало в себя многообразные влияния и, в свою очередь, явило собой образец для художественного творчества внутри других культур. Наконец, одно создание коптского христианства получило международный резонанс неимоверной широты по всей христианской «ойкумене» — от Ирана до Атлантики: речь идет о монашестве. Конечно, монашество было предвосхищено в практике аскетов ессейско-кумранитского, а затем и раннехристианского круга; но становление монашеской формы жизни невозможно представить себе без инициативы одного копта — отшельника Антония Великого (того самого, чьи «искушения» стали одним из самых распространенных мотивов европейской литературы и европейского искусства) и без организаторских усилий другого копта — Пахомия, или Пахона (копт. «Орел»; и тот и другой умерли в середине IV в.)⁷. Тому, что такое христианское монашество, мир учился у коптов. Монастыри Фиваиды — пустынной области на юге Египта, невдалеке от древней столицы Фив, — стали целью паломничества для пришельцев издалека, спешивших на месте познакомиться с новым образом жизни.

Блестящие, образованные, утонченные госнода из Константинополя отрекались от примапок цивилизации, чтобы пойти на выучку к грубоватым и хмурым египетским мужикам, являвшим на деле ту цельную, бескомпромиссную простоту сосредоточения воли, что так трудно давалась всем этим «последним эллинам» и «последним римлянам». Читатель найдет в этой книге характерный рас-

сказ об одном из таких столичных вельмож, по имени Арсений, который стал монахом в Египте и покорно слушал наставления своего «старца» из коптов. На вопрос: «Как это ты, изучив толикую науку римскую и эллинскую, просишь совета у невежды сего о помыслах твоих?» — Арсений возразил: «Так, науке римской и эллинской выучен я; но из науки невежды сего не вытвердил еще и азбуки».

Там, где человек греко-римской культуры рассуждает и разглагольствует, копт делает. Знаменитый церковный писатель IV в. Афанасий Александрийский средствами греческой риторической прозы представил коптскую решимость уже упомянутого Антония как реализацию идеала совершенной выдержки, который в философских кругах всегда вызывал энтузиазм, но никогда не осуществлялся.

К 386 г. вести о примере, поданном Антонием Великим, дошли (не без участия написанного Афанасием «жития») до кружка интеллигентных молодых богоискателей на севере Италии. Одним из них был Блаженный Августин, который передаст испытанное им тогда чувство во взволнованных восклицаниях: «До чего дошли мы? Что приходится нам слышать? Невежды возстают и похищают небо — а мы со всей ученостью нашей не в силах победить плоть и кровь!»⁸

В Египте на рубеже IV и V вв. искал сюжетов для своего «Лавсаика» малоазийский уроженец Палладий, которому удалось своими повествованиями о подвижниках Фиваиды основать одну из наиболее жизнеспособных жанровых линий средневековой словесности (любопытно, что рукописная традиция приписала ему также трактат «О народах, в Индии сущих, и брахманах» — ведь индийские аскеты, «гимнософисты», как называли их греки, с давних пор имели для античного философского морализма ту же функцию наглядного напоминания, что мудрость не в словах, а в поступках...).

Подведем итоги: пусть копты сумели создать свою литературу на народном языке, и притом сравнительно богатую, отмеченную густым «местным колоритом», хотя и уступающую сирийской, — все их заслуги как писателей намного перекрыты их поистине всемирно-исторической ролью как героев литературы, ее персонажей, ее вдохновителей. Достаточно назвать одно слово — «Фиваида». Без самой Фиваиды, без всех исторических повторений заданной ею модели — без монашеской

культуры Синая и Афона, Субиако и Монтекассино, Клерво и Порциункулы, Маковца и Белозерья — средневекового мира нельзя представить себе ни на одно мгновение, как нельзя вообразить литературу этого мира без традиции патериков или «Цветочков Франциска Ассизского».

Сирия и Египет — сердцевина нашего ареала. С севера к Сирии прилегала Армения, культура которой была тысячью нитей связана с сирийской. С юга к Египту прилегал Аксум, получивший в IV в., христианство из рук двух сирийско-финикийских миссионеров, Эдесия и Фрументия, а иерархию — из рук главы египетской церкви, каковым тогда был Афанасий Александрийский⁹. На восток простирается Иран, на запад — грекоязычная, т. е. «ромейская» Малая Азия. Об Иране уже говорилось в связи с Сирией; добавим только, что вплоть до IX в. существовала христианская литература на языке пехлеви, памятники которой утрачены. От литературы Аксума также сохранились только переводы библейских и богослужебных текстов. Совсем иначе обстоит дело с армянской литературой. Уже в V в. блестящая плеяда историков, агнографов, богословов, философов (достаточно назвать имена Египше и Павстоса Бюзанда, Мовсеса Хоренаци, Езника Кохбаци и Давида Анахта) создала литературу на армянском языке, не страшущуюся сравнения с коптской, а пожалуй, даже и с сирийской. Памятники этой литературы — органическая часть восточнохристианского культурного наследия. Почему же, спросит читатель, их нет в этой книге? Увы, это не может быть оправдано никакими принципиальными соображениями, а лишь практическими причинами.

Первая и важнейшая из них — полная неосведомленность составителя в материях армянской филологии. Занимаясь сирийскими текстами, составитель-византинист и так с испугом ощущает, что вплотную подошел к границам собственной профессиональной компетентности; но армянские тексты лежат далеко по ту сторону этой границы. Вторая причина — наличие давней и достаточно плодотворной традиции русского перевода средневековых авторов Армении. Прочитать Египше по-русски можно было уже в 1853 г., Мовсеса Хоренаци — тогда же, книгу армянских гимнов «Шаракан» — в 1879 г.; новая эпоха в ознакомлении русского читателя с армянской классикой была открыта антологией «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»,

изданной под редакцией Валерия Брюсова в 1916 г. Армянское средневековье — давно уже не белое пятно; а нам хотелось заняться белыми пятнами.

От Босфора до Месопотамии, от Арарата до порогов Нила — мы провели пространственные границы нашего ареала, наместили его географические ориентиры. А теперь — ориентиры хронологические; несколько дат, ограничивающих определенный ему историей срок и выражающих общность судьбы вошедших в него земель.

Начинать придется издалека — с предыстории.

Египет, Месопотамия, Сирия — колыбель древнейших цивилизаций и древнейших империй. Владыки сменялись, но уклад восточной деспотии оставался в основе своей прежним. На пространствах Ближнего Востока всегда был в ходу какой-нибудь «мировой» язык, при помощи которого могли объясниться разноплеменные подданные одной державы, или послы одной державы при дворе другой, или, наконец, купцы на чужбине. Сначала таким универсальным средством общения служил аккадский язык, затем арамейский — язык канцелярий Персидской державы. Это была последняя из империй, под властью которых Ближний Восток еще оставался, так сказать, вещью в себе. Но затем времена изменились.

Поздней осенью 333 г. до н.э. македонцы и греки Александра Великого нанесли решительное поражение силам Дария III в битве при Иссе — заметим (ибо читатель этой книги должен чувствовать пафос географии!), в том знаменательном пункте нашего ареала, где северо-западная окраина Сирии сходится с южным побережьем малоазийского полуострова; где за два тысячелетия до Александра цвела цивилизация древней Эблы, связывавшая ханаанские территории на юге в один узел с шумерскими на востоке и анатолийскими на западе; и где через три столетия после Александра родился будущий апостол Павел, которому предстояло вывести христианство из палестинско-арамейского захолустья на просторы Средиземноморья.

Победитель повернул на юг и за считанные месяцы вступил во владение Сирией и Египтом. Древние страны вошли в круг

эллинистической цивилизации, «мировым» языком которой стал греческий. В их плоть внедрялись колонии, организованные по типу эллинского полиса. Греческие города с греческими названиями, с храмами в честь богов Олимпа, с театрами и палестрами вырастали, как грибы, среди чужой им сельской местности. Образцовым примером такого оторванного от «почвы» города была основанная самим Александром у дельты Нила знаменитая Александрия с ее геометрической планировкой и космополитическим населением, говорившим по-гречески и называвшим себя «эллинами», — а вокруг лежали египетские деревни, где, как и во времена фараонов, поклонялись священным животным и утешались пророчествами о том, что ненавистная «Ракотис» (название деревни, на месте которой выросла Александрия) во время уно запустеет¹⁰. Не ощутив разрыва между александрийским духом и египетской традицией, не понять горечи и страсти, лежащих в основе коптского мятежа против эллинизма.

Особенно активное сопротивление эллинизации оказала Иудея, по призыву Маккавеев поднявшаяся во II в. до н.э. на священную войну; но и там строились греческие города — всевозможные Селевкии, Антипатриды, Филадельфии (позднее, при римлянах, Цезареи). Во время восстания местного населения жители этих городов подвергались избиению или, в свою очередь, вырезали оказавшихся в городе иудеев. Притом эти «эллины» в этническом отношении по большей части вовсе не были чистокровными греками. «Эллин» — это примкнувший к социальной верхушке и принявший ее культуру человек, который в молодости упражнялся в гимнасии и учил наизусть Гомера, а в зрелые годы посещает театр.

Когда македонских владык сменили в I в. до н.э. римляне, это не поколебало внутренних основ эллинистической цивилизации и даже не отменило верховенство греческого языка. Римский чиновник и восточный подданный Рима, будь то сириец, копт или иудей, как правило, объяснялись между собой по-гречески. Если Сирия эллинистической эпохи дала «греческих» поэтов типа Мелсагра, Сирия римской эпохи продолжала давать «греческих» писателей типа Лукиана из северо-мессопотамского города Самосаты, известного сатирика II в. н.э., родившегося в семье, в которой, по-видимому, говорили по-арамейски. В сво-

ем сочинении «Сновиденне, или Жизнь Лукиана» он красочно описал, какими посулами завлекла его в детстве важная госпожа — эллинская Образованность: «Все, что существует, и божественные дела и человеческие, я открою тебе в короткий срок... Мужи, знатные родом или славные богатством, будут с уважением смотреть на тебя, ты станешь ходить вот в такой одежде... ты будешь достоин права занимать почетные должности в городе и сидеть на почетном месте в театре»¹¹. Такие люди, как Лукиан, были обязаны греческой выучке всем — и духовными, и материальными основами своего существования. Понятно, что когда кому-нибудь случалось обвинить его в том, что он, как сириец, не совсем чисто говорит по-гречески, писатель приходил в такое неистовство, в которое его едва ли привела бы самая страшная клевета относительно его прав. Его маленький памфлет, обязанный своим возникновением как раз подобному инциденту, — «Лжец, или Что значит “пагубный”», — красноречиво свидетельствует, что больнее задеть за живое этого умного и насмешливого человека было просто невозможно. Люди, в меньшей степени наделенные чувством юмора, были, надо полагать, еще уязвимее. В такой перспективе для культурного сирийца родное и домашнее — значит провинциальное: то, что надо в себе преодолеть, оттеснить на задний план, если не прямо вытравить.

На земле Египта стояла Александрия; но у нее была соперница. Центром, откуда излучения эллинизма распространялись на землю Сирии, вообще на восточную окраину, уже во времена наследников Александра стала и в римские времена продолжала быть основанная около 300 г. до н.э. вторая столица Средиземноморья — Антиохия на Оронте. Обе столицы служили всесветным образцом городской цивилизации.

Чтобы ощутить, как воздух мирового города словно сам собою снимал с каждого явления налет местного и почвенного, специфически «восточного», вводя в некий универсальный ряд, полезно вспомнить одну любопытную подробность. Пока приверженцы казненного в Иерусалиме около 30 г. галилейского Проповедника Иисуса не покидали пределов Палестины, у них не было ни малейшей нужды в каком-то особом самообозначении. Ведь они, вспомним это, вовсе не собирались «основывать» новую религию, а себя самих считали наиболее верными

из иудеев, сумевшими узнать и признать Мессию, когда он наконец явился. В своем кругу, среди своих все было просто: друг для друга они «братья», в общем отношении к Учителю — «ученики», для враждебно настроенных раввинских авторитетов — «отщепенцы» (евр. «миним»). Но вот когда ареал их проповеди, распространяясь на север, донел до столицы на Оронте, тут-то для них попришло какое-то более общезначимое, более похожее на термин наименование, которое выражало бы их место среди чужих, в широком мире, фиксировало статус движения наряду с другими движениями, религиозными или еще какими-то. Как свидетельствует повозаветный текст, «ученики в Антиохии впервые стали называться “христианами”» (Деян. 2:28). Путь из тихой Галилеи, даже из Иерусалима в Антиохию — это путь от «ученика» к «христианину». Что христиане называются с тех пор христианами, до того привычно для нас, что взгляд наш ленится схватить характерную физиономию слова, уже два тысячелетия входящего в номенклатуру мировых религий. Но полезно задуматься над тем, например, что слово это построено по образу и подобию ходовых политических терминов римско-эллинистического мегасоциума (греч. *Καίσαριανός* — человек партии Цезаря, *Χριστιανός* — человек партии Христа¹²); и еще больше — над тем, что в нем чисто греческий корень (*χρίζω* — «помазываю») и слегка эллинизированный латинский суффикс («-anus») выступают как покров, сброшенный на еврейско-сирийскую семантику (*Χριστός* — перевод евр. *mašiah* или араб. *mešīḥah* — «Мессия»). Еврейский, греческий, латынь (к слову сказать, три языка, фигурирующие в евангельском рассказе о надписи над головой распятого Иисуса) присутствуют в этом гибридном антиохийском неологизме, и не просто присутствуют, но взаимно пропитывают друг друга и просвечивают друг сквозь друга; притом гегемония принадлежит греческому. За этим языковым сближением, даже смешением, чуть ли не зрительно возникает образ улиц Антиохии, созданных для многолюдства, необычно широких — до 20 м в ширину и более! — на которых встречались люди Востока и люди Запада и прочно господствовал дух цивилизованного, уверенного в себе космополитизма. (Теперь, благодаря публикации знаменитых мозаик из Якто со сценами антиохийской жизни, мы видим эти улицы достаточно живо.)

Общность судьбы и «души» обеих западно-восточных столиц — Антиохии и Александрии — замечательна. Ни тот, ни другой город не вырастал мало-помалу, из века в век, не проходил постепенного пути от локальной замкнутости к мировым контактам, не знал «священных лабиринтов» (выражение из стихов Волошина) — архаической планировки, к которой приходилось бы с трудом прилаживать изменившуюся жизнь, как Афины и Рим до них, как Париж, Лондон, Флоренция после них. Они были с самого начала задуманы как столицы и возникли искусственно, по замыслу, плану и приказу; их планировка рациональна и парадна; их связь с миром, т.е. с дальними торговыми и административными путями, а через эти пути — друг с другом и прочими подобными столицами, важнее и реальнее, нежели связь с краем, который их окружает. К этому же типу столицы относится, конечно, и сам Константинополь. Правда, на его месте почти тысячу лет существовал греческий городок Византий; по его история была перечеркнута и эмблематически — актом основания Константинополя 11 мая 330 г., и реально — очень основательной перестройкой в духе александрийско-антиохийских моделей. Константинополь не вырос из Византия; напротив, Византий должен был кончиться, чтобы Константинополь мог начаться. В идее столица Константина выросла как бы на пустом месте, и если эмпирически это было не совсем так, идея этим только подчеркнута. Столицам такого рода полагается возникать на пустом месте. В августе 762 г., так же искусственно, на выбранном по утилитарным соображениям месте деревушки Багдад для главы исламского мира, халифа Мансура, была выстроена резиденция, нареченная им Мединет аль-Салам, т.е. «Город Благоденствия», и долженствовавшая затмить те три столицы; если город не переставали называть Багдадом, то ведь и Александрию египтяне продолжали именовать «Ракотис» — тоже по имени деревни, когда-то стоявшей на ее месте. Александрия и Антиохия, Константинополь и Багдад — и цикл замкнулся. От основания Александрии до основания Багдада прошло тысячелетие — срок, почему-то нередко играющий в истории важную роль. (Позднее разве что город на Неве представляет по обстоятельствам своего основания и по своей характерной прямолинейной планировке известную параллель столицам того типа.)

Разрыв с местной «почвой» не был для Антиохии таким острым и болезненным, как для Александрии. Сирийцы никогда, еще со времен наследников Александра, не были так унижены и озлоблены, так упрямо замкнуты в кругу своей традиции, как копты; имперский порядок подчас давал им шансы, в которых неизменно отказывал коптам: сирийцы заседали и в римском сенате, даже садились, как Гелиогабал и Александр Север, на престол цезарей, но вообразить копта-сенатора и тем паче копта-императора решительно невозможно. У сирийцев было куда больше непринужденного любопытства к самым разным вещам, в том числе и к эллинской мудрости; еще раз напомним, что это был народ толмачей, и если бы они уже впоследствии, успев высвободиться из-под давления греческого языка, не принялись так рьяно переводить полюбившегося им Аристотеля на свой собственный язык, мысль ученых арабского халифата, а позднее и западноевропейских схоластов лишилась бы своего важнейшего стимула.

Необходимо как следует почувствовать и то, что вопрос собственной «идентичности» стоял для сирийского этноса в принципе иначе, чем для коптского. С коптами дело обстояло просто: они — прямые и более или менее «чистокровные» потомки древних египтян. С сирийцами дело обстояло вовсе не так просто: это потомки арамейцев, но также амореев, хананеев и финикийцев, прочих западносемитских народностей, но также народов Месопотамии — и кого, кого еще! Конечно, они были объединены общностью языка, культуры и достаточно живого самосознания; но силою вещей самосознание это должно было иметь иную структуру, чем самосознание коптов, быть более «открытым».

Если, однако, между эллинизмом Антиохии и сирийской народностью и не было непримиримого антагонизма, противоречие оставалось; вовсе не случайно, что, когда к IV в. наступает время для становления самобытной сирийской литературы на народном языке, литература эта приобретает свои очертания на почтительном расстоянии от Антиохии — в северной Месопотамии, вокруг городов Нисивина и Эдессы. Употреблявшийся там диалект и лег в основу сирийского литературного языка. Совершенно аналогичным образом литературное творчество на коптском языке делает тогда же свои первые шаги под знаком гегемонии так называемого сандского, т.е. верхнеегипетского, диалекта, раз-

вившегося вдали от Александрии. Так география культуры выявляет пространственно и делает наглядной духовную поляризацию, по-своему шедшую в каждой из эллицизированных стран Ближнего Востока: что для Египта — спор Фиваиды с Александрией, то для Сирии — спор Эдессы с Антиохией.

Открылся этот спор неудержимым натиском греческого начала, на долгие века перехватившего инициативу. Позиция восточного начала долго оставалась оборонительной. Оно или уходило с поля битвы за культуру в консервативную область быта и культа, или принимало навязанные ему условия игры; и тогда книжники Востока, начиная с вавилонянина Беросса и египтянина Манефона еще в III в. до н.э., включая иудея Филона Александрийского (I в. до н. э. — I в. н. э.), поперебой спешили облечь отеческие предания в обязательную упаковку греческих форм слова и мысли¹³. Но если уж необходимо становиться писателем греческого языка и греческого типа, многие находили для себя более заманчивым стать попросту греческим писателем. По этому пути пошли наши знакомцы Мелеагр из Гадары и Лукиан из Самосаты, снисходительно посмеивающиеся над собственным сирийским происхождением. Лишь постепенно Восток готовится стать более сильным партнером диалога. Во времена Мелеагра этим еще и не пахло; но одновременно с Лукианом жил совсем другой сириец — христианский писатель Татиан. Апологетический труд последнего «Слово к эллинам» написан по-гречески и обращен, как явствует из заглавия, к грекоязычной публике; но в яростных нападках автора на все греческое мы уже ощущаем не только вражду христианина к язычеству, но и неприязнь сирийца к эллинизму, когда-то навязанному его предкам. Первое служит санкцией для второго. Не приходится удивляться, что вскоре после этого трактата, в 172 г., Татиан вернулся в родную Сирию и работал над арамейским сводным переводом Евангелий (так называемый Диа-тессарон, или *evangeljōn da-mehalletē*).

Вообще христианство послужило важнейшим стимулом для внезапного высвобождения сирийской и коптской самобытности. Его роль трудно описать в немногих словах. Оно так решительно потребовало переоценки ценностей эллинизма, что людям греко-римской цивилизации приходилось, принимая новую веру, смиряться перед

восточными «варварами», идти к ним на выучку. Образованные христианские писатели со времен Климента Александрийского (ум. ок. 215 г.) наперебой доказывают, что эллины всему научились от варваров, что все науки и искусства пришли с Востока, что восточная цивилизация много древнее греко-римской; они спешат вспомнить, что Фалес и Солон, Пифагор и Платон искали мудрости в Египте — и притом, как им хочется думать, не у одних египтян и вавилонян, но также у народов Ветхого Завета: Платон оказывается учеником пророков. В раннехристианской литературе необычайно часто вспоминаются презрительные слова, вложенные Платоном в уста египетского жреца, собеседника Солона в Саисе: «О Солон, Солон! Вы, греки, вечно останетесь детьми, и не бывать эллину старцем; ведь нет у вас учения, которое поседело бы от времени!»¹⁴ И ностальгия по материнскому лону восточной мудрости, и склонность к самокритике искони были присущи греческой культуре. Но в головах и сердцах крещеных адептов этой культуры подобные тенденции делаются сильны как никогда ранее. В своей вере христиане склонны были видеть сами и предлагать другим «врачевание эллинских недугов» (так озаглавил свой полемический труд церковный писатель V в. Феодорит Киррский, уроженец Антиохии). Под действием таких настроений само слово «эллин» на тысячелетие становится одиозным синонимом «язычника». Мы уже видели, что люди греческого языка и греческой культуры с наступлением средневековья стали называть себя «ромеями». У них были к тому, разумеется, основания позитивного рода, связанные с пафосом преемства государственности, но одно основание негативного рода — нежелание называться «эллинами».

Не нужно ничего упрощать. Было бы абсурдно видеть в христианстве что-то вроде козырной карты в игре «Востока» против «Запада». Оно не было восточной религией; оно было универсальной религией, и его историческая судьба это подтвердила. Оно осталось религией Средиземноморья, когда отошла в прошлое позднеантичная мода на восточные культы. Как вера и как сознательная программа церковной организации, христианство ни перед кем не ставило цели — ориентализировать строй грекоязычной литературы и вызвать к жизни расцвет негреческих литературных форм. Но силою вещей оно не могло не дать новые шансы этим тенденциям. Христианство как предмет исто-

рии религий, вообще истории идей — это одно; факт христианства как один из равноправных компонентов конкретной историко-литературной и, шире, историко-культурной ситуации — совсем другое. Победа самобытности сирийского и коптского слова над диктатом эллинистической нормы не вытекала прямо ни из доктрины, ни из «сущности» христианства; она косвенно, однако неизбежно стимулировалась именно фактом христианства — наряду с иными, совсем иными фактами тогдашней жизни.

Напомним хотя бы о поразительной попытке сирийки Бат-Заббаи, которую греческие и латинские историки называют Зелобией, правительницы сирийского города Пальмиры, основать империю Востока, в которую к 270 г. вошли Сирия, Египет и Малая Азия. Империя просуществовала года два; но это был уже эскиз ранневизантийской, более того, раннеисламской державы, начало совершенно нового цикла, которому предстояло быть через четыре столетия продолженным в халифате Омейядов со столицей в сирийском городе Дамаске. Бат-Заббаи была язычницей, однако характерным образом проявляла исключительную терпимость к своим христианским подданным и даже позволяла христианскому (еретическому) епископу Павлу Самосатскому играть роль первого человека в Антиохии; когда мы узнаем, какой гнев вызывало у некоторых единоверцев мирское поведение этого блистательного «князя церкви», трудно удержаться от чувства, что здесь и церковь встретила со своим собственным будущим. В Риме епископа еще могли вывести на растерзание львам, а в Антиохии Павел уже чувствовал себя носителем официально санкционированной власти. И это не исключение. В землях и городах, лежавших на границе между Римской и Персидской державами, воля к самобытности, отталкиваясь как от греко-римского язычества, так и от иранского зороастризма, имела в христианстве желанного союзника. За очень популярной у сирийских христиан легендой, согласно которой полузависимое восточносирийское царство Осроена со столицей в Эдессе стало христианским еще при царе Авгаре V Черном, будто бы состоявшем в переписке с самим Христом, т.е. в первой половине I в., кроется какая-то историческая реальность; во всяком случае, преемник и тезка этого монарха Авгар IX (179-216) был крещен, а граждане Эдессы

гордились давностью своей приверженности к христианству. Характерно, что, когда после 216 г. Осроена была поглощена Римской империей, положение христиан резко ухудшилось. Еще одним пограничным царством была Армения; ее христианизация при царе Трдате III произошла и несколько раньше (по некоторым данным, в 301 г.) и решительнее, чем в Риме Константина.

Для историко-литературного процесса особые последствия имело то обстоятельство, что христианство высвободило из узко иудейского контекста и открыло всем народам ветхозаветный канон, по своей словесной ткани и языковой плоти, по специфическим возможностям своей образности куда более близкий даже коптам, не говоря уже о семитах-сирийцах, нежели кумиры эллинизма — Гомер, Еврипид или Менандр. Подхватив эту традицию, христианство сейчас же ее продолжило. В истории первых шагов сироязычного словесного искусства много неясного — недостает документации. Ясно, однако, что именно тогда произошло нечто решающее. Родным языком первохристиан и Самого Иисуса был арамейский, т.е. определенная фаза того самого языка, который на более поздней стадии принято называть сирийским; и в чисто словесной плоскости донесенные в тексте Евангелий притчи, афоризмы и речения (увы, переведенные на греческий!) предстают как предвестие будущего расцвета сирийской поэзии. Кое-что лучше угадывается в сирийских версиях Евангелий, в целом вторичных по отношению к грекоязычному канону, но очень ранних (с I—II вв.) и, по-видимому, сохранивших какие-то фрагменты первоначального изустного арамейского предания. Скажем, присказка из Мф. 11:17: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не играли», по-гречески удержавшая так же мало, как и по-русски, от специфической «складности» настоящей присказки, звучит в обоих наиболее древних сирийских переводах поистине великолепно:

zemarn lekhon wela raqqedhton
we'lajn lekhon wela 'arqedhton

Здесь сирийский текст явно «первозданнее» греческого текста, переводом которого он представляется. Нам напоминают, что Галилейский Проповедник говорил все-таки на том же языке, что и сирийские

перелагатели Нового Завета. Когда побуждаемые такими напоминаниями, семитологи принялись за опыты по реконструкции изначальной арамейской формы евангельских изречений, под медлительным ритмом греческого текста проступила сжатая, упругая речь, более похожая на энергичные стихи, чем на прозу, играющая каламбурами, ассонансами, аллитерациями и рифмоидами, сама собой ложающаяся на память, как народное присловье¹⁵. Например, афоризм «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8:34) дает двустинные:

kul de 'abed het' ah
'abhda hu dehet'a

В основе лежит игра слов: «делать» — 'abed, «раб» — 'abd. Такой же каламбурный характер имеет вопрос: «кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту» (Мф. 6:27); «заботясь» — jaseph, «прибавить» — 'oseph. Вот рассматривается случай, «если у кого-либо из вас сын или вол упадет в колодезь» (Лк. 14:5). Почему, собственно, такое сопряжение «сына» именно с «волоом»? Грекоязычные переписчики со временем даже заменили «сына» на «осла» (какое изменение перешло в латинский и другие переводы, вплоть до русского). Но дело в том, что по-арамейски все три существительных созвучны почти до неразличимости: «сын» — b'ga, «вол» — b'iga, «колодезь» — b'era. Для нашего уха такие созвучия отдают чем-то не очень торжественным, и мы называем их каламбурами; но учительная традиция восточных народов искони пользовалась ими как праздничным убранством речи и одновременно полезной подмогой для памяти, долженствующей цепко удерживать назидательное слово. В этом пункте проповедь Иисуса, звучавшая перед жителями северной Палестины по-арамейски, не отличается от проповеди Гаутамы Будды, звучавшей полтысячелетия ранее перед жителями северной Индии на языке пали:

appamado amatapadam, pamado maccuno pa¹⁶dam
appamata na miantti, ye pamatta yatha mata .

И там, в Индии, почти каламбурное сцепление слов закрепляло в уме сцепленные понятия («бес-суетность», appamado — «путь «бес-смертия», amatapada). Серьезно это было или несерьезно? Серьезнее куда.

Но это не солидная, специфически «буржуазная» новоевропейская серьезность пуритан, да и не «возвышенное» в античном вкусе. «Возвышенное» — слишком греческая категория, в ней слишком много эстетизма, культа культуры и пафоса дистанции, чтобы иметь какое-нибудь отношение к поэтике Дхаммапады и тем паче Евангелий. Библейское мироотношение, выразившееся в самой лексике древнееврейской и арамейской речи, живет антитезами «жизни» и «смерти», «мудрости» и «суеты», «закона» и «беззакония», оно различает святое и пустое, важное и праздное — только не «возвышенное» и «низменное»: последняя антитеза полагается лишь культурой, ориентирующейся на категории греко-римской классики, и вне ее лишается смысла. Нам лучше на время забыть об аттической мере и правильности, о величавой осанке Ватиканской статуи Августа, о звоне латыши Вергилия. Полезнее помнить о фигурах с надгробий Пальмиры, которые бывают почти смешными с точки зрения классического вкуса, но глаза которых умеют заглянуть, прямо в наши глаза. Что в этом мире «серьезно»? Уж кто был серьезен до суровости, до жгучей напряженной сосредоточенности, так это Ефрем Сирийский, самый большой сирийский поэт IV в., к поэзии которого от арамейских афоризмов Евангелий ведет очень прямая, просматриваемая дорога. Биографы Ефрема свидетельствуют, что увидеть его смеющимся едва ли кому удавалось. Но одно из его стихотворений имеет акростих «Ефрем, Ефрем, Ефремка» (aphrēm, arhrēm, rētiān¹⁷), и здесь даже нельзя говорить о стилистическом «снижении»; снижение предполагает концепцию «высокого стиля» как свой коррелят и точку отсчета, как центр для своей эксцентрики, но Ефрем сам находится в центре своей словесной сферы и нимало не эксцентричен.

Когда мы говорим о таких явлениях, как евангельские изречения и акростих Ефрема, очень трудно и очень важно разделять в уме два различных аспекта — общехристианский и специфически арамейский, сирийский, шире — ближневосточный. Тон уничижительного и горестного вздоха над самим же собой, над грешным Адамом в себе, так же необходимо и закономерно вытекает из коренной установки христианства, как и смягчающий интонацию, «утешающий» лепет уменьшительной формы. Еще в псалме 130 было сказано: «Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитя, отнятое от груди матери? Душа моя

была во мне, как дитя, отнятое от груди». Роль диминутивных форм для христианской словесности, особенно низовой, можно наблюдать, как известно, в различные эпохи и в различных языковых сферах — от греческого «койне» Нового завета (где и хананеянка сравнивает себя с «собачками», или «щенятами», которым перепадают крохи с хозяйского стола, и апостол Иоанн называет свою паству «детушки»), до ранних текстов францисканского движения на итальянском языке в XIII–XIV вв. (где и Франциск — не «бедняк», а «беднячок», «Poverello» и легенды о нем — не «цветы», а «цветочки», «Fioretti»). Но в греческой и латинской языковых традициях была ощутимая для образованных людей, хотя бы и христиан, норма антикизирующего вкуса и высокого стиля, которая на правах преднаходимого противостояла подобным тенденциям, ставя их в принудительные отношения противоположности себе, оттесняя на периферию «большой» литературы, навязывая им статус стилистической неполноценности, может быть, умильной, даже святой, но не подлежащей принятию всерьез в плане эстетическом и требующей некоего исправления (впоследствии византийцы переписывали ранние жития святых, приглаживая их слог по античному образцу). Ни в арамейской языковой традиции евангельских времен, ни в сирийской языковой традиции времен Ефрема ничего похожего просто не было. Отсюда сила и уверенность, с которой определенные возможности видения мира и его выражения в слове прорываются для начала именно здесь, за пределами греко-римской сферы, чтобы затем дать пример литературному творчеству на «классических» языках. Так должны оцениваться арамейские «каламбуры» Евангелий, историческое продолжение которых — энергичные, резкие созвучия в стихах Ефрема:

Ktī bāt bgalyāta
 Šbihaṭ bkasyāta
 'mirat bkaryāta
 tmihaṭ bsetlāta...¹⁸

А в дальнейшей перспективе, на расстоянии еще двух столетий, и греческий язык обнаруживает способность к этой совершенно неклассической, чрезмерной для античного вкуса плотности звуковой орнаментики. Византийский гимн VI в., который называется «Акафист»,

т. е. в буквальном переводе «Песнь, при воспевании которой не должно сидеть», весь написан вот так:

Chère di'Is i charà eklampsi,
Chère di'Is i ara eklipsi...¹⁹

Без арамейско-сирийского образца это едва ли было бы возможно. Разумеется, греческая поэзия и особенно греческая риторическая проза искони знали игру созвучий — аллитераций и прежде всего «гомеотелевтов», т. е. рифмоидных окончаний, которые сопрягали одинаковые по своей грамматической форме слова, будучи разнесены по концам синтаксических отрывков. Но в античной литературе созвучия имеют иную фактуру: «имеющий уши» ни за что не спутает одного с другим. Разница так же велика, как между ровным блеском поверхности античных мозаик и самоцветным мерцанием мозаик византийских или расстановкой фигур на аттических вазах и фризах и орнаментальной симметрией, вяжущей фронтально развернутые тела и лики на коптских тканях или фресках Дура-Европос. На смену «благородной простоте и спокойному величию», как характеризовал в свое время эллинистскую классику Винкельман, приходит более «детский» вкус к звону слова и блеску драгоценного камня, металла или смальты, но вместе с ним — и более властное духовное начало, большая «пронзительность».

Говоря о Ефреме и тем более об «Акафисте», мы позволили себе отвлечься и забежать вперед. Нарушение хронологической последовательности может, однако, быть оправдано. Прежде всего нам во что бы то ни стало нужно охватить одним взглядом все три вехи — игру арамейских созвучий, вспыхивающую под поверхностью греческого текста Евангелий, зрелую технику аллитераций и рифмоидов в сирийской поэзии времен Ефрема, воспроизведение восточных структур средствами греческого языка в «Акафисте», — чтобы увидеть перспективу, внутри которой только и могут быть литературоведчески осмыслены отдельные факты. Иначе положение об арамеизмах Евангелий как предвосхищении путей сирийской поэзии «золотого века», расцветшей тремя столетиями позднее, звучит как сомнительный парадокс, как натяжка, повисающая в воздухе. Еще бы, и впрямь как-то странно поду-

мать, что Евангелия были — в некоторой особой плоскости, в некоторой частной связи вещей — еще и этим (хотя не зря же семитологи различных стран время от времени позволяли себе говорить об Авторе евангельских изречений как о «Поэте»...). А ведь когда то, что мы называли частной связью вещей, получает хоть минимальную конкретизацию, в мгновенно открывающейся взгляду историко-литературной перспективе выявлен, между прочим, момент, который оправдывает существование вот этой книги, — внутреннее единство ее столь, казалось бы, разнородного (хотя бы в языковом отношении) материала. Единство, которое надо ощутить сразу же, придравшись к первому же поводу, — или мы рискуем потерять его и потом уже не найти. Увы, оно уже столько раз бывало потеряно! Его легко потерять потому, что связи, наличные в реальности истории, замаскированы для нас границами профессиональной компетентности поделивших между собой эту реальность специалистов — филологов-классиков, ориенталистов различного профиля, историков религий и т.п.

До сих пор не потеряла смысла жалоба Освальда Шпенглера — автора некогда шумевшего «Заката Европы», довольно агрессивного дилетанта в области истории, но человека с острым, свежим глазом, какой бывает именно у способных дилетантов. Он писал в 1922 г.: «Историки ориентировались на классическую филологию, но горизонт последней кончался на восточной границе греческого языка. Поэтому глубинное единство развития по обе стороны этой границы, попросту не существовавшей на уровне психологическом, так и не было замечено... Литературоведы — опять-таки филологи — смешивали дух языка и дух текстов. То, что в арамейском ареале было написано или хотя бы только сохранено на греческом языке, оказывалось отнесено по ведомству «позднеантичной» литературы. Тексты на других языках не попадали в зону этой дисциплины и постольку отходили к историям других литератур». Между тем, подчеркивает Шпенглер, «перед исследователями должна была открыться целостная группа литератур, связанная внутренним единством своего духа, но пользовавшаяся различными языками, в том числе и классическими»²⁰.

В отличие от многих домыслов немецкого культур-философа это утверждение достаточно близко к истине. Суть дела схвачена почти

наугад, но остро. Со времен Шпенглера было, конечно, кое-что сделано — скорее в области истории, нежели литературоведения, — чтобы преодолеть подвергнутое им критике положение. Много, но далеко не все. Проблема остается проблемой.

Итак, забежать вперед нас побудили соображения, связанные с общей сверхзадачей этой книги и с методологическими трудностями ее решения. С другой стороны, нас провоцировала на это и сама объективная реальность историко-литературного процесса на границе эллинизма и Востока в начале нашей эры. Процесс этот только и делал, что «забегал вперед». Входящие в него факты как бы не равны самим себе и не прикреплены к своему времени, потому что именно через них античность раскрывается навстречу средневековой с необычайной наглядностью. Это относится не только к литературному, но и ко всякому иному творчеству. Например, Фаюмские портреты, особенно поздние, и лики фресок Дура-Европос — это, так сказать, икона до иконы и Византия до Византии, предварительная реализация специфических возможностей будущего. В пизовой культуре восточных подданных Рима отрабатывались необычайно долговечные парадигмы. Здесь на каждом шагу перед нами предвосхищение.

Мы сказали о творчестве, как бы не прикрепленном к своему времени. В некотором простейшем смысле это можно отнести к апокрифам. В самом деле, если мы исключим из всей суммы апокрифов, бывших в употреблении у ранних христиан (из дальнейшего будет ясно, почему мы не говорим «раннехристианских апокрифов»), во-первых, памятки хотя и не канонические, но по типу повествования аналогичные каноническим (каким было, по-видимому, утраченное «Евангелие от евреев»), а во-вторых, гностические тексты с характерным преобладанием учительно-медитативного элемента и полным или почти полным подавлением сюжетно-нарративного, — в остатке будут цветистые повествования на потребу массового читателя; и вот они-то удовлетворяли очень устойчивую потребность и сохраняли один и тот же литературный характер в продолжение ряда столетий. Поэтому их так трудно датировать. Сказавшийся в них дух фольклорного вымысла не связан жестко ни с одной специфической эпохой в истории христианства; там, где ему место, т. е. на периферии религиозной жизни, он в

принципе остается прежним от поздней античности до самого исхода средневековья, более того, до последних отголосков средневековья в быту (если угодно, вплоть до мира странников Лескова). Это сфера по сути своей консервативная и отзывающаяся на перипетии культурно-исторического процесса хотя чутко, но довольно поверхностно — порождением новых версий и перелицовок исходного повествования. Наличия одних этих перелицовок достаточно, чтобы сделать грань между эпохами размытой. То, что сказано об апокрифах, можно сказать также о внеконфессиональной (и лишь вторичным образом приобретающей конфессиональные характеристики и модификации) низовой словесности так называемых «народных книг», — например, об Александре Македонском, об Аполлонии Тирском, о нравах зверей, где все украшено вымыслом и приправлено басенной моралью, и т.п. Выработанный «народными книгами» подход к истории становится центральным для всей средневековой культуры; читатель нашей антологии встретится именно с таким подходом у хрониста Иоанна Малалы, сирийца времен Юстиниана, писавшего по-гречески и очень красочно перевиравшего предания античного мира, весьма далекие для него, превращая их в подобие пестрой, узорчатой восточной сказки (и задавая, между прочим, тон, в котором будут излагать языческую мифологию книжники Древней Руси).

Понятно, что применительно к таким пластам словесности конфессиональные деления особенно неприложимы. Однако и «народные книги» специфически религиозного характера, как те же апокрифы, могли подчас настолько безболезненно мигрировать из иудейской литературы в христианскую, что первоначальный генезис некоторых памятников остается по сие время неясным: что это — иудейский литературный продукт, осложненный христианскими интерполяциями, или же христианское творчество, использовавшее не только сюжетные мотивы, но и готовые «словесные блоки» иудейского происхождения? Так стоит вопрос применительно к «Заветам двенадцати патриархов», «Восшествию Исайи» и целому ряду прочих текстов, к числу которых относится и «Повесть об Иосифе и Асенеф», которую читатель найдет в этой книге. Границы размыкались и в направлении иных конфессиональных ареалов, на восток от сирийско-палестинского круга. Например,

гностически окрашенная «Песнь о Жемчужине», вошедшая в состав апокрифических «Деяний апостола Фомы», которые были написаны по-сирийски и вскоре переведены на греческий язык, по-видимому, включает фрагменты древних мифологических текстов Ирана (она тоже есть в нашей антологии). В ее географической символике страны, вполне реально существовавшие на карте «круга земель» в начале нашей эры, соответствуют ступеням метафизической иерархии бытия, причем горнее царство света и чистейшей духовности, называемое, как и место ветхозаветного Эдема, просто «Восток», локализовано в отличие от Эдема где-то на севере Иранского нагорья — в «земле Парфянской» и на «Гирканских высотах», т.е. на горах Эльбруса, в районе современного Мазендарана. Царевич, герой песни, т.е. один из «сынов света», ради искупительной миссии сходящий во мрак, должен спуститься с гор этого «Востока», миновать «рубежи Майшана» и «земли Вавилона», т.е. Месопотамию, символизирующую промежуточное царство воздушных демонов, и вступить во мрак «Египта», т.е. дольного мира, дабы выволить из власти Змия таинственную Жемчужину: частицу света, заточенную во мраке, — а затем с добычей возвратиться в отчий дом. Снаряжая царевича в путь, ему дают с собой драгоценности Востока — и сами имена восточных стран украшают песнь, словно драгоценности:

Злато от земли Гелер,
и серебро великого Гандзак,
и халцедоны земли индийской,
и перлы дома Кушанов...

Идентификация «земли Гелер» неясна, но «великий Гандзак» лежал на территории современного Азербайджана, а Кушанское царство объединяло в те времена земли Восточного Ирана, Средней Азии и Северной Индии; ведь и апокриф в целом повествует о проповеднических трудах и мученической смерти апостола Фомы во владениях индийского царя Гундафара. Особенно много ассоциаций вызывает упоминание «дома Кушанов»: это был перекресток культур, восточный предел излучений эллинизма, выразивший себя в индо-эллинистическом синтезе искусства Гандхары и стоявший под знаком

буддизма махаяны, т.е. опять-таки синтеза разнородных элементов — как исконно буддийских, так и других, отчасти, может быть, пришедших с запада. Мы должны все время держать в уме присутствие этого мира к востоку от арамейского ареала. Было бы ошибкой представлять себе, что направление воздействий шло непременно от Индии, от буддизма, никогда не наоборот; было бы еще более грубой ошибкой искать в сфере буддизма универсальную отмычку к проблемам становления христианства и христианской культуры. На современном уровне научных знаний заведомо невозможно полагать, будто буддизм дал христианству прообразы чуть ли не всех основных новозаветных мотивов, а также, скажем, идею монашеской аскезы. Если буддийская проповедь как таковая на полтысячелетия старше христианской, то буддийская культура с такими ее компонентами, как обстоятельные жизнеописания Будды, иконография, невозможная без эллинистических импульсов, и т.п., в общем, современна христианской культуре, ее ровесница, осуществлявшая свое становление в том же самом мире. Сюжеты притч и басен, легендарные мотивы, отчасти порожденные какой-то третьей средой, не буддийской и не христианской, могли находить свое место и в текстах буддизма, и в текстах христианства. Здесь опять-таки посредническую роль играли все те же «народные книги», например сборник о мудреце и глухце, сложившийся, вероятно, в Средней Азии в кушанскую эпоху и давший самому нестрому повествовательному материалу условную буддийскую окраску. Сходство некоторых мотивов объединяет джатаки, назидательно-развлекательные повествования буддизма,— и держащиеся в той же полуфольклорной тональности апокрифы о детстве Христа. Но, конечно, дальше всего заходит общность сюжетного материала между христианской легендой о пустынноике Билаухаре-Варлааме и царевиче Будасфе-Иоасафе — и легендами о юности Гаутамы Будды.

В недалеком прошлом общность эта понималась совершенно однозначно: почти никто не сомневался, что произошло простое «перодевание» буддийских персонажей в христианские ризы, на скорую руку разыгранный маскарад, благодаря которому Будда мог курьезным образом войти в церковные святцы. В настоящее время, однако, высказываются обоснованные предположения, что дело обстояло не так просто.

Во-первых, и там и здесь был использован материал фольклора и «народных книг», который сам по себе не был ни специфически буддийским, ни специфически христианским. Во-вторых, легенды о юности Будды, по-видимому лишь очень поздно прикрепленные к личности Гаутамы, могли быть почерпнуты из иранского источника, который был либо христианским (возможно, еретическим), либо манихейским, т. е. опять-таки преемственным по отношению к христианству²¹. Как известно, Мани, уроженец Месопотамии и сын приверженца иудео-христианской секты элкаситов, писавший по-арамейски и по-персидски, казненный около 277 г. сасанидским царем Бахрамом I, но создавший религию, зона подпольного распространения которой доходила до Испании на западе и до Китая на востоке и которая даже пришла на некоторое время к власти в Центральной Азии, в царстве уйгуров,— этот властитель умов, современник и соперник ранних отцов церкви и ранних неоплатонических философов, один из самых влиятельных выразителей западно-восточного синтеза, сам воспринял и зороастрийские, и буддийские воздействия, но решающим, пожалуй, оставался импульс, полученный им от сирийского христианства и достаточно характерной и распространенной «энкратитской» версии.

Об энкратитстве необходимо сказать несколько слов. Энкратитство (по-гречески «воздержничество») -- это попытка сделать требования строгой аскетической практики, прежде всего безбрачия и воздержания от мясной пищи и вина, обязательными для всех христиан; попытка строить церковь в целом как общину монашеского типа. Сирийский церковный писатель начала IV в. Афрахат, прозванный «мудрецом персов», по-видимому, следует принятому в его среде словоупотреблению, когда прилагает к довольно многочисленным среди его паствы девственникам и девственницам — еще до монашества как такового! — наименование «сынов Завета» и «дочерей Завета». Это как будто означает, что для него только аскеты были верующими в полном смысле слова. Вспомним, что именно так обстоит дело в буддизме и манихействе: только монашествующий бхикху — член сангхи (общины) и настоящий буддист, только безбрачный «совершенный» — настоящий манихей. Заповедь строгого вегетарианства тоже сближала энкратитов с последователями Будды и Мани. Для церкви энкратитство было слож-

ной, очень сложной проблемой. Порыв, его породивший, находится очень близко к самому сердцу христианства, к его эзотерике, к чему-то, чего и словами не выразишь, что можно только ощутить без слов и выразить намеком. В Апокалипсисе говорится о неземной песне, которую имеют право воспеть перед Агнищем, т.е. Иисусом Христом, лишь те, кто соблюл свое девство. «И никто не мог научиться песни сей, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли» (Откр. 14:3). Здесь что-то центральное для общественной психологии целой эпохи. В воздухе тех веков словно звучит мелодия песни, которой не может повторить никто чужой, и те, кто ее расслышал, идут на зов как зачарованные. Читатель найдет в апокрифических «Деяниях Павла и Феклы», предлагаемых нашей антологией, картину, которая ему наверняка запомнится: девушка-невеста впервые в жизни услышала проповедь добровольного безбрачия, и судьба ее решена — глаза ее не глядят ни на жениха, ни на мать, она неотступно смотрит в одну точку и думает одну думу. Это как две капли воды похоже на страсть; да это и есть страсть, только особая — страсть отказа от страсти. Неслыханное для древнего мира дело — дочь выходит из послушания родному дому и родному городу, она готова отдать все, и ее не остановишь. Фекла — огненный образ; что бы мы о нем ни думали, пройти мимо него мы не вправе. Этим огнем, которым пышет от героини апокрифа и от сотен ее подражатель и подражательниц в живой жизни, церковь себя согревала и жила; но она же принимала самые строгие меры, чтобы он не разгорелся в пожар еретичества. Против энкратитов различного толка, от малоазийских монтанистов II в., земляков Феклы, до испанских присциллиан IV в., она отстаивала свой выбор; быть не буддийской «сангхой» и не манихейским сообществом «совершенных», но «народом Божиим», в котором всем есть свое место — и аскетам, и мирянам. Когда-то во второй четверти IV в. состоялся церковный собор в малоазийском городе Ганграх, на котором было осуждено отвержение брака: «Если какая жена оставит мужа и пожелает уйти от него, гнушаясь брачным сожительством, да будет анафемою»²².

Надо сказать, что апокрифы, в отличие от церкви, склонны энергично принимать сторону жены, «гнушающейся брачным сожительством». Для них есть одна правда — правда Феклы, и никакой другой

правоты нет и не бывало. Выразившееся в них популярное умонастроение эпохи требовало от христианской проповеди еще больше аскетизма, чем там содержалось. В каноническом тексте Нового завета можно прочесть, что «брак честен и ложе непорочно» (Евр. 13:4); между тем уже упоминавшиеся «Деяния апостола Фомы» написаны так, словно бы этой максимы не существовало. Особенно еретический характер имеет неприязненное отношение «Деяний» к рождению детей: их герой, уговаривая новобрачных не прикасаться друг к другу, устрашает их тем, что дети могут страдать всевозможными болезнями, а могут пойти в разбойники. С точки зрения ортодоксального христианства, выраженного, например, у апостола Павла, «чадородие» — это путь спасения для женщины, грешной дочери Евы (I Тим. 2:15). Официальные авторитеты церкви порицали увлеченных еретическими доктринами мужей, которые «изгоняли жен своих», и жен, которые, «оставляя мужей своих, желали жить в воздержности», — все «вопреки церковному преданию и обычаю». А ведь именно так, к слову сказать, поступают в «Деяниях апостола Фомы» женщины Индии, принявшие апостольскую проповедь! Чтобы точно чувствовать расстановку сил в мире тех веков, нужно на каждом шагу помнить, что в нем христианство отнюдь не было единственным носителем принципа аскезы. Напротив, оно было подхвачено широко разливающейся волной тоски по избавлению от власти «мира» и «плоти» — тоски, которая не имела необходимой связи с христианством, которая облекалась в самые разнообразные доктринальные формы и нашла себе наиболее безоглядное выражение не в теологии Церкви, но в энкратитских ересях, в гностицизме и, конечно, в манихействе. Тоска эта, вдохновлявшая дальше на восток песни буддийских бхикку и бхикшунни, очень отчетливо звучит, например, в одном из сакральных текстов секты мандеев, которая дожила на берегах Евфрата до наших дней как странный реликт канувшего мира околонуевой и околохристианской гетеродоксии — восточного гнозиса:

Гласу души внемлю я,
что зывает из тела своего;
— Кто извлечет меня из тела моего,
кто выпнет, меня из плоти моей?

Утесняема и томима я
в мире сем,
в мире, который весь — ночь,
ковами исполнен весь,
узлами завязан весь,
печатами запечатан весь —
узлами без числа,
печатами без конца...²³

Вот голос, который как эхо вторит многим голосам буддийских песенных сборников «Тхерагатха» и «Тхеригатха» и которому в веках отвечают голоса — вплоть до заунывных «духовных стихов» русского старообрядчества. Миру еще долго предстояло быть «завязанным» и «запечатанным».

В эпоху, о которой мы говорим, образы и мотивы, связанные именно с этой жалобой души, странствовали от одного народа к другому, от одной вероисповедной среды к другой, пересекая любые этнические и конфессиональные границы и образуя в совокупности некий общий фонд, находившийся в совместном пользовании адептов различных традиций и приверженцев различных вер. Они, эти образы и мотивы, были для всех понятны и для всех приемлемы. Иное дело — догматы и концепции теологии; их еще нужно понять, что требует квалификации, имеющейся не у каждого, но, даже поняв, их нельзя принимать, если намерен хранить верность каким-то иным, соперничающим догматам и тезисам. Скажем, мыслили о материальном мире по-разному: для христиан это — Божье творение, изначально благое, однако испорченное в результате падения демонов и затем людей, подпавшее под власть демонического «князя мира сего» и в муке чающее конца и нового начала; для гностиков многих толков и для манихеев — нечто, чему и быть-то не следовало, плод плетения света мраком, дурная работа дурного демиурга; для языческих неоплатоников, последних эллинов, — низшая ступень поступательного оскудения совершенств духовного начала, грустный, но необходимый предел диалектического процесса, зло как минимум блага; для буддистов — иллюзия сансары. Об этом можно было весьма остро и непримиримо спорить, отлучая и анафематствуя друг друга, это было дело theologов. Но вот что в наличном состоянии мира,

чем бы его ни считать, есть некая коренная неправда, некий силок для свободы духа, вырваться из которого можно только безжалостным обличением лгущей видимости и решительным отказом от чувственных приманок — об этом между людьми, вообще имевшими духовные интересы, споров в те века не было, и это касалось отнюдь не только теологов, это касалось и «простецов», жадно поглощавших подозрительную для церковных инстанций литературу вроде тех же «Деяний Павла и Феклы», а порой бросавших приятную прохладу своего домика и уходивших от «мира» в невыносимый жар и суровое безлюдие пустыни. Конечно, далеко не все имели силу уйти — хотя нельзя не подивиться тому, сколь многие все-таки уходили; но важнее всего, что и тем, кто был далек от подобной решимости, кто продолжал хлопотать о житейских вещах, торговать и наживаться или же выслуживать чины на государевой службе, хотя бы красшком сердца тоже хотелось уйти, и сумевший сделать это был для них героем, любимым персонажем эпохи. Какой образ мог бы полнее выразить такое настроение, нежели образ юного царевича, воспитываемого в неограниченном доверии к лжи мира, тщательно оберегаемого от неприятных впечатлений, окружаемого сомкнутым кольцом иллюзии, который духовно прозревает, последовательно увидав калеску, слепца, дряхлого старика и узнав о смерти? Легко понять, что он оказался одинаково уместен в христианской легенде о юности Иоасафа и в буддийской легенде о юности Гаутамы Будды. Еще бы — в этом емком образе собрано чуть ли не все, что было общим у двух религий, в остальном столь мало схожих. Такой сюжет нетрудно в порядке гипотезы вообразить и на службе манихейской проповеди. Что касается христианской среды, то в ней, как известно, Иоасафу суждена была очень долгая жизнь. Его голос звучит и в русском фольклоре, ничуть не потеряв за века пронзительности своих интонаций:

Как расплчется младый юноша
Иосаф царевич,
Перед пустынею стоя:
«Любимая моя мати,
Прекрасная пустыня!
Ты приим меня, пустыня,
Яко мати свое чадо...»

Проречет мать пустыня
Архангельским голосом:
«У меня, у пустыни,
Трудом потрудитися;
У меня, у пустыни,
Постом попуститися;
У меня, у пустыни,
Терпя потерпети;
У меня, у пустыни,
Много нужды прияти;
У меня, у пустыни,
Негде тебе разгулятися».
Проречет младый юноша
Иосаф царевич:
«Не страдай меня, пустыня,
Превеликими страстями;
Того я и хошу,
Того душа моя желает...»²⁴

У Иосафа немало собратьев среди самых излюбленных персонажей литературы тех времен, и собратья эти, как и он сам, были любимы за подвиг безоглядного ухода, безоговорочного отречения. Сама тяжесть отречения вызывала восторг; питавшийся слезами, упивавшийся ими. В начале V в. в Сирии появляется история о некоем «человеке Божием из Рима» — по-видимому, из Нового Рима, т.е. Константинополя, хотя позднее дом его родителей был отыскан на Авентине, высоко над Тибром. В ранних вариантах легенды он носит имя Йоханан (Иоанн); затем он все чаще именуется Алексий Человек Божий и под этим именем становится известен литературам и фольклору чуть ли не всех стран христианского мира. Это единственный, нежно любимый сын богатой супружеской четы, который в ночь своей свадьбы бежит от мирского счастья, добирается кораблем до Малой Азии, откуда пешим странником идет в святой сирийский город Эдессу, где ведет жизнь нищего, — а затем, изменившись до полной неузнаваемости, возвращается на родину и живет при отеческом доме как подкармливаемый из милости бродяга, в лохмотьях и язвах. Особенно прочувствованно легенда рисует,

как над грязным попрошайкой глумятся слуги, между тем как родители и нетронутая молодая жена томятся по нему, воображая, будто он далеко. Только после его смерти благодаря чуду обнаруживается, кем он был, словно для того, чтобы сердечная растрата его близких могла достигнуть окончательной полноты. Семья святого (надо сказать, изображенная с полным сочувствием) наделяется всеми атрибутами знатности и богатства, да еще в сказочном гиперболизированном виде; но эта роскошь оказывается ненужной, над ней можно разве что горько посмеяться и покачать головой, и в этом вся суть. Изобильный дом — полная чаша, почет и знатность, вообще благополучие хотя бы и праведных богачей неистинны; и только бедный странник, терзая близких и себя же самого, живя в скудости и поругании, тем самым живет в истине, погружен в стихию истины, как рыба в воду.

Легенда об Алексии, жестокость которой так часто представляется современному сознанию бессмысленной и бесчеловечной, отвечала глубоким душевным потребностям всего средневекового тысячелетия, которое тогда только начиналось. Вспомним, например, что один из самых ранних шедевров французской поэзии — принадлежащее XI в, стихотворное переложение этой легенды, отрывок из которого перевел О. Мандельштам:

...Нежна была твоя плоть, Алексей, теплой жизнью согрета, —
Для чего же ты посвятил скорбям молодые лета?..

Но и позднее легенда эта очень много значила для воображения совсем простых молодых людей — вплоть до описанных Радищевым благодарных слушателей нищего странника, поющего им старую песнь русских слепцов:

Как было во городе во Риме,
там жил да был Евфимиан князь...

«Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! — восклицает Радищев, в лице которого культура эпохи сентиментализма неожиданно открывает для себя сбереженную народом древнюю «слезность». — Колико сердце оно обновляет, и онаго чувствительность!»²³ Во времена, о которых мы говорим, отлично знали, как «чувствование скорби»

обновляет сердце, но, впрочем, отнюдь не согласились бы, что ему следует оставаться «неязвительным». Нет, бурав должен именно «уязвить» душу, болезненно войти в нее, чтобы открыть глубокий источник.

То же упоение слезами, которое ощущается в истории Алексия, лежит в основе хотя бы легенды об Археллите (это сирийско-коптское искажение греческого имени Архелладий). Легенда эта дала тему едва ли не лучшему произведению коптской поэзии. Сюжет ее таков: единственный сын знатной константинопольской вдовы — снова единственный сын! — отправляется учиться в дальние города, но пронзен мыслью о человеческой бренности и поступает в палестинский монастырь, где дает обет вовеки не видеть женского лица; до тоскующей матери доходят слухи о монашеских трудах ее сына, она приезжает в обитель и молит Археллита о встрече. Этим обусловлена безвыходная коллизия. Юноша не в состоянии ни отказать матери, ни нарушить обет, и ему остается тут же умереть с разбитым сердцем; мать оплакивает его и сама находит успокоение в смерти.

Нужно представить себе, как вникали люди той среды в подобные рассказы. Создаются совершенно особые понятия восточнохристианской культуры, выражаемые греческими словами «элеос» и «катаник-сис»; первое — «умиление», т. е. любовь как жалость и милость, любовь с заплаканным лицом, второе — «сокрушение сердечное», сосредоточенно принимаемая боль души. Расположение к слезам оценивается как высокое духовное дарование — «дар слезный», — и его испрашивают себе в молитвах. Разумеется, в идеале это не просто чувствительность или растроганность, но мука сосредоточенного духовного пробуждения, когда душа словно вырывается из силков «мира», обдирая на себе кожу. Так оно и было — для немногих или, может быть, для многих в немногие моменты их жизни, от которых на всю жизнь оставалось разве что смутное воспоминание. Если говорить о читательской массе, ее душевная жизнь не могла не быть очень пестрой; а жития и апокрифы писались именно для массы. Читатель есть читатель, особенно на Ближнем Востоке тех времен, и он попросту очень любопытен, он не перестает искать развлечения и пицци для фантазии, может быть, еще и сладкого ужаса — как гимнастики для эмоций и шоковой терапии для своих душевных травм или попросту способ забыть на время о докучной обы-

денщине. Все это вовсе не исключает запросов более серьезных, но причудливо с ними перемешивается, модифицирует их, ставит в какой-то свой контекст.

Может быть, нам, наследникам старой русской жизни и русской литературы, легче понять сформировавшийся на этой основе строй повествовательного искусства и читательского восприятия. У нас его отголоски загостились особенно долго и ушли сравнительно недавно. В прекрасном бунинском рассказе «Святые» дряхлый и одинокий старик Арсенич, бывший дворовой буфетчик, рассказывает впечатлительным барчатам житие «блудницы и мученицы Елены». Рассказывает он как надо, не торопясь, давая себе и слушателям власть, до слез насладиться грозной выразительностью диковинных слов и душераздирающих ситуаций.

«...И вот извольте подумать: что она должна была прочувствовать в этом случае? Может, одна Фекла-странница то испытала в свидении, в хождении своей души по мукам. А ведь, однако, один платочек белый, какой она подала нищему страннику и какой ангел на весы, в поспрамление бесам, кинул, и тот спас ее, всех ее грехов тяжелее оказался!

— А зачем ее выгнали в лес? — спросили дети.

— А куда же-с? — ответил Арсенич. — Конечно, в лес дремучий, непроходимый...

— Где орлы скрывают, — добавил Валя.

— Истинно-с, где орлы скрывают и всякий зверь необузданный съест может, — повторил Арсенич с горьким торжеством. — Где дивья темь лесная и одна скала-пещера могла служить ей приютом!..»²⁶

Этот буфетчик Арсенич, который сам говорит про себя, что у него «душа не понешняго веку», — последнее звено в преемстве тянущейся через века череды рассказчиков, странников и странниц, слепых пищих, «певших Лазаря», грамотеев-начетчиков; а мы занимаемся как раз началом этой самой череды. Звучащее в его голосе «горькое торжество» — отголосок того, которое вдохновляло первые рассказы о нищенстве Алексия и сердечном надрыве Археллита.

Простые люди с очень давних времен любили два способа описывать жизнь; во-первых, притчу, во-вторых, то, что мы грубо и совсем не терминологически назовем мелодрамой. Любили они и то и другое, на-

вернос, потому, что были достаточно просты, чтобы знать, до чего жизнь похожа на притчу — и до чего она похожа на мелодраму. У мелодрамы худая репутация, но это бы еще не так важно; важнее, что у нее и впрямь есть большой недостаток. Недостаток этот — вовсе не нарушение вкуса и меры (как будто жизнь соблюдает правила вкуса и требования меры!), но отсутствие места для спокойного размышления. Она заставляет простодушного человека дрожать, плакать и ликовать, но отказывает ему в возможности задуматься, очнуться, выпутаться из бестолкового переполоха эмоций. Поэтому так важно, что в литературе, о которой мы говорим, пронзительность мелодрамы всегда уравновешена и дополнена внятной рассудительностью притчи, так что читатель и сквозь слезы может смотреть отрешенным взглядом поверх сюжетных положений. Он плачет вместе с матерью Археллита, но он видит дальше, чем она. Он видит, что жизнь и смерть добровольных страдальцев — не прискорбный случай, а задуманная и достигнутая победа. Поэтому мелодрама здесь уже и не мелодрама, а ее противоположность; какая же это мелодрама, если дело не в «счастливом» и в «несчастном» конце? Даже там, где счастливый конец есть и где он важен, как в «Повести о Иосифе и Асенеф», есть что-то, что гораздо важнее: не только смысловой, содержательный, но даже чисто эмоциональный центр повести — не торжество добрых персонажей над заговором злых, а переворот в душе героини, ее «обращение» и «покаяние». После такого огненного опыта, такого ужаса и блаженства в конце концов не так важно, будет ли Асенеф «жить долго и счастливо» с обожаемым супругом или умрет от руки Дана и Гада. Этим жития и апокрифы в корне отличаются не только от мелодрамы, но и от сказки, каким бы сказочным ни был порой их колорит; ведь для сказки житейский успех остается в чести, а здесь он попирается ногами. Палладий рассказывает про юрливую монахиню Тавенисского монастыря в Египте, которая много натерпелась от других монахинь, всячески ее обижавших; когда отшельник авва Питирум открыл ее святость, она ушла из монастыря и канула в неизвестность. С легкой руки немецких религиоведов первой четверти нашего века в этой истории принято видеть попросту благочестивое «переодевание» сказочного мотива Золушки²⁷; по разне это правда? Соль всех сказок про Золушку — в счастливом

конце. Соль истории про юродивую монахиню как раз в том, что для нее такой конец — несчастливый, и она отменяет его, уходя неведомо куда, чтобы все началось с начала.

Можно ли называть то, к чему ведут читателя лучшие тексты такого рода, «катарсисом»? Если слово это слишком неразрывно связано в нашем сознании с тем, с чем связывал его Аристотель, т.е. с трагическим началом, лучше обойтись без него: трагическое начало здесь решительно невозможно, все имеет принципиально иную тональность, как-то иначе звучит — то ли по-детски, то ли по-старчески, но смиреннее; больше слабости, но и больше надежды, чем допустимо в трагедии.

А может быть, есть какой-то иной катарсис, кроме трагического? Но дело не в словах. Как это ни назвать, суть остается той же: глаза плачут, и сердце уязвлено, однако и согрето, на душу сходит мир, а мысль яснее и твердеет.

Каким же видится мысли в таком состоянии мир? Есть несколько простейших символов, без которых тогда не могла обойтись ни одна вера и ни одна литература. Назовем два из них: это пещера и жемчужина.

Пещера — это мир, весь дольний мир мрака и несвободы. Он потому и пещера, что в нем темно и тесно душе, что он замкнут и застит от ума свет, разлитый за его пределами. Конечно, эпоха, о которой мы говорим, не впервые изобрела уподобление материального космоса — пещере; когда-то, как известно, к нему прибег еще Платон, представивший (в начале VII книги своего «Государства») чувственное сознание как сознание узника в подземелье, который видит лишь тени предметов, падающие из зоны света, но не может увидеть ни самих предметов, ни источников света. Под конец античности этот образ приобрел большую популярность, задевая очень чувствительные струны в душах людей; неоплатоник Порфирий, написавший трактат «О пещере нимф», соединил платоновскую метафору с эмблематикой мистерий иранского бога Митры, которые вошли в моду на самом закате средиземноморского язычества, подготавливая воображение к образности манихейства.

Из Ветхого Завета выплывало древнее ближневосточное представление о «небесной тверди», накрывающей землю, как шатер или сводчатое перекрытие, и через него символ пещеры обретал конкретную, пластическую наглядность: внутреннее пространство пещеры — это

«поднебесный» мир, свод пещеры — твердь», вольное пространство вне пещеры — «занебесный» мир²⁸.

Эмоциональные тона образа описать не так легко. Прежде всего, как это было и у Платона, пещера — место заточения, «темница» в самом буквальном смысле этого русского слова, то есть темная тюрьма. Мандейская поэзия, называющая дольний мир «тибил», вопрошает:

Кто вверг меня в тибил?
В тибил кто вверг меня?
Кто заточил меня в стенах его?
Кто заковал меня в железа сии?

Здесь, как и в цитированном выше отрывке с упоминанием «узлов» и «печатей», завязывающих и запечатывающих дольний мир, звучат эмоции, которые похожи на какую-то космическую клаустрофобию: перед нами мрак, как в самом обычном узилище тех времен, и во мраке, вздыхая и плача, сидят или лежат узники, скованные цепями и колодками своей житейской несвободы. Но это не все. «Желаю разрешиться и быть со Христом», — сказано в одном новозаветном тексте. Узник дожидается своего часа, чтобы с него сняли узы и вывели на волю: как некогда с ним уже было нечто подобное, когда из тьмы и тесноты материнской утробы он явился на свет и простор, так и теперь ему предстоит второй раз родиться — в «занебесный» мир. Это сразу вносит иной эмоциональный тон: значит, пещера — не только ненавистная темница, но и родимая утроба. Недаром в вифлеемской пещере родился Христос. Нелишне вспомнить, как часто выплывает в восточнохристианских легендах мотив потаенного укрома, тихой безопасности в святом мраке чрева матери-земли (семь отроков Эфесских, мирно уснувших в пещере; святая Елисавета, мать Иоанна Предтечи, уходящая от преследователей в недра скалы; то же со святой Феклой; слухи о подземном женском монастыре в Иерусалиме). Сидячая и согбенная поза, которая рекомендована православному аскету для «умного делания», едва ли случайно так напоминает позу младенца в чреве матери. Пещерой или подобием пещеры может быть сакральное пространство: в пещерах и подземельях совершался культ Митры, катакомбы были прибежищем раннехристианского культа, горные местности Сирии, Армении и

Малой Азии знали пещерные монастыри (обычные также для традиции буддизма) и пещерные церкви, но и помимо этого церковные здания ближневосточного ареала имеют «пещерный» облик. Георгий Писиды, византийский поэт VII в., характерным образом уподобляет церковный интерьер вифлесской пещере.

И здесь образ пещеры поворачивается еще одной стороной: это место реального присутствия божества. Вифлеемская пещера таит в себе клад — младенца Христа; другой пещере, склепу подле Иерусалима, дан другой клад — Гроб Господень. Пещера есть поэтому «пещера сокровищ», по-сирийски «мэ'арат газзэ». Это сочетание слов — заглавие одного апокрифа VI в., где новостуется о драгоценных и священных предметах, вынесенных Адамом из Рая и лежащих в пещере вместе с телом Адама. Горный свет не только сияет вне пещеры, он сходит в глубину ее мрака, он всегда здесь, как тихое, неуловимое мерцание. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его», — как сказано в прологе к Евангелию от Иоанна. Это снова образ, который подлежал различному истолкованию в различных религиях. Христиане верили, что свет, который есть Христос, по человеколюбию добровольно сошел к узникам пещеры; манихеи верили, что частицы света похищены насилем тьмы и должны быть вызволены из ее плена. Но сам по себе образ видели все. О нем говорится, между прочим, и в Коране, XXIV сура которого носит название «Айат ан-нур», т. е. «Стих о свете». «Аллах есть свет небес и земли, — читаем мы в ней. — Свет Его — точно ниша; в ней светильник в стекле, и стекло точно жемчужная звезда. Зажигается он от благословенного дерева маслины, — ни с востока, ни с запада, — масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь — свет на свете» (перев. И. Ю. Крачковского). Любопытны слова «свет на свете»; они звучат как отголосок христианской формулы «свет от света», имеющей смысл в контексте доктрины о порождении Сына Отцом, но как будто бы лишенной смысла в контексте ислама. Такие образы улавливались сыном эпохи прямо из воздуха эпохи, насыщенного ими.

Итак, пещера предстает как ниша — или, в христианском образном ряду, алтарная апсида, — и мрак ее освещен неугасимой лампадой. В одном новозаветном тексте сказано, что божество «обитает во свете неприступном»; но для верующих той эпохи «неприступный» свет со-

всем близок, он здесь — рукой подать. Вообще говоря, средневековой культуре свойственно было уравнивать свои порывы в потустороннее удивительно конкретным ощущением присутствия потустороннего в посюстороннем; но, может быть, для сирийцев присутствие это было таким осязаемым, плотным, почти грубым, как ни для кого другого. Кем они не были, так это спиритуалистами. Скажем, Рай воспевается в целом цикле гимнов Ефрема Сирина не как Эмпиреи, запредельные подлунному миру, но как Земной Рай, первозданный Эдем, продолжающий цвести где-то в сокровенном, но реальном месте у истоков Евфрата и Тигра, т.е. совсем по соседству с родиной Ефрема. С этим сирийцы не шутили: в начале IX в. католикос Селевкийский Тимофей I обосновывал особые права своей кафедры, между прочим, тем, что ее местоположение — страна Эдема, «Восток», о котором говорит Библия («...и насадил Господь Бог рай в Эдеме, на Востоке...») ²⁹. Ефрем так описывает востерки, повевающие в Земном Раю, что кажется, будто он знает Эдем, как зверь, — обонянием. Что до рек, вытекающих из непорочной райской земли, то оказывается, что их целительные воды подмешиваются к водам падшего мира, таинственно подслащивая их горечь и оздоравливая их зачумленность. Где еще, спрашивается, найдешь такой бодрый «мистический материализм», такое острое, чуть ли не физическое ощущение, что праведная, не оскверненная нашей порчей природа Эдема — в двух шагах? Уж на что, кажется, горячо доказывал на Руси XIV в. новгородский архиепископ Василий в послании к тверскому епископу Федору осязаемую вещественность Земного Рая; но даже мореходов Новгорода, на которых он ссылался, вынесло к райским горам лишь после долгих скитаний в краях неизвестных ³⁰. У сирийцев такой проблемы не было. Но дело, конечно, не только в топографии ветхозаветного сада, сколь бы ни была важна эта топография для сирийского патриотизма. Ведь и отшельника Герасима, о котором пишет в «Луге духовном» Иоанн Мосх и который жил в палестинской пустыне, все равно окружает Рай, раз дикий лев являл ему такое же послушание, как Адаму, еще не впадшему в грех и не расторгшему союза с природой. Достаточно, чтобы человек был праведен — и вокруг него будет веять тот эдемский ветерок, мысль о котором вдохновляет Ефрема. Лев, наверно, чуял это своими ноздрями.

Не просто духовность была центральной темой культуры, о которой мы говорим. Тема ее — одухотворение материи, ее преобразование, претворение в чистый свет. Символом такого претворения, если угодно, наивным, но убедительным, были те вещества, в которых есть «световидность» и «светоносность», т.е. прозрачность, или блеск, или и то и другое; золото, стекло, драгоценные камни. Вещества эти играют центральную роль в описании небесного Града из Апокалипсиса: «Город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое — яспис, второе — сапфир, третье — халцедон, четвертое — изумруд, пятое — сардоникс, шестое — сердолик, седьмое — хризолит, восьмое — берилл, девятое — топаз, десятое — хризопраз, одиннадцатое — гиацинт, двенадцатое — аметист. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин...» (Откр. 21:18–21).

Вот мы и подошли к символу жемчужины, который выступает как противовес символу пещеры. Это — тот клад, который утасн во мраке пещеры. Клад, за который надо отдать все.

Этический смысл символа неотделим от своеобразной эстетики эпохи. Люди тех времен обожали вымыслы о драгоценных камнях, которые не отражают и не преломляют света, но светятся собственным светом, идущим из глубины, наполняя лучами темное подземелье, «пещеру сокровищ». И это дает нам самое первое значение жемчужины, непосредственно вытекающее из чувственного образа: жемчужина есть вещественность того самого невещественного света, который мерцает во мраке мировой пещеры. В ней свет как бы воплощен, материализован, принял плотную и твердую природу камня, оставаясь при этом светом. Это первое значение поддержано вторым, для понимания которого уже необходимо знать фантастическую «биологию» эпохи³¹.

Тогда верили, что жемчужина зарождается в недрах раковины от удара молнии — небесного огня, сошедшего на море и на плоть раковины. Таким было, поучает тот же Ефрем Сирийский, и чудесное зачатие Иисуса Христа в чреве Девы Марии³². В некоторых версиях раковина плодотворится действием лунной росы, т.е. как бы лунного света, ставшего текучей влагой перед тем, как застыть в твердой жемчужине. Но третье значение было задано евангельской притчей, где жемчужина означает

абсолютную ценность. То, что наше слово «ценность» связано с меркантильным кругом представлений, отнюдь не плохо; притча тоже апеллирует к образам алчного, сосредоточенного стяжания. «Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13:45). Образы этой притчи для ближневосточной городской среды весьма конкретны, а значение их тождественно именно понятию безусловного ценностного предела. Прав только приобретатель, без остатка устремивший всю силу своей жадности на абсолютное; напротив, всякая иная жадность, хотя бы краешком глаза косящая на что-либо, кроме абсолютного, не права — абсолютно. Еще раз: за «многоценную жемчужину» отдают все, решительно все — таков урок притчи, примерами, наглядными пособиями к которому могут служить многие повествования, с которыми читатель встретится в этой книге. Наконец, к этим трем значениям «Песнь о Жемчужине» добавляет четвертое, может быть и противоречащее тем логически, но не образно: жемчужина — свет брошенной на чужбину человеческой души, которую необходимо вызволить из «пасти Змия». Душа ведь тоже дороже всего мира. «Ибо что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

...У той литературы, антологию которой мы предлагаем, был смысл, который был больше не только ее ветхих условностей, не только вероисповедных распрей эпохи, но и ее самой, больше эпохи в целом, потому что смысл этот был общечеловеческим. Чувствовать, насколько жив этот смысл для нас, нас научили Толстой, Достоевский, Лесков. Формы литературы были формами воплощения, смысла и также — порой — формами умерщвления смысла. Однако это позволительно сказать не об одной эпохе в истории человечества.

Поэтому от читателя потребуется немало серьезности — для вещей серьезных, т.е. для нравственной и духовной проблематики. Но от него потребуются и совсем иное: вкус к бытовому колориту, к необычному, порой резкому и гротескному, порой глубоко упрятанному юмору, а не в последнюю очередь — сочувствие ненасытному, быстроглазому, детскому, школярскому любопытству, с которым человек того времени разглядывал вместе с Енохом Праведным устройство небес или брал вместе с Соломоном Премудрым интервью у чертей:

«Скажи мне, лукавый душе и нечистый, каково прозвание твое и каково делание твое?..»

Впрочем, ярусы небес и разряды чертей — это еще куда ни шло. Ценить колоритные, иногда чуть забавные приметы далекой эпохи современному читателю, пожалуй, приучен. С чем для него труднее свыкнуться и поладить, так это с вездесущей, всепроникающей дидактикой, одновременно вполне серьезной, даже строгой — и чуть-чуть игровой, цеголяющей своим наивным хитроумием.

Литература, о которой мы говорим и с которой мы хотим познакомиться читателя, поражает своей исключительной однородностью; она дидактична сверху донизу. В ее основе лежит истовая, подчас суровая учительность. Жанров иного свойства здесь просто не найти. Была ли у сирийцев времен Ефрема или у коптов времен Шенуте, скажем, любовная лирика? Какие-то песни — напевы влюбленных юношей и девушек, ритуальные свадебные славословия красоте невесты наподобие соответственных частей «Песни песней» или арабского насиба, — несомненно, были, должны были быть по законам человеческой природы. Но такого «баловства» книжные люди записывать не стали. Это еще одна черта, сближающая сирийскую и коптскую культуру с древнерусской: очень строгое отношение к святости письменного слова. Одно дело — что поется за работой или на пиру, другое дело — что записывают в книгу.

У наших предков тоже не было ни трубадуров, ни миннезингеров; жаль, конечно, но, если бы мы их имели, не было бы целомудренной чистоты Андрея Рублева, а позднее дело не дошло бы до Толстого и Достоевского. Приходится выбирать. У каждой культуры — свои законы, и элементарный историзм требует от нас, чтобы мы с ним считались. Что касается такого жанра, как героический эпос, то его странно было бы искать у народов, не имевших собственной государственности, живших под гнетом чуждых им империй. Ни своего Ахилла, ни своего Роланда ни у коптов, ни у сирийцев не сыскать. Беря примеры поближе, ни Давида Сасунского, ни Дигениса Акрита — но героические персонажи здесь есть, только это не воины, а неустрашимые страдальцы и страдальцы. Например, это Тарбо с ее подругами, сирийские девушки IV в.,

которые были обвинены в том, что колдовством навели порчу на шахиню, отказались спасти свою жизнь вероотступничеством и были подвергнуты распиливанию пополам, чтобы между кровавыми кусками их тел в жуткой процессии прошли шахиния, шах и толпа персов³³; или это их современник Гухингтазад, большой вельможа при шахском дворе, которому было так трудно, но так нравственно необходимо пожертвовать и карьерой, и головой, заявив о своей вере. Атмосфера та же, что в знаменитой армяно-грузинской повести о мученичестве Шушаник. Вызов великим державам, которые играют судьбами малых народов, верность своему народу и своей совести направляются в русло религиозного мученичества. Это характерно для эпохи в целом.

Если мы продолжим параллели с Древней Русью, можно отметить контраст — у Руси было «Слово о полку Игореве»; но ведь и этот шедевр совершенно уникален на фоне летописей и поучений и недаром дошел в единственной рукописи. Зато в литературах Ближнего Востока мы найдем очень много такого, что живо напомнит нам «Поучение» Владимира Мономаха и особенно «Моление» Даниила Заточника. Пожалуй, последнее становится чуть менее загадочным в своей жанровой сути, если его рассматривать на фоне тысячелетних традиций восточной дидактики, привыкшей, во-первых, делать драматическую жизненную ситуацию — все равно, воображаемую или совершенно реальную — предлогом для введения все новых и новых афоризмов, очень свободно соотнесенных и с этой ситуацией, и друг с другом, а во-вторых, самым озадачивающим образом перемешивать при этом с благонамеренными трюизмами неожиданные сарказмы; и то и другое — точь-в-точь как в «Молении». Кстати говоря, такой памятник восточной дидактики, как восходящее к арамейско-сирийской древности VII–V вв. до н.э. и переработанное сирийской литературой повествование о праведном придворном книжнике Ахикаре, который служит ассирийским царям Сеннахерибу и Асаргалдону, безвинно осужден последним на казнь по оговору родного племянника, однако по старой дружбе спрятан налачом в надежном укрытии, затем выходит на свет, когда царю приспевает нужда в его мудрости, а затем обильно изливает на злого племянника поток укоризненных поучений, — памятник этот был популярен на Руси под именем «Повести об Акире Премудром»; так

что близость литературного вкуса и духовных запросов, соединяющая через века учительную словесность сирийско-коптского арсала и Руси, не только ощущается, так сказать, на глазок, но и подтверждается конкретными фактами. Повесть, оброставшая в поздних редакциях дополнениями в сказочно-фольклорном духе, так органично вошла в кругозор древнерусского книгочеха, словно была для него создана.

Хорошо, что так близко к началу книги читателя вводит в мир дидактики такой умный и симпатичный резонер, как Мара бар Серапион, бедолага, поучающий своего сына из ссылки. Чем ему тяжелее на душе, тем дороже ему право рассуждать, всласть умствовать, сплетать неспешные сентенции, присловья, притчи, рассматривать собственную беду словно бы издали, высказываться о ней как можно витиеватее. Слова нанизываются в ряд, как ожерелье, или, если мы вспомним выражение Пушкина о более поздней исламской дидактике, как «четки мудрости златой», и в этом нанизывании — победа человека, которого обидели. С какой умной и наивной важностью словесного жеста он говорит в лицо своим мучителям:

Впрочем, что бы ни решили о нас,
не приключится нам ничего большего,
нежели упокоение смертное,
которое не отнимется от нас.

И мы уже без раздражения думаем о назидательно поднятом персте, о многословии, о диковинных оборотах речи. Мы понимаем, для чего все это было нужно.

Если слово стало фактом книжной культуры, здесь ждут от него не прославления радостей жизни, и не изливания страстей, и не авторского самовыражения, а «мудрости». Что такое «мудрость»? Узкий, тернистый путь, по которому надеются выйти из мира несвободы.

В предлагаемых переводах читатель встретится с тремя вариантами этой «мудрости», тремя учениями, каждое из которых по-своему сулило душе вызволить ее из мира несвободы, показать ей, что свобода — ее природная сущность и что все царства и богатства на свете не стоят этой свободы. Первое из них — стоицизм, философская вера Мары. Именно потому, что стоицизм решительно подчинил умозрительные и

научные интересы нравственным, он из всех греческих философских систем легче всего воспринимался за пределами греческой культуры — и в Риме Сенски, и на Востоке Мары. Второе учение — гностицизм, выраженный в гимнах из апокрифических «Деяний апостола Фомы»; один из этих гимнов, уже упомянутая выше «Песнь о Жемчужине», напоминает человеку: ты — царский сын на чужбине, не забывайся, не поддавайся ни робости, ни унынию, ни пустому довольству. Поэма дает таинственный образ зеркала, в котором человеку является высший лик его же души, — и сама хочет быть таким зеркалом. Третье учение — ортодоксальное христианство. Хотелось бы отметить, как важен для сирийских христианских авторов среди всех догматов догмат о свободе воли. Воля «самовластна», человек сам выбирает спасение или гибель, и этой свободы у него не отнимет никакое космическое насилие. Сирийские поэты говорят об этом вновь и вновь с захватывающей страстью:

Свобода выходит в круг
и назначает нам борьбу,
и через это является враг,
но также победа над врагом,
и победитель получает венц,—

это слова сурового Ефрема Сирига³⁴. Страсть — вот что в конечном счете делает дидактику поэзией.

Итак, баланс конкретных исторических условий определил характерное для литературы в намеченных нами хронологических и географических границах господство иптоаций, мотивов и образов религиозной проповеди. В то время и у тех народов вопросы широкого мировоззренческого характера не могли быть поставлены по-иному.

Как увидит читатель, эта книга задумана переводчиком как стилистический эксперимент; а всякий эксперимент осуществляется тем, кто его предпринял, на свой страх и риск, и постольку в некотором одиночестве. Риском не делятся, риск принимают на себя. Лишь поэтому замысел от начала до конца выполнен одним человеком, ясно создававшим, как ему недостает квалификации ориенталиста.

Нет нужды объяснять, что подобная позиция ни в малейшей мере не противоречит самому уважительному отношению к той несравнимо более профессиональной переводческой работе, которая велась и ведется отечественной сириологической школой. Кончина главы этой школы Н.В. Пигулевской и безвременная кончина А.В. Пайковой — утрата не только для нашей ориенталистики, но и для русской культуры, остро нуждающейся в памяти о своих сирийско-коптских истоках.

Приятный долг переводчика — поблагодарить И.М.Дьяконова за самые хорошие советы, которые только могут быть: советы, от которых делается стыдно, что не додумался до этого сам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В проблематику сирийской культуры вводит фундаментальный, посмертно изданный коллективом учеников труд: *Н. В. Пигулевская. Культура сирийцев в средние века*. М., 1979. Монография убедительно показывает всемирно-исторический масштаб творческой и посреднической активности средневековых сирийцев; она содержит полезные библиографические указания. Существует давний перевод английской книги, увидевший свет в 1894 г.: *В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы*. СПб., 1902. Во втором томе издаваемой в настоящее время «Истории всемирной литературы» (М., 1984) имеется глава о сирийской культуре, написанная Л. Х. Вильскером. Дальнейшая библиография по сирийской литературе: Baumstark A. *Geshichte der syrichen Litteratur mit Ausschluss der christlich-palastinenschen Texte*. Bonn, 1922; Baumstark A. und Rucker A. *Die aramaische und die syrische Litteratur* (Handbuch der Orientalistik, Bd. 3). Leiden. 1954; *Duval R. Anciennes littératures chrétiennes*. T.II. La littérature syriaque. Ed. 3. P., 1907; *Chabot J. B. Littérature syriaque*. P. 1935.

² Ср: *Церетели К.Г. Сирийский язык*. М. 1979. Поздней формой сирийского языка является современный ассирийский язык, имеющий некоторое распространение и на территории СССР; см.: *Калашев А. Русско-айсорский и айсорско-русский словарь. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа*. Вып. 20. Тб. 1894; *Церетели К.Г. Хрестоматия современного ассирийского языка со слова-*

рем 2-е изд. Тб., 1980. О современных этноконфессиональных общностях, преемственных по отношению к средневековым носителям сирийского языка и сирийской культуры, см.: *Шпажников Г. А.* Религия стран Западной Азии. Справочник. М., 1976, и прилагаемую библиографию. Ср. также работы К. П. Матвеева о так называемых ассирийцах, например, заметку: Ассирийцы. – *Азия и Африка сегодня*. 1984, № 11, с. 52–53; Ассирийцы в городах европейской части СССР. Расселение и культурные традиции. М., 1985, с. 46–55. В Ираке и других странах мира издаются журналы на арабском, современном ассирийском, турецком и западных языках, посвященные культивированию сирийской традиции в связи с национальными чувствами групп, ощущающих себя ее наследниками, например: «*Bayn al-Nahrayn*» (Mosul). «*Journal of the Syriac Academy*» (Baghdad), «*Hujasa*» (Sosertalje) и т. д. В русской дореволюционной науке понятие о «связи времен» дают классические работы замечательного ориенталиста Болотова, посвященные исторической тематике, но с оглядкой на современное бытие потомков древних народов, например: *Болотов В. В.* из истории церкви Сиро-Персидской. СПб., 1901 (чисто прагматически это внимание к современности было связано с церковно-дипломатическими контактами 90-х годов XIX в., в которых Болотов, как известно, принимал активное участие, но в перспективе более широкой оно выражает ту традицию уважительного внимания к прошлому и настоящему малых народов, которая завещана нам отечественной научной классикой).

³ См.: *Елланская А. И.* Коптский язык. М., 1964; *она же.* Коптская литература. – История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984, с. 360–364; *Kemil M. Aspects de l'Egypte Copte* («*Berliner Byzantinistische Arbeiten*», Bd. 31). В., 1965. Можно рекомендовать написанную с большой глубиной человеческого проникновения последнюю главу популярной книги великого отечественного египтолога: *Тураев Б. А.* Древний Египет. Пг., 1922, с. 151–178.

⁴ Ср.: История Мар Ябалахи III и Раббан Саумы.. Исследование, пер. с сирийского и примеч. Н. В. Пигулевской. М., 1958.

⁵ Ср., *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М. – Л., 1956.

⁶ См.: *Tisserant E.* Eastern Christianity in India. Calcutta, 1959; *Tisserant E., Hambye E. R.* Eastern Christianity in India. A History of the Syro-Malabar Church from the Earliest Time to the Present Day. L., 1975. О проповеди христианства в Китае см.: *Moule A. C.* Christians in China before the Year 1550. L., 1930.

⁷ См.: *Ruppert F.* Das pachomianische Mönchtum und die Anfänge klösterlichen gehorsams. Müsterschwarzach. 1971. Ср. также: *Schwietz St.* Das morgenlandisch Mönchtum. Bd. I–III. Mainz, 1904–1938; *Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936; *Cousin P.* Precis d'histoire monastique. P., 1956; *Festugiére A.-J.* Les moines d'Orient. P., 1961.

⁸ Confessiones VIII, 8, 19.

⁹ См.: *Кабещанов Ю.М.* Аксум. М., 1966.

¹⁰ Ср.: *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. М., 1949, с. 190–191.

¹¹ Пер. Э. В. Диль. – *Лукиан из Самосаты.* Избранное. М., 1962, с. 32.

¹² Через шесть веков аналогичное по смыслу арабское выражение «ши'ат Али» – «партия Али» – послужило истоком наименования религии шиитов как ветви ислама. Отметим, что по-гречески образованные таким образом слова могли означать также различные состояния зависимости, принадлежности или приверженности (чей-то слуга, вольноотпущенник-клиент, «клевет», вообще чей-то «человек»). Положение христианина в его отношении к своему Христу эти смысловые обертоны слова передавали довольно точно («...верую Ему, яко Царю и Богу»); что мы хотим подчеркнуть, так это идейную, национальную и эмоциональную нейтральность термина *χριστιανός*, отсутствие в нем какой-либо «почвенной» или специфически сакральной, духовной окраски.

¹³ Ср.: *Momigliano A.* Wisdom. The limits of Hellenisation. Cambridge Univ. Press, 1975, с. 74–122.

¹⁴ Timaeus 23B.

¹⁵ См. *Black M.* An Aramaic approach to the Gospels and Acts. 3rd ex. Oxf., 1969.

¹⁶ Цит. по: Дхаммапада. Пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова. М., 1960, с. 136.

¹⁷ Ср.: *Болотов В. В.* Из истории церкви Сиро-Персидской, с. 111.

¹⁸ Перевод совсем не может передать звукового рисунка и лишь отчасти дает понятие о смысловой и синтаксической структуре, подержанной этим рисунком:

Изложил в откровении,
Восхвалил в утаении,
явил в сокращении
чудо в наслаждении.

(Песнь I о Рае, I, 9–12).

¹⁹ Попытка передачи – с теми же оговорками, что и в предыдущем примечании:

Радуйся, чрез Тебя радость сияет;
Радуйся, чрез Тебя тягость истаёт...

(Икос I, хайретизмы 1–2).

²⁰ *Spendler O. Der Untergrang des Abedlandes. Bd. II. Welthistorische Perspektiven.* München, 1922, с. 228–229.

²¹ Ср.: *Кузнецов Б. И.* Повесть о Варлааме и Иоасафе (К вопросу о происхождении). – Труды отдела древнерусской литературы. XXXIII. Л., 1979, с. 238–245.

²² Правила св. Апостол, св. Соборов, вселенских и поместных, и св. Отец с толкованиями. М., 1877, с. 1005.

²³ Мандейские тексты мы позволили себе привести здесь и ниже в наших «переложениях» с авторитетного немецкого перевода М. Лидцбарского.

²⁴ *Саводник В.* Хрестоматия изучения истории русской словесности. М., 1914, с. 160.

²⁵ *Радищев А. М.* Полное собрание сочинений. М.–Л., 1938, с. 374.

²⁶ *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений. Т. VI. Пг., [1915], с. 252.

²⁷ Ср.: *Полякова С. В.* Византийские легенды как литературное явление. – Византийские легенды. Л., 1972, с. 249.

²⁸ Конечно, представление это состояло в резком противоречии с традицией эллинистической науки; в той мере, в которой образованные христиане поздней античности и раннего средневековья удерживали связь с последней, они оставались, как александриец Иоанн Филопон в VI в., при аристотелевско-птолемеевской модели мироздания. Но сирийская ученость возродила куда более архаическую космологию, которую популяризовал по-гречески тот путешественник из Александрии, современник Филопона, который был известен из века в век под именем Космы Индикоплевста (для наших предков – «Индикоплова»).

²⁹ См.: *Timothei Patriarchae I Epistolae.* Ed. O. Braun. – *Corpus scriptorum Christianorum orientalium.* 67. Romae, 1915; с. 100–102; *Heiler F.* *Urkirche und Ostkirche.* München, с. 117.

³⁰ Послание архиепископа Новгородского Василия ко владыце Тферскому Феодору. – Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853.

³¹ Ср.: *Usener H.* Die Perle. Aus der Geschichte eines Bildes. – *H. Usener.* Vorträge und Aufsätze. Lpz. und B., 1907, с. 217–231.

³² *Ephraemi Syri Opera.* Ed. J. S. et S. E. Assemani. V. II. Romae, 1743, с. 259–279.

³³ *Simeon bar Sabba'e.* Ed. M. Kmosko. – *Patrologia Syriaca.* 2. Parisiis, 1907; *Wiessner G.* Zur Märtyrerüberlieferung aus der Christenverfolgung Schapus II. Göttingen, 1967; *Pigulevskaja N.* Syrischer Text und griechische Übersetzung der Märtyrerakten der hl. Tarbo. – Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. B., 1970, с. 96–100.

³⁴ *Sancti Ephraem Syri Hymni et sermons.* Ed. Th. J. Lamy. T. III. Vechliniae, 1889, col. 665 (hymn. IV de confessoribus et martyribus, I).

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИЯХ,
С КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНЫ ПЕРЕВОДЫ

ПРЕП. ЕФРЕМ СИРИН

Семь сынов Самоны: Sancti Ephraemi Syri Hymni et Sermones. Ed. Th. J. Jamy. T. III. Mechliniae, 1889.

Песнь на взятие крепости Анацит: Des hl. Ephraem des Syrsers Carmina Nisibena (erster Teil). Herausg. v. E. Beck (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 218). Louvain, 1961.

Восьмая песнь о Рае и Одинадцатая песнь о Рае: Des hl. Ephraem des Syrsers Hymnen De Paradiso und Contra Julianum. Herausg. v. E. Beck (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 174). Louvain, 1975. При работе использован комментированный перевод: Ephrem de Nisibe. Hymnes sur le Paradis, trad. Par R. Lavenant, notes par F. Graffin (Sources crétiennes, 137). P., 1968.

Прение Неба и Земли: S. Brock, A Syriac Dispute of Heaven and Earth. — Muséon. Revue d'études orientales, 91 (1978), с. 261–270.

ПАЛЛАДИЙ ЕЛЕНПОЛЬСКИЙ

Palladio. La Storia Lausaica. Testo critico e commento a cura di G. J. Bartelink. Fondazione Lorenzo Valla, 1974.

ИЗРЕЧЕНИЯ ОТЦОВ ПУСТЫНИ

Τὸ Γερωντικόν, ἢ τοὶ Αποφθέγματα ἁγίων γερόντων. Ὑπὸ Π. Β. Πασχου. Ἐκδ. 2ρα. Ἀθήναι, 1970.

СВЯТ. ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

Славословие: Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. XXXVII, col. 508–510.

Славословие Апофатическое: PG XXXVII, col. 507–58.

Размышление: PG XXXVII, col. 1346–1349.

На могилу отца: PG XXXVIII, col. 38–39.

Эпитафия матери: PG XXXVIII, col. 60.

Жалобы: PG XXXVII, col. 1305–1306.

Падение: PG XXXVII, col. 1406.

Ступени обиды: PG XXXVII, col. 789.

Лестница целомудрия: PG XXXVII, col. 648–649.

И О А Н Н М А Л А Л А

Ioannis Malalae Chronographia, ed. L. Dindorff, Bonnac, 1831 (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, 28).

П Р Е П. Р О М А Н С Л А Д К О П Е В Е Ц

На Иуду Предателя: Maas P. And Trypanis C. A. Sancti Romani Melodi cantica. I. Cantica genuine. Oxf., 1963.

Гимн: Maas P. Frühbyzantinische Kirchenpoesie. I. Bonn, 1910 («Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen», hrsg. Von H. Lietzmann).

О жизни монашеской: Maas P. And Trypanis C. A. Sancti Romani Melodi cantica. I. Cantica genuine. Oxf., 1963.

И З А К А Ф И С Т А К О П Р Е С В Я Т О Й Б О Г О Р О Д И Ц Е

Trypanis C. A. Fourteen Early Byzantine Cantica. Wiener Byzantische Studien. V. Wien, 1968, pp. 29–39.

Г Е О Р Г И Й П И С И Д А

Cantarella R. Poeti bizantini, I. Milano, 1948.

И Г Н А Т И Й Д И А К О Н

Cantarella R. Poeti bizantini, II. Milano, 1948.

С И М Е О Н Н О В Ы Й Б О Г О С Л О В

Syméon le Nouveau Théologien, Hymnes, texte critique par J. Koder, t. I. Paris, 1969 («Sources Chrétiennes» 156), t. II. Paris, 1971 («Sources Chrétiennes» 174).

И О А Н Н М О С Х

Morceaux choisi du Pré Spirituel de Jean Moschos, éd. Par D. C. Hesselting («Collection de l'Institut Neo-Hellénique», fasc. 9). Paris, 1931.

ПРЕП. И С А А К Н И Н Е В И Й С К И Й

Mar Isaacus Ninivita. De perfectione religiosa. Ed. P. Bedjan. Lipsiae, 1909.

ПРЕП. И О А Н Н Д А М А С К И Н

Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. XCVI. Paris, 1864, col. 817–825, 1367–1369.

П О В Е С Т Ъ О Б А Х И К А Р Е П Р Е М У Д Р О М

Conybeare F. C., Hennis J. R., Lewis A. S. The Story of Ahikar from the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Versions. 2nd ed. Cambridge, 1913. При работе использован комментированный перевод: Nau F. Histoire et sagesse d'Ahikar l'Assyrien. Traduction des versions syriaque avec les principales différences des versions arabe, arménienne, grecque, néo-syriaque, slave et roumaine. Paris, 1909.

П О В Е С Т Ъ О Б И О С И Ф Е И А С Е Н Е Ф

Joseph et Aséneth. Introduction, texte critique, traduction et notes par M. Philonenko. Leiden, Brill, 1968.

К Н И Г А Е Н О Х А П Р А В Е Д Н О Г О

Le livre des secrets d'Hénoch. Texte slave et traduction française par A. Vaillant. 2me éd. Paris, 1976.

М А Р А Б А Р С Е Р А П И О Н .

П И С Ь М О К С Ы Н У

Cureton W. Spicilegium Syriacum, containing remains of Bardesan, Meliton, Ambrose and Mara bar Sarapion. London, 1855, с. 43–48. Учтены многие конъектуры, предложенные в работе: Schulthess F. Der Brief des Mara bar Sarapion. Ein Beitrag zur Geschichte der syrischen Literatur. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», LI (1897),

с. 365–391. В некоторых случаях, однако, где нам представлялось, что эмендации Ф. Шультхесса отражают подсознательное желание «спрямить» метафорические околичности, свойственные стилю Мары, или приблизить его образ мыслей к греко-римскому типу дидактики, мы сочли за благо остаться при тексте Кьюртона.

ДЕЯНИЯ ПАВЛА И ФЕКЛЫ

Vouaux L. Les Actes de Paul et ses letters apocryphes. Paris, 1913 («Les Apocryphes du Nouveau Testament», publ. sous la direction de J. Bousquet et E. Aman).

ГНОСТИЧЕСКАЯ ХОРОВОДНАЯ ПЕСНЬ

Acta apostolorum apocrypha, ed. R. A. Lipsius et M. Bonnet, 2, I. Lpz., 1903.

ГИМНЫ ИЗ «ДЕЯНИЙ АПОСТОЛА ФОМЫ»

The hymn of the Soul contained in the Syriac Acts of St. Thomas. Ed. By A. A. Bevan. Cambridge, 1897; Preuschen E. Zwei gnostische Hymnen. Mit Text und Übersetzung. Giessen, 1904.

ПОВЕСТЬ О СОЛОМОНЕ

The Testament of Solomon, ed. By Ch. Ch. McCown. Lpz., 1922, с. 88–97.

Издательство «ДУХ І ЛІТЕРА» публикует
Собрание сочинений Сергея Аверинцева:

*

**Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы.
К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004.**

В настоящий том собрания сочинений С. С. Аверинцева включены все выполненные им переводы из Священного Писания с комментариями переводчика. Полный текст перевода Евангелия от Матфея и обширный комментарий к Евангелию от Марка публикуются впервые. Другие переводы с комментариями (Евангелия от Марка, от Луки, Книга Иова и Псалмы) ранее публиковались главным образом в малодоступных теперь и периодических изданиях.

Читатель получает возможность познакомиться с результатами многолетних трудов одного из самых замечательных современных исследователей — выдающегося филолога, философа, византолога и библеиста.

Книга адресована всем, кто стремится понять смысл Библии и интересуется вопросами религии, истории, культуры.

Сергей Аверинцев
Связь времен: сборник статей.
К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004

«Связь времен» – последняя книга Сергея Сергеевича Аверинцева, состав которой, заглавие и композиция, определены автором.

Книга содержит ответ Аверинцева на ключевой вызов XX столетия – попытку тоталитарных режимов порвать с библейской традицией и классическим наследием человечества.

Продуманную форму этого ответа отражают пять разделов книги: «Читая Ветхий Завет» (работы о Премудрости и Псалмах); «Из мира античной литературы» (Плутарх и Вергилий); «Чаяние языков и благовестие Христово» (содержит в том числе впервые публикуемый оригинал ключевой работы «Образ Иисуса Христа в православной традиции»); «Русская культура во всеевропейском контексте. Созвучие и контрасты» (от «Повести временных лет», Григория Турского и Стефана Пермского до Жуковского, Крылова, Пушкина, Вяч. Иванова и Бахтина); «Сердца горестные заметы, или Актуальное, слишком актуальное» (от анализа идеологий тоталитаризма и релятивизма до мыслей о «солидарности поколений как факторе гражданской свободы»).

Поколению Аверинцева мы обязаны тем, что не все прервалось, что уязвимая «связь времен» восстановима.

Для новых поколений особое значение имеет это свидетельство – итоговый том трудов нашего великого современника.

Сергей Аверинцев
София-Логос: Словарь.
К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004

Основы христианской культуры в форме энциклопедического словаря – веская альтернатива «лжи в алфавитном порядке», наполнявшей советские энциклопедии. Словарь С. С. Аверинцева дарит читателю как универсальную сумму знаний от А до Я, так и энергию осмысленного личного выбора между узким путем «отца веры» Авраама и широким путем постатеистического «Язычества». Высоко оцененные специалистами статьи – украшение «Философской энциклопедии» (5 т.), «Краткой литературной энциклопедии» (7 т.), «Мифов народов мира» (2 т.), «Христианства» (3 т.) и др. – впервые собраны вместе в этой книге.

Синтез словаря С. Аверинцева выявляет особые качества входящих в него элементов, которые раньше «скрадывал» разрыв общего контекста, изолировал друг от друга плотный туман идеологии. Читатель испытывал настоящий шок, когда среди пустопорожних вод «Большой советской энциклопедии» наткнулся на скалу аверинцевской статьи «Логос» или «Любовь». Незабываемые встречи: среди морока полуправд, в океане полужнаний, рассеянные здесь и там статьи Мастера всегда отчетливо выделялись, как высокие и надежные острова особой горной породы, особой кристаллически ясной мысли. Охватывая теперь эти «острова» единым взглядом, мы читаем на карте эпохи: Архипелаг Аверинцева.

Фундаментальные работы, которые наряду со «Словарем» составили книгу «София-Логос», открывают новые горизонты мысли о Премудрости в контексте войн и катастроф XX столетия, едва ли не наиболее «анти-Софийного» в истории Европы.

Вопреки хаосу в головах и учебниках, книга Аверинцева напоминает о незыблемой шкале ценностей, о «Нерушимой Стене» – Оранте. Учителю и ученику здесь подарены все три значения слова СОФИЯ: мастерство – знание – мудрость.

Псалмы Давидовы.
Перевод С. С. Аверинцева.
К.: ДУХ І ЛІТЕРА.

В сборник вошли избранные псалмы в переводе С. С. Аверинцева и обширные богословские комментарии к ним.

«...У истока всех церковных славословий и ликований, в непредставимой, уму непостижимой дали времен – и все же, надо сознаться, совсем близко, словно бы из глубины нас же самих: Давидовы Псалмы. Слова, которых ничего не может быть проще – и ничто не может быть неожиданней. До простоты которых надо доканываться, роя глубже и глубже».

Новый перевод С. С. Аверинцева позволяет расслышать и прочувствовать строй псалмической речи, передает тот «пачальный опыт», который лежит в основе всех последующих вопрошаний и исканий христианской культуры. Перед читателем открывается неозримый «мир Псалмов, где жалость – это тепло материнской утробы, где мыслить и учиться – это шептать, двигая губами. Где Божья защита – это твердая скала. Где все твердо и надежно, как камень. Где человек кричит изо всех сил, зная, что за пределами мира его слышат».

Ответственные за выпуск:

Константин Сигов и Леонид Фишберг

Редакторы: Светлана Панич, Юрий Вестель

Корректоры: Зоя Барабашникова, Дмитрий Каратеев

Компьютерная верстка: Яна Шевеленко

Подготовка текстов: Вадим Залевский, Зинаида Косицкая

Художественное оформление: Ирина Пастернак, Илья Першин

**По вопросам заказа и приобретения
литературы просим обращаться:**

г. Киев — 04070

Издательство «ДУХ І ЛІТЕРА»

ул. Волошская, 8/5,

корпус 5, ком. 210

тел./факс: + (38-044) 416 60 20

E-mail: duh-i-litera@ukr.net — отдел сбыта

franc@roller.ukma.kiev.ua — издательство

г. Москва

Книготорговое общество «Laik»

Тел.: + 7 (901) 511 28 60

e-mail: laiki@mail.ru

Подписано в печать с готовых монтажей 15.10.2004.
Формат 60х90 1/16. Печать офсетная.
Бум. офсетная. Усл. печ. л. 28,5.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 10495.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типогра
300600, г. Тула, пр. Ленина,109.